

*Посвящается
25-летию кафедры американских исследований в СПбГУ
и 85-летию ее основателя — Бориса Анатольевича Ширяева*

XXX РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ
СЕМИНАР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(В преддверии Первого Санкт-Петербургского Конгресса
исследователей международных отношений)

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*Сборник докладов XXX Российско-американского семинара
в СПбГУ, 17–19 мая 2021 г.*

Санкт-Петербург
2022

УДК 327
ББК 66.4
А61

Редакционная коллегия:

Цветкова Н. А., д. и. н., профессор, завкафедрой американских исследований СПбГУ;

Богуславская Ю. К., к. п. н., доцент кафедры американских исследований СПбГУ;

Гришанина Т. А., аспирант кафедры американских исследований СПбГУ.

Рецензенты:

Великая А. А., к.п.н., доцент РАНХиГС;

Кошкин П. Г., к.п.н., научный сотрудник ИСКРАН.

А61 Американские исследования в Санкт-Петербургском государственном университете: Сборник докладов XXX Российско-американского семинара в СПбГУ, 17–19 мая 2021 г. / под ред. Н. А. Цветковой, Ю. К. Богуславской, Т. А. Гришаниной — СПб.: Скифия-принт, 2022. — 358 с.

ISBN 978-5-98620-616-5

Сборник содержит статьи участников ежегодного XXX Российско-американского семинара.

УДК 327
ББК 66.4
А61

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

РАЗДЕЛ I. ИЗУЧЕНИЕ США В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Andryushin S.

St. Petersburg State University and the Russian-American Seminar:
Legacy and Future 10

Худолей К. К.

Российско-американские отношения: есть ли шанс на их
улучшение? 12

Новикова И. Н.

25 лет кафедре американских исследований
в Санкт-Петербургском государственном университете 18

Ширяев Б. А.

30 лет Российско-американскому семинару
в Санкт-Петербургском государственном университете 22

Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О.

Digital International Relations: новые научные направления
в области изучения цифровизации внешней политики
и дипломатии США 24

РАЗДЕЛ II. АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

Согрин В. В.

Научная, учебная и «публичная» история США. 30

Цветков И.А.

Американистика в России: история и современное состояние . . 35

Журавлёва В. И.

История российско-американских отношений
как исследовательский и образовательный проект: общее
прошлое для общего настоящего. 54

Сучков М. А.

Американские исследования в постамериканском мире. 69

Роголев Ю. Н.

Американистика в МГУ 74

Кубышкин А. И.

Три источника — три составные части современной
отечественной американистики (региональный обзор) 79

РАЗДЕЛ III. АМЕРИКА СЕГОДНЯ*Курилла И. И.*

Переосмысление Гражданской войны и кризис американской
идентичности 87

Гарбузов В. Н.

Уроки и наследие Дональда Трампа 93

Печатнов В. О.

Штурм Капитолия 6 января 2021 г. как апофеоз «трампизма» . . 98

Журавлёва В. Ю.

Партийный фактор в поляризованном политическом процессе
США: будет ли Байден более успешным президентом, чем
Трамп? 110

Pushkina D.B., Pan Yanliang

U.S. Concerns and Criticisms Towards the Central Asian Vector of
the Belt and Road Initiative 115

**РАЗДЕЛ IV. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ***Шаклеина Т. А.*

Новый этап в деятельности США по формированию мирового
порядка и отношения с Россией 121

Коцур Г. В.

Чувствуем одинаково: Россия и США внутри единой
транснациональной эмоциональной культуры 129

Shiraev E.

U.S. Commentators on U.S.-Russia Relations: Were We
Approaching a Cul-de-Sac? 139

Алимов А. А.

Пандемия коронавируса как новый фактор мировой политики 146

Yadav R. S.

The Russian Far East: Opportunities and Challenges for Russia's
Asia-Pacific Policy & US Factor 151

Amarakoon P.

US-Russian Relations in Arctic: Cooperation and Competition. . . . 158

Foglesong D. S.

Myths about the End of the Cold War and Contemporary U.S.
Foreign Relations 168

Хрулёва И. Ю.

Освещение деятельности советской военной миссии в США
в материалах американской прессы (1941–1942 гг.) 172

<i>Курлаева А. О.</i>	Роль главы посольства США в Москве в формировании американской послевоенной политики в отношении СССР (1945–1946 гг.)	179
<i>Минкова К. В.</i>	Несколько майских дней 1945-го: к вопросу о первом прекращении поставок в СССР по ленд-лизу	185

РАЗДЕЛ V. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

<i>Сытник А. Н.</i>	Цифровая сила и sharp power в научной дискуссии о цифровизации международных отношений	199
<i>Гришанина Т. А.</i>	Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях	209
<i>Кузнецов Н.</i>	Дипломатия данных США: тенденции и перспективы	218
<i>Трубицина А.</i>	Роль научной дипломатии во внешнеполитической деятельности США	226
<i>Сорокина А.</i>	Вакцинная дипломатия как новая тенденция мировой политики	233
<i>Костина В.</i>	Роль экологии в публичной дипломатии США	243
<i>Зацева Е.</i>	Молодежь России в публичной дипломатии США	252
<i>Строганов М.</i>	Современная спортивная дипломатия США.	265
<i>Shchegolev E.</i>	US Public Diplomacy and Political Building Projects: Cases on Tunisia and Armenia	269

РАЗДЕЛ VI. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США

<i>Лекаренко О. Г.</i>	Администрация Дж. Байдена и трансатлантический альянс безопасности	275
<i>Богуславская Ю. К.</i>	«Понять и принять Дональда Трампа»: особенности политической риторики генерального секретаря НАТО Столтенберга	285

<i>Бородкин Е.</i>	Американо-нидерландские отношения при Дональде Трампе . . .	295
<i>Блохина И.</i>	Современная политика США по обеспечению национальной кибербезопасности	301
<i>Goncharenko V., Nikitina K.</i>	Foreign Policy Goals of Biden's Administration Illustrated by the Interim National Security Strategy Guidance	307
<i>Беспалов К.</i>	Отношения США и ООН в период президентства Дональда Трампа.	315
<i>Romanov R.</i>	Foreign Policy Decision-Making in the United States and China . . .	319
<i>Liang F.</i>	The Influence of Sino-US and Russian Relations on the International Pattern: Is Bipolarity a Trend?	324
<i>Альмуков Т.</i>	Американо-венесуэльские отношения при администрации Джозефа Байдена	333
<i>Павлов В.</i>	Перспектива развития отношений США и Ближнего Востока в новом мировом порядке Г. Киссинджера	338
<i>Шулепова Е.</i>	Американо-саудовские отношения в контексте гражданской войны в Йемене	345
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		356

Предисловие

Новый этап в развитии российско-американских отношений требует переосмысления накопленных знаний и экспертизы в области исследований по США. За последние 30 лет российская американистика сделала серьезный шаг на пути изучения современных реалий истории США, их внешней политики, предложила новые методы исследования и оценки места и роли США в мире и отдельных регионах.

Данный сборник издан с целью показать институциональный и научный рост российской американистики, которая сегодня представлена научными и образовательными центрами в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Курске, Томске и во многих других городах России. Опираясь на наследие нашей науки, сборник призван показать новые возможности для изучения внешней политики и дипломатии в преддверии проведения *Первого Санкт-Петербургского Конгресса исследований международных отношений*.

Статьи и материалы сборника прозвучали в качестве докладов на юбилейном XXX Российско-американском семинаре, который традиционно проходит в Санкт-Петербургском университете с 1991 г. Эксперты и гости поделились своими работками в области изучения США, а также показали институциональный вклад в рамках создания новых центров, проектов и публикаций в данной научной области. Более того, часть статей сборника приурочена к 25-летию кафедры американских исследований и 85-летию ее создателя и первого заведующего, почетного профессора СПбГУ Б. А. Ширяева.

Редколлегия сборника благодарит всех участников дискуссии по вопросам российско-американских отношений, внешней политики США, включая ученых МГИМО (У) МИД, ИМЭМО РАН, МГУ, ИВИ РАН, университета Джорджа Мейсона, студентов, а также основателя и первого декана факультета международных отношений профессора К. К. Худолея и декана факультета международных отношений профессора И. Н. Новикову за поддержку в деле развития инновационных научных и образовательных проектов на кафедре американских исследований.

Цветкова Н.А.

Р а з д е л I

**ИЗУЧЕНИЕ США
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Andryushin S.
St. Petersburg State University

St. Petersburg State University and the *Russian-American Seminar: Legacy and Future*

Since its establishment in 1724, St. Petersburg State University has been engaged in vibrant international cooperation. The university's scope of international partnerships spans more than 1,100 agreements with universities of 77 countries that form the pillars of the current cooperation. The universities of Germany, China, Italy, France, Japan, the United States, and the Republic of Korea represent the primary collaborations in education and the sciences [1]. The wide network of partners in universities and research institutions abroad has significantly expanded our academic mobility and shaped strong traditions of developing and hosting a variety of international congresses and conferences in St. Petersburg.

An important component of the international partnership of St. Petersburg State University is the international conference known as the *Russian-American Seminar* held at the university since 1991. Today, we celebrate the 30th anniversary of this seminar. I believe we have an abundant heritage of knowledge, as well as of research, in the area of American Studies. The seminar and its experts have consistently contributed to finding solutions for the development of current Russian-American relations.

The *Russian-American Seminar* is a widely known event in Russia. It addresses issues relative to American Studies, thereby contributing to the discourse between politicians, diplomats, researchers, students, and

representatives of non-governmental organizations. In its 30-year history, the seminar has featured contributions by the first president of the USSR, Mikhail S. Gorbachev; the first mayor of St. Petersburg, Anatoly Sobchak; deputies of state including Duma Vyacheslav Nikonov; US ambassadors to the Russian Federation, including Jack Matlock; and Russian ambassadors to the United States including Vladimir Lukin and Yury Vorontsov. Other contributors have included university presidents and heads of major research centers, acclaimed writers and historians from both Russia and the US, and editors-in-chief of various newspapers and journals.

It is known that the *Russian–American Seminar* is organized by the American Studies Department, and this year also marks the department's 25th anniversary. It was established in 1996 at St. Petersburg State University. Given Russia's public and private agencies' growing need for experts with knowledge of the Americas, the founding fathers of the American Studies Department, notably the first dean of the School of International Relations, Professor Konstantin Khudoley, and the first head of the Department, Professor Boris A. Shiryaev, strived to integrate both traditional and innovative approaches to studying the US and Canada. Later, as the department's research interests widened and new experts on Latin America and the Asia-Pacific region joined the teaching staff, it became the first department at the university to focus on studying all the issues relative to the West Hemisphere. Over the last quarter-century, the department has developed a school of thought on foreign policy and diplomacy of the United States and produced several generations of academics, diplomats, and practitioners in American Studies. Today, with the encouragement of the Dean of the School of International Relations, Professor Irina Novikova, the Department of American Studies has developed new tracks in research and studies in the field of digital international relations.

On behalf of Professor Nikolay Kropachev, Rector of St. Petersburg State University, I would like to send you best regards. We are confident that the discussions of the *Russian–American Seminar* will be very fruitful and rewarding for students and researchers alike.

References

1. Крощачев Н. М., Худолей К. К. Международная деятельность Санкт-Петербургского государственного университета как элемент мягкой силы Российской Федерации // *Международная жизнь*. 2021. № 10. 2021. С. 100–117.

Худолей К. К.

Санкт-Петербургский государственный университет

Российско-американские отношения: есть ли шанс на их улучшение?

В современных международных отношениях происходят глубокие изменения, связанные с продолжающимся распадом биполярной системы и медленным зарождением элементов нового мироустройства. Столкновения, конфликты и взаимодействия элементов нового и старого создают значительную непредсказуемость в мировых делах. Одновременно мир столкнулся с появлением ряда новых тенденций и явлений, таких как пандемия коронавируса, развитие информационных технологий и медицины, рост социального неравенства, усиление противоречий как между различными государствами, так и внутри них самих, рост миграции и т.д. Всё это, естественно, сказывается и на отношениях России и США. Цель данной статьи — показать, что современные российско-американские отношения качественно отличаются от советско-американских времен «холодной войны» и для их улучшения необходим поиск совершенно иных путей и методов.

Основное отличие современных отношений России и США от советско-американских заключается в том, что происходящая сейчас конфронтация является противостоянием двух различных моделей капитализма — государственной и либеральной, — а не двух антагонистических общественно-политических систем — социализма и капитализма. Ввиду антагонизма двух систем между СССР и США могли наблюдаться компромиссы и разрядки напряженности, но качественный поворот от конфронтации к полноценному сотрудничеству был исключен, так как обе стороны вели борьбу за уничтожение противоположной общественно-политической системы. Непреодолимых противоречий между различными моделями капитализма нет, между ними могут быть и конфликты (порой довольно острые), но и реальное, всеобъемлющее сотрудничество также вполне возможно. Целью противоборствующих сторон в настоящее время является стремление вынудить противоположную сторону изменить

свою политику, ослабить ее в конкурентной борьбе, но не уничтожение ее общественно-политической системы. Ввиду этого степень ожесточенности и интенсивности противостояния значительно меньше, чем в годы «холодной войны».

В отличие от советско-американских отношений времен «холодной войны», которые были центральными во всей системе международных отношений, сегодня в высшей лиге мировой политики действуют не только Россия и США, но и Китай. Заметно возросло международное влияние Европейского союза, Индии, некоторых других государств и международных объединений. Поэтому отношения России и США являются важными, но не определяющими. При этом следует учитывать, что Россия по экономическим показателям существенно уступает и США, и Китаю. Ее роль в современном мире во многом определяется военным фактором. В политике США также происходит смена акцентов: в качестве главного противника Вашингтон всё больше и больше рассматривает Китай, а не Россию. Центр тяжести американской внешней политики в последние годы всё больше и больше переносится в регион Тихого океана. Ухудшение отношений США и Китая создает сложные вопросы для России, так как существенно уменьшает ее возможности для маневрирования на международной арене.

Как и в годы «холодной войны», ключевое значение Вашингтон и Москва уделяют проблемам стратегической стабильности, ограничению гонки вооружений. Однако система договоров по этим проблемам, которая достаточно эффективно функционировала в годы «холодной войны», подвергается постепенной эрозии, и этот процесс, скорее всего, стал уже необратимым. Продление договора о стратегических наступательных вооружениях в феврале 2021 г. было безусловно позитивным шагом, но вряд ли изменит общую тенденцию. Вероятность его следующего продления в 2026 г. или подписание нового двустороннего соглашения невелики. Число государств, располагающих ядерным оружием, в последнее десятилетие возросло, и, хотя их потенциал существенно меньше российского или американского, полностью игнорировать их вряд ли возможно. Очень важно отметить и еще одну новую особенность — в отличие от времен «холодной войны», когда договоренности по вопросам вооружений почти всегда сопровождались сдвигами к лучшему в других сферах, теперь этого не происходит. Проблемы ограничения вооружений

при всей их значимости перестали быть тем рычагом, при помощи которого в российско-американских отношениях могут произойти качественные изменения.

В то же самое время в российско-американских отношениях резко возросла роль противостояния в сфере экономики. В последние годы между двумя странами идет самая настоящая конфронтация санкций и контрсанкций. Санкции, введенные США и их союзниками, несомненно сдерживают развитие российской экономики, особенно в сфере новых технологий и финансов. В долгосрочной перспективе это может серьезно сказаться на социально-экономическом развитии России и на ее влиянии в мире. Тем не менее рыночная экономика России оказалась значительно более устойчивой, чем плановая экономика СССР. Отмена санкций, особенно тех, которые закреплены законами США, — процесс очень сложный, но возможный. Для этого необходимы серьезные переговоры — как по самим санкциям, так и по урегулированию причин, по которым они были введены. В случае сохранения санкционного противостояния ввиду значительного превосходства экономики США ситуация будет складываться всё более неблагоприятно для России.

Совершенно новой сферой противостояния России и США стало киберпространство. Постоянные обвинения различными странами (речь идет не только о России и США) друг друга в проведении хакерских атак или покровительстве им стали неотъемлемой чертой современных международных отношений. Какие-либо правила в данной сфере практически отсутствуют. Договориться о них также будет сложно. Если, по мнению России и некоторых других стран, речь должна идти об информационной безопасности, то есть включая контент, то США и их союзники акцентируют внимание скорее на технических аспектах, то есть на кибербезопасности. Полномасштабное соглашение при столь различных подходах вряд ли вероятно, но договоренности, которые позволили бы избежать крайностей в противостоянии, возможны.

В противостоянии России и США в сфере политики также произошли заметные изменения. В годы «холодной войны» СССР и США стояли во главе двух мощных военно-политических блоков и имели значительное число союзников и партнеров за их пределами. Крах социализма в СССР и странах Центральной и Восточной Европы сопровождался распадом СССР, Чехословакии и Югославии, а также

организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. Современная Россия имеет очень ограниченный круг союзников и партнеров, причем практически никто из них не хочет быть втянутым в противостояние с США. Влияние США в мире в последние два десятилетия несколько уменьшилось. Тем не менее они по-прежнему являются центром притяжения для большинства стран современного мира, и эта роль Вашингтона в обозримом будущем вряд ли изменится. К этому надо добавить, что, хотя ряд новых объединений, созданных без участия США, таких как, например, БРИКС или Шанхайская организация сотрудничества, завоевали некоторые позиции на международной арене, их влияние значительно меньше, чем у «группы семи» и других объединений стран Запада. Реальными альтернативами западным институтам БРИКС и ШОС не стали. Большинство союзников и партнеров России поддерживают ее ситуативно, США имеют постоянную поддержку значительной группы государств по всем основным вопросам. Поэтому в целом соотношение сил в сфере политики для России не является оптимальным.

Региональные конфликты времен «холодной войны» возникали на периферии мировой политики. Тем не менее СССР и США практически всегда вмешивались в них и поддерживали противоборствующие стороны. Поэтому многие из региональных конфликтов превращались в самые настоящие войны (Корея, Индокитай, Ближний Восток и другие) и затягивались на долгие годы. Для их урегулирования требовался компромисс как между региональными игроками, так и между обеими сверхдержавами. Окончание «холодной войны» и конфронтация сверхдержав стимулировали поиски к примирению — так, например, в Южной Африке это привело к прекращению военных действий и началу политического регулирования. Но в других случаях, таких как Ближний Восток, противостояние продолжается. Одновременно в мире возник ряд новых конфликтов, которые в большинстве случаев появились в результате внутренних проблем и даже распада отдельных государств. Для России они являются значительно более важными, чем в годы «холодной войны», так как находятся в ряде случаев в непосредственной близости от ее границ. В них Россия и США также, как правило, поддерживают противоположные стороны. При этом в современном мире имеется немало региональных конфликтов, в которые никто из внешних игроков,

включая великие державы, не вмешивается. Урегулирование современных региональных конфликтов с участием великих держав займет, видимо, длительное время.

Очень болезненным в отношениях России и США является вопрос о вмешательстве во внутренние дела друг друга. На практике возможности обеих сторон влиять на внутривнутриполитические процессы в противоположной стране минимальны. Однако взаимные обвинения по этой проблеме существенно сужают возможности для маневра у тех политических кругов, которые хотели бы улучшения российско-американских отношений.

Современные пропагандистские кампании, которые ведутся более интенсивно ввиду использования новейших информационных технологий, также отличаются от времен «холодной войны». Целями пропагандистских атак являются те или иные действия противоположной стороны, а различия в ценностных ориентирах не столь уж велики. Поэтому, если в годы «холодной войны» идеологическое противостояние было непримиримым и играло самостоятельную и очень важную роль, то современные пропагандистские атаки имеют ярко выраженный подчиненный характер, и их содержание и интенсивность определяются почти исключительно текущей политической конъюнктурой.

Позитивным по сравнению с временами «холодной войны» является то, что связи в сферах образования, науки, культуры, контактов между людьми сократились скорее из-за пандемии коронавируса и экономических трудностей, нежели из-за ухудшения политических отношений. Тем не менее нельзя не отметить, что даже в лучшие времена возможности в этих сферах использовались недостаточно. Количество российских студентов в университетах США меньше, чем иранских, а американских в российских университетах — минимально.

Для того чтобы отношения между Россией и США качественно изменились к лучшему, скорее всего, необходимо не восстановление старых договоров и соглашений, даже несколько адаптированных, а поиск совершенно новой модели их построения. У этой новой модели могло бы быть как минимум две особенности. Во-первых, в отношениях России и США всегда большое место будут занимать глобальные проблемы. Среди них значительно большее внимание должно быть уделено невоенным вопросам — мировой экономике, раз-

витию слаборазвитых стран, борьбе с коронавирусом и другими опасными заболеваниями и т.д. Потенциал России тут меньше, чем у США, но она могла бы частично компенсировать это инициативной политикой, выдвигая предложения, которые могли бы стать основой для переговоров, максимально способствуя их успеху. Во-вторых, акцент должен в значительно большей степени, чем сейчас, ставиться на развитие двусторонних связей. Даже при сохранении санкций для этого есть много возможностей.

Встреча президентов В. В. Путина и Дж. Байдена в Женеве 16 июня 2021 г. ознаменовалась важным заявлением обоих лидеров о необходимости сохранения стратегической стабильности и о том, что в ядерной войне не будет победителей. Были достигнуты договоренности о возвращении послов обеих стран и о начале консультации по широкому кругу вопросов (впервые на столь высоком уровне прозвучал вопрос о возможности сотрудничества в Арктике, хотя различия в позициях обеих стран велики). Однако вопрос о том, в каком направлении будут развиваться дальше российско-американские отношения, будет ли реализован шанс на их улучшение, по-прежнему остается открытым.

Новикова И. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет

25 лет кафедре американских исследований в Санкт-Петербургском государственном университете

Для меня большая честь и огромное удовольствие приветствовать вас в связи с началом работы XXX юбилейного Российско-американского семинара. Действительно, его проведение является не просто доброй традицией Санкт-Петербургского университета. Это знаковое событие в жизни университета, которое каждый год с нетерпением ждут и студенты, и преподаватели. Особенно приятно отметить тот факт, что в условиях пандемии эта традиция не угасла, а получила, по сути, второе дыхание, перейдя в гибридный формат. Программа XXX юбилейного Российско-американского семинара объемом в 13 страниц показывает, насколько ученые, студенты и эксперты соскучились по совместному интеллектуальному общению.

Мы рады приветствовать наших постоянных партнеров по проведению Российско-американского семинара — коллег из Института США и Канады РАН и лично его директора профессора Валерия Николаевича Гарбузова. Искренне благодарю наших постоянных партнеров — коллег из МГИМО, Института всеобщей истории РАН, РГГУ, ИМЭМО, МГУ, Томского университета. Мы благодарны нашим американским партнерам, которые традиционно принимают участие в нашем семинаре.

В этом году мы отмечаем тройной юбилей. Прежде всего это юбилей инициатора и организатора, профессора кафедры американских исследований, почетного профессора Санкт-Петербургского университета Бориса Анатольевича Ширяева, которому исполнилось 85 лет. Во-вторых, это юбилей самого Российско-американского семинара, которому исполнилось 30 лет и который на 3 года старше, чем, собственно, факультет международных отношений. В-третьих, это юбилей кафедры американских исследований, которой исполняется 25 лет.

Знаю, что нас также слушают и принимают участие в работе нашего семинара студенты, поэтому мне бы хотелось сказать несколько

слов об истории этой уникальной кафедры, ставшей одним из крупных научных центров отечественной американистики. Действительно, кафедра американских исследований была создана в Санкт-Петербургском университете в 1996 году по инициативе основателя и первого декана факультета, профессора Константина Константиновича Худолея. Основателем кафедры и первым заведующим стал профессор Борис Анатольевич Ширяев. Борис Анатольевич — это человек совершенно уникальный. Он сумел объединить в рамках кафедры североамериканских исследований, как она первоначально называлась, традиционные и новые подходы в изучении США и Канады. Впоследствии, уже в результате расширения научных интересов сотрудников, произошло включение в состав специалистов по Латинской Америке, и кафедра приобрела свое современное название — кафедры американских исследований.

Кафедра стала первым в России университетским центром, который специализируется на изучении стран Западного полушария. За 25 лет здесь сформировалась научная школа по изучению внешней политики и дипломатии Соединенных Штатов Америки. Выросло уже несколько поколений ученых, дипломатов, практиков в области американистики. И, конечно, основным научным, образовательным направлением кафедры на протяжении этого периода оставалось изучение внешней политики американских государств в глобальном и региональном измерении. Именно акцент на вопросах внешней политики и дипломатии стал отличительной особенностью кафедры, сформировал тот оригинальный стиль научных работ ее сотрудников. Важнейшие направления американистики в СПбГУ — это не только изучение США, но и изучение Канады, стран Латинской и Южной Америки.

В 1997 году число студентов кафедры составляло лишь несколько человек, а сегодня кафедра ежегодно выпускает более 100 специалистов в области изучения США и других стран Западного полушария, которые прошли обучение по программам бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Кафедра является очень востребованной и популярной среди иностранных студентов — от США и Канады до Китая, Южной Кореи, Японии, Таиланда. Усилиями сотрудников кафедры созданы уникальные магистерские программы: «Американские исследования», «Исследования Тихоокеанского региона», а также программа на английском языке «Международные отноше-

ния». И, безусловно, визитная карточка кафедры — это Российско-американский семинар, у истоков которого стоял профессор Борис Анатольевич Ширяев.

Кроме Российско-американского семинара сотрудники кафедры, известные специалисты по Канаде д. и. н., профессор Юрий Германович Акимов и к. и. н., старший преподаватель Кристина Владимировна Минкова развивают канадские исследования, организуют Канадские чтения, которые привлекают внимание не только ученых, но и представителей бизнес-сообщества, дипломатического корпуса России и Канады. В 2020 году в Санкт-Петербургском университете был создан Центр канадских исследований, который возглавил Ю. Г. Акимов.

Сотрудники кафедры успешно развивают латиноамериканское и южноамериканское направления. Усилиями профессора кафедры Лазаря Соломоновича Хейфеца в СПбГУ в 2013 г. создан и очень плодотворно работает Центр ибероамериканских исследований, который в октябре этого года будет проводить V международный форум «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность» — одно из самых масштабных международных мероприятий Санкт-Петербургского университета. Приведу пример: в работе последнего форума 2019 г. принимали участие более 800 участников из 35 стран. Кроме того, сотрудники кафедры ведут очень успешную научную работу по проблематике внешней политики и дипломатии мягкой силы США, цифровизации международных отношений. На кафедре активно развивается изучение американо-китайских отношений, проблем корееведения, современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, экологической повестки в странах Западного полушария.

Б. А. Ширяев в свое время работал политическим советником в Афганистане, и с его легкой руки кафедра начала активно заниматься такими темами, как внешняя политика США в Афганистане, роль НАТО в современных международных отношениях, внешняя политика США на Ближнем Востоке, в Средней Азии, в Южной Америке. В 2018 г. профессор Б. А. Ширяев передал руководство кафедрой своей талантливой ученице, доктору исторических наук, профессору Наталье Александровне Цветковой. Думаю, и коллеги со мной согласятся: это был, действительно, очень удачный выбор. Наталья Александровна придала кафедре новый динамизм, открыла

совершенно новые темы для исследования, для изучения, для образовательной деятельности. И в последние годы на кафедре получили новое развитие такие научные темы, как цифровая дипломатия, дипломатия данных, цифровизация международных отношений и внешней политики, вопросы глобального управления интернетом, влияние социальных сетей на политику Соединенных Штатов. Появились и молодые специалисты в данной области, которые привнесли в изучение политики США аналитику «big data», что является крайне востребованным в современной науке.

Кафедра также активно включилась в новое для всех нас дело, разработав под руководством Натальи Александровны Цветковой онлайн-курсы, не имеющие аналогов в мире в области публичной и цифровой дипломатии США, цифровизации международных отношений. Причем эти курсы уже созданы на русском и английском языках. В 2020 г. Санкт-Петербургский университет стал лидером в области российского онлайн-образования, занимает 1-е место среди вузов Европы и входит в топ-3 среди вузов мира по количеству онлайн-курсов, размещенных на образовательных онлайн-платформах, — в этом, конечно, также есть заслуга кафедры американских исследований. Благодаря самоотверженной работе сотрудников кафедры факультет значительно продвинулся в международных рейтингах. В этом году мы вошли в топ-100 университетов мира по направлению «Политика и международные отношения».

Программа XXX Российско-американского семинара показывает, какой интересной и разнообразной стала тематика современной американистики, какие неожиданные, любопытные темы предлагают наши студенты-американисты. И, конечно, рассматривая сегодня ретроспективу развития кафедры американских исследований, успехи ее выпускников, искренне восхищаюсь, поражаюсь организаторским способностям, таланту и необычайной щедрости ее основателя Бориса Анатольевича Ширияева, его умению создать команду.

Ширяев Б. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

30 лет Российско-американскому семинару в Санкт-Петербургском государственном университете

Тридцать лет тому назад, когда, казалось, забрезжил рассвет в отношениях между нашими двумя державами, в университет приехала группа американских ученых разных направлений: в основном историки, социологи, психологи и прочие. Состоялась первая встреча, на которой я сказал: «Не пора ли нам поближе познать друг друга? И перестать пикироваться, а начать сотрудничать. Поскольку, как ни крути, судьба мира через несколько десятилетий будет в руках США и России». Все гости — а их было 50 человек — согласились. И с той поры был заложен проект — «Российско-американский семинар», который проходит каждый год.

Это проект единственный в России, который существует на протяжении 30 лет. Возникало много разных конференций и проектов, но все они, по-моему, распались. Благодаря российско-американскому семинару и ежегодным встречам американские интеллектуалы и наши отечественные ученые стали больше понимать друг друга. Исчезли многие иллюзии. Мы стали более трезво смотреть друг на друга. Более того, активное участие студентов в Российско-американском семинаре говорит о его дальнейшей перспективе. Глядя на то, как студенты проявляют интерес и растет их число среди участников, мне на душе становится более отраднo. И такая хорошая мысль греет мне душу: не зря я столько лет топчу эту грешную землю! Значит, что-то сделал для развития американских исследований в России.

Я чрезвычайно благодарен сотрудникам факультета университета, которые оказывают поддержку, и моим дорогим коллегам из Москвы. Это МГИМО, Институт США и Канады, это сотрудники МИДа, это преподаватели Российского государственного гуманитарного университета. Семинар приобрел значение более широкое, чем просто узкое академическое общение между представителями академических элит двух стран. Семинар стал известен широко в стра-

не и в мире. В Российско-американском семинаре принимают участие ученые из Китая, из Индии, из Ирана, из Латинской Америки, из стран Восточной Европы, из Германии. Еще одно достоинство нашего семинара, я считаю, в том, что изначально была заложена модель двуязычия, т.е. английский и русский языки являются рабочими языками семинара.

Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О.

Санкт-Петербургский государственный университет

Digital International Relations: новые научные направления в области изучения цифровизации внешней политики и дипломатии США

Современные международные отношения перешли в новую стадию, когда ситуация в киберпространстве требует сформировать цифровые правила игры либо в духе Ялтинских–Потсдамских соглашений и проведения красных линий в Интернете, либо в стиле В. Вильсона об открытой дипломатии и, говоря современным языком, дипломатии и политики в прямом эфире. Процессы цифровизации и датафикации создали новую цифровую реальность, в которой большие данные и умелая аналитика «цифровых следов» оказывают влияние не только на пользователей социальных сетей — основных потребителей синтетической информации, — делая их заложниками информационных пузырей и фрагментированной политики, но и на основных акторов традиционной системы международных отношений — государства, — размывая силу их влияния на современное состояние мировой политики.

Мы можем утверждать, что система международных отношений стала цифровой (*digital international relations*), поскольку всё больше и больше вопросов на межгосударственном уровне относится к вопросам регулирования киберпространства, а цифровое пространство изменило характер работы внешнеполитического механизма и дипломатии. Несколько трендов сформировали *цифровые международные отношения*: датафикация — повсеместное использование аналитики больших данных в политических целях вне норм и правил, что приводит к появлению озабоченности государств политическим вмешательством и дестабилизирует отношения между странами; проблемы кибербезопасности и связанный с ней феномен кибердипломатии; отсутствие согласованных норм ответственного поведения в Сети и проблемы глобального управления Интернетом, что проявляются на многостороннем уровне в рамках особых групп в ООН; проблемы цифровой дипломатии или дипломатии дан-

ных государств, эффективность которой снижается из-за появления новых политических сил в социальных сетях, которые готовы изменить существующий мировой порядок; наконец, развитие цифрового и электронного голосования, что ставит на повестку вопрос об эффективности выборов, голосования и открывает новую серию проблем дестабилизации ситуации в обществе любой страны внешними игроками.

Все эти вопросы стали частью нового научного и образовательного направления на кафедре американских исследований в СПбГУ. Начиная с 2011 г. на кафедре развиваются научные и образовательные направления, затрагивающие вопросы цифровизации внешней политики и дипломатии США, а также феномена цифровизации/датафикации в системе международных отношений. Бурное развитие в 2010-е гг. цифровой дипломатии в ведущих странах мира, таких как США, Россия, Иран, Германия, Франция, свидетельствовало, что система внешней политики и дипломатии вступает в некий новый исторический период, связанный с использованием интернет-технологий и социальных сетей во внешнеполитической деятельности. На волне развития цифровых технологий сотрудники кафедры американских исследований ввели в научный оборот множество новых понятий: «twitter-дипломатия», «программы Web 2.0. и внешняя политика», «интернет-дипломатия» и, наконец, digital diplomacy и e-diplomacy [1]. Активно разрабатывался новый корпус цифровых источников, а деятельность правительства США в социальных сетях в 2010–2012 гг. стали обозначать термином «цифровая дипломатия» и рассматривать в качестве нового этапа развития публичной дипломатии США [2]. Структурные, содержательные, политические и идеологические перипетии в адаптации цифровых технологий в дипломатии и внешней политике предоставили новые возможности для расширения исследований в данной области. Стали появляться статьи и монографии сотрудников кафедры по данному вопросу [3], а феномен цифровой дипломатии был включен в список рекомендованных тем для изучения студентами факультета международных отношений.

Вслед за этим бурное развитие различных научных подходов к анализу деятельности правительства в социальных сетях и появление готовых алгоритмов для анализа цифровой дипломатии обусловили выработку методологической основы в изучении цифровизации международных отношений, внешней политики и дипломатии

самых различных государств. Стало ясно, что цифровая дипломатия может рассматриваться не только как часть публичной дипломатии и связанных с ней проектов по продвижению ценностей, интересов (в данном случае США) в различных странах и регионах (что имевалось критиками «цифровыми цветными революциями» [4]), но и как часть мероприятий по информационному обеспечению внешней политики в зоне региональных и международных конфликтов [5]. Появилась возможность изучить поведение и политику основных акторов в интернет-среде в тех государствах, в которых сталкивались интересы великих держав, — например, в Афганистане, Сирии, Венесуэле и др. [6] В течение нескольких лет на кафедре американских исследований происходила выработка методологии, методов анализа и их верификация при помощи осуществления эмпирических исследований [7].

В итоге были предложены четыре направления изучения цифровизации и датафикации: цифровая дипломатия, большие данные и дипломатия данных, глобальное управление интернетом и цифровые избирательные технологии. Именно эти компоненты оказывают наиболее заметное влияние на дипломатию, внешнюю политику и взаимодействие между странами.

Цифровая дипломатия — это использование социальных сетей для влияния на зарубежную аудиторию, что всё чаще расценивается как наиболее эффективный инструмент в арсенале современной дипломатии [8].

Большие данные и дипломатия данных — это применение различных методов анализа социальных сетей с использованием искусственного интеллекта для решения задач внешней политики, включая проблемы информационного противостояния, публичной дипломатии и «мягкой киберсилы» [9].

Кибердипломатия и глобальное управление интернетом — это комплекс проблем, процесс переговоров и соглашения между различными стейкхолдерами, включая государства и гражданское общество, по вопросам международного и суверенного контроля за киберпространством. Вопросы кибербезопасности и информационной безопасности также затрагиваются в данном курсе в рамках международной повестки [10].

Цифровые избирательные технологии являются бурно развивающейся областью международных отношений и подразумевают

сравнительный анализ использования электронного или цифрового голосования в разных странах, а также затрагивают проблему влияния государств на политические процессы и выборы в зарубежных странах [11].

Указанные направления научных исследований сформировали новый комплекс теоретических и прикладных проблем для исследователей. Во-первых, необходимо выяснить, каковы концептуальные основы влияния цифровизации на международные отношения: существуют ли цифровизация «мягкой силы», «умной силы», «острой силы» и «киберсила»? Оказывает ли влияние цифровизация на гибридизацию концепции силы в международных отношениях? Во-вторых, существование такого феномена, как цифровизация кризисных ситуаций в мировой политике, требует нового концептуального обобщения, так как в настоящее время при их изучении социальная наука использует только описательные или качественные методы исследования. Например, сирийская кризисная ситуация или венесуэльский политический кризис 2018 г. показали значение цифровой активности, проводимой как правительственными группами, так и оппозиционными в привлечении общественного мнения на свою сторону. В-третьих, наука о данных, а именно использование «больших данных», «малых данных» (small data) и «умных данных» (smart data), становится частью науки о международных отношениях, а значит, требует изменения системы подготовки кадров.

Исходя из этого на кафедре были разработаны новые методы анализа цифровой внешней политики и дипломатии, которые были апробированы и уже широко применяются различными исследовательскими группами. В частности, кластерный анализ в сфере международных отношений позволяет выстраивать модели взаимодействия между активными дипломатами и целевой аудиторией. Однако многие вопросы еще остаются малоисследованными: оценка степени значимости фейковых источников новостей — «эхо-камеры» и «пузыри фильтров». Сюда же относятся вопросы о роли хэштегов в международных отношениях и о политической функции хэштегов: серийный активизм, «дрифт хэштегов», «мельница хэштегов» и манипулирование трафиком в международной политической коммуникации [11]. Данные подходы активно используются в дипломатической практике, что позволило, например, бывшим американским

дипломатам признать существование так называемой дипломатии хэштегов и виртуальной войны хэштегов [12].

Научные изыскания сотрудников кафедры позволили выявить критерии оценки эффективности цифровой дипломатии, включая не только анализ стратегий цифровой дипломатии различных государств, но и анализ роли инфлюенсеров, характера семантической сети комментариев и пр. Результаты аналитической работы представлены в многочисленных статьях, опубликованных в ведущих российских и зарубежных изданиях, монографиях, а также в ряде диссертаций на соискание ученой степени СПбГУ и, наконец, в студенческих бакалаврских и магистерских работах.

В ходе научной работы были созданы новые образовательные курсы, а также цикл лекций и практических семинаров по теме цифровизации в международных отношениях и внешней политике США. Особую роль в развитии данного образовательного направления играют онлайн-курсы, подготовленные сотрудниками кафедры на русском и английском языках под названием «Цифровизация в международных отношениях» и *Digitalization in International Relations*, которые расположены на платформе Открытого образования и на платформе Coursera. Бакалавры и магистры на факультете международных отношений получили возможность осваивать новые курсы, такие как «Цифровизация в международных отношениях», «Глобальное управление интернетом» а вопросы цифровой дипломатии и методов ее анализа при помощи различных алгоритмов включены в разделы курсов по публичной дипломатии США, аналитической практике для магистрантов и информационной практике бакалавров. По инициативе сотрудников кафедры была открыта летняя школа по изучению политики управления Интернетом, которая проводится ежегодно в течение двух месяцев и привлекает огромное число студентов и специалистов со всей России. Наконец, сотрудники кафедры приняли участие в создании новой магистерской программы под названием «Искусственный интеллект и международная безопасность».

Заключая данный обзор формирования новой научной школы в области цифровизации внешней политики и дипломатии США на кафедре американских исследований СПбГУ, добавлю, что данное направление способствует разработке новых научных направлений, вовлекает в работу значительное число студентов, создает прочный

фундамент для проведения активной экспертной работы и развития кадрового потенциала.

Литература

1. Цветкова Н. А. Программы Web 2.0. в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109–122.
2. Цветкова Н. А. Цифровизация публичной дипломатии США // Актуальные проблемы мировой политики. Ежегодный альманах. СПб., 2020. С. 432–443.
3. Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О. Политизация «цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 1. С. 119–124; Tsvetkova N., Rushchin D., Shiryaev B., Yarygin G., Tsvetkov I. Sprawling in Cyberspace: Barack Obama's Legacy in Public Diplomacy and Strategic Communication // Journal of Political Marketing. 2020.
4. Цветкова Н. А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 940–950.
5. Tsvetkova N. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power. Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice. Velikaya A. and Simons G. (Eds.). London, New York: Palgrave Macmillan, 2020. P. 103–117.
6. Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I. Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: the Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5, No. 1. P. 1–15.
7. Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США в эпоху цифровизации: новые методы исследования // Американский ежегодник. 2020. № 2020. С. 53–70.
8. Цветкова Н. А., Фёдорова И. В. Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 1. С. 104–116; Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4. С. 27–44.
9. Sytnik A. Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis // Digital Transformation and Global Society. N.Y.: Springer International Publishing, 2019. P. 187–196.
10. Stadnik I. Internet Governance in Russia — Sovereign Basics for Independent Runet // SSRN Electronic Journal. 2019.
11. Yarygin G. O. Internet Voting — the US Perspective // Труды кафедры американских исследований Сборник статей Памяти Нины Владимировны Бахаревой. Санкт-Петербург, 2019. С. 165–176.
12. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47.

Раздел II

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

Согрин В. В.

Центр североамериканских исследований ИВИ РАН

Научная, учебная и «публичная» история США

Публичная история — это исторические концепции-мифы, творимые в интересах разных социальных групп, как и власти, стремящейся сплотить с помощью истории вокруг себя население. К публичной истории относятся: публицистика в самых разнообразных формах — от телевизионных ток-шоу, телесериалов и фильмов на исторические темы до газетных обсуждений разнообразных сюжетов; исторические романы, иная художественная литература, документальная беллетристика; всевозможные произведения искусства — памятники, мемориалы, музеи, выставки, посвященные актуальным историческим событиям, а также известным деятелям, и т.д. На ведущую позицию в создании «публичной истории» выходят электронные порталы и сайты, руководимые не историками-профессионалами. В массовом сознании доминируют представления, создаваемые именно «публичной историей», а не научной историей, которая зиждется на иных принципах.

В СССР история, как научная, так и учебная, следовала «публичной истории» КПСС. Ситуация стала меняться с середины 1980-х гг. После распада СССР либеральная «публичная история» была взята на вооружение правительством Б. Н. Ельцина и легла в основу учебной исторической литературы. Либерально-западнический дис-

курс, утвердившийся в 1990-х гг., не смог удержать господствующего положения ни в «публичной истории», ни в учебной исторической литературе. Его отступление с ведущих позиций было обусловлено очередной переменной политической ситуации в России. Современной власти присуще стремление возвеличить монархов Российской империи и признать ее крушение национальной трагедией, причем «рукотворной», т.е. имевшей не естественный, а искусственный характер. В отличие от 1980–1990-х гг., когда ниспровергалась Октябрьская революция, сегодня причиной трагедии объявляют весь 1917 год, включая Февраль.

При характеристике советского периода главному направлению современной российской «публичной истории» присуща противоречивость. С одной стороны, осуждаются сталинские репрессии, волюнтаризм Н. С. Хрущёва, ограниченность Л. И. Брежнева, социализм в целом, с другой — превозносятся такие достижения советского периода, как освоение космического пространства, а победа в Великой Отечественной войне считается главным событием всей отечественной истории.

В последние десятилетия в США история подверглась массированному натиску политкорректности, которая восторжествовала в «публичной истории» и которой фактически сдалась в плен профессиональная историография. В университетах США специализация «Публичная история» (public history) потеснила профессиональную историографию. В стране действуют журналы «Публичная история», «Публичный историк» и соответствующая ассоциация, куда входят журналисты, публицисты, представители разных сфер культуры, выпускники университетов, специалисты по этому предмету. Важнейшие события американского прошлого стали оцениваться не столько в связи с их нововведениями в сравнении с предшествовавшими эпохами, сколько из-за неспособности на разных этапах, в том числе начальных, обеспечить равные права индейцам, афроамериканцам, женщинам.

Последние годы отмечены «войной памятников». Представители политкорректности начали крушить памятники рабовладельческой Конфедерации, которых множество в южных штатах и поныне. Под «горячую руку» попали и монументы, посвященные родоначальникам США. «Публичные» историки взяли под жесткий контроль профессиональных, которые сегодня уже не осмелятся воздержаться

от осуждающих оценок относительно основателей государства, было то Дж. Вашингтон или признанный «отец» американской демократии Т. Джефферсон.

Назову некоторые черты научной истории. Она опирается на совокупность первоисточников. С повышением квалификации ученый-историк расширяет их круг. Из использованных источников он извлекает новые, ранее потаенные смыслы. Роль первоисточников не может абсолютизироваться. Историки, придерживающиеся разных концепций, в их подтверждение могут приводить и приводят разные данные источников. Например, во время празднования 70-летия высадки союзников СССР в Нормандии кандидат исторических наук В. Ю. Крашенинникова (ведущий сотрудник информ-агентства «Россия сегодня») на одном из российских телеканалов доказывала, что целью США во Второй мировой войне было ослабление России, но не победа над Германией. Она опиралась на известное суждение Г. Трумэна, сделанное им в начале войны Германии против СССР: если Америка увидит, что побеждает Германия, нужно помогать СССР, и наоборот. Я, признавая этот факт, учитывал и другое. Главой США во время Второй мировой войны был не Трумэн, а Ф. Д. Рузвельт, который считал трумэновский подход «безответственным» и твердо поддерживал союзнические отношения с СССР, хотя не одобрял советскую цивилизацию, стремясь возвеличить США.

Дифференциация и отбор первоисточников зависят от авторского мировоззрения, хотя многие историки в этом не готовы признаться, а то и искренне убеждены, что приверженность первоисточникам освобождает от всяких идеологических воздействий. Это ставит в качестве важной задачи выработку у профессионального историка морально-этического кодекса непредвзятого и сбалансированного привлечения источникового материала исследуемой темы, максимального приближения к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов. Такой кодекс не может быть предложен в качестве некоего закона, но его присутствие в профессиональной историографии необходимо.

Ученого-историка отличают полнокровное знание и использование историографии исследуемой темы. Главными подходами в отношении историографической традиции являются *противоборство* и *диалог*. Первый из них означает стремление к научной монополии,

дискредитации и «устранению» оппонента-соперника (сегодня так проходят дискуссии на отечественных телеканалах: ведущий («модератор») целенаправленно выстраивает обсуждение на заданную тему в направлении торжества концепции, угодной заказчику, и на уничтожение иной интерпретации). Второй подход означает взаимообмен научными результатами и дискуссии в целях совместного приближения к истине, что предполагает восприятие приводимых оппонентом убедительных аргументов, выводов, выверенных фактов. Историография помогает обозначить спорные и слабоизученные проблемы, выдвинуть вопросы изучаемому прошлому, оформить исследовательский поиск.

Основопологающей платформой профессиональной историографии является *историзм* — рассмотрение события в связи и в контексте своего времени. Его антитеза — *презентизм*, равнозначный подчинению исторической интерпретации сегодняшнему дню — «политика, опрокинутая в прошлое». Профессиональный историк — исследователь, а не прокурор.

Постсоветский период развития профессиональной историографии ознаменовался сменой монополии исторического материализма теоретико-методологическим плюрализмом. Важным стало освоение современных исследовательских методов, в том числе междисциплинарной методологии, в первую очередь социологии, политической науки, культурологии, антропологии.

Отмечу опасность, возникающую в случае механистического восприятия историком категорий социальных наук. Например, тоталитаризм — одна из наиболее распространенных политологических категорий — воспринят многими современными отечественными историками. Эту категорию применяют в изучении различных исторических тем и периодов, используют при характеристике политической власти в эпоху Петра I, Ивана Грозного. Между тем тоталитаризм (как он используется и определяется в политической науке) — это возникший в XX в. феномен, который не может быть отнесен к более ранним периодам.

Истории США российская публичная история касается часто на федеральных телеканалах. Основной прием новостных программ и телешоу («60 минут» и другие) подобен известному советскому приему: разоблачаются экономические контрасты, массовая бедность, наркомания. Эти явления были и имеются в США, но при характери-

стике этих явлений используется пресловутый «двойной стандарт»: в России их якобы нет и в ней всё о'кей. Другой прием заключается в возвеличивании российской имперской истории, где всё хорошо, а в Америке двести с лишним лет были рабство чернокожих и расовая сегрегация. При этом «упускается из виду», что в России четыре-ста лет существовало рабство белых соотечественников. Екатерина II запретила называть крепостных рабами. Но положение их от этого не улучшилось. Русское рабство отличалось от рабства чернокожих, и эта тема до конца не изучена.

Во взгляде на американское прошлое российской публичной истории присущ презентизм. Приведу пример с публицистом В. Познером. Критикуя Д. Трампа за ограничение иммиграции, он доказывал, что Америка *изначально* была привержена равенству прав и Трамп нарушает первоосновы. Действительно, в Декларации США 1776 г. были провозглашены равные естественные права «всех людей». Но дело в том, что авторы декларации, включая Джефферсона, понимали под «всеми людьми» только белых мужчин, что соответствовало духу и букве их времени. Так что Трамп первооснов не нарушал, хотя по современным (но не изначальным) меркам, одобряемым большинством американцев, посягал на равные права меньшинств.

Как относиться ко всему этому в преподавании истории США и в учебной литературе? Относиться к ней необходимо критически, привлекая на помощь научную историю. Важно помнить: историческая истина лежит не посредине между противоположными оценками, ее постижение означает раскрытие, показ самых разнообразных явлений прошлого и нахождение их объективного соотношения.

Цветков И.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Американистика в России: история и современное состояние

Изучение США в России никогда не было сугубо академическим и абстрактным. С момента формирования американистики как особой научной дисциплины на рубеже XIX–XX веков, и до настоящего времени, американский опыт был крайне важен для решения прикладных задач. В первую очередь, образ Америки использовался в политических целях — в качестве демократического антипода царского авторитарного строя; затем как ведущей державы капиталистического мира, противостоящей СССР; как демократического «града на холме» в период поздней Перестройки и первых лет существования «Новой России»; наконец, снова в качестве ключевого «внешнего врага», в современную эпоху. Кроме того, американские технологии еще с середины XIX века активно проникали в российскую жизнь, способствовали развитию самых разных сфер экономики. В частности, советская индустриализация 1930-х годов была бы невысказана без активнейшего участия американского бизнеса, который еще до политического признания Советского Союза Вашингтоном установил тесные контакты с советским руководством. Америка также постоянно присутствовала в построениях советских и российских экономистов, филологов, географов, правоведов, социологов, в творчестве писателей, художников и музыкантов.

Это повсеместное присутствие Америки в российской действительности, от кремлевских кабинетов, до бытовых кухонных разговоров, крайне осложняет задачу составления сколько-нибудь полного обзора научной литературы о США, существующих теорий и методологических подходов. Проблемой здесь выступает то, что многие авторы российских текстов об Америке садятся за их написание даже не задумываясь о какой-то профессиональной подготовке. Иногда создается впечатление, что эта подготовка в области «повседневной американистики» усваивается россиянами чуть ли не с молоком матери: все вокруг так много и так авторитетно рассуждают о США,

что знания об этой стране и понимание происходящих в ней процессов кажутся само собой разумеющимися. Все, что нужно современному российскому «эксперту по прикладной американистике» — это владение пером или навыки публичной речи. Его авторитет у читателей или слушателей во многих ситуациях будет обеспечен не за счет некоего эксклюзивного знания, а за счет изящного и последовательного изложения популярных, десятилетиями бытующих в общественном сознании мифологем. Происходит «эффект узнавания», люди воспринимают то, что в наибольшей степени согласуется с их собственными, не до конца оформленными и смутными представлениями об американской цивилизации. К таким мифологемам можно отнести представления о «теновом правительстве», которое якобы управляет США, об «оголтелой американской военщине», о «загнивании Америки» и ее скором распаде, об Аляске, которая была продана США Россией, а сдана в аренду и т.д.

Вместе с тем, в российской академической и университетской науке уже более века существует традиция американских исследований, которая, в значительной степени, противостоит «популярной прикладной американистике» и даже ведет с ней борьбу за контроль над российским «дискурсом об Америке». Примечательно, что в российских реалиях это противостояние никак нельзя описать в терминах борьбы «строгого научного знания» с «народным мифотворчеством». Дело в том, что история российской Академии наук и российских университетов, особенно в последние сто с небольшим лет (когда американистика существовала в качестве отдельной дисциплины), развивалась по весьма замысловатой траектории. Ученое сообщество постоянно оказывалось в эпицентре политической борьбы, испытывало огромное идеологическое давление со стороны государственных структур. Начиная с конца XIX века, когда в Российской империи были опубликованы первые исследования США, проведенные с использованием строгих научных методов, и до наших дней, можно обнаружить лишь несколько коротких периодов, когда изучение США советскими и российскими учеными происходило в условиях хотя бы относительной академической свободы. Из этого следует, что значительная часть отечественной научной литературы о США, в том числе вышедшей в солидных издательствах, также базируется на мифологии — только не народной, а государственной, продвигаемой правящей элитой. Это было совершенно очевидно

в советский период, когда Соединенные Штаты необходимо было представлять как страну «загнивающего капитализма» и империалистической внешней политики, и это становится все более очевидным сегодня, когда российские ученые-американисты занимаются критикой разных сторон американской действительности и американского поведения на международной арене в условиях разворачивающегося межгосударственного конфликта России и США.

Основные этапы развития американистики в России

Первыми российскими американистами были университетские ученые и энтузиасты из рядов интеллигенции, которые рассматривали американский опыт в сфере государственного устройства и управления, а также развития народного хозяйства, как образец для подражания и перенесения на российскую почву. Примечательно, что первый российский автор, написавший десятки книг и статей о США, включая обзорную историю американского государства («История великой американской демократии», 1906 [1]), П. Г. Мижув (1861—1931), в наибольшей степени интересовался такими прикладными вещами, как устройство демократических институтов, народное образование и эмансипация женщин. Хотя Мижув был далеко не единственным автором, писавшим в те годы о США, его статус «отца российской американистики» можно парадоксальным образом вывести из одной особенности его биографии: он ни разу не пересекал Атлантический океан и не посещал страну, ставшую основным объектом его научного интереса. Вынужденная в такой ситуации опора на книги и документы позволила Мижуву отойти от традиционных в российской литературе об Америке жанров травелога и иммигрантского жизнеописания. Широкое признание его заслуг современниками свидетельствовало о возможности познания далекой страны средствами позитивной науки, а не только непосредственного личного наблюдения.

Среди других представителей первого поколения российских американистов можно выделить А. В. Бабина, в юности эмигрировавшего в США, работавшего библиотекарем в Стэнфордском и других американских университетах, а затем заведующим славянским отделом библиотеки Конгресса. В начале XX века он на несколько лет возвращался в Россию, и в этот период написал и издал несколько книг по американистике. Профессия Бабина подразумевала погруже-

ние в мир текстов, и поэтому его труды о США (прежде всего, двухтомная «История США» [2]), так же как и труды Мижужева, выгодно отличались от других иммигрантских сочинений уровнем научного анализа.

Спустя много десятилетий, один из известнейших советских специалистов по США, академик Н. Н. Болховитинов, дал свою оценку достижениям дореволюционных американистов, расположив их по иерархическим ступеням значимости и научной оригинальности. И Мижув, и Бабин, не говоря уже о других, менее значительных фигурах, были удостоены лишь ранга «компиляторов», а настоящим оригинальным ученым-американистом Болховитинов считал лишь М. Я. Острогорского, специалиста по политическим партиям США, публиковавшего материалы своих исследований в Европе и Америке на иностранных языках. Но даже книги Острогорского, по мнению Болховитинова, «серьезного влияния на становление советской американистики не оказали».

Хотя сам Н. Н. Болховитинов на протяжении всей жизни выступал за строгое следование принципам научной обоснованности и достоверности в изучении США и российско-американских отношений (в качестве специалиста по ранней истории которых он приобрел известность далеко за пределами СССР), советская эпоха наложила свой суровый отпечаток и на его труды, и на отечественную американистику в целом. В условиях жесткого государственного идеологического прессинга и навязывания марксизма-ленинизма в качестве теоретической и методологической основы научных исследований, одной из важнейших экзистенциальных задач, с необходимостью решения которой сталкивался любой настоящий ученый, был поиск индивидуальной исследовательской ниши — научной тематики, которая оставляла хотя бы какой-то простор для независимого научного творчества. Одним из следствий такой ситуации стало заметное увлечение советских американистов ранней историей США и российско-американских отношений: в далеком прошлом, по крайней мере, можно было не сводить все к истории рабочего движения и борьбы социалистов с коммунистами. Неудивительно, что воспринявший через своих учителей традиции русской дореволюционной позитивной науки Н. Н. Болховитинов пришел в итоге к изучению Аляски (Русской Америки) и американской историографии: двух тем, максимально изолированных от марксизма-ленинизма.

Но для карьерного роста и успеха в советской академической среде без ключевых марксистских сюжетов было не обойтись. Так как по Марксу стержнем общественных наук была теория исторических формаций, все советские обществоведы, не исключая и американистов, должны были изучать фазы перехода от феодализма к капитализму, классовую борьбу и акцентировать внимание на роли пролетариата — авангарда истории. В период холодной войны к этому добавилось еще и обязательное обличение американского империализма. Значительная, и наверное даже большая часть текстов советских американистов была написана в рамках этой «обязательной программы», а их научная ценность часто (хотя и негласно) определялась умением того или иного автора выйти за пределы марксистского канона и ввести в оборот какой-то новый фактический материал, рассказать о героях американской истории «человеческим языком», познакомить читателей с новинками западной научной литературы (под предлогом «критики буржуазной историографии»).

Еще одним способом нейтрализации идеологического прессинга было принятие основных марксистских постулатов в качестве не подлежащих обсуждению аксиом, и организация полноценной научной дискуссии по частным вопросам: например, о степени распространения феодальных пережитков в колониальной Америке, о социальных последствиях Войны за независимость или о специфике рабочего движения в США как одного из проявлений классовой борьбы. Сохраняя позитивистскую форму общественной науки, доставшуюся советским американистам от их учителей дореволюционной закалки, отечественные исследователи США наполняли ее единственно возможным и допустимым марксистско-ленинским содержанием. В некоторых случаях это приводило к выдающимся результатам. Невозможно отрицать высочайший уровень академической культуры того периода: переводы были высококлассными и выверенными до последней запятой; научные редакторы не только вырезали из текстов идейную крамолу, но и (по большей части) не пропускали фактических ошибок; в статьях и монографиях неукоснительно соблюдался характерный советский научный стиль.

Примером подобного рода научных трудов могут служить сочинения А. В. Ефимова, который в 1930–1950-е гг. приобрел известность как ведущий советский специалист по США. Его монография 1934 г. «К истории капитализма в США» [3] долгие годы счи-

талась своеобразной библией для советских американистов, точкой отсчета для любого нового исследования американской истории. Кстати говоря, базовой научной дисциплиной для советских специалистов по США стала именно история, что объяснялось все тем же марксистским «историческим материализмом», навязываемым в качестве единственно верной теории для социальных наук. Эта склонность изучать США через призму «исторической американистики» сохранилась и по сей день: в условиях продвигаемого властями антиамериканизма многие современные российские ученые-американисты находят для себя «тихую гавань» в изучении частных сюжетов американской истории, точно так же как это делали их советские предшественники в годы холодной войны.

Особенности институционального развития отечественной американистики

На протяжении советской эпохи сформировалось несколько центров американских исследований, многие из которых до сих пор выполняют те же функции приобретения и распространения знаний о США, а также подготовки молодых специалистов в данной области. До революции 1917 г. основная часть трудов о США выпускалась столичными петербургскими издательствами, но после перенесения большевиками в 1918 г. столицы в Москву, именно этот город стал центром научной жизни. Упомянувшийся А. В. Ефимов начинал свою карьеру в Институте истории Академии наук СССР, затем работал заведующим кафедрой и деканом исторического факультета МГУ, потом переместился во вновь созданный МГИМО. Все эти три учреждения с 1930–1940-х гг. и до наших дней оставались основными местами притяжения для отечественных американистов. В 1956 г. к ним добавился академический Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), а в 1967 г. — Институт США (впоследствии Институт США и Канады). Эти институты создавались с целью получения прикладных знаний о международных проблемах и об основном противнике в рамках холодной войны — Соединенных Штатах. Первого руководителя Института США, академика Г. А. Арбатова, иногда называли «советским Киссинджером», за его роль в принятии внешнеполитических решений и вклад в политику разрядки советско-американских отношений. Однако на практике участие Арбатова в принятии решений было несопоставимо мень-

шим, по сравнению с американским коллегой. Научная экспертиза не пользовалась большим уважением у советских лидеров, которые во внешнеполитических вопросах всегда предпочитали опираться на данные разведки и специальных служб, а не на труды кабинетных ученых, наполненные идеологической софистикой. «Придворные» же американисты, во главе с Арбатовым, выполняли, скорее технические функции — прорабатывали детали соглашений о контроле над вооружениями, составляли обзоры прессы и научной литературы, ну и, конечно, занимались пропагандистским обоснованием советской внешней политики.

Три поколения советских американистов

Принято выделять несколько поколений советских американистов. Первое — А. В. Ефимов (1896-1971), Л. И. Зубок (1894-1967), В. И. Лан (1902-1990). Ключевым событием их биографии стала революция 1917 г. в России и последующее формирование новой советской государственности. Восприятие США в СССР в этот период было крайне амбивалентным: с одной стороны, Америка уже стала ведущей державой враждебного капиталистического мира, с другой — она все еще придерживались изоляционистской линии во внешней политике и была не столько угрозой для молодого советского государства, сколько примером технологического успеха и источником культурных новаций. В период Второй мировой войны США и СССР и вовсе стали союзниками. Все это привело к особому тону работ первых советских американистов: обличения бесчеловечной (и «обреченной на гибель») капиталистической системы сочетались с плохо скрываемым восхищением отдельными сторонами американской жизни и персонажами американской истории (это было особенно заметно в трудах Зубока и Лана). В художественной литературе той эпохи данный подход лучше всего проявился в знаменитой книге И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка», написанной по итогам ознакомительной поездки советских писателей по США.

Следующее поколение советских специалистов по США было уже гораздо меньше склонно к эмоциональным оценкам. Большинство из них получило специальную подготовку на созданных к тому времени факультетах московских вузов, и для них Америка представлялась совсем иной: противостоящей СССР сверхдержавой, хотя и внесшей вклад в победу над фашизмом, но затем превратив-

шейся в основного противника Советского Союза в рамках холодной войны. В научном творчестве лучших представителей этого поколения, помимо неперемного обличения американского капитализма и империализма, был хорошо заметен и мотив поиска путей мирного сосуществования, прагматической оценки США как одного из действующих лиц мировой политики. Именно это поколение детально разработало классический дискурс советской американистики, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. Наиболее заметными фигурами были москвичи Г. А. Арбатов (1923–2010), Н. Н. Болховитинов (1930–2008), Р. Ф. Иванов (1925–2003), В. Л. Мальков (1930–2021), Э. А. Иванян (1931–2012), Н. Н. Яковлев (1926–1996), И. П. Дементьев (1925–1998), Е. Ф. Язьков (1923–2009), а также ленинградцы А. А. Фурсенко (1927–2008) и В. К. Фураев (1921–1999). Конечно, этот список далеко не исчерпывающий — в советских научных и образовательных учреждениях во второй половине XX века трудились десятки специалистов по различным аспектам истории и общественного развития США. Своеобразным научным итогом исследовательской работы этого поколения стало академическое четырехтомное издание «История США», увидевшее свет в 1983–1987 гг. [4] Весьма символично, что выпуск этих увесистых томов происходил в период бурных политических перемен в СССР, приведших в итоге к распаду страны и полной дискредитации марксистско-ленинской идеологии. Для ученых-американистов второго поколения, многие из которых тогда находились в расцвете творческих сил, это стало непростым вызовом. Помимо бытовых и финансовых неурядиц, они столкнулись с необходимостью коренного пересмотра научной методологии и тематики исследований. Главной точкой опоры для них в этой ситуации стали традиции российской академической науки, пережившие советскую власть, и в чем-то даже укрепившиеся, благодаря позднесоветскому культу научно-технического прогресса и позитивного знания.

Вместе с мэтрами советской американистики, обрушившиеся на страну политические перемены переживали американисты третьего поколения, чье научное формирование происходило в 1960–1970-е годы. Некоторые из них в молодости застали хрущевскую оттепель, а в период советско-американской разрядки 1970-х уже активно работали и публиковались. Для большинства жителей СССР той эпохи США были не столько врагом, сколько недостижимой да-

лекой мечтой, местом, куда никогда не удастся попасть — а так бы хотелось! Занятия американистикой, помимо прочего, предоставляли эту, недоступную для многих, возможность. Для молодых ученых важно было и приобщение к миру зарубежной научной литературы: как раз в 1970–1980-е годы на Западе происходила очередная смена методологической парадигмы в социальном и гуманитарном знании, и «буржуазные» клиометрия, новая экономическая история, социология, политология — притягивали к себе как магнит. Среди московских американистов этой волны наиболее ярко проявили себя В. О. Печатнов (р.1947), В. В. Согрин (р. 1945), В. А. Кременюк (1940–2017), Б. М. Шпотов (1948–2015), А. И. Уткин (1944–2010), С. М. Рогов (р. 1948), В. Б. Супян (р.1948).

Можно утверждать, что вместе с распадом СССР разрушилась и поколенческая преемственность отечественных американских исследований. Конечно, большинство из ныне работающих американистов могут совершенно четко определить своих учителей, принадлежащих к советской научной школе — однако в основном эти учителя смогли передать ученикам лишь общую академическую культуру. Тематика, методология исследований, источниковая база, информационные технологии, политический контекст — все это после 1991 г. поменялось настолько сильно, что в российском социально-гуманитарном знании стала проявляться характерная для всех постиндустриальных обществ черта: старшее поколение не столько передает знания молодому, сколько учится у него азам новой цифровой реальности.

Институты российской американистики после распада СССР

В 1990–2000-е гг. развитие российской американистики носило, преимущественно, экстенсивный характер. Новые возможности, открывшиеся вместе с падением «железного занавеса», создавали условия для создания новых образовательных и научных центров. Государство и сохранившиеся со времен СССР академические институты уже не могли всецело контролировать данный процесс. Самоорганизация научного сообщества происходила в это время не только, и не столько из-за стремления создать благоприятные условия для научного творчества, открыть какие-то новые горизонты в американских исследованиях, сколько для физического выживания: государство по сути отказалось выполнять свои социальные

обязательства, и целая армия бывших советских ученых-обществоведов оказалась почти без средств к существованию. Специалисты в области точных и естественных наук могли рассчитывать на трудоустройство в европейских и американских университетах, но лишь единицы из числа советских обществоведов и гуманитариев сумели эмигрировать по профессиональной линии. В рамках новых факультетов, кафедр и исследовательских центров, создаваемых в разных регионах России (а не только в Москве и Ленинграде, как в советские времена) американистам можно было рассчитывать на хотя и нестабильную, но порой достаточно весомую грантовую поддержку со стороны зарубежных и вновь создаваемых отечественных научных фондов. Для многих, даже не титулованных, ученых стали возможными поездки в США и Европу, где можно было работать в архивах, участвовать в международных конференциях, общаться с коллегами.

Только начиная со второго десятилетия XXI века государственные средства снова начали направляться в России на финансирование проектов в сфере американистики — однако, к сожалению, это было связано не со стремлением властей расширить и углубить научные представления о США, а с ростом государственного антиамериканизма в условиях ухудшения российско-американских отношений. По сути дела, речь шла об организации информационной поддержки внешнеполитического курса российского государства. Эксперты-американисты нужны были российским властям не для выработки рекомендаций по внешней политике, а для обоснования и разъяснения отечественной и международной аудитории уже принятых в кремлевских кабинетах решений.

Новая институциональная конфигурация американских исследований в России, сложившаяся к началу третьего десятилетия XXI века, по-прежнему базируется на старых учреждениях еще советских времен. Центром притяжения специалистов по исторической американистике остается Институт всеобщей истории Российской академии наук, в котором в постсоветский период было создано несколько подразделений, занимающихся различными аспектами истории США и российско-американских отношений. Наиболее активную работу ведет Центр североамериканских исследований, с 2009 года возглавляемый В. В. Согриным. Центр регулярно выпускает «Американский ежегодник», первый номер которого вышел в далеком 1971 году. Сотрудники этого издания ежегодно собирают

библиографию трудов по американистике (научных статей, монографий, учебных пособий), опубликованных на русском языке. Даже с учетом неизбежной неполноты картины (как мы уже отмечали, количество текстов о США, выпускаемых в современной России, совершенно необозримо), библиография «Американского ежегодника» представляет собой ценнейший источник для изучения современной российской американистики [5].

Московский государственный институт международных отношений (именуемый теперь МГИМО-Университет) сохраняет роль ведущего научно-образовательного центра в области американистики. Здесь работают такие известные специалисты, как В. О. Печатов, Т. И. Шаклеина, В. В. Согрин. Совсем недавно, в январе 2021 г., по инициативе молодого американиста М. А. Сучкова в МГИМО открылся Центр перспективных американских исследований, сотрудники которого намереваются «продолжать традиции университетской школы и разрабатывать новые подходы к изучению США».

В Институте США и Канады РАН, с 2016 г. возглавляемом профессором В. Н. Гарбузовым, в настоящее время действует 15 научных центров, занимающихся самыми разнообразными аспектами социально-политического и экономического развития США и Канады. Продолжается издание профильного журнала «США — Канада: экономика, политика, культура», который с 1970 года и по сей день остается чуть ли не единственным регулярно выходящим (6 номеров в год) специализированным научным журналом по американским исследованиям в России (конкуренцию ему может составить разве что издаваемый тем же Институтом с 2006 г. в цифровом формате журнал «Россия и Америка в XXI веке»).

В Институте мировой экономики и международных отношений также сохраняются традиции американистики, некогда заложенные В. И. Ланом. Центр североамериканских исследований, возглавляемый В. Ю. Журавлевой, насчитывает 27 сотрудников. На историческом факультете МГУ продолжают работу как представители старой советской школы американистики (А. С. Манькин, Ю. Н. Рогулев, Л. В. Байбакова), так и их молодые коллеги.

Среди новых московских центров американистики выделяется кафедра американских исследований Российского государственного гуманитарного университета. Она была создана в 2018 г. по инициативе доктора исторических наук В. И. Журавлевой, ведущего

отечественного специалиста по истории российско-американских отношений.

За годы, прошедшие после окончания холодной войны, к существующим в Москве научным и образовательным центрам американских исследований прибавилось также несколько экспертных подразделений, создаваемых по образу и подобию процветающих в США «мозговых трестов». В настоящее время наиболее активную деятельность ведут Московский Центр Карнеги, Российский совет по международным делам, Совет по внешней и оборонной политике. Для этих структур характерен широкий взгляд на современные проблемы международных отношений и акцент на выработку политических рекомендаций. Активное обсуждение их сотрудниками США как актора мировой политики и экономики можно объяснить не столько профессиональной специализацией отдельных авторов-экспертов (лишь некоторые из них являются дипломированными американистами), сколько реалиями современного мира, в котором США продолжают играть ключевую роль в различных сферах. Наиболее содержательный и глубокий анализ ситуации внутри США и в американской внешней политике можно найти в трудах Д. Тренина и А. Кортюнова.

Хотя на протяжении трех десятилетий после распада СССР шел неуклонный процесс сосредоточения финансовых и властных ресурсов в столичной Москве, в этот период возникло довольно много центров американистики и в других регионах России (Самара, Нижний Новгород, Волгоград, Тамбов, Курск, Иваново, Йошкар-Ола, Томск, Благовещенск). Не все из них сумели удержаться на плаву и выжить в условиях все более заметного с начала 2000-х гг. роста государственного антиамериканизма и укрепления бюрократической вертикали в сфере науки и образования. Например, в настоящее время практически свернул свою работу волгоградский центр американистики, процветающий в 1990-е и начале 2000-х под руководством А. И. Кубышкина и И. И. Куриллы. Впрочем, под его эгидой продолжает издаваться популярный в профессиональной среде сборник *Americana*, который наряду с издательскими проектами курских и дальневосточных коллег составляет сегодня научную конкуренцию старейшему и авторитетному «Американскому ежегоднику».

Санкт-Петербург, в котором когда-то произошло рождение российской американистики, был в советские времена отодви-

нут Москвой на второй план, но все же сохранил статус одного из важнейших отечественных центров американских исследований. В 1970–1980-е гг. это обеспечивалось усилиями известного специалиста по США академика А. А. Фурсенко, который активно участвовал в проектах московских коллег, а иногда, благодаря высокому рангу в системе Академии наук и широким международным связям, даже их инициировал. Кроме того, огромное значение имела деятельность В. К. Фураева, который заведовал кафедрой всеобщей истории в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена и брал под свое крыло аспирантов-американистов со всех уголков страны.

В постсоветский период самым значительным событием для петербургской американистики стало создание в 1996 г. в Санкт-Петербургском государственном университете кафедры североамериканских исследований (в 2008 г. переименована в кафедру американских исследований). Ее первым заведующим стал профессор Б. А. Ширяев, известный своими трудами по ранней истории США. Однако, так как кафедра стала одним из подразделений вновь созданного факультета международных отношений, направления научной и образовательной деятельности ее сотрудников стали смещаться от истории к проблемам современной внутренней и, в особенности, внешней политики США. Особое внимание стало уделяться политике США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, российско-американским отношениям, политическим процессам в странах Латинской Америки. В 2018 г. кафедру возглавила профессор Н. А. Цветкова, известная своими публикациями по истории информационного противостояния США и СССР в годы холодной войны, а также проблемам публичной и цифровой дипломатии.

Современная российская американистика: методология и тематика исследований

Эволюцию петербургской американистики в постсоветский период (переход от изучения США через инструментарий истории, к изучению сквозь призму проблем внешней политики и международных отношений) можно рассматривать как частный пример общей методологической эволюции американских исследований в России за последние десятилетия. При всем многообразии рассматриваемых тем, проблем и сюжетов, современная российская американистика гораздо больше ориентирована на прикладной анализ актуаль-

ной политики, экономики и социальной динамики, чем ее советская предшественница. При сравнении же с методологией современных American Studies в Соединенных Штатах, бросается в глаза гораздо меньшая склонность российских американистов к абстрактному теоретизированию и использованию постмодернистских подходов в своих исследованиях.

На наш взгляд, эта специфика современных российских американских исследований объясняется несколькими причинами. Во-первых, до сих пор, по прошествии трех десятилетий с момента крушения марксистско-ленинской идеологии, в научной среде сохраняется большое недоверие к социальным теориям. Подход, согласно которому каждый отдельный эпизод общественного развития или международных отношений стоит рассматривать индивидуально, исходя из контекста и набора действующих в тот или иной момент факторов, объединяет представителей самых разных идейных лагерей и научных школ — даже если на словах они заявляют о приверженности каким-то базовым теоретическим постулатам. Любые социальные теории воспринимаются большинством современных российских обществоведов как «слабые», не способные не только предсказать развитие событий, но даже и объяснить их со сколько-нибудь убедительной полнотой и достоверностью. Исключением выступает разве что политический реализм и его многочисленные вариации: но эта теория потому и именуется часто «теорией здравого смысла», что она ориентируется на самые очевидные объяснения причин происходящих событий и в этом смысле максимально приближена к обывательскому «донаучному» восприятию мира большой политики и экономики. Повторим, что такое «разнаучивание» российской американистики и социальных наук в целом стало следствием разочарования в чрезмерном марксистско-ленинском сциентизме советского периода.

Вторая группа факторов, объясняющих специфику современных российских американских исследований, связана с сохраняющимся несмотря ни на какие политические катаклизмы пиететом перед западной наукой и западными подходами к образованию и организации научных исследований. В сознании российских ученых уживается недоверие к теориям (включая те, которые популярны сегодня в европейских и американских университетах), и убеждение в том, что социальные науки за пределами России развиваются го-

раздо успешнее и динамичнее. Стремление брать на вооружение новейшие западные методологические подходы наиболее свойственно начинающим российским исследователям, но и в среднем поколении американистов есть немало последователей феминизма, социального конструктивизма, и даже критической расовой теории (хотя последняя в наименьшей степени привлекает внимание российских ученых — в отличие от их американских коллег). В институциональном плане, поддержка заимствованных с Запада методологических новаций осуществляется в России лишь в нескольких университетских центрах (РГГУ, Высшая школа экономики, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ), но в большинстве случаев подобные исследования приходится проводить в индивидуальном инициативном порядке, без опоры на сложившуюся в России научную школу.

Тот факт, что научные школы в сфере американистики все еще находятся в России в стадии формирования, сам по себе может служить еще одним объяснением причин прикладного уклона в отечественных американских исследованиях. Несмотря на вековые традиции изучения США, созданию научных школ постоянно мешали политические катаклизмы. Помимо двух кардинальных переломов 1917 и 1991 годов, на научную жизнь в СССР и России оказывали мощное воздействие и менее значимые события, либеральные либо консервативные изменения во внутривнутриполитическом климате. В условиях отсутствия университетской автономии, это заставляло ученых менять направления своих исследований вслед за «линией партии». Как следствие, научные школы редко когда переживали своих создателей. Новым поколениям приходилось все начинать заново. Прикладные исследования актуальных проблем, с упором на изучение роли США в мировой политике и экономике, оказывались в такой ситуации единственной более-менее надежной научной гаванью, в которой в итоге оказывалось большинство американистов.

Анализ тематических предпочтений занятий профессиональных российских американистов за последнее десятилетие (который можно произвести на основании библиографии, собранной усилиями редакции «Американского ежегодника», прежде всего Т. Ю Лаврентьевой) показывает, что среди изданных в этот период монографий и учебных пособий преобладают труды по различным периодам российско-американских отношений и внешней политике США. Из при-

близительно 150 наименований (если учитывать только авторские монографии и учебники) в 40 речь идет о российско-американских отношениях, в 36 — о внешней политике США. Третья большая тематическая группа — это труды по различным периодам и аспектам американской внутренней политики, идейного и социально-политического развития. О колониальном периоде и эпохе Американской революции написано шесть монографий, о XIX веке — 21 (особенно большой вклад в изучение внутренней политики и общественного мнения США в первой половине этого столетия внесла профессор Т. В. Алентьева). Внутренние проблемы США в XX–XXI веке освещаются в 12 книгах.

В течении десятилетия было издано и несколько обзорных трудов, содержащих концептуальное осмысление истории американской цивилизации и отдельных ее аспектов. Безусловным лидером российской американистики здесь выступил В. В. Согрин, выпустивший в свет семь капитальных монографий, учебных и справочных пособий обзорного характера [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12]. Привлек внимание читателей и фундаментальный учебник по истории внешней политики США, написанный О. В. Печатновым и А. С. Маныкиным [13].

Среди других, традиционно интересующих российских американистов тем: личности американских президентов, история американской культуры, проблемы исторической памяти. По этим сюжетам за последнее десятилетие также было выпущено несколько монографий.

Конечно же, монографический жанр не является преобладающим в ученых занятиях современных российских американистов. На одну выпущенную монографию приходится не менее 20–30 научных статей (и это без учета многочисленных работ публицистического и экспертного характера). Тематическое разнообразие здесь еще более велико, но общая тенденция преобладания работ по российско-американским отношениям и американской внешней политике, в целом, сохраняется.

В методологическом плане абсолютное большинство авторов придерживается традиционных подходов: историки занимаются событийной реконструкцией на основании разного рода источников (доступность которых в последнее время значительно увеличилась благодаря электронным базам данных), представители других социо-

гуманитарных дисциплин следуют сложившимся в их среде принципам и методам научных исследований. В современной российской научной среде не заметно *массового* увлечения распространенными в европейских и американских университетах постмодернистскими теориями и тематическими направлениями. Помимо охарактеризованного выше специфического отношения к социальным теориям как таковым, нежелание российских американистов погружаться в дебри модных западных методологий связано и с прагматическими обстоятельствами: для карьерного продвижения в современной российской академической среде увлечение западными подходами, особенно в их радикальных вариантах, скорее выступает препятствием, чем дает какие-либо преимущества. Парадоксально, что одновременно с этим российская академическая бюрократия требует от ученых более активного развития связей с зарубежными коллегами, участия в международных конференциях, публикаций в западных журналах (что выступает необходимым условием трудоустройства в университетах и научных учреждениях).

Вопрос о том, какой из вариантов развития был бы наиболее продуктивен для российской американистики — ориентация на западные научные школы в области *American Studies*, или формирование собственных научных направлений — остается дискуссионным. Вроде бы очевидный выбор в пользу научной самобытности ставится под сомнение фактическими обстоятельствами развития отечественных социальных наук, о которых мы говорили выше: проблемами с научной преемственностью между поколениями из-за политической нестабильности и отсутствия академической свободы. В результате, молодым исследователям постоянно приходится начинать все заново, «изобретать методологический велосипед», что, конечно же, не способствует глубине и качеству научных трудов.

С другой стороны, среди большого разнообразия практикуемых в зарубежных университетах подходов к *American Studies* лишь малая доля может по-настоящему заинтересовать и увлечь российских американистов. Несмотря на значительное сближение общественно-политической повестки в разных странах в эпоху глобализации и информатизации, значительная часть сюжетов, актуальных для жителей США, Европы, Азии или Латинской Америки, не привлекает внимания ни простых граждан современной России, ни ученых-обществоведов. Следование глобальной научной моде вопреки

национальным дискурсивным практикам часто требует от исследователей не только профессиональных компетенций, но и личного мужества, готовности бросить вызов академическому истеблишменту. На это решаются лишь единицы, и не всегда при этом удерживаются на тонкой грани, отделяющей сферу науки от сферы политической публицистики.

Среди успешных примеров интеграции новейших западных методологических течений в дискурс российской американистики можно назвать труды нескольких коллег, работающих в русле социального конструктивизма, постколониальных исследований и «новых исследований холодной войны». Значительно расширила и в чем-то даже переформатировала наши представления об истории российско-американских отношений В. И. Журавлева, рассмотрев их через призму имагологии и социального конструктивизма [14]. В рамках этой же парадигмы, с акцентом на проблематику исторической памяти, плодотворно работает в последние годы И. И. Курилла [15]. Роль зарубежных университетов в противостоянии СССР и США в годы холодной войны подробно осветила в двух фундаментальных англоязычных монографиях Н. А. Цветкова [16], [17].

Подводя итоги, отметим, что несмотря на множество внешних и внутренних препятствий, российская американистика в XXI веке сохранила динамику развития, заданную еще во времена СССР. В институциональном плане, и в плане научной продуктивности, эта отрасль знания чувствует себя в России довольно неплохо. Вместе с тем, в профессиональном сообществе сохраняется и даже усиливается ощущение неопределенности, непредсказуемости направления дальнейшего движения. Какое влияние на американские исследования будет оказывать конфликт России с Западом? Как в связи с этим будет меняться государственная политика в сфере науки и образования? И, наконец, изучение каких аспектов истории и современного развития американской цивилизации будет востребовано в России и в мире в обозримом будущем? По всем этим вопросам сегодня трудно даже высказывать какие-то предположения. Остается лишь надеяться, что логика развития научного знания не будет в ближайшие годы всецело определяться исключительно внешними обстоятельствами, и исследователям США в России удастся не только реагировать на развитие отношений между нашими странами, но и внести посильный вклад в их поступательное развитие.

Литература

1. *Мижув П. Г.* История великой американской демократии. СПб, 1906.
2. *Бабин А.В.* История Северо-Американских Соединенных Штатов. В 2-х тт. СПб, 1912.
3. *Ефимов А.В.* К истории капитализма в США. М, 1934.
4. История США. В 4-х тт. М.: Наука, 1983-1987.
5. Работы по истории США и Канады, изданные на русском языке // Американский ежегодник. М., 1971 — настоящее время.
6. *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010.
7. *Согрин В.В.* Американская цивилизация. М.: Весь мир, 2020.
8. *Согрин В.В.* Демократия в США: от колониальной эры до XXI века. М.: Весь мир, 2011.
9. *Согрин В.В.* История США. М.: Международные отношения, 2019.
10. *Согрин В.В.* США в XX-XXI вв.: либерализм, демократия, империя. М., 2015.
11. *Согрин В.В.* Центральные проблемы истории США. М.: Весь мир, 2013.
12. *Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. М.: Весь мир, 2018.
13. *Печатнов В.О., Маныкин А.С.* История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2018.
14. *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы. М.: РГГУ, 2012.
15. *Курилла И.И.* Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М.: ООО «Новое литературное обозрение», 2018
16. *Tsvetkova N.A.* The failure of American and Soviet Cultural Imperialism: Transforming German Universities during the Cold War. Leiden, Boston: Brill, 2013.
17. *Tsvetkova N.A.* Cold War in Universities: U.S. and Soviet Cultural Diplomacy, 1945-1990. Leiden, N.Y.: Brill, 2021.

Журавлёва В. И.

РГГУ

История российско-американских отношений как исследовательский и образовательный проект: общее прошлое для общего настоящего¹

В XXI в. изучение истории российско-американских отношений остается плодотворно развивающимся исследовательским направлением в США в рамках русистики, а в России — американистики. Это обусловлено меняющейся повесткой российско-американских отношений и внутривнутриполитической ситуацией в обеих странах. Профессор Курилла предложил для дискуссии тезис о том, что Россия исчезает, как конституирующий Другой из американского дискурса идентичности. Я полагаю, она не исчезает, а переосмысливается в этой роли в условиях, когда у каждой части расколовшейся страны появился свой репертуар смыслов внутренних и внешних Других и уточнилась их иерархия. Изучение истории российско-американских отношений по-прежнему находится в центре внимания исследователей еще и потому, что это историческое прошлое поучительно для настоящего, поскольку в нем присутствует не только конфронтация, но и сотрудничество, не только мифотворчество, но и стремление к деконструкции мифов, не только стереотипы, но и понимание того, как они вредят той и другой стороне и как изучение и лучшее понимание друг друга могут способствовать изменению не только имагологического, но и политического климата.

Данная проблематика уже давно вышла за рамки традиционного исторического нарратива, став междисциплинарным направлением, что обуславливает поиск иных тематических приоритетов и уточнение исследовательских практик. Использование новых теоретико-методологических подходов, развитие международного академического диалога, появление многочисленных интернет-архивов, оцифрованных коллекций периодических изданий, а также визуальных источников разных жанров и эпох открывает перед исследователями

¹ Расширенный вариант выступления опубликован в издании «Американский ежегодник» за 2021 г.

возможность не только для расширения источниковой базы (хотя эта задача не теряет своей актуальности), но и для новых интерпретаций исторического прошлого. И в том, что касается разнообразия способов его вопрошания, американские исследователи преуспели в большей степени по сравнению с российскими, несмотря на отдельные успехи последних. Здесь наблюдается та же асимметрия, что и в двусторонних отношениях в целом.

В своем выступлении я постараюсь: во-первых, представить основные тенденции писания истории российско-американских отношений учеными двух стран в XXI в. на примере отдельных монографических исследований, как обобщающего характера, так и посвященных различным периодам; во-вторых, обратить внимание на многообразие жанров и теоретико-методологических подходов, получивших развитие в рамках российской и американской историографии; в-третьих, обозначить перспективы изучения и преподавания истории двусторонних отношений в нынешнем столетии.

Если говорить об обобщающих работах, то, безусловно, стоит начать с фундаментальных трудов Н. Сола, который по праву считается в США мэтром в данной области, так же как и Н. Н. Болховитинов в России. Вышедшие из-под пера Сола четыре тома охватывают период с 1763 по 1941 г., и их значение трудно переоценить, учитывая объем использованных первоисточников, комплексный подход и профессионализм в прописывании исторического нарратива. Можно упрекнуть автора в мозаичной структуре, избыточном напластовании событий и фактов, а также в стремлении брать в расчет преимущественно российский контекст в качестве объяснительного. Однако без этой своеобразной многотомной «энциклопедии» истории российско-американских отношений, изобилующей цитатами и идеями, населенной огромным количеством действующих лиц, известных и не очень, невозможно представить ее современное изучение. Книги американского историка высветили в историческом прошлом многообразие сюжетов, заострили внимание на проблематике, нуждающейся в дальнейшей разработке, и открыли заманчивые перспективы для новых интерпретаций.

Не случайно появляются две в своем роде веховые работы американских исследователей Д. Энгермана *Modernization from the Other Shore* и Д. С. Фоглесонга *The American Mission and the "Evil Empire"*, выводящие нас в пространство того, как воспринималась

Россия по другую сторону Атлантики в длительном временном диапазоне. Первый акцентирует свое внимание на том, как на этот процесс влияли стереотипы, связанные с представлением о национальном характере русских, из чего проистекала уверенность американцев в ограниченных возможностях России вписаться в современный мир, как растущий энтузиазм по поводу модернизации России сглаживал различия и противоречия между странами и как рост профессионализма среди тех, кто ее изучал по другую сторону Атлантики, способствовал лучшему пониманию инационального контекста. В свою очередь, Фоглесонга интересуют «новая мессианская идея» в США, обусловленная стремлением политических и общественных деятелей, протестантских священников и журналистов, предпринимателей и реформаторов различного толка помочь реформированию России (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия), ее политическому и экономическому обновлению посредством экспорта товаров и капиталов, идей и ценностей. И того, и другого автора интересуют определенные аспекты восприятия, а не весь репертуар образов. Однако их наблюдения и выводы важны для понимания устойчивых имагологических трендов в позиционировании России в США и природы современных двусторонних отношений, а их объяснительные схемы основаны на социально-конструктивистском подходе, открывающем возможности для новых способов вопрошания исторического прошлого.

Если говорить о российской историографии, то стоит обратить внимание на работы двух авторитетных представителей советской/российской школы американистики — В. Л. Малькова («Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте») и Э. А. Иваняна («Когда говорят музы»). Первый помещает историю межгосударственных отношений и дипломатии в цивилизационный контекст, его интересует алгоритм взаимодействия России и США в эпохи революций, войн и биполярного противостояния с учетом мироощущения народов двух стран как культурных общностей, а второй впервые в историографии предпринимает попытку воссоздать целостную картину культурных связей народов двух стран на протяжении XIX–XX вв.

Среди монографий культурологического плана, выводящих нас в пространство имагологии российско-американских отношений через анализ взаимодействия культур, особое место занимает книга

А. Эткинда «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах». Она остается лучшей в этом ряду, несмотря на содержащиеся в ней неточности и заслуженную критику со стороны профессиональных историков. Через анализ травелогов, понимаемых как путешествия не только пространственные, но и временные, автор показывает, какую роль для русской/американской культур играл, соответственно, американский/русский Другой в длительном временном диапазоне, и делает ряд ценных наблюдений, значимых для понимания долгосрочных взаимных мифов.

Иванян в России, а Сол в США издают первые энциклопедии российско/советско-американских отношений и вносят тем самым важный вклад в их изучение и преподавание, так же как и вышедшие под редакцией Г. Н. Севостьянова многотомные издания архивных документов.

Наиболее плодотворным подходом к созданию обобщающих исследований представляются совместные публикации ученых двух стран, когда каждая из сторон опирается на знания, накопленные национальной историографией, и вглядывается в историческое прошлое из собственного социокультурного настоящего. Тем самым создаются условия для академической дискуссии, в рамках которой формируются новые интерпретации истории российско-американских отношений и уточняется их периодизация. Таким изданием обещает стать совместная монография Д. С. Фоглесонга, В. И. Журавлёвой и И. И. Куриллы, которая должна выйти в 2022 г. в издательстве Кембриджского университета и представляет собой комплексное исследование взаимоотношений США с Российской империей /СССР/ постсоветской Россией, написанное на основе междисциплинарного подхода, первоисточников, классической и новейшей научной литературы, включая собственные авторитетные труды авторов (*America and Russia: From Distant Friends to Intimate Enemies*).

Начиная разговор об изучении отдельных периодов в истории российско/советско-американских отношений, хочу сразу подчеркнуть, что в каждом из них существует проблематика, интерпретация которой напрямую коррелирует со сменой климата двусторонних отношений, будь то продажа Аляски или отправка русских эскадр к берегам Америки в период Гражданской войны в США (1861–1865), или посредничество Т. Рузвельта в подписании мира между Россией и Японией в Портсмуте в 1905 г., или открытие второго фронта, про-

грамма ленд-лиза и вообще гуманитарная и экономическая помощь США России досоветской, советской и постсоветской.

Первый период российско-американских отношений — это история того, как США и Россия были далекими друзьями (термин “distant friends” принадлежит Норману Солу), с конца XVIII в. до рубежа XIX–XX вв.

Одной из приоритетных тем остается изучение Русской Америки, особенно в России, благодаря созданной Н. Н. Болховитиновым школе. Среди последних публикаций российских историков особое место занимает книга А. В. Гринёва, подготовившего на основе своих многолетних изысканий комплексное исследование российской колонизации Аляски в XVIII–XIX вв. (до ее продажи) «Аляска под крылом двуглавого орла». В данном случае история Русской Америки вписана в географический и этнографический контексты, а также в общий контекст российско-американских отношений. Гринёв представил и самую полную библиографию изучения истории того, как она превращалась в пространство пограничья, где встречались Российская империя и США, а русские взаимодействовали не только с американцами, но и с местными народами. Новаторское видение колониального опыта Российской империи в Новом Свете с использованием колониального дискурса и исследовательских практик, наработанных в рамках новой имперской истории, предложил канадский исследователь российского происхождения И. Виньковецкий в своей книге «Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867». Рассмотрение заокеанских колоний России в корреляции с процессом ее империостроительства позволило автору наполнить историю Русской Америки новыми смыслами. В свою очередь, американская исследовательница Л. Фэрроу опубликовала книгу о покупке Аляски Соединёнными Штатами с учетом развернутого анализа не только внутривнутриполитической ситуации в стране, но и изменений в системе международных отношений (Seward's Folly. A New Look at the Alaska Purchase).

Междисциплинарный взгляд на историю российско-американских отношений первой половины XIX в. представлен в монографии И. И. Куриллы «Заокеанские партнеры», которая не ограничена традиционной характеристикой дипломатических отношений. В ней в качестве объяснительных схем для понимания взаимных репрезентаций использовано американское «Свое», русское и европейское,

что в итоге выводит нас на уровень сравнительной имагологии, поскольку историк вписывает тему «Россия и США» в контекст таких метанарративов, как «Россия и Запад», «Америка и Европа».

В изучении периода 1860-х — 1870-х гг. в последнее десятилетие обозначились новые тематические приоритеты, позволяющие исследователям осуществлять реконтекстуализацию исторического прошлого, всматриваясь в него сквозь призму микросюжетов и коллективных биографий. Ярким примером первого направления стала книга Л. Фэрроу, которой удалось сквозь призму путешествия царевича Алексея в США в 1871–1872 гг. высветить всё многообразие отношений между странами и народами в то время, когда действовало «уравнение российско-американской дружбы» (*Alexis in America: A Russian Grand Duke's Tour, 1871–1872*). Работа В. В. Носкова, оригинальная по своему замыслу и воплощению, рассказывает о том, как жил американский дипломатический корпус в пореформенной России. Будучи написанной на стыке антропологии, истории российско-американских отношений и краеведения, она превращает Санкт-Петербург в одно из главных действующих лиц повествования («Американские дипломаты в Санкт-Петербурге в эпоху Великих реформ»).

Двинувшись в переломную для взаимоотношений двух стран эпоху, которая началась в 1880-е гг. и закончилась после революций 1917 г., исследователи не пройдут мимо фундаментальной монографии В. И. Журавлёвой «Понимание России в США: образы и мифы», написанной на основе социально-конструктивистского подхода и нацеленной на комплексный анализ представлений о Российской империи, бытовавших в американском обществе в 1880-е — 1910-е гг. Смысловой конструкцией, позволяющей ориентироваться в напластованиях исторического нарратива, вербальных и визуальных источников, коллективных и индивидуальных образов, становятся дискурсы, заданные текстом о России и обусловленные внутри- и внешнеполитической повесткой американского общества, социокультурными традициями его развития и климатом двусторонних отношений.

Однако наряду с новаторскими исследованиями в российской историографии продолжают появляться работы, опирающиеся на такие подходы, которые в американской историографии остались в прошлом. Например, книга В. К. Шаццилло «Россия и США:

от Портсмутского мира до падения царизма», во многом вторичная по своему характеру, отдающая дань современной антиамериканской пропаганде и мало что добавляющая в наши знания о природе, логике и динамике отношений США с поздней Российской империей по сравнению с имеющимися публикациями.

Наиболее авторитетной работой, посвященной изучению взаимоотношений США с революционной Россией, в нашей стране признана монография С. В. Листикова, основанная на многофакторном анализе «русской политики» президента В. Вильсона и его окружения с учетом существовавших на тот момент альтернатив и возможностей. Внимание американских исследователей в последние годы сосредоточено на оценке позиции администрации В. Вильсона в период Гражданской войны 1918–1921 гг., американской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток (*Willett R. L. Russian Sideshow, Melton C. W. Between War and Peace, Richard C. J. When the United States Invaded Russia*). В целом после окончания «холодной войны» в американской историографии возобладало мнение об антибольшевистской по своей природе деятельности вашингтонской администрации в ту переломную эпоху. К такому выводу, например, пришли два известных американских историка Д. Дэвис и Ю. Трани в своей коллективной монографии, хотя сам тезис о «первой холодной войне» при оценке политики В. Вильсона в отношении Советской России представляется дискуссионным (*The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations*).

Важным вкладом в понимание двусторонних отношений в период войн и революций стала книжная серия «Американцы в революционной России», в рамках которой в издательстве Slavica Publishers под редакцией У. Уизенханта и Н. Сола переиздаются травелоги американцев, посетивших Российскую империю и Советскую Россию в 1914–1921 гг., с вводными статьями и комментариями известных историков двух стран. Эти публицистические работы входят в своеобразную «революциану», акцентируют внимание на роли русского идеологического Другого и через революционную эпоху объединяют историю отношений Соединённых Штатов с досоветской и советской Россией.

В изучении межвоенного периода американские исследователи преуспели в XXI в. в значительно большей степени по сравнению с российскими. Исключением из этого правила стала книга извест-

ного отечественного американиста Б. М. Шпотова об «американском векторе» сталинской модернизации, о том, как при участии американских фирм в считанные годы воздвигали Днепрогэс, Магнитогорский металлургический комбинат, Горьковский автозавод, создавалась авиационная, нефтяная, химическая, электротехническая промышленность. Особое место в этой монографии отводится проблеме восприятия советского эксперимента американцами в зависимости от их гендерной, расовой и социальной принадлежности, хотя автор в данном случае не идет дальше нарративного анализа.

В то время как внимание исследователей в США привлекают именно эти, имагологические, аспекты, они занимаются изучением отношения к Советской России американских феминисток и левых пацифисток, вдохновленных гендерным равноправием, установленным большевиками, или, напротив, американок консервативных взглядов, которые использовали советскую политику в области семьи и брака для критики реформаторов феминистского толка в самих США и для атак на активисток движения пацифизма (*Mickenberg J. L. American Girls in Red Russia*, *Delegard K. M. Battling Miss Bolsheviki*). Особое внимание привлекает роль расового фактора в репрезентациях Советской России (*Roman M. L. Opposing Jim Crow. African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism*, *Carew J. G. Blacks, Reds, and Russians*). Так работала оппозиция Я–Другой в идеологическом контексте. В этом смысле романтический советский Другой и перед Второй мировой войной, и после нее использовался афроамериканцами в борьбе за расовое равноправие, а советский интернационализм становился препятствием для гражданско-правовой риторики в отношениях Вашингтонских администраций с СССР в условиях, когда в самих США продолжалась расовая дискриминация.

История советско-американских отношений в годы Второй мировой войны была и остается политически ангажированной и в США, и в России, оставаясь важной составляющей гражданской «педагогике патриотизма». Очередная годовщина окончания войны актуализирует обсуждение природы взаимодействия СССР и США в рамках Антигитлеровской коалиции, роли американской помощи по программе ленд-лиза, открытия Второго фронта, наконец, вклада каждой из сторон в победу над Германией и ее союзниками.

В таких условиях усиливается роль представителей академического сообщества в общественно-политических дебатах, приобре-

тает особое значение издание архивных документов и публикация книг, написанных профессиональными историками на основе репрезентативной источниковой и историографической базы и расширяющих проблемное поле исследования темы, показывая историю с позиций обеих сторон и с различных ракурсов. Как, например, монография В. О. Печатнова «Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.» или две последние работы И. В. Быстровой — «Поцелуй через океан» о человеческом измерении советско-американо-британского союзничества и «Ленд-лиз для СССР» о значении программы помощи для победы над Антигитлеровской коалицией.

Еще один подход к изучению союзничества в ее рядах продемонстрировал Ф. Костиглиола в своей работе *Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War*, посвященной политике Ф. Д. Рузвельта в годы Второй мировой войны и написанной в рамках изучения эмоций (*emotional studies*). Подчеркивая огромную роль, которую личностный фактор играл во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании как в ходе Второй мировой войны, так и при переходе от войны к миру, автор приходит к выводу, что «холодная война» не была неизбежной. Однако он не берет в расчет совокупность объективных факторов, которые способствовали ее началу, и преувеличивает исключительную роль Рузвельта в союзе трех держав.

В условиях современного международного кризиса старые метафоры и образы времен «холодной войны» становятся востребованными и формируют репертуары смыслов новых общественно-политических дискурсов. В такой ситуации обращение к опыту советско-американских отношений 1945–1991 гг. представляет не только академический, но и политический интерес. Идет ли речь о значении межгосударственного диалога для снижения уровня конфронтации и роли гражданской дипломатии в наведении мостов сотрудничества или об осознании опасности нагнетания истерии и медийной «войне образов».

Рассекречиваются, публикуются и оцифровываются архивные коллекции, иницируются новые международные проекты, создаются сайты визуальных источников, которые могут быть использованы в научных и в образовательных целях, исследователи пишут книги о том, как преподавать историю «холодной войны» с применением новых методов и подходов, с учетом национальных интерпрета-

ций и смены поколений, представленных в студенческой аудитории (*Understanding and Teaching the Cold War*. Ed. by M. Masur). Происхождение «холодной войны», равно как и завершающий ее этап с характерными для него разноуровневыми и разнонаправленными тенденциями, а также внешняя политика СССР, США и вовлеченных в орбиту их влияния держав вызывают особый исследовательский интерес сегодня (*English R. Russia and the Idea of the West*, *Zubok V. A Failed Empir*, *Wilson J. G. The Triumph of Improvisation*).

Новейшая историография советско-американских отношений в 1945–1991 гг. поистине безбрежна, поэтому я лишь обозначу новейшие тренды в изучении данного периода.

В последние десятилетия многие авторитетные американские историки признали тот факт, что именно идеологии как совокупности идей, ценностей и мифов, определяющих мировосприятие, оказывали влияние на процесс принятия политических решений в период «холодной войны», призывая заняться более тщательным изучением ее идейного измерения, того, как шла война за умы и сердца людей по всему миру, кто и почему в ней победил. Так, в своей написанной в духе постревизионизма краткой истории «холодной войны» один из мэтров в изучении внешней политики США и российско-американских отношений Дж. Гэддис представил ее ход сквозь призму взаимодействия политики и идеологии, с учетом изменений, происходивших не только в политической сфере, но и в социальной, в том, как общество воспринимало себя и мир за пределами своих национальных границ. Своими мыслями о «холодной войне» Гэддис продолжает делиться с научным сообществом и на страницах фундаментальной биографии Дж. Ф. Кеннана — человека, неразрывно связанного с ее историей. Эта книга, написанная на основе его личного архива, стала частью индустрии изучения жизни эксперта по России и архитектора стратегической доктрины «сдерживания» СССР, способствовавшей формированию американской внешней политики начиная с 1947 г.

Однако, несмотря на то что идеологический конфликт, осмысленный в рамках противоположений капитализм vs. социализм, либерализм vs. коммунизм, протестантизм и католицизм vs. атеизм, зародился задолго до 1945 г., большинство исследователей и в России, и в США ведут его отсчет лишь с 1945 г., когда по обе стороны Атлантики сформировался достаточно цельный образ врага № 1, значимый

для пропаганды преимуществ собственной системы (*Leffler M. P. For the Soul of Mankind*).

В междисциплинарном изучении «холодной войны» сквозь призму многообразия ее контекстуальных преломлений достижения американской историографии вообще выглядят более весомыми по сравнению с российскими, как в том, что касается обобщающих исследований, так и посвященных отдельным периодам. Назову лишь несколько работ: истории того, как американский и советский экран становился одним из пропагандистских фронтов «холодной войны», посвящено совместное компаративное исследование Т. Шо и Д. Юнгблуд *Cinematic Cold War* (также см.: *Shaw T. Hollywood's Cold War*), уже ставшее классикой по данной проблематике; Д. Файнберг рассказала о роли, которую играли американские и советские журналисты в распространении ценностей и идеалов времен «холодной войны», принимая активное участие в процессе конструирования идентичности (*Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*); одной из недавних удачных попыток создания обобщающего исследования по «холодной войне» можно считать достаточно амбициозную по своему замыслу книгу молодой американской исследовательницы Дж. Хадсон *Iron Curtain Twitchers*».

Среди перспективных тематических направлений в изучении «холодной войны» в целом и ее окончания в частности особое место занимает гражданская дипломатия. Американские историки, занимавшиеся данной проблематикой, фокусируя внимание на неправительственном уровне взаимодействия, интересовались прежде всего вопросом о влиянии ученых и гражданских активистов на образ мыслей и политику государственных лидеров (*Evangelista M. Unarmed Forces, Snyder S.B. Human Rights Activism and the End of the Cold War*). Вот почему особый интерес представляют работы, посвященные гражданским, научным, культурным и академическим обменам в многообразии их проявлений и характеристик участников (*Sher G.S. From Pugwash to Putin, Mackenzie R. When Stars and Stripes Met Hammer and Sickles, Makarov D.V. et. al. When Citizens Deliberate: Russian and American Citizens Consider Their Relationship*).

К перспективным направлениям изучения истории двусторонних отношений не только «холодной войны», но и в целом следует отнести также роль ее гуманитарной составляющей в тесной взаимо-

связи с политическими и идеологическими контекстами. Это одинаково важно не только для понимания гуманитарного вектора внешней политики США, но и для мировосприятия американского общества в процессе его эволюции. Ведь каждый раз, протягивая миру нескудеющую «руку изобилия», американцы укреплялись в вере в собственные преимущества, в праве на выполнение миссии по его демократизации, а позиционируя готовность накормить русских и другие народы, не теряли из виду идеологические и коммерческие выгоды. Они, по меткому замечанию писателя Г. Мелвилла, впервые в истории демонстрировали плодотворное сочетание альтруизма и национального эгоизма. Пока в рамках этого направления подготовлены лишь единичные работы (*Patenaude B. M. The Big Show in Bololand*). Столь же немногочисленными остаются книги, посвященные религиозному аспекту двусторонних отношений (*Miller M. L. The American YMCA and Russian Culture*).

Особого внимания исследователей по обе стороны Атлантики заслуживает изучение процесса становления и развития русистики/советологии в США и американистики в Российской империи/СССР/постсоветской России. Первым опытом объединения усилий специалистов двух стран в данной области можно считать проект В. И. Журавлёвой и И. И. Куриллы, хронологически охватывающий период с середины XIX в. по настоящее время и реализованный при поддержке Института Кеннана. Его результатом стала публикация двух коллективных монографий под их редакцией, одной в России («Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций») и одной в США (*Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia. Mutual Representations in Academic Projects*).

Междисциплинарная по своему характеру тема, находящаяся на стыке истории, социологии науки и культурной антропологии, в XXI в. привлекла внимание Д. Энгермана. Созданная им история людей, идей и институций стала своеобразным эталоном того, как надо писать работы по данной проблематике, совмещающая корректное использование репрезентативной источниковой базы и четкую аргументацию всех положений авторской схемы с беспристрастностью исследовательской позиции, не подверженной политической конъюнктуре (*Know Your Enemy*). Этого нельзя сказать о книгах российского историка-эмигранта С. И. Жука по советской американистике. С одной стороны, они вносят важный вклад в изучение дан-

ной проблематики, интересны представленными в них материалами из архивохранилищ России и Украины, междисциплинарностью и многообразием контекстов, в которые вписаны истории советских и украинских американистов — дипломатических, социокультурных, академических, экспертных. С другой стороны, вызывают критику некорректным обращением с первичными и вторичными источниками, стремлением бездоказательно записывать тех или иных советских американистов в сотрудники КГБ и столь же политически ангажированной попыткой подчеркнуть пренебрежительное отношение московских американистов к украинским (Nikolai Bolkhovitinov and American Studies in the USSR, Soviet Americana. The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists).

Сквозной и перспективный характер имеет и проблематика эмиграции из Российской империи/СССР/постсоветской России в США, т.е. то, что в широком плане связано с историей Русского Зарубежья. В XXI в. продолжают выходить обобщающие работы, в которых представлена характеристика различных волн эмиграции, а также биографические справочники, научные и популярные биографии выдающихся танцоров и балетмейстеров, инженеров и ученых, писателей и поэтов, рассказывающие о том, как русская и советская культура, изобретательская мысль и научные достижения в различных сферах становились предметом экспорта в США. Это рассказ об общем прошлом русских и американцев, о том, как и почему Россия теряла таланты, научные и технологические кадры, инициативных и мотивированных работников, а Соединённые Штаты этим богатством прирастали.

Если мы говорим об истории российско-американских отношений как об образовательном проекте, то крайне актуальной остается задача по подготовке комплексных учебников и учебных пособий. Сегодня студентов (бакалавров, магистров, аспирантов) интересует не столько дипломатическое взаимодействие в его традиционном изложении, сколько имагологические сюжеты в различные эпохи, народная дипломатия, история эмоций и диалог культур в различных формах и проявлениях. Молодые исследователи стремятся расширять источниковую базу и по-разному вопрошать историческое прошлое.

Мы вместе с коллегами только что закончили инициированный мной научно-популярный интернет-проект «Открой Америку».

Курсы лекций в жанре «педагогика для всех», в сопровождении роликов и подкастов подготовлены профессиональной командой американистов из РГГУ (В. И. Журавлёва, И. В. Морозова, А. С. Панов, Г. Ю. Прокопенков), СПбГУ (И. А. Цветков, Н. А. Цветкова), Самарского университета (А. Б. Окунь) и выйдут отдельными книгами на русском и английском языках в издательстве РГГУ в 2021 г. Восемь курсов о США и российско-американских отношениях («Нация наций и мозаика культур», «Человек, общество, власть», «Технологии и бизнес», «Массовая культура как национальный проект и предмет экспорта», «Роман с американской мечтой», «Потребительская культура», «Культурная дипломатия», «Общее прошлое русских и американцев») можно смотреть, читать и слушать на русском и английском языках. Этот проект ориентирован на деконструкцию мифов о Соединённых Штатах в российском пространстве интернета и призван показать историю США во всем ее многообразии и многоцветии, рассказывая об американской нации за работой, о ее достижениях и неудачах, о том, как это общество преодолевало те кризисы, в которых оно оказывалось, возвращаясь к состоянию баланса, на время им утерянному, и продолжало двигаться вперед по пути обретения большего равенства и процветания.

Подобные проекты, с одной стороны, могут стать совместной лабораторией для преподавателей и студентов, а с другой — познакомить всех желающих со страной, которая на протяжении всей своей истории привлекала неизменный интерес жителей России (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия), была удобным объектом для сравнения, вызывала сильные эмоции и чувства, желание догнать и перегнать ее, быть не хуже, а в чем-то и лучше, чем она. Эта притягательность американского Другого соседствовала с отсутствием систематического знания о нем на бытовом уровне, в среде политиков и общественных деятелей, журналистов и публицистов. И в итоге становилась основой для упрощенных объяснительных схем, возникновения долгосрочных мифов и стереотипов. И пусть русские всегда знали Америку лучше, чем американцы Россию, с течением времени данная тенденция не исчезала. Вот почему историю российско-американских отношений должны рассказывать широкой публике не публицисты, журналисты и блогеры-дилетанты, а профессиональные исследователи, занимающиеся данной проблематикой.

А изучать и популяризировать ее следует не только для того, чтобы можно было извлечь уроки из исторического прошлого, но и с целью понять, как настоящее дирижировало и продолжает дирижировать этим прошлым, порой мешая его превращению в предмет академической рефлексии и используя в своих конъюнктурных целях. В нынешнем веке, как и в предыдущем, это создает преграды для лучшего взаимопонимания, столь необходимого как русским, так и американцам в условиях современного международного кризиса.

Сучков М. А.
МГИМО МИД России

Американские исследования в постамериканском мире

О становлении американистики в МГИМО исчерпывающе рассказал в своей статье еще семь лет назад известный российский американист В. О. Печатнов [1]. В МГИМО, действительно, давняя самобытная школа американских исследований, представители которой сегодня присутствуют на конференции. Для нее, как и для всей советской школы американистики, характерны несколько этапов изучения. В частности, в послевоенном периоде было много исследований по истории рабочего движения, отчасти об «империалистической» внешней политике США. За ней последовал этап изучения политической истории Америки, расово-этнических отношений, функционирования американских институтов власти, идеологии массового сознания, роли государственных общественных деятелей. Наверное, несложно проследить, как каждый из этих этапов отражал те или иные политические реалии «холодной войны», отношение СССР к США, т.е. в значительной мере эти исследования были продиктованы известной политической необходимостью.

В 1990-е и в 2000-е гг. эти акценты и сами направления исследований изменились. Алексей Демосфенович Богатуров, Эдуард Яковлевич Баталов (коллеги из ИМЭМО недавно чествовали его память), Марк Арсеньевич Хрусталёв, Татьяна Алексеевна Шаклеина фокусировались в большей степени на разных аспектах американской внешней политики в российско-американских отношениях в эпоху формирования нового миропорядка. Однако в МГИМО отсутствовал специализированный экспертный центр по США, который бы одновременно аккумулировал интеллектуальный, кадровый потенциал и ресурсы для развития каких-то новых исследований с опорой на опыт предыдущих поколений американистов.

В конце прошлого года по воле ректора МГИМО Анатолия Васильевича Торкунова и по рекомендации директора Института международных исследований Андрея Андреевича Сушенцова было принято решение о создании Центра перспективных американских

исследований (ЦПАИ). В какой-то степени это отсылает нас к вопросу, который поднял Иван Иванович [Курилла] о том, что в кризисные моменты двусторонних отношений интерес к изучению друг друга в России и США снижается. Здесь было наоборот: в сложный период российско-американских отношений была проявлена политическая воля к созданию нового центра. Хотя это, наверное, всё же, редкость — здесь с Иваном Ивановичем я согласен по поводу общего тренда.

Коллеги часто интересуются: в чем, собственно, «перспективность» Центра? Слово «перспективность» здесь скорее подчеркивает, что мы не занимаемся «традиционными» исследованиями Соединённых Штатов — всё то, о чем уже говорили коллеги. Мы не фокусируемся на истории США, то есть мы изучаем вопросы настоящего, которые с учетом нарастающей скорости развития разных процессов, года через три станут нашим будущим, а лет через десять — уже недавним прошлым.

В рамках нашего Центра мы выбрали три основных направления исследований:

- 1) Внутриполитические процессы США и эволюция политических платформ обеих партий;
- 2) Американская стратегия в отдельных региональных кризисах;
- 3) Великодержавное противоборство в эпоху нового технологического уклада.

Поскольку мы являемся не кафедрой, а подразделением крупной исследовательской структуры внутри университета, подведомственного МИД России, наши исследования носят не только научный, но и прикладной характер.

Важно выделить три основных момента, которые мы имеем в виду, когда говорим о развитии американистики в постамериканскую эру. Первое — мы исходим из того, что необходимо опираться на наработанный опыт советской и ранне-российской американистики. Я убежден, что без опыта старших коллег, в том числе и всех тех, кто сегодня присутствовал и высказывался, качественно изучать «новую американистику» невозможно. То, что старшие коллеги сделали, — это огромный фундамент, на который нужно опираться новой генерации российских американистов. Какие-то темы ушли, но вернутся или уже вернулись под каким-то новым «соусом». Я ра-

нее упомянул о рабочем движении: казалось, был период, когда уже нет смысла эту тему изучать в приложении к США, «идеологическая компонента» этой темы если полностью не ушла, то присутствует не в той форме, как это было в «холодной войне». Специалисты фактически перестали об этом писать. Но мы смотрим на «полевые» демократической партии, острых споров профсоюзов рабочих и современных техногигантов, попытку создания профсоюза в Amazon — и тематика рабочего движения таким образом снова обращает на себя внимание, а труды по теме от предыдущих поколений российских американистов вновь актуальны и полезны для молодых американистов. Какие-то темы являются просто непреходящими — идеология, роль отдельных личностей или темы, которые сопровождали советско-американские отношения (контроль над вооружениями и пр.), — и поэтому преемственность исследований тут обязательна.

Второй момент. Опора на опыт прошлых поколений и исследований не исключает сохранения открытости к изменениям объекта и предмета исследования. Это то, с чего я начал: во внешней политике старые сферы сильно видоизменяются, что дает импульс развитию новых. Простой пример: стратегическая стабильность как «хребет» советско-американских отношений, как соотношение наступательных и оборонительных потенциалов, как это понималось, очень сильно изменяется. То есть «ядро» обычных и ядерных вооружений удастся поставить под контроль какими-то договорами (недавнее продление договора СНВ-3 на пятилетний период), но при этом обе стороны — России и США — плюс другие государства, конечно, пытаются наращивать свой ядерный и вообще в целом наступательный потенциал не через ядерное оружие, а через иные виды вооружений. Это и высокоточное оружие, и милитаризация космоса, о которой говорили в последние десятилетия или даже которой пугали еще с началом развития космических индустрий, — сегодня это уже реальность. Это освоение морских глубин и контроль над морским пространством, это кибер-угрозы, которые на слуху у всех, и через них отчасти тематика вмешательства. Не хотелось бы сейчас разворачивать серьезную научную полемику на эти темы, об этом можно поговорить на будущее. Думаю, понятно, о чем речь.

Всё это во многом формирует новый скелет двусторонних отношений. Может статься, что тематика «кибер» станет скоро новым

системообразующим фактором, каким в свое время была тематика ядерного оружия в советско-американских отношениях. И конкуренция, что очень важно, также переходит в новые сферы — новые технологические сферы, и самое главное — нефизические. Также идеология сегодня — во многом любопытная среда для анализа. Во внутренней политике, которая непосредственно влияет уже на внешнюю, — это тематика климата, техноплатформ, цифрового суверенитета. То, что, возможно, было значимым всегда, но также в последние несколько лет чрезвычайно актуализируется и задает повестку российско-американских отношений.

И третий тезис — это возросшая междисциплинарность. Исследователи, которые занимаются США, привыкли к тому, что США — это глобальная супердержава, у которой интересы в любом регионе мира и в любой сфере. Сегодня заниматься исследованием США нельзя или очень сложно, если у тебя нет каких-то познаний в сферах, которые вообще не относятся ни к истории, ни к политологии, ни к международным отношениям.

Почему это важно? Термин «постамериканский мир» в приложении к нашему Центру и исключительно в моем понимании — это про снижение удельного веса США в мировой политике. Это не уже не *Rex Americana*, но еще и не двухполярный, тем более не полицентричный мир. Но в отличие от многих коллег, я не склонен считать, что сегодняшняя Америка на этом закончилась. Обычно это просто проекция ощущения, что она не такая, как была.

Но самое главное, почему она не закончилась, — потому, что ключевые параметры того, что может определять мощь и влияние государств в XXI веке, пока ещё по-прежнему остаются за США. Это военная сфера, экономика, контроль над глобальной политикой и финансовым институтом и технологическое доминирование. И в этой части, в технологическом доминировании мы, не будучи техническими специалистами по всем этим темам, активно должны привлекать к коллаборациям профильных специалистов из сферы биобезопасности, пандемии, киберугроз и пр. Это очень важно для понимания того, как США пытаются обновить, восстановить, перезагрузить свое лидерство в мире и как в России нужно их изучать. Свыше 60 % от общего числа доменов управляются американскими игроками, более чем 50 % сетей доставки контента принадлежат американским компаниям, все основные провайдеры первого уровня — резиденты

США, в США же находятся и десять из тринадцати DNS-серверов [2]. Таким образом, несмотря на все разговоры об уязвимости, о проблемах в экономике, о финансовых пузырях, США по-прежнему остаются единственной страной в мире, которая может «деплатформить» любое государство. Здесь, конечно, появляются серьезные вопросы о разработке т.н. цифрового суверенитета, противодействии т.н. цифровым колониалистам и многое другое, что мы изучаем в рамках нашего Центра.

Резюмируя всё вышесказанное, когда мы говорим об американских исследованиях в пост-американскую эру, необходимо, на мой взгляд, придерживаться четырех принципов:

- 1) Понимание значимости того, что отдельные инфоповоды, на которых мы часто фокусируемся (например, импичмент, или действия Дж. Байдена, или проблемы с иммигрантами на границе с Мексикой), означают в большой стратегии США и почему это происходит.
- 2) Понимание «внутренних потоков» американского общества и политики. Мы пытаемся ответить на вопросы о том, меняются ли США в сторону «супердержавы нового типа» или «нормальной великой державы».
- 3) Понимание того, что будет определять лидерство и влияние США и вообще государств в XXI веке.
- 4) Успешные американские исследования в постамериканском мире невозможны без тесной кооперации с коллегами-американцами и с коллегами из других сфер и регионов как в России, так и за рубежом.

Думаю, в этом своеобразная квинтэссенция американистики в постамериканском мире.

Литература

1. Печатнов В. О. Американистика в МГИМО // Вестник МГИМО-Университета. 2014. Т. 38. № 5. С. 131–135.
2. Безруков А. О., Мамонов М. В., Сучков М. А., Сушенцов А. А. Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. № 2 (март-апрель) <<https://globalaffairs.ru/articles/suverenitet-i-czifra/>>

Роголев Ю. Н.

МГУ

Американистика в МГУ

Исторически американистика развивалась в двух центрах — Москве и Петербурге. Еще в середине XIX в. в Санкт-Петербурге читался курс по источникам США. Что касается МГУ, то настоящий курс истории США был предложен только в 1900 г. профессором Ф. Ф. Фортунатовым. Изучение истории США в МГУ — это дело совсем недавнего прошлого. Более того, надо сказать, что изучение истории США, преподавание истории США в МГУ (наверное, это неудивительно) отражает основные этапы истории и нашей страны, и нашего общества, и теснейшим образом было связано с ним.

Фактор первый. Изучение и преподавание нормальных, полноценных курсов — с использованием источников, первоисточников, с использованием материалов американских архивов и библиотек — стало возможным только после 1958 г. Собственно говоря, тогда появилась возможность у российских молодых исследователей поехать в США, и тогда появились три отца-основателя российской американистики в МГУ — Евгений Фёдорович Язков, Николай Васильевич Сивачёв и Игорь Петрович Дементьев, — которые и заложили основы изучения американистики в МГУ. Они ездили в США, собирали материалы и потом открыли полноценную специализацию по истории Соединённых Штатов в Московском университете. Надо сказать, что до этого, конечно, тоже специализация имела место, но она в основном обеспечивалась нашими коллегами из Академии наук. Поэтому я не могу не упомянуть, помимо наших трех отцов-основателей в Московском университете, В. М. Хвостова, А. В. Ефимова, Л. И. Зубока, Г. Н. Севастьянова, Е. И. Попову, В. Л. Малькова и Н. Н. Болховитинова. Все эти наши известные американисты внесли свой вклад в развитие специализации по истории США в МГУ.

Как только появилась эта возможность и специализация заработала на полную силу, сразу стали возможны результаты, и эти результаты проявили себя в большом интересе студентов по изучению США. Этот интерес подогревался многими обстоятельствами, мно-

гими причинами. Во-первых, он был связан с тем противостоянием, которое имело место в советское время между Советским Союзом и Соединёнными Штатами, с тем соревнованием и в космосе, и в науке, и в социальных и экономических достижениях. Это противостояние, конечно, привлекало студентов и позволяло развивать эту специализацию. Но я был бы, конечно, не совсем точен, и это было бы вопреки истине, если бы я не упомянул тот факт, что самый расцвет этих исследований в МГУ оказался связан с периодом разрядки международной напряженности, то есть это период 1970-х годов. Это проявилось по многим направлениям, не только в плане расширения самих исследований. Надо сказать, что расширение исследований в области изучения США было связано не только с Московским университетом. В этот же период возникают и институты — Институт США и Канады. Возникают и формируются Институт мировой экономики и международных отношений, Институт международного рабочего движения и другие институты Академии наук, где так или иначе изучали США.

В целом, конечно, разрядка международной напряженности и улучшение отношений между нашими странами, с моей точки зрения, сыграли ключевую роль. Почему? В этот период, если точнее, с 1974 года, в МГУ начинает работать программа «Fulbright». По инициативе Николая Васильевича Сивачёва была открыта эта программа, которая позволяла ежегодно приглашать американского коллегу, лектора, историка из различных университетов для чтения лекций по американской истории. То есть та специализация, которая осуществлялась преподавателями, которых я упомянул, дополнялась еще и тем, что в этот период начинает работать эта программа. Каждый раз это были профессора, выступавшие с разными курсами, но, что еще более важно, они привозили с собой библиотечку основных работ, основных трудов американских авторов. И эта программа действовала на нашей кафедре в течение 30 лет. Вы можете себе представить, какое количество поколений студентов смогли прослушать курсы американских профессоров за этот период. И это, мне представляется, сыграло ключевую роль в профессиональной подготовке наших студентов и в развитии специализации в МГУ.

Расширение масштабов этой специализации привело к тому, что в 1977 г. организуется лаборатория по изучению политических партий США. Был создан специальный коллектив — коллектив мо-

лодых ученых, который занялся разработкой этой проблематики. Помимо лаборатории, в МГУ в целом был создан научный координационный совет по проблемам американистики, примерно в то же время, в 1975 г., который объединял американистов самых разных факультетов и направлений. Это историки, филологи, юристы, философы, экономисты, географы, журналисты. И начал издаваться специальный сборник — ежегодник «Проблемы американистики». Это привело к тому, что изучение Соединённых Штатов не только координировалось между различными факультетами, но и выполнялись коллективные работы, в том числе междисциплинарные. Это привело к расширению границ знаний, представлений о США: читались курсы преподавателей с других факультетов, обменивались этими курсами со студентами, с различными факультетами. Это, конечно, очень сильно обогащало все стороны преподавания и изучения Соединённых Штатов.

Третий аспект, который тоже был связан с разрядкой и улучшением отношений, — это, конечно, расширение научного сотрудничества с США, помимо программы Fulbright. Программа Fulbright дала импульс, толчок этому сотрудничеству. Тем не менее она позволила выйти за пределы только преподавания и перейти, собственно говоря, к сотрудничеству. Что имелось в виду? Имелась в виду подготовка совместных работ с американскими историками, сборников, трудов. Они носили тематический характер, и их было подготовлено несколько. Сборник назывался «Российско-американский диалог по истории Соединённых Штатов». Один из первых таких сборников был посвящен новому курсу Ф. Рузвельта. Затем выходили сборники, посвященные американской революции, выходили сборники, посвященные проблемам культуры, выходил сборник по истории политических партий. Там публиковались статьи российских и американских историков, освещались проблемы, вопросы, а также давалась возможность авторам ответить на те вопросы, которые возникали у других авторов. То есть это был такой дискуссионный обмен мнениями по актуальным проблемам американской истории.

Таким образом, к концу 1980-х гг. изучение США вышло на широкий, международный уровень, и на этом же уровне осуществлялась подготовка специалистов МГУ. Но с 1990-х гг. вместе со всей страной распался Советский Союз, МГУ попал в такую же тяжелую ситуацию, как и многие другие организации. Начинается второй этап, свя-

занный с трансформацией, связанный с выживанием в значительной степени. Конечно, он привел к тому, что многие направления работы потеряли свою актуальность. В том числе была свернута работа лаборатории по изучению политических партий. Это было решение заведующего кафедрой новой и новейшей истории. Была создана, развернута группа по изучению международных отношений. Объем и размеры исследования и преподавания американской истории сократились.

Тем не менее американистика не исчезла в Московском университете. И с того времени мы, конечно, пытаемся сохранить, с одной стороны, традиции, которые были заложены, с другой стороны, добавить новые подходы, новые принципы. Первый такой принцип, который мы пытаемся соблюдать, — преподавание в изучении истории США. Первый принцип связан с более сбалансированным подходом по части изучения и новой, и новейшей истории. У нас сейчас 6 человек в группе: 3 человека занимаются проблемами новой истории, 3 человека — проблемами новейшей истории. То есть мы пытаемся соблюсти равномерный подход и в чтении курсов, и в специализации студентов, с тем чтобы не допускать перекосов. Студенты в значительной части хотят заниматься новейшими проблемами, в меньшей степени знают и готовы изучать проблемы новой истории, и тем более ранней истории, колониальной истории, и так далее.

Второй принцип, который мы пытаемся соблюдать, связан с чтением специальных курсов, лекционных курсов. Мы придерживаемся его, с тем чтобы всё-таки в лекционных курсах, в специальных курсах затрагивались важнейшие аспекты американской истории. Они должны обязательно присутствовать в этих курсах и в публикациях, которые преподаватели этого центра проводят.

Третий принцип, который мы тоже пытаемся соблюдать, связан с продолжением сотрудничества с американскими коллегами, которое осуществляется в настоящее время через Фонд Рузвельта. Это гораздо менее масштабный, меньших размеров проект. Это проект частный, но он позволяет нам и осуществлять сотрудничество, и посылать студентов, то есть сохранять для студентов-аспирантов, особенно молодых ученых, возможность работы в американских библиотеках.

Наконец, еще один принцип, который мы совсем недавно ввели. Он связан с тем, что звучало в предыдущих выступлениях. Мы ре-

шили сделать такой радикальный шаг — объединили специалистов Нового Света в одну секцию. У нас теперь не секция американистики, но секция стран Нового Света. Это не значит, что мы уже записали США в еще одну страну Латинской Америки. Но, с моей точки зрения, эта попытка более скомбинированного изучения проблем и латиноамериканских стран, и США связана с теми изменениями, которые происходят сейчас в самих США. Изменения эти хорошо известны: фактически США становится двуязычным государством. Испанский язык там получает и уже получил большое распространение. Во многих штатах население уже на 50 % латиноамериканское. Если такие миграционные тенденции сохранятся, то не только белые англосаксы-протестанты попадут в меньшинство, а просто белые американцы примерно к середине этого столетия, к 2050 году, будут представлять меньшинство населения США. По динамике, конечно, наиболее крупной диаспорой, наиболее крупной социальной группой американского населения будут латиноамериканцы. Как это изменит США, пока мы сказать не можем, но некоторые изменения мы уже ощущаем и видим. С моей точки зрения, эта тенденция будет усиливаться, если, конечно, не произойдут какие-то другие изменения в той миграции, которая сейчас в США происходит. То есть мы видим, что американское население становится всё больше не белым. Там превалируют представители латиноамериканских стран, и к ним добавляются эмигранты из ряда стран Азии и Африки. Соединённые Штаты сохраняют свою притягательность как страна с точки зрения миграции. Однако эта группа будет продолжать расти, если не произойдет что-то совсем другое: если новый Д. Трамп не поставит стену или не введут какие-то другие ограничения на иммиграцию.

Нам представляется, что дальнейшее изучение США будет связано с большим акцентом, с большим вниманием к демографическим изменениям и к изучению расово-этнических компонентов состава населения США. Соответственно, оно будет связано с вниманием к последствиям, которые приводят и в политической борьбе, и в идейной борьбе, и в позициях партий, и в политике американского государства в целом. На мой взгляд, этот процесс даже более важен с точки зрения изучения и преподавания, чем внимание, которое обычно уделяют роли Соединенных Штатов в мире, их стремлению сохранить за собой мировое господство и так далее. Сами Соединённые Штаты изнутри меняются гораздо быстрее.

Кубышкин А. И.

Санкт-Петербургский государственный университет

Три источника — три составные части современной отечественной американистики (региональный обзор)

Я хотел бы в своем выступлении рассказать о проекте, который мог бы не состояться, но он состоялся, потом он почти закончился, но он не закончился. Это процесс бесконечного движения в рамках современных реалий. Я хотел бы рассказать о Волгоградском центре американских исследований («Американа»), к которому я имел отношение на протяжении многих лет.

Создать Центр американских исследований в региональном университете было достаточно сложно. Понятно, что исследовательские центры и какие-то очаги изучения американистики в Советском Союзе возникли вскоре после создания Института США и Канады (1967). Они возникли в Самаре, они возникли в Екатеринбурге (Свердловске), в Нижнем Новгороде (Горьком), в Томске. Но в первую очередь они возникли в столицах — в Москве, в Ленинграде. В региональных центрах это было все-таки в новинку. Многое зависело от фигуры лидера, от наличия специалистов-американистов, которые были рассеяны по необъятным просторам нашей страны от Владивостока до, скажем, Самары. В этом отношении, конечно, задумка создания Центра в Волгограде представлялась совершенной авантюрой, но то время было и временем значительных перемен в стране. Первые попытки систематизировать занятия американистикой мы предприняли в 1983 году, когда организовали первую читательскую конференцию по журналу «Латинская Америка».

Я объясню, почему моя презентация называется «Три источника — три составные части отечественной американистики». Я ни в коем случае не претендую на переосмысление ленинского тезиса о важности немецкого философского идеализма, английской политэкономии, французского утопического социализма для марксизма. Но, как показал наш опыт, действительно, развитие американистики, да еще в условиях регионального университета, требует быстрой реакции и способности постараться охватить необъятное.

Здесь есть свои плюсы, есть свои минусы, но, с другой стороны, жизнь нам диктовала необходимость развивать все три источника американистики: историю Соединенных Штатов, историю Латинской Америки, историю Канады как отдельного объекта и предмета изучения.

Когда мы организовали первую конференцию, Александр Иванович Сизоненко, старший научный сотрудник ИЛА РАН, наш многолетний друг и соратник, к сожалению, ушедший из жизни, проявил огромные усилия для того, чтобы привлечь к организации этой конференции не только заместителя главного редактора журнала Ю. Н. Королёва, но и Институт Латинской Америки в целом. Конференция неожиданно для нас прошла с большим успехом. В ней, помимо преподавателей, принимали участие около 30 студентов ВолГУ, а также студенты-латиноамериканцы из волгоградских вузов. После этого у нас зародилась идея активизировать латиноамериканские исследования. Соответственно, следующими этапами были установление прочных контактов с Институтом Латинской Америки РАН (его тогдашний директор В. В. Вольский оказал нам большую помощь), с журналом «Латинская Америка» (главный редактор С. А. Микоян всемерно способствовал нашим контактам) и приобретение книг. Знаменитый советский латиноамериканист и одновременно разведчик-нелегал Иосиф Ромуальдович Григулевич-Лаврецкий любезно согласился передать в ВолГУ часть своей огромной библиотеки. Мне довелось с И. Р. Григулевичем несколько раз встречаться на различных конференциях, и он проявил интерес к тому, чтобы в Волгограде, в котором до 1980 г. не было классического университета, возник бы Центр изучения латиноамериканских проблем. Он собирался даже приехать к нам в Волгоград, но, к сожалению, так и не смог. В итоге у нас сформировался небольшой фонд специальной литературы примерно из 200, а потом 400 книг и сборников документов из библиотеки Иосифа Ромуальдовича, которая весьма существенно помогла нам начать латиноамериканские исследования. На историческом факультете ВолГУ началось и изучение испанского языка.

Работу лаборатории американистики мы начали с так называемого «Кофейного семинара», в котором студенты в непринужденной обстановке, но увлеченно занимались Латинской Америкой, писали курсовые, дипломные работы. «Смуту» внес И. И. Курилла, когда пришел в семинар, будучи студентом-третьекурсником. Кстати,

до присоединения к «кофейному семинару» он занимался изучением Смутного времени в Русском государстве. По латиноамериканскому обычаю участники семинара в перерывах между дискуссиями пили кофе, а Иван Иванович запросил чаю — тем самым у нас началось своего рода «бостонское чаепитие», и в группу латиноамериканистов влился американец, интересовавшийся дипломатической деятельностью знаменитого американского юриста, оратора и политика Д. Уэбстера.

Здесь на слайде присутствует еще один инициатор проекта — выпускник РУДН Владимир Николаевич Косторниченко, который тогда активно занимался отечественной латиноамериканистикой. Надо сказать, что из участников «Кофейного семинара» шесть человек впоследствии защитили кандидатские диссертации, трое — докторские диссертации. А Елена Цунаева, которая в центре, стала советником президента России Владимира Путина по поисково-розыскным работам. Она занимается вот этим благородным делом на протяжении многих лет. То есть никто из «кофеманов» не пропал, не оказался на обочине, хотя жизнь у всех сложилась по-разному.

Вот три составных части, три источника региональной американистики — латиноамериканистика, история, внешняя политика и культура США и канадоведение. И три руководителя Центра, последовательно сменявшие друг друга на протяжении 25 лет: ваш покорный слуга, И. И. Курилла и Т. В. Нелин. За первые 5 лет существования Центр добился достаточно больших успехов, потому что он пользовался хорошей репутацией среди грантодателей, среди научной общественности страны. Нам очень помогали как администрация ВолГУ, так и ведущие отечественные и зарубежные ученые, преподаватели, дипломаты.

Первый наш рабочий отчет за 5 лет работы насчитывал 60 страниц. Главные задачи Центра заключались не только в проведении научных исследований, но прежде всего — в образовательной и просветительской деятельности. Мы старались использовать все возможные механизмы, для того чтобы привлечь студентов и заинтересованных лиц к изучению истории, культуры, литературы Америки, — от археологов до фольклористов (солистов нашего казачьего фольклорного ансамбля Волгоградского университета «Фомин день»).

Одним из отцов-основателей собственно североамериканского направления мы считаем известного советского и российского ис-

торика, академика Николая Николаевича Болховитинова, который буквально спас нашу первую научную всероссийскую конференцию, а также был самым строгим рецензентом первого сборника «Американа», который мы начали выпускать с 1996 г.

Центр американских исследований ВолГУ официально был создан в 1995 г. До этого мы пребывали в статусе лаборатории. Как вы понимаете, в другое время он открыться бы не мог. Это были времена дружественных российско-американских отношений, времена «друга Билла и друга Бориса», поэтому была возможность пойти на определенные риски. Вообще, надо сказать, бюрократическая регламентация в ВолГУ в те времена была сведена к минимуму. Мы получили поддержку от ректората, получили поддержку от спонсоров, в том числе и волгоградских предпринимателей, которые помогали нам организовывать конференции и семинары. В этом отношении нам работалось достаточно комфортно.

Еще один из основателей латиноамериканского направления в нашем Центре — профессор СПбГУ Лазарь Соломонович Хейфец, который также активно участвовал в наших мероприятиях. Естественно, мы очень активно сотрудничали с американским, канадским и мексиканским посольствами. Практически все сотрудники Центра неоднократно выезжали на конференции и стажировки в университеты США и Канады, а автор этих строк в 1997 г. был удостоен степени почетного доктора Мэнсфилдского университета. Сотрудники «Американы» также выигрывали стипендии программ Фулбрайта и Кеннана, были участниками известного международного семинара по американским исследованиям в Зальцбурге (Австрия). На этом слайде, наверное, многие американисты узнают хорошего знакомого, а для кого-то и друга Джона Брауна, атташе по вопросам культуры посольства США, который оказывал нам, прямо скажем, большую поддержку. Мы ему очень благодарны до сих пор.

В Центре были разработаны и стали читаться в рамках учебных программ курсы по истории и внешней политике США, по истории Канады, по истории Латинской Америки. Следующим этапом после североамериканских исследований мы открыли специализированное направление по Канаде. В 2003 г. мы вступили в РАКС (ныне РОИК — Российское общество изучения Канады) и с тех пор с ним весьма плодотворно сотрудничаем. В ВолГУ было организовано Поволжское общество изучения Канады (филиал РОИК).

Практическим результатом наших исследований стала публикация трех серий научных сборников: во-первых, *Americana* (сейчас вышло 16 выпусков, в них опубликовано 390 статей); во-вторых, совместный российско-американский проект «Переосмысление Канады» (вышло 8 сборников, которые мы издавали с Пенсильванской ассоциацией канадских исследований); наконец, специальный сборник для молодых канадологов «Канадские тетради» (вышло 3 выпуска) — это первая проба пера для тех, кто заинтересовался Канадой. Кроме того, под эгидой «Американцы» вышли в свет полтора десятка монографий и учебных пособий.

Нужно отметить, что интерес к деятельности Центра в университете был большой, студенты охотно посещали не только учебные курсы, но и семинары, и различного рода мероприятия. У нас была очень хорошая волонтерская поддержка для организации научных семинаров и конференций, в том числе международных. Мы проводили их и в Волгограде, и за Волгой, где природа более способствует спокойному и свободному общению.

Особо следует отметить наше многолетнее и плодотворное сотрудничество с Центром американистики, который возник примерно в то же время в Волгоградском государственном педагогическом университете и возглавлялся известным специалистом в области межкультурной коммуникации О. А. Леонтович. С коллегами из ВГПУ мы не конкурировали, а гармонично дополняли друг друга, участвуя в совместных публикациях и организации научных мероприятий.

Илья Анатольевич Соков, тоже наш бывший студент, ныне доктор исторических наук, продолжает развитие канадологических исследований в Волгограде. Я хотел бы еще отметить большую роль, которую сыграл в активизации канадологических исследований и профессор СПбГУ Юрий Германович Акимов, также неоднократно посещавший наши мероприятия. Центр активно участвовал в обменных программах ВолГУ с университетами США. Более 150 студентов из Волгограда стажировались и учились в США. Примерно 200 студентов и 40 преподавателей из США, Канады прошли стажировку в ВолГУ. Это, не считая почетных гостей. Так, практически каждый год к нам приезжали преподаватели из Мэнсфилдского университета (Пенсильвания) и из Кента (Огайо), из других университетов, а также из канадских университетов. Вот в данном случае на слайде профессор университета Дэльхаузи (Новой Шотландии)

Мартин Жако. Всё это было достаточно плодотворно и в научном плане. Так, совместно с Мэнсфилдом в США и России были опубликованы два научных сборника.

В 1998–2002 гг. Центр участвовал в подготовке и организации совместных российско-американских археологических экспедиций. Всего состоялось четыре таких экспедиции на территории Волгоградской области и в Пенсильвании. Экспедиции возглавлял с российской стороны известный сарматолог, профессор ВолГУ А. С. Скрипкин, с американской — профессор антропологии и археологии А. Мэйб. При поддержке американских коллег волгоградские археологи приняли участие во Всемирном антропологическом конгрессе в Вильямсберге (2000), США.

Множество конференций мы изобретали просто на ходу, лоя, что называется, горячие тренды. Так, конференция на тему «Human Security» была одним из первых мероприятий в России, посвященных этой проблеме. В 2008 г. мы также одними из первых провели конференцию, посвященную творчеству известного канадского философа Дж. Гранта, выпустили сборник, посвященный памяти еще одного знаменитого канадца М. Маклюэна, а в 2009 г. провели конференцию, посвященную канадскому мультикультурализму, куда приезжали и канадские, и американские, и российские исследователи. Центр организовал также большую конференцию, посвященную отношениям России и США в период Гражданской войны (1861–1865 гг.).

Я должен сказать, что нас посещали достаточно высокие официальные лица: Джозеф Бернс, тогда посол в РФ, приехал в наш Центр и сделал презентацию о развитии отношений между нашими странами, ответил на многочисленные вопросы волгоградских студентов. Его визит стал началом очень интересного этапа в развитии Центра. Времена менялись, менялась политическая конъюнктура, но тем не менее эта встреча была достаточно успешной и продуктивной. Нужно сказать, что наш Центр в 2010 г. посетил и посол Канады в РФ Ральф Лисишин. Иван Иванович Курилла его встречал и сопровождал по университету. Сегодня наши контакты с Канадой успешно продолжаются. Илья Анатольевич Соков уже выпустил три монографии по истории Канады, учебник по истории Канады и достаточно продуктивно работает в этой области и сейчас.

Задолго до того, как началась война с памятниками в США и на Украине, И. И. Курилла, чутко уловивший тенденцию нараста-

ния «войн памяти» в современном мире, провел несколько мероприятий, в том числе конференцию «Памяти памятников» в 2011 г., которая тоже вызвала очень большой интерес. Известный российский ученый Эмиль Паин был одним из ключевых докладчиков на этой конференции. Мы видим, что проблема действительно становится очень актуальной и превращается из чисто орнаментальной, событийной фактуры в серьезную историческую, методологическую, даже философскую проблему, которую необходимо изучать, анализировать и делать выводы. В каких-то моментах американцы повторяют то, что произошло у нас в период революции 1917 г. и в начале 1990-х гг., то, что происходило в ряде других стран, в частности в Китае в 1960-х гг. в период «культурной революции». Американцы начали даже поговаривать о некоем варианте культурной революции в США. Это само по себе симптоматично.

Надо сказать, что после моего отъезда в Петербург (это было нелегкое, но тем не менее радостное событие в моей жизни) я работал на кафедре, которую сейчас возглавляет Наталья Александровна Цветкова, а до этого — Борис Анатольевич Ширяев. Работа волгоградского Центра продолжалась, ее успешно продолжал Иван Иванович Курилла, пока тоже не переехал в Петербург, и сейчас он успешно работает в Европейском университете. Эстафету подхватили Т. В. Нелин и И. А. Соков. Особенно успешно развивались исследования в области политической истории Канады. Вот и на этом слайде три ведущих канадологов: Илья Анатольевич Соков, Василий Иванович Соколов и Владимир Григорьевич Холоднов.

Вся эта система и традиция научного взаимодействия и сотрудничества продолжается, и мы, уехав из Волгограда, не теряем связи с ВолГУ. Хотя Центр «Американа» официально больше не существует, увы. Тем не менее в сентябре 2020 г. мы провели еще одну конференцию, приуроченную к 25-летию создания Центра, которая была организована тоже при содействии Института Латинской Америки РАН и Центра общественной дипломатии ВолГУ. Таким образом, всё возвращается на круги своя. Мы начали с Института Латинской Америки и продолжаем с Институтом Латинской Америки. Конференция была посвящена Д. Трампу и политике его администрации в Латинской Америке. Вроде бы не самое главное направление во внешней политике администрации Трампа, но вызвавшее очень интересную полемику. Мы продолжаем публиковать свои работы в научных жур-

налах ВолГУ и продолжаем издание *Americana*, которое сейчас находится в состоянии переформатирования.

В заключение я хотел бы сказать, что этот эксперимент, этот проект сейчас бы вряд ли был бы возможен, так как сейчас в стране иная политическая, психологическая и финансовая ситуация. Тогда мы смогли уловить потребность в возникновении и в более глубоком, более продуктивном и квалифицированном изучении американистики вне пропагандистских штампов, вне стереотипного восприятия Америки как извечного врага. Нам кажется, что мы на определенном этапе это смогли делать достаточно успешно. Свидетельством является, в частности, недавнее издание интересной книги И. И. Куриллы о «заклятых друзьях», плод размышлений о сложном и противоречивом взаимовосприятии россиян и американцев, которые Иван Иванович выработывал во время своей работы в Центре.

Раздел III

АМЕРИКА СЕГОДНЯ

Курилла И. И.

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Переосмысление Гражданской войны и кризис американской идентичности

Два ключевых слова моего выступления — это «идентичность» и «культурные войны». Примерно то, что происходило в последние десятилетия с отношением к прошлому в Восточной Европе, вдруг ярко вспыхнуло и в Соединённых Штатах. И то, что сами американцы называют обострением «культурных войн», имеет причину в коренном изменении того, что конструктивисты именуют «американской идентичностью».

Вопрос «кто мы такие?» — ключевой для определения идентичности — имеет два варианта ответа. Во-первых, это ответ «изнутри», то есть ответ про свою историю. Мы — это наследники какого-то героического и трагического прошлого. Во-вторых, это ответ в виде сравнения. Мы — это НЕ кто-то другой. То есть большой конституирующий «Другой» — это тот народ, та страна, с которой себя привычно сравнивать. И мы видим, как в последние 4-5 лет в американской политике, с одной стороны, обострились споры, конфликты по поводу ключевого события американской истории, Гражданской войны: мы видели сносы памятников, массовые выступления по поводу отношения к прошлому. И с другой стороны, обострились споры по поводу России и российского вмешательства, вообще роли России в американской политике. Неожиданно и то, и другое приобрело масштабы, которые трудно было бы себе представить без объ-

яснительной рамки культурных войн, потому что, если даже принять все представления американских журналистов и о мотивах южан, и о действиях России, всё равно эмоции, которые захлестнули американскую прессу, американских политиков, публично выступавших, трудно объяснить на одном лишь рациональном уровне, на уровне политического анализа. Мне представляется, что здесь политический анализ должен использовать конструктивистскую методологию. Тогда мы увидим, что действительно и спор про прошлое, и спор про Россию взаимосвязаны.

Взаимосвязаны они рамкой культурных войн, которую Д. Трамп вывел на поверхность. Я не считаю, что Д. Трамп был причиной культурных войн. Я согласен с выступавшими раньше, что Д. Трамп позволил им вырваться на поверхность, то есть Д. Трамп дал голос, стал олицетворением почти половины Америки, которая была недовольна тем, куда Америка идет, и таким образом обострил тлевший раньше или незаметный внешнему глазу конфликт. Он вывел его на поверхность и сделал уличной политикой: начались буквально столкновения на улице по поводу прошлого. То, что мы видим в этом отношении американцев к своему прошлому, мне кажется, дает нам любопытные подсказки по поводу того, что можно ожидать от американского общества в отношении к России. Об этом я еще скажу позже, хотя предупреждаю, что это будет спорный тезис.

Однако сначала поговорим про отношение к прошлому. На чем сфокусировалась борьба вокруг американского прошлого — мы видели. Началось всё с борьбы против памятников конфедератам, против памятников Роберту Ли, генералам и безымянным солдатам Юга, которые сносили, которые начали демонтировать именно в тот год, когда Д. Трамп стал президентом. В 2017 году началась эта волна сноса памятников, когда в Новом Орлеане демонтировали памятник Роберту Ли — это был май 2017 года. После этого очень быстро волна сносов памятников Роберту Ли охватила Америку, вплоть до конфликта в Шарлотсвилле, когда группы людей, защищающих памятники и требующих их сноса, крайне правые и радикально левые, приехали в этот город, и все закончилось трагедией. Представитель правых въехал на машине в группу левых — женщина погибла, и были еще раненые. То есть 2017 год был первым годом массового конфликта по поводу памятников Конфедерации. Этот конфликт продолжался, он перешел частично в суды, в решения штатных пра-

вительств и в местное самоуправление на протяжении следующих пары лет.

В 2020 г. вместе с выступлениями ВЛМ он приобрел новую силу. Отличие событий 2020 г. от 2017 г. в том, что теперь мишенью стали не только памятники конфедератам (Роберт Ли — уже традиционная в этом смысле фигура), а гораздо более широкий круг памятников. Больше 30 памятников Х. Колумбу оказались демонтированы, перенесены или вандализированы в 2020 г., так же как памятники деятелям Гражданской войны, что важно — теперь не только южанам. В 2020 г. даже несколько памятников А. Линкольну оказались вандализированными или демонтированными, то есть человеку, который, вообще-то, олицетворял на протяжении всего времени — в 2017 г. так еще казалось — светлую сторону Гражданской войны. Однако в 2020 г. на одном или на двух памятниках его замазали краской и написали слова «Дакота 38» в память о 38 индейцах племени дакота, которых казнили либо по приказу А. Линкольна, либо с его одобрения во время Гражданской войны. Два памятника начали демонтировать (один в Бостоне, другой, похожий, в Портленде), которые были поставлены в память об освобождении А. Линкольном рабов. Но с сегодняшней точки зрения на этих памятниках А. Линкольн изображен в позе триумфатора, а раб, поднимающийся с колен (это традиционная картинка, которую еще аболиционисты часто рисовали), сейчас выглядит униженно для афроамериканцев. Он, как кто-то написал из журналистов, как будто чистит А. Линкольну ботинки. И теперь эти памятники тоже удаляются. Оказывается, что мишенью сегодняшней стали не только памятники южанам, но и частично памятники северянам, собственно, самому А. Линкольну.

Я бы сказал, что под вопрос попадает сама роль Гражданской войны в американской истории, в американском представлении о себе, в американской идентичности. Это хорошо заметно, если мы увидим, какие споры возникают по поводу замены. Есть, конечно, предложение историков — Американской исторической ассоциации — музеефицировать памятники, сделать что-то вроде памятника на Крымском Валу или парка «Мементо» в Будапеште, то есть свезти памятники южанам в одно место. Кто-то предлагает их контекстуализировать — поставить рядом с памятниками южанам как-нибудь объясняющие таблички или какую-то контрфигуру, которая бы всему памятнику придавала другое значение. Эти пред-

ложения очень быстро ушли на второй план. На первый план вышло обсуждение, кого поставить на это место. Что интересно: в первую волну были предложения поменять Ли на Линкольна, тем более та же буква, или на слово «свобода» (liberty). Была такая школа под Вашингтоном — «Вашингтона и Ли». Ее хотели переименовать в школу «Вашингтона и Линкольна», а теперь она стала школой «Вашингтона и Либерти», видимо, главное — аббревиатуру было сохранить.

Во всяком случае переименование в Линкольна уже ушло из повестки, и никакие переименования или установки памятников А. Линкольну больше не обсуждаются. Что интересно, все меньше обсуждается и установка памятников черным аболиционистам, то есть Ф. Дугласу и Г. Табмен, — а эти имена были в центре многолетних попыток интеграции в американский нарратив Гражданской войны черных активистов. Сейчас они тоже ушли на второй план, хотя изображение Гарриет Табмен вроде бы всё-таки будут размещать на двадцатидолларовой купюре вместо Эндрю Джексона. Это идея, которая появилась еще при президенте Бараке Обаме, а при Д. Трампе ее отложили на неопределенное время. С возвращением демократов, с приходом Дж. Байдена в Белый дом одним из первых решений было заявлено, что купюра всё-таки будет изменена в ближайшее время. Так вот, если мы посмотрим на обсуждение именно памятников, то увидим, что обсуждаются и даже устанавливаются уже памятники деятелям движения за гражданские права 1960-х гг., то есть продвигается коммеморация совершенно другой эпохи. На место памятников деятелям Гражданской войны предлагается устанавливать памятники — в более мягком варианте Мартину Лютеру Кингу, — но гораздо более популярными являются Мальком Икс или даже Хьюи Ньютон, то есть основатели «Нации ислама» и основатель «Чёрных пантер». Это люди, которые, с точки зрения афроамериканской общины, олицетворяют активность афроамериканцев, их активную роль, деятельную роль в американской истории.

Таким образом, мы видим, что это фактически движение к смене представления американцев о себе. Гражданская война остается эпизодом в истории скорее белой общины американской нации. Для черного же населения Соединенных Штатов Гражданская война оказывается совершенно не их эпизодом. То есть, несмотря на то что Гражданская война была войной за отмену рабства, это была прежде всего война между белыми. Мы 50 лет видели попытки интеграции черных

в эту историю Гражданской войны: появление книг о черных батальонах на Севере, усиление публичной памяти, общественной памяти о Г. Табмен и Ф. Дугласе — но это не сработало. Гражданская война для новой Америки, для Америки с новой идентичностью не является осевым событием ее истории. Любопытно, что в популярной книге Говарда Зина «Народная история США» (ее издавали тиражом более 2 млн) история Гражданской войны представлена как история бунта нью-йоркских ирландцев. Там нет ничего про войну как борьбу против рабовладения. Это совершенно новое представление об истории США, в котором Гражданской войны как центрального события нет. Теперь центральное событие — это то событие, где участвовала афроамериканская община, возможно, другие национальные общины, не белые. Это уже не история белой англосаксонской Америки, какой она была еще до недавнего времени. Это смена идентичности, которая вот таким образом в сносе памятников себя, очевидно, проявила.

И здесь я бы хотел вернуться к спорному тезису, я буду рад его обсудить. Мы видим, что смена идентичности сопровождалась такими «последними боями». Фактически ведь что такое снос памятников южанам? Это попытка наказать, уничтожить того «Другого», с которым сосуществовали 150 лет. Тот компромисс, которым завершилась Гражданская война, отвергнут — мы присутствуем при начале уничтожения этого южного внутреннего «Другого», что, в общем, и является частью появления новой американской идентичности. Мы видим также, что параллельно произошло обострение американских споров о «российском вмешательстве» в целом политического использования России. До недавнего времени я склонен был думать, что уничтожение внутреннего «Другого» приводит к усилению роли внешнего.

Сегодня я подумал, что, может быть, это совершенно другой процесс. Может быть, это процесс ухода России из роли конституирующего «Другого» для Соединенных Штатов: не усиление этой роли, а процесс ее уничтожения как конституирующего «Другого». Если мы посмотрим на содержание споров о России в последние годы, они отличаются от споров времен «холодной войны» или более ранних. Россия — это страна, с которой себя уже не сравнивают. Это страна, которая мешает, но это не страна, которая является вызовом сущности, идентичности американцев. Не являются ли те споры, которые мы наблюдаем в американском обществе в от-

ношении России, последним аккордом долгого периода, когда США рассматривали Россию в качестве конституирующего «Другого»? Наверное, на следующем этапе Китай займет это место — может быть, и нет, но этот этап гораздо ближе, чем нам кажется. Я обычно отвечал на вопрос, что в Соединенных Штатах так много накоплено разговоров о России, что этого наследия еще надолго хватит. И сейчас, сравнивая эти события с событиями борьбы против собственной истории, мне подумалось: не является ли это окончанием большого важного периода в истории российско-американских отношений?

Гарбузов В. Н.

Институт США и Канады РАН

Уроки и наследие Дональда Трампа

Перед тем как перейти непосредственно к теме доклада, я хотел бы сказать пару слов об американистике. Борис Анатольевич Ширяев стал переходящим знаменем от одной эпохи к другой в развитии нашей американистики. В Ленинграде было несколько школ американистики. Одна формировалась в Институте истории под руководством Александра Александровича Фурсенко; другая — в университете им. Герцена под руководством Виктора Константиновича Фуряева, которая делала очень много для воспитания американистов, и они рассеялись по всей стране и формируют уже региональные школы американистики. Казалось какое-то время назад, что американистика уходит из нашей второй столицы, если бы не Борис Анатольевич. Он, конечно, очень много сделал для того, чтобы перенести ее с исторического факультета на факультет международных отношений. И не просто перенести, а действительно создать мощную школу американистов, которая, конечно, известна не только своим семинаром, но и научными трудами, заметна на пространстве отечественной американистики.

Теперь непосредственно к моему выступлению. Уже много говорилось о наследии Д. Трампа и о том, что оставил президент после себя. Надо сказать, что даже тогда, в 2016 г., когда Д. Трамп еще даже не победил, но многие знающие люди в самих США говорили о будущем наследии. Тогда задавались вопросом: что президент может оставить после себя, кроме выжженного поля в Вашингтоне? Многие эксперты были уверены, что человек, который особенно ничего не понимает в политике и государственном управлении, мало какой вклад может внести.

Но я бы смотрел на эту проблему другими глазами. Американцы любят говорить о наследии каждого президента. Если вы посмотрите все монографии, которые выходят, по любому президенту, всегда последняя глава — «Наследие». Кто-то говорит о результатах, об итогах деятельности президента, но я смотрел на понятие «наследие»

иначе. То есть наследие — это ведь не просто итоги деятельности той или иной администрации. По-моему, наследие — это то, что остается после деятельности президента, когда он уходит и когда эпоха его уходит, а это всё остается, живет и влияет на последующие поколения людей. В этом плане образцовым, конечно, является наследие Ф. Д. Рузвельта. Президента Рузвельта уже давно нет, эпоха его давно прошла, но поколение ныне живущих американцев, сами того не осознавая, живут в той конструкции и тех рамках, которые были заданы при Ф. Рузвельте.

На мой взгляд, чтобы говорить о наследии, надо понимать, каков масштаб этого наследия, глубина этого наследия и, что еще очень важно, — необратимость. Если подходить по таким параметрам к тому, что оставит после себя Д. Трамп, то, можем ли мы сравнить это с тем, что Ф. Рузвельт после себя оставил? Я думаю, конечно нет! Но всё-таки и других президентов мы не можем сравнить в этом плане с Ф. Рузвельтом. Наследие каждого последующего президента намного меньше: менее масштабно, менее глубоко уходят его корни, менее значимо, чем наследие Ф. Рузвельта. В силу самых разных причин.

Если говорить об итогах деятельности Д. Трампа, то, конечно, можно перечислить целый список того, что он оставил после себя и во внутренней политике, и в экономике. Я думаю, конечно, и пандемия, которая многое перечеркнула из того, что было сделано значительного, — это тоже наследие Д. Трампа. Во внешней политике я бы, как многие делают, не мазал всё черной краской, потому что Д. Трамп, конечно, отличался тем, что он ставил задачи, выявлял какие-то очень важные проблемы, давал простые пути их решения. Что-то решалось, что-то не очень решалось, но тем не менее он пытался это сделать.

И если в целом говорить о наследии Дональда Трампа, то, наверное, его можно было назвать сегодня либо тяжелым, либо противоречивым, либо неоднозначным. Но в полной мере написать настоящую главу «А что такое наследие Трампа?», я думаю, можно было бы только спустя только какие-то годы. Может быть, после президентства Дж. Байдена был бы смысл описать по-настоящему то, что останется от наследия Д. Трампа после президентства Дж. Байдена. Конечно, Дж. Байден с самых первых дней своего президентства начал ту ревизию политики Д. Трампа, которую он проводил. И это

было ожидаемо. Конечно, историки, вообще говоря, не любят писать зачастую по горячим следам. Они любят, чтобы события исторически отстоялись, и не только, потому что могут появиться какие-то документы, но просто появится какой-то новый взгляд на текущие события. Пока, когда мы характеризуем наследие Д. Трампа, скорее всего, мы характеризуем его непосредственные итоги. Итоги его президентства. Но часть из них уже ушла в прошлое и, я думаю, не вернется. Часть из них остается, и нынешняя администрация пытается каким-то образом их решить. Но что, действительно, останется в чистом остатке после президентства Дж. Байдена, будет оно один срок или два срока, — это, я полагаю, такой открытый вопрос. Может быть, легче сейчас говорить об уроках эпохи Д. Трампа. Их тоже, может быть, и много, а может быть, и немного. Я вообще предпочитаю останавливаться всего на трех, но крупных уроках этой эпохи. Причем это уроки универсальные не только для Д. Трампа, не только для республиканцев, не только для демократов, но, вообще говоря, для всех тех, кто занимается политикой, кто включен в эту политику непосредственно в качестве действующего лица.

Первый урок. Я уже об этом на разных конференциях говорил и упоминал. «Не хочешь меняться — получишь Трампа!» Это вот классический урок, который вся история с Д. Трампом подтвердила. Республиканская партия прежде всего, которая, конечно же, была поражена таким мощным тройным кризисом до Д. Трампа: электоральный кризис, кризис политических установок и кризис лидерства. Она в силу — я думаю, что это важная причина, — своего консерватизма, в силу своей инерции не предпринимала, по сути дела, особых усилий для того, чтобы изменить ситуацию, чтобы самой измениться, не понимая, что принцип «хочешь выжить — надо меняться» надо всё-таки регулярно применять к своей деятельности. В итоге случилось то, что случилось. В США во времена Б. Обамы поднялась левая волна, которая вызвала ответную реакцию в виде правоконсервативного «Движения чаепития». А уже на этой правоконсервативной волне поднялся Д. Трамп. То есть эта волна вынесла Д. Трампа, который, собственно говоря, был полон энергии, решимости сделать то, что не сделало руководство республиканской партии. Он призвал к переменам, причем к радикальным, в стране, которая, конечно, нуждалась и нуждается в реформах. Но, наверное, профессиональная элита, может быть, сделала бы это лучше, если бы она

была бы заряжена этим реформистским зарядом, чего не случилось. Явился Д. Трамп. Если посмотреть на всю современную американскую историю после Второй мировой войны, то мы увидим, что в этой преимущественно либеральной стране существует, живет мощный консервативный сегмент. Сейчас мы понимаем, и уже на уровне обычного сознания, ясно, что это половина Америки. Но особенность этого консерватизма такова, что на протяжении многих десятилетий он находился в спящем состоянии. Но были периоды, когда он просыпался. Я люблю приводить высказывание Ирвинга Кристола, который в отношении консерватизма говорил: «Когда Америке плохо, в ней просыпается консерватизм». Я думаю, что, скорее всего, он был прав.

Так вот, «когда Америке плохо, в ней просыпается консерватизм» — по сути дела, большие консервативные волны наблюдались три раза. Первая волна — это Б. Голдуотер, 1964 г. Тот консерватизм — это уже устоявшаяся характеристика — очень часто называют диким, необузданным, буйным или экстремистским консерватизмом. В силу этого Б. Голдуотер, по большому-то счёту, и не победил. Но тогда консерваторы извлекли уроки из движения Б. Голдуотера и из этой волны. И появилась новая консервативная волна спустя определенное время — это был Р. Рейган, который был знаменем этого консерватизма. А вот этот консерватизм уже был другим. Он стал respectable. И только приобретя respectable, создав свои средства массовой информации, журналы, каналы, этот консерватизм был воспринят американским обществом. Третья волна консерватизма связана, конечно, с Трампом. А вот это какой консерватизм? Я бы его назвал авторитарным. Конечно, никакой он не respectable. От Р. Рейгана Д. Трамп не взял никакой respectable. Это авторитарный консерватизм. Тоже консервативные массы шли за Д. Трампом, но его вряд ли можно назвать тем консерватизмом, который достиг аналогичных успехов с администрацией Р. Рейгана. Вот это волны консерватизма.

Возвращаясь к урокам: второй урок из эпохи Д. Трампа — «У сложных проблем — нет простых решений». Д. Трамп, конечно, был массовый великий упрости́тель, как и Р. Рейган. Он поставил массу проблем, которые есть и были у США, и дал простые рецепты их решения. На уровне мобилизации масс, на уровне избирательной кампании — это как раз то, что было надо. Сложная проблема —

простой путь решения — избиратель идет за тобой. Но когда он оказался в Белом доме, то оказалось, что такой рецепт не очень годится. Оказалось, что старые, застарелые проблемы решить очень и очень непросто в силу объективных и субъективных причин. Я думаю, что здесь не надо об этом говорить, потому что мы все говорим на одном языке и понимаем, что там происходит.

И третий урок. Кстати говоря, это тоже универсальный урок. Когда я думал над ним, я, конечно, имел в виду прежде всего Россию. Но он тоже универсальный. Уж столько было иллюзий в отношении Д. Трампа и российско-американских отношений! И каждый год об этом говорилось, и было понятно, что мало что, кроме всех этих словесных демаршей Д. Трампа в адрес В. В. Путина и России, дальше пойдет. Но тем не менее иллюзии российской политической элиты сохранялись до последнего времени. А я думаю, что и до последних выборов в Соединённых Штатах Америки. Так вот этот урок: «Иллюзии всегда опасны». Потому что они создают иллюзорный мир, они создают некий мир надежд, которые не прикреплены к фактам и каким-то реальным событиям. Нужно держаться за реалии. Отрыв от реалий создает мир иллюзий и, в общем, создает неправильное восприятие контрагента, партнера или партнера по переговорам. И выйти из этого мира иллюзий в политике бывает очень и очень сложно.

Я назвал только три урока из эпохи Д. Трампа. Я думаю, что, если посидеть и подумать, можно еще назвать несколько, а может быть, с десятков разных более или менее значимых уроков, но они есть. И я думаю, что уроки тоже относятся к наследию Д. Трампа. Всё-таки эта эпоха — особая, и я думаю, что она будет отнесена к эпохе наиболее интересной в американской истории, она необычная. Своей необычностью она, конечно, всегда будет привлекать историков. Историография Д. Трампа только начинается, о нем пишут статьи, по следам событий — книги. И я думаю, что это будет тот президент, та администрация, историография которой будет наиболее обширной, масштабной и интересной. Так что я полагаю, что мы находимся только в начале этой эпохи Д. Трампа. И о Дж. Байдене невозможно говорить, не отталкиваясь от Д. Трампа.

Печатнов В. О.
МГИМО

Штурм Капитолия 6 января 2021 г. как апофеоз «трампизма»

Посеешь ветер — пожнешь бурю.

Тема штурма Капитолия 6 января сего года может показаться мелкой на фоне больших тем пленарного заседания нашего семинара. Но мне кажется, что она интересна тем, что, во-первых, это беспрецедентное событие в американской истории само по себе, а во-вторых, что в нем, как в капле воды, отражаются очень важные и глубинные тенденции, связанные с эволюцией американского правого популизма в его «трампистском» варианте.

При всей неожиданности и некоторой абсурдности этого события в нем была своя логика и даже неизбежность, поскольку оно стало закономерной кульминацией двухмесячной кампании Дональда Трампа и его сторонников по аннулированию итогов президентских выборов 2020 г., а в более широком плане — кульминацией всех четырех лет правления несистемного президента. Известно, что еще до подсчета голосов в стране началась, по сути, превентивная дискредитация будущих результатов голосования, потому что Д. Трамп с самого начала заявлял, что он не проиграет, если выборы будут честными.

Предлоги для этого использовались самые разные: обвинения в подтасовке голосов, в махинациях с программным обеспечением при проверках бюллетеней и т.д. Для начала Д. Трамп и его юристы попытались ограничить время подсчета бюллетеней предварительного и заочного голосования через вмешательство Верховного суда, поскольку таким образом голосовали в основном сторонники демократов, серьезнее республиканцев относившиеся к ограничительным мерам в разгар пандемии, когда ношение защитных масок превратилось в предмет межпартийной «культурной войны» [1]. Верховный суд, несмотря на преобладание в нем консерваторов, отклонил этот иск. За этим последовала попытка оспорить в окружных федеральных судах итоги голосования по штатам. В общей слож-

ности командой Трампа было подано свыше шестидесяти исков, из которых только один был принят к рассмотрению, а остальные отклонены за явным отсутствием доказательств. Состоявшийся согласно этому судебному решению пересчет голосов в Джорджии не изменил результата голосования. На следующем этапе Белый дом попытался заставить legislatures республиканских штатов выставить альтернативные списки выборщиков, которые бы отказались признать результаты голосования в своих штатах. Но и эта затея провалилась даже в наиболее лояльных Трампу штатах. Попытка Трампа заставить министра юстиции и своего верного сторонника У. Барра подключить его ведомство к опротестованию итогов выборов также не имела успеха. Заключительным этапом стала кампания Белого дома по оказанию давления на республиканских чиновников в ключевых штатах — губернаторов, секретарей избирательных комиссий — с целью заставить их бойкотировать итоги голосования. Венцом этой кампании стал нашумевший звонок Трампа секретарю избирательной комиссии Джорджии республиканцу Б. Раффенспергеру с требованием «срочно найти 11780 голосов», которых ему не хватало для победы в этом штате [2]. После того как все остальные варианты дезавуирования итогов выборов были исчерпаны и 14 декабря выборщики всех штатов проголосовали в соответствии с волей своих избирателей, оставалось лишь одно крайнее средство — сорвать утверждение итогов выборов Конгрессом, намеченное на 6 января. Это можно было сделать либо путем отказа республиканских законодателей во главе с председательствующим в Сенате вице-президентом М. Пенсом признать итоги выборов, либо за счет срыва всей процедуры голосования в обеих палатах каким-то неведомым доселе способом.

Страна застыла в напряженном ожидании дальнейших действий непредсказуемого президента, который упорно отказывался признать свое поражение. Демократы и сочувствующие им СМИ всерьез опасались узурпации власти уходящим президентом, вплоть до введения им чрезвычайного положения и даже военного переворота, предлагавшихся его рьяными сторонниками типа бывшего советника по национальной безопасности М. Флинна (осужденного за лжесвидетельство и помилованного Трампом). Иронизируя над этими страхами, консервативный обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Р. Дюдат счел подобные сценарии нереальными в силу как объективных при-

чин (отсутствия у Трампа необходимой институциональной опоры в военном и разведывательном сообществе, судебной системе, федеральной бюрократии, СМИ), так и субъективных качеств самого Трампа: «Наш слабый, крикливый, зараженный ковидом глава исполнительной власти не замышляет переворота, поскольку заговор требует способностей, которых он начисто лишен», — уверенно заключал журналист, советуя относиться к Трампу как «безответственному трибуну недовольных», а не «авторитарной угрозе» [3]. Действительно, до введения чрезвычайного положения и военного переворота дело не дошло, но «безответственный трибун недовольных» прибегнул к последнему оставшемуся у него ресурсу — массе своих ярых сторонников, недовольных исходом выборов.

Идея «похода на Вашингтон» и штурма Капитолия зародилась не у одного Трампа (и буквально витала в воздухе). Еще летом 2020 г. на почве сопротивления ограничительным мерам по борьбе с эпидемией коронавируса по стране прокатилась волна массовых выступлений, организованных правыми экстремистскими организациями Proud Boys, Three Percenters и Oath Keepers. В Мичигане и Орегоне дело дошло до попыток захвата зданий законодательных собраний штатов, которые удалось пресечь, как и заговор с целью похищения губернатора Мичигана демократки Г. Уитмер для устройства самосуда над ней. Уже на этой стадии президент Трамп открыто подстрекал своих сторонников на противодействие местным органам власти, находившимся преимущественно под контролем демократов, лозунгами «Освободяйте Мичиган! Освободяйте Пенсильванию!» [4].

В канун и сразу после президентских выборов развернулась массовая кампания под лозунгом Stop the Seal с маршами протеста в Вашингтоне и других городах. Лидер правоэкстремистской организации Oath Keepers С. Роудс на онлайн-конференции со своими сторонниками призвал их идти на Вашингтон: «Мы пойдем защищать нашего законно избранного президента, и мы спросим его, что надо сделать для спасения нашей страны» [5]. Помимо правых экстремистов, организационную и финансовую поддержку этой кампании оказывали протрамповские группировки Women for America first, Women Vote Trump и связанные с Белым домом частные спонсоры. Сам Трамп, его ближайшее окружение и право-консервативные СМИ подогревали страсти, насаждая миф об «украденных выборах»

и призывая своих сторонников бойкотировать их результаты. 19 декабря глава Women Vote Trump К. Кремер, рекламируя в соцсетях автобусный рейд сторонников президента по ключевым штатам, обратилась к Трампу в Твиттере со словами «Кавалерия на подходе, г-н Президент!» 2 января она же призвала своих сторонников в Вашингтон, чтобы «стать частью истории». Трамп перепостил этот твит со словами «Я буду там! Исторический день!» [2]. Команда Белого дома подключилась к планированию «Марша во имя спасения Америки», намеченного на «исторический день» 6 января.

Эти приготовления не были секретом для правоохранительных органов страны — тем более что интернет заполнили призывы к походу на Капитолий, многие из которых руководство сайтов довело до сведения ФБР. В одном из них говорилось: «Не удивляйтесь, если мы захватим здание Капитолия... Мы нужны Трампу, чтобы вызвать хаос для введения в действие Закона о мятеже» (закон 1807 г., позволяющий президенту использовать войска для подавления бунтов и массовых беспорядков. — *Авт.*) [6]. Трамп действительно обсуждал со своими советниками возможность использования этого архаичного закона, но юристы Белого дома отговорили его от этого слишком рискованного, на их взгляд, шага. 3 января разведка службы полицейской охраны Капитолия (Capitol Police) в своей оценке ситуации в столице предупреждала: «В отличие от предыдущих поствыборных протестов, на сей раз целью сторонников Трампа являются не их протестующие противники, а сам Конгресс в день 6 января... Склонность движения Stop the Seal притягивать к себе сторонников превосходства белой расы, членов военизированных формирований (militia) и других провоцирующих насилие лиц может привести к опасной ситуации для правоохранительных органов и общества в целом» [7, Р. 44]. Призывы к погрому Капитолия распространялись в социальных сетях. 5 января местный отдел ФБР в Норфолке (Вирджиния) обратил внимание руководства на один из таких призывов: «Будьте готовы драться. В Конгрессе должны услышать, как разбиваются окна, выламываются двери и проливается кровь наемников из БЛМ и «Антифа»... Не бойтесь насилия... Прекратите называть это маршем, митингом или протестом. Готовьтесь к войне» [7, Р. 31, 49].

Но эти предупреждения, как и внезапный наплыв в столицу десятков тысяч протестантов со всей страны, не вызвал особой тревоги

даже у службы охраны Капитолия. Ее глава С. Лунд на совещании представителей спецслужб в Вашингтоне накануне 6 января заверил, что угроза насилия в столице представляется «невероятной» и дело, скорее всего, ограничится мирными протестами, защищенными первой поправкой к Конституции [7, Р. 47]. Сказалась и нацеленность правоохранительных органов при Трампе на борьбу в первую очередь с леворадикальным протестом, а не близким администрации правым экстремизмом, угроза которого хронически недооценивалась. Несмотря на сигналы тревоги из анонимных источников Министерства внутренней безопасности, Белый дом постоянно заставлял эту и другие правоохранительные структуры бросать основные ресурсы на противодействие «Антифа», движению BLM и другим леворадикальным силам, примыкающим к левому крылу оппозиционной Демократической партии. Сам Трамп предлагал объявить «Антифа» экстремистской организацией и тем самым поставить ее вне закона.

В ходе расследования событий 6 января в Конгрессе США представители Capitol Police, МВБ и ФБР признавали, что недооценили угрозу массовых беспорядков с применением насилия, объясняя это несогласованностью своих действий и аналитической слабостью разведки, оказавшейся неспособной адекватно оценить имевшуюся информацию. Не менее важной причиной, как признал бывший заместитель главы МВБ по разведке Т. Розенблюм, был и «провал воображения»: «Я был одним из многих, кто были не в состоянии представить себе бунт против Капитолия во главе с Президентом Соединенных Штатов» [8].

В самом деле, подобное казалось немыслимым, но Трамп действовал именно таким образом. Накануне 6 января он позвал своих сторонников в Твиттере на встречу у Белого дома («Приходите, будет круто!»), а на собравшемся многотысячном митинге произнес подстрекательскую 75-минутную речь об украденных выборах и необходимости поддержать «настоящих республиканцев», а также надавить на «псевдореспубликанцев» в Капитолии в ходе голосования. «Если вы не будете сражаться до последнего, у вас не будет больше страны!» При этом Трамп прямо указал направление движения — «Мы идем на Капитолий... Пройдем по Пенсильвания-авеню» (соединяющей Белый дом и Капитолий — *Авт.*) и пообещал присоединиться к маршу, но вместо этого вернулся в Белый дом, чтобы наблюдать происходящее по телевизору [7, Р. В42]

Похоже, четкого плана действий не было ни у самого Трампа, ни у активистов марша. То ли Трамп рассчитывал нажать на своих колеблющихся сторонников (к тому моменту только около 140 республиканских законодателей отказывались признать результаты выборов, чего было явно недостаточно), то ли просто хотел устроить хаос вокруг Капитолия и тем самым сорвать голосование. Так или иначе, после завершения митинга у Белого дома толпа повалила к Капитолию, толком не зная, что делать. Самые активные несколько тысяч стали прорывать легкие заграждения и врваться внутрь. Впереди шли специально экипированные для уличных столкновений члены правоэкстремистских организаций. Они сдержали свое слово — члены Конгресса вскоре услышали, как разбиваются окна и срываются двери монументального здания. Пролилась и кровь.

В итоге — 140 раненых полицейских, 5 смертельных исходов, серьезный материальный ущерб помещениям Конгресса, не говоря уже о громадном уроне для репутации американской демократии во всем мире. Крови могло быть гораздо больше, если бы экстренная эвакуация законодателей немного затянулась и они бы столкнулись с воинственной толпой, кричавшей «Где ты, Нэнси?» и «Повесить Пенса!» (готовая виселица уже стояла на ступенях Капитолия).

Вопрос о том, почему полиция оказалась не готова к этому штурму и потребовалось почти пять часов, прежде чем на помощь ей пришла Национальная гвардия, стал центральным при расследовании происшедшего в обеих палатах Конгресса. Выяснилось, что охрана Капитолия не имела ни соответствующей подготовки, ни необходимого снаряжения (даже защитных шлемов), ни четких инструкций своего начальства. Она также не была уполномочена использовать активные средства контролирования толпы (шумовые гранаты, дымовые шашки и т.п.) и, по сути, была брошена на произвол судьбы. Национальная гвардия округа Колумбия подчиняется президенту и министерству обороны, поэтому ее активация требовала согласований со штабом сухопутных сил. Несмотря на отчаянные просьбы о помощи со стороны городских властей, полиции Капитолия и осажденных законодателей, военное командование не спешило с этим решением: оно также не имело никаких планов и указаний свыше на подобный случай, опасалось негативной общественной реакции на беспорядочное использование военной силы против гражданского населения (как это было во время событий лета 2020 г.) и ссы-

лалось на необходимость подготовки и инструктажа национальных гвардейцев. Исполняющий обязанности министра обороны К. Миллер только в 15:00 дал команду на использование Национальной гвардии, которой потребовалось еще полтора часа на сбор, подготовку и переброску к месту события [7, Р. 87–90].

Вся эта неразбериха являла собой разительный контраст с обычной в экстренных ситуациях предусмотрительностью американских гражданских и военных властей. Примером может служить знаменитый «марш на Вашингтон» августа 1963 г., когда сотни тысяч участников со всей страны собрались на столичном молу для поддержки законопроекта о гражданских правах, блокируемого демократами Юга. Как и в 2021 г., этот марш тоже замышлялся как средство давления на Конгресс, но готовился в тесном взаимодействии с городскими властями и Белым домом, который не смог отговорить организаторов отказаться от этой идеи. Хотя он носил сугубо мирный характер, администрация Дж. Кеннеди приложила немало усилий для удержания его в безопасных рамках: договорилась с организаторами об изменении его маршрута (отведя марш от Капитолия) и изъятии наиболее радикальных призывов из выступлений его ораторов [9]. Но этим дело не ограничилось. Недавно рассекреченные документы Пентагона раскрывают картину тщательного планирования военным командованием широкого комплекса мер на случай, если события все же выйдут из-под контроля: к столице были секретно стянуты войска, предусмотрены разные варианты течения этого марша, включая массовые беспорядки и те действия, которые должны будут предпринять регулярные войска, полиция и ФБР, для того чтобы нейтрализовать эту угрозу. Все эти меры были полностью согласованы с Белым домом [10].

Радикально различались и действия президентов в обеих ситуациях. В отличие от Дж. Кеннеди, Трамп не только не предотвращал массовые беспорядки, но сначала откровенно провоцировал их, а когда они разыгрались, не спешил остановить своих разгулявшихся сторонников, рискуя безопасностью и жизнями осажденных в Капитолии людей, включая вице-президента Пенса. Последний всё-таки провел заседание по утверждению результатов голосования выборщиков, чем вызвал злобную реакцию Трампа. «Даже когда всем здравомыслящим наблюдателям стало ясно, — сказал об этом впоследствии лидер большинства в Сенате М. Маконнэлл, — что вице-пре-

зидент Пенс подвергается серьезной опасности в то время, как толпа с флагами в честь Трампа избивает полицейских и врывается в здание, президент напал в Твиттере на собственного вице-президента» [11].

На панические звонки лидера меньшинства в Палате К. Маккарти и других республиканских законодателей с просьбой отозвать своих фанатов Трамп сначала отвечал, что это не его люди, а «Антифа», а затем издевательски заявил, что «значит, этих людей итоги выборов волнуют больше, чем вас». Лишь через четыре часа после начала вторжения в Капитолий, когда в здании был уже восстановлен порядок, он, наконец, через Твиттер призвал своих сторонников разойтись, продолжая настаивать на своей версии: «Вот что случается, когда священная и сокрушительная победа бесстыдно отнимается у великих патриотов, которыми так долго помыкали. Ступайте домой с любовью и миром. Запомните этот день навсегда!» [12] Недаром тот же Макконэлл на дебатах по импичменту прямо заявил: «Нет ни малейших сомнений в том, что президент Трамп несет моральную и практическую ответственность за события этого дня», а адвокат одного из зачинщиков беспорядков из «Proud Boys» сказал, что «если это и был заговор, то его главой был Трамп — он командовал парадом» [13].

Не случайно именно «подстрекательство к насилию против правительства Соединённых Штатов» стало главным пунктом обвинения, предъявленного Трампу в порядке второй за последний год попытки импичмента. Как известно, и эта попытка закончилась неудачей, хотя на сей раз к демократам присоединилась небольшая группа республиканцев обеих палат. Документальные материалы, представленные стороной обвинения (результаты видеонаблюдения, записи коммуникаций участников штурма и полиции, свидетельства информаторов и участников событий 6 января), наглядно показали опасность ситуации и агрессивность поведения «мирных протестантов».

Кто были эти люди и что привело их в Капитолий? Подробный ответ на этот вопрос дают результаты продолжающегося расследования ФБР, в ходе которого задержано свыше 500 наиболее активных участников штурма, выявленных с помощью системы внутреннего видеонаблюдения, информации в соцсетях и биллинга телефонных разговоров. Трудно придумать более репрезентативную выборку ядра поддержки Трампа, поскольку в авангарде погромщиков в силу

спонтанного естественного отбора шли наиболее рьяные поклонники президента. Это в подавляющем большинстве белые — преимущественно мужчины молодого и среднего возраста из южных штатов и американской глубинки в целом. Среди них было много бывших полицейских, ветеранов вооруженных сил, пограничников, охранников, мелких предпринимателей и простых рабочих — водителей, сантехников, грузчиков. Как правило, это люди без высшего образования. 86 чел. (17 %) связаны с правоэкстремистскими организациями (Proud Boys, Oath Keepers), 71 (14 %) служили в вооруженных силах или правоохранительных органах, 26 чел. (5 %) являются сторонниками секты QAnon (убежденной, что Трамп послан свыше для спасения страны от заговора сатанинской элиты либералов-педофилов) [5]. Обильная религиозно-фундаменталистская символика марша отражала широкое присутствие в нем белых евангеликов, которые, как отмечает автор авторитетного исследования «белого христианского национализма» социолог С. Перри, «верят, что сам Господь требует, чтобы управление страной было отнято у безбожных узурпаторов и возвращено настоящим патриотам, готовым проливать свою и чужую кровь за Бога и страну» [14]. Короче говоря, перед нами наглядный срез «ядерного электората» Трампа, хорошо известного по многим социологическим исследованиям. Уходящая белая христианская глубинка Америки, остро переживающая потерю своего доминирования, увидела в Трампе своего последнего защитника. Она всерьез поверила его демагогии о «врагах народа», «глубинном государстве» и «украденных выборах», в то, что «бесчестная» победа демократов приведет страну к катастрофе, и решила предотвратить ее любой ценой. Штурм Капитолия, как отмечают американские исследователи, стал апофеозом массовой радикализации право-популистской Америки, в котором сложились все необходимые для этого слагаемые: восприимчивая к «большой лжи» массовая аудитория, влиятельный голос, продвигающий этот нарратив, и новые средства его стремительного распространения через социальные сети [15].

Реакция американского общества на события 6 января оказалась неоднозначной. Поначалу явное большинство американцев осудило штурм Капитолия, а незначительное большинство (52 %) считало Трампа главным виновником происшедшего, заслуживающим импичмента. Но первый шок стал быстро проходить в то время,

как почти две трети сторонников республиканцев продолжали считать выборы украденными [16]. Партийная верхушка республиканской партии скоро прекратила осуждать поведение Трампа и его фанатов, а некоторые республиканские законодатели объявили происшедшее просто-напросто туризмом, мирным протестом патриотов, которые приехали в Вашингтон поддержать своего президента. Ведущий «Fox News» Т. Карлсон даже обвинил в организации штурма... ФБР [17]. Корпоративные доноры, поначалу отвернувшиеся от поддержки республиканских членов Конгресса, которые отказывались признать итоги выборов, вновь открыли для них свои кошельки [18]. В итоге республиканцы под надуманными предложениями заблокировали создание Конгрессом независимой двухпартийной комиссии для расследования инцидента, опасаясь негативного для партии воздействия ее выводов. Между тем ряд ключевых вопросов подготовки и проведения штурма Капитолия остается невыясненным, включая роль самого президента, военного командования и поддержавших бунтовщиков республиканских законодателей.

Гораздо серьезнее отнеслись к этому «выбросу трампизма» Демократическая партия и администрация Дж. Байдена. Белый дом поставил во главу угла противодействие угрозе внутреннего экстремизма (прежде всего — правого толка), впервые разработав целостную стратегию действий на этом направлении [19]. Ряд экономических инициатив новой администрации направлен на социальную профилактику правого популизма — ослабление остроты тех проблем (прежде всего — социального неравенства), которые питают рост право-популистских настроений. Будущее покажет, насколько эффективными станут эти меры и насколько застрахована окажется Америка от повторения подобных потрясений в будущем. Но это уже совсем другая история.

Литература

1. Republicans, Democrats Move Even Further Apart in Coronavirus Concerns, 2020 // Pew Research Center <<https://www.pewresearch.org/politics/2020/06/25/republicans-democrats-move-even-further-apart-in-coronavirus-concerns/>>.
2. 77 Days: Trump's Campaign to Subvert the Election // The New York Times, January 31, 2021 <<https://www.nytimes.com/2021/01/31/us/trump-election-lie.html?action=click&module=Spotlight&pgtype=Homepage>>.
3. There Will Be No Trump Coup // The New York Times, October 10, 2020 <<https://www.nytimes.com/2020/10/10/opinion/sunday/trump-election-authoritarianism.html?action=click&module=opinion&pgtype=homepageadvertisement>>.

4. Печатнов В. США в тисках кризисов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 10. С.10.
5. The Capitol Siege: The Arrested And Their Stories, July 02, 2021 // NPR <<https://www.npr.org/2021/02/09/965472049/the-capitol-siege-the-arrested-and-their-stories>>.
6. News // *The New York Times*, June 15, 2021 <<https://www.nytimes.com/live/2021/06/15/us/politics-news>>
7. Examining the US Capitol Attack. A Review of the Security, Planning and Response Failures on January 6 // U.S. Senate Committee on Homeland Security and Global Affairs and Committee on Rules and Administration. Staff Report, June, 2021 (далее — Staff Report). <<https://www.rules.senate.gov/imo/media/doc/Jan%206%20HSGAC%20Rules%20Report.pdf>>
8. Report: DHS Division Failed to Analyze Intelligence Ahead of Capitol Violence, May 18, 2021 // NPR <<https://www.npr.org/2021/05/18/997553438/report-dhs-division-failed-to-analyze-intelligence-ahead-of-capitol-violence>>
9. См.: Печатнов В. О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. С.218–219.
10. U.S. Military Activities and Civil Rights: The Military Response to the March on Washington, 1963: U.S. Military Activities and Civil Rights: the Military Response to the March on Washington, 1963 4/[36]. National Archives (United States) // Archive Unbound <<https://go.gale.com/ps/i.do?p=GDSC&u=mosuir&id=GALE%7CENPSTK379699476&v=2.1&it=r&sid=GDSC&sPage=1&asid=f38fb4e2>>
11. After the Speech: What Trump Did as the Capitol was attacked // *New York Times*, February 13, 2021 <<https://www.nytimes.com/2021/02/13/us/politics/trump-capitol-riot.html?action=click&module=Spotlight&pgtype=Homepage>>
12. Herrera Beutler Says McCarthy Told Her Trump Sided with the Capitol Mob as the Assault Unfolded // *New York Times*, February 12, 2021 <<https://www.nytimes.com/2021/02/12/us/mccarthy-trump-herrera-beutler.html?action=click&module=Spotlight&pgtype=Homepage>>
13. As Impeachment Ends, Federal Inquiry Looms as Reminder of Trump's Role in Riot // *New York Times*, February 13, 2021 <<https://www.nytimes.com/2021/02/13/us/politics/donald-trump-capitol-riot.html?action=click&algo=bandit-all-surfaces-geo2-alpha-02&block=>>>
14. The Capitol Insurrection was as Christian Nationalist as It Gets // *New York Times*, January 28, 2021 <<https://www.nytimes.com/2021/01/28/opinion/christian-nationalists-capitol-attack.html?action=click&module=Opinion&pgtype=Homepage>>
15. Stanton J. The Problem Is Not Just One Insurrection. It is mass radicalization // *Politico* <<https://www.politico.com/news/magazine/2021/02/11/mass-radicalization-trump-insurrection-468746>>
16. Views on the rioting at the U.S. Capitol< January 15, 2021 // Pew Research Center <<https://www.pewresearch.org/politics/2021/01/15/views-on-the-rioting-at-the-u-s-capitol/>>; Large Majority of the Public Views Prosecution of Capitol Rioters as 'Very Important,' March 18, 2021 // Pew Research Center <<https://www.pewresearch.org/politics/2021/03/18/large-majority-of-the-public-views-prosecution-of-capitol-rioters-as-very-important/>>
17. Tucker Carlson Calls Journalists 'Animals.' // *New York Times*, June 20, 2021 <<https://www.nytimes.com/2021/06/20/business/media/tucker-carlson.html?action=click&module=In%20Other%20News&pgtype=Homepage>>

18. After hitting pause, PACs begin to press play again // Roll Call <<https://www.rollcall.com/2021/06/07/after-hitting-pause-pacs-begin-to-press-play-again/>>
19. National Strategy for Countering Domestic Terrorism, June 2021 // National Security Council <<https://int.nyt.com/data/documenttools/biden-s-strategy-for-combating-domestic-extremism/22ddf1f2f328e688/full.pdf>>

Журавлёва В. Ю.

Центр североамериканских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН

Партийный фактор в поляризованном политическом процессе США: будет ли Байден более успешным президентом, чем Трамп?

В 1960 г. авторитетнейший профессор Ричард Нойштадт, один из ведущих специалистов по институту президентства США и бывший советник нескольких американских президентов, считал, что для успеха в конгрессе президенту нужно уметь пользоваться своей властью — убеждать, торговаться и находить компромиссы. Но с конца прошлого века этих навыков всё чаще недостаточно для того, чтобы президенту провести свою повестку через Конгресс.

В условиях партийной поляризации доминирующим фактором успешного президентства становятся партии. Причем вопрос не только в партийном контроле над институтами власти: действительно, если президентская партия контролирует не только Белый дом, но и Конгресс, то президент не должен терять ни минуты — в этих уникальных для текущего периода условиях он может максимально реализовать хоть какие-то свои предвыборные обещания. За этим очевидным фактором кроются еще несколько напрямую связанных с местом и ролью партий в американском политическом процессе.

Во-первых — *масштаб партийного контроля*. Большинство в конгрессе может быть разным: преимущество может быть в 13 мест, как у демократов в действующей Палате представителей, а может быть в 38 мест, как у республиканцев в Палате представителей после выборов 2016 г. А может быть в 100 мест в Палате представителей и в 18 мест в Сенате, как у демократов в 1992 г., которые вместе с Клинтоном получили полный контроль над федеральной властью. Очевидно, что ситуация у республиканцев в 2016 г. была лучше, чем сегодня у демократов, учитывая к тому же разделенный Сенат сегодня, в то время как республиканцы в 2016 г. комфортно с перевесом в 10 мест контролировали и верхнюю палату тоже. Однако за первые два года в Белом доме Трамп успел провести налоговую реформу и модифицировать закон Додда Фрэнка, тогда как его самые гром-

кие обещания — отменить Обамакейр и построить стену на границе с Мексикой — так и остались обещаниями (стену он серьезно увеличил за время своего президентства, но как раз вопреки Конгрессу, а не с его помощью).

Может быть, есть какое-то магическое число преимуществ в Палате Представителей и Сенате, чтобы преуспеть наверняка. Вот, например, 100 мест в Палате представителей и 18 мест в Сенате помогли Биллу Клинтону провести через конгресс 9 своих инициатив, включая Акт Брэди, реформу студенческих займов, план сокращения бюджетного дефицита, Закон о 12-недельном оплачиваемом отпуске по уходу за новорожденным или близким родственником и, конечно, ратификация НАФТА. По нынешним меркам огромный успех в реализации масштабной социальной повестки, который не снился ни одному из последующих президентов. Но вот реформа здравоохранения, которая разрабатывалась администрацией Клинтона с первых же дней в Белом доме, так и не дошла до Конгресса.

Ерунда по нынешним меркам — мало ли идей у президента, когда он приходит в Белый дом! Но очень важный момент с точки зрения понимания партийного фактора. Потому что помимо масштабов контроля над федеральным правительством есть еще следующая характеристика партийного расклада во власти — *степень единства президентской партии*. Эта характеристика стала особенно важна в последние 20 лет, для которых характерна всё бóльшая внутрипартийная поляризация, т.е. усиление крайних полюсов в партии с постепенным сокращением ее центра. По этому показателю Демократическая партия в эпоху Клинтона была гораздо более едина, чем сегодня, однако уже тогда сам президент в самых амбициозных своих проектах был выразителем идей не всей партии, а ее центристской фракции «Третий путь» или «Новые демократы», что вызывало постоянное напряжение в партии, противостояние представителей как левого, так и более консервативного крыла в лице «Блю догс».

Президентство Клинтона во многом стало возможно благодаря формированию и усилению центристской фракции, однако этот же процесс запустил постепенное усиление левого крыла партии, пиковые проявления которого мы наблюдали последние два года президентства Трампа и продолжаем наблюдать сегодня.

Сегодня левое крыло Демократической партии — так называемые «Прогрессисты» — лишь на 4 места в Палате представителей

уступают Новой демократической коалиции — преемнице идей демократов «Третьего пути», всё еще самой большой фракции демократов в Палате представителей, но уже вполне сопоставимой по численности с левым крылом, учитывая, что «Прогрессистов» усиливают социал-демократы — еще более левые по своим идеям представители партии, которых в 2018 г. было всего 2, а сегодня уже 5. После выборов 2020 г. «Новая демократическая коалиция» сохранила только 94 места в ПП (в 2018 г. у них было 103 места), прогрессисты получили 90 мест — это меньше на 6 человек, чем в 2018 г., но в целом их численность постоянно растет начиная с 2010 г., исключением были 2012 и 2014 гг. «Блю догс», которые до появления новых демократов Клинтона были центристами, а на их фоне стали консерваторами, сегодня занимают всего 19 мест в Палате представителей.

Усиленные социал-демократами «Прогрессисты» всё более оттягивают демократическую партию влево, по сути оказывая доминирующее влияние на формирование партийной повестки, ожидая от президента Байдена более решительных шагов в эту сторону, выражая негодование в отношении его умеренной позиции. Байден же как политик, стоявший у истоков фракции «Новых демократов», строил свою политическую карьеру на центристских позициях, победил во многом благодаря им и именно благодаря им мог бы сделать большой шаг на пути *возвращения утраченного консенсуса между партиями*.

И это приводит нас к третьей черте текущего партийного расклада, которая сегодня определяет весь политический процесс в США и о которой говорят все эксперты и наблюдатели — *партийная поляризация*. Самая крупная по численности фракция в действующем конгрессе — Republican Study Committee (RSC) (153 места в Палате представителей) — представляет правое крыло Республиканской партии. Всего у республиканцев в Палате представителей 212 мест. Т.е. почти $\frac{3}{4}$ Республиканской партии в Палате представителей придерживаются консервативных взглядов в социальной сфере, выступают за сокращение любых расходов бюджета, кроме военных, и критично относятся к членству США в каких-либо альянсах и торговых соглашениях. Еще 19 мест в ПП занимают сторонники правоконсервативного движения «Партия чаепития». Около 45 мест принадлежит консервативной же фракции «Свобода». Всего 29 мест у фракции «Ланч по вторникам», которая придерживается более центристско-либеральных взглядов.

Таким образом, две партии, которые структурируют весь политический процесс в США, занимают диаметрально противоположные позиции на идеологическом спектре. Они в принципе говорят на разных языках и представляют два взаимоисключающих социально-экономических проекта — социал-демократический проект построения социального государства в США и консервативно традиционный, направленный на сохранение индивидуалистических начал американской экономики и социального уклада.

Парадокс состоит в том, что два крайних крыла партии, являясь большинством, не представляют при этом большинства в обществе, они представляют своих наиболее активных сторонников, так называемых партийных активистов, которые лучше всего организованы и дисциплинированы, ходят на выборы всегда и голосуют только за своих. При этом такая поляризация партий неизбежно поляризует и общество тоже. Потому что именно радикальные крылья партии задают повестку и информационное поле, в котором живут сторонники партий, и фактически создают партийную идентификацию электората.

Действительно, за последние 20 лет вдвое выросло число сторонников более крайних идей (с 10 до 21 %). По данным исследований Gallup, в 2018 г. 51 % демократов назвали себя либералами, в середине 1990-х либералами себя считали чуть больше 20 % демократов. В республиканском лагере радикализация еще более значительная, хотя и более постоянная — 73 % назвали себя консерваторами, что на 10 % больше, чем в 1990-х гг. С ростом либералов две идеологически крайние группы практически сравнялись в процентном соотношении: 35 % консерваторов против 26 % либералов. По данным исследования, проведенного Pew Research, более 90 % республиканцев придерживаются более консервативных взглядов, чем демократы, и более 90 % демократов гораздо более либеральны, чем республиканцы [1].

Граждане не просто сорганизовались в две большие группы под партийным лейблом, но и в рамках своей группы склонны занимать более консервативную или более либеральную позицию, расширяя таким образом пропасть с представителями противоположного лагеря. В такой ситуации лагеря всё больше превращаются во враждующие.

При этом растет число независимых избирателей — тех, кого не устраивают крайние идеи партий. На сегодняшний день их численность приближается к 40 %.

Что может в условиях существования двух взаимоисключающих социально-экономических проектов, продвигаемых обеими партиями, сделать президент, если ни одна из партий не готова идти на уступки? Сосуществование двух противоречащих повесток приводит к тому, что каждая новая администрация может эффективно реализовывать свою повестку только в короткий период однопартийного контроля над обеими ветвями власти. И у Обамы, и у Трампа было по два таких интенсивных года. Каждый из них успел за это время реализовать по одному пункту своей повестки, которые и стали основным достижением их президентства.

Сейчас у Байдена тоже такой уникальный период, который, скорее всего, опять ограничится двумя годами. Более того, в отличие от Трампа, преимущество демократов в Конгрессе значительно меньше, а Сенат вообще поделен пополам. Учитывая идейную удаленность республиканцев и нацеленность на возврат контроля любой ценой, они не сильно готовы сотрудничать с новым президентом и помогать ему в реализации его повестки. Именно об этом свидетельствуют первые 4 месяца пребывания Байдена в Белом доме. Много идей, *28 предложенных законопроектов*, но из 12 принятых законопроектов большая часть связана с борьбой с пандемией — тема, которая более или менее объединяет политические силы. Вся социальная повестка Демократической партии, а значит, и ее президента остается за бортом — традиционной жертвой политической борьбы.

Литература

1. Журавлёва В. Ю. Трамп-2020: протестный президент в расколотой стране // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Том 64. № 10. С. 17–28.

Pushkina D.B.

St. Petersburg State University

Pan Yanliang

Georgetown University

U.S. Concerns and Criticisms Towards the Central Asian Vector of the *Belt and Road Initiative*

The United States is neither a participant in the Belt and Road Initiative (BRI), nor the main major player in Central Asia. However it has many reasons to be interested in the BRI's future in the region. After all, more adversarial relations have emerged between China and the United States in recent years. In the general climate of suspicion toward the Chinese state, the BRI, as an expansive foreign policy initiative that is expected to promote Beijing's global influence, is engaging much attention, if not alarm, in the United States. Part of that attention is devoted to Central Asia, both one of the first regions to take part in the BRI and an indispensable link in its vision of Eurasian interdependence.

Our work summarizes major concerns and criticisms that have been raised in the United States with respect to the BRI, particularly those formulated in connection with the Central Asia region. A range of U.S. government documents, think tank publications and the media articles were examined for the analysis. Among government documents, the transcripts of U.S. Congressional hearings are particularly useful in revealing the issues that concern lawmakers in Washington as well as the positions of analysts who are called to testify. In terms of think tanks, we studied publications from such institutions as Brookings, Carnegie, and CSIS. Media articles were taken from mainstream outlets, including *The New York Times*, *The Washington Post*, and *The Wall Street Journal*.

We find that U.S. concerns towards the BRI's implementation in the region under consideration can be divided into three overarching categories. The first relates to challenges that threaten the viability of the initiative. The second relates to strategic considerations towards U.S. interests and the regional and international order the United States prefers. Finally, the third has to do with approach to development as well as related norms and practices.

Viability Concerns

Instability and poor governance. One common critique of BRI projects in Central Asia is that they may not be viable given the potential for instability in the region. There is a general impression that the Chinese may not be able to protect their foreign assets once money is thrown into unstable countries where Chinese military presence is not possible. The political stability is related to security, since China's engagement of Central Asian states often hinges on relationships established and deals concluded with the incumbent political elite, any unforeseen regime change or even change of government could cause disruptions. In addition, Central Asia is seen as a region plagued by corruption and government inefficiency, both of which may add to the cost of doing business and diminish the gains in connectivity derived from improved hard infrastructure.

Economic viability of the overland transit of goods. A major goal of the BRI is to transform Central Asia into a hub for the transportation of goods between China and Europe, mostly by rail. Yet, due to a large trade imbalance, more goods are being transported from China to Europe than the other way around, which throws into question the route's economic viability. Furthermore, it is uncertain whether rail can compete in the long term with faster and cheaper air and maritime alternatives. In any case, capacity constraints will mean the continued dominance of maritime trade.

China's soft-power deficiency in the region. U.S. experts identify a number of factors that contribute to Central Asian populations' negative perception of China or even Sinophobia. The legacy of Soviet propaganda certainly plays a role, as does the recent controversy towards the Uyghurs in Xinjiang. Furthermore, the huge asymmetry between China and the Central Asian states are creating fears of Chinese political, cultural, and demographic domination. According to recent polling, Kazakhstan's population is "largely negative about the BRI," and public opinion is not improving in favor of China. [1] U.S. media seem most eager to report incidents that may be interpreted as outbursts of local resistance against Beijing's "encroachment." For instance, much media coverage centered on the Kazakhstan protests in 2016 and 2019 that were sparked respectively by the proposal of a foreign land ownership law against the background of Chinese agricultural projects and the construction of Chinese factories as part of the BRI's vision of production capacity cooperation. An issue related to Sinophobia is the lack of cultural affinity between China and largely Russian-speaking Central Asia. Some BRI programs are aimed at

improving people-to-people ties. However, as observers have noted, they are not having a noticeable effect.

The Russia factor. Many U.S. observers consider potential competition between China and Russia over Central Asia to be a major complicating factor for the BRI. The consensus among U.S. analysts is that Moscow has reluctantly ceded Central Asia to China *in the economic sphere* but still maintains control over regional security. Nevertheless, some U.S. experts believe that this is an unstable division of labor that both Moscow and Beijing will attempt to revise. Some also argue that the BRI and the Eurasian Economic Union are inherently incompatible despite vague promises of coordination. Moreover, Russia does not wish to lose its influence in Central Asia and its status as a transit country between East Asia and Europe.

Strategic Concerns

Marginalizing U.S. influence in Eurasia. Some U.S. analysts have regarded the BRI as China's instrument to marginalize U.S. influence in Eurasia. For instance, with respect to Kazakhstan, there are concerns that BRI projects may give Beijing a degree of political influence over Nursultan that threatens Washington's ability to engage the latter on important national security issues such as anti-terrorism and Afghanistan. Apart from depriving the U.S. of key political and security partners, the BRI, some fear, could also marginalize the United States economically by tilting the playing field in favor of China and against U.S. goods and services.

Displacing U.S.-led institutions and liberal norms. The BRI's potential to challenge the existing international economic order has been a concern among some U.S. observers. China-led institutions, they argue, may displace the Bretton Woods system as well as the hegemony of the U.S. dollar. Beyond the economic sphere, some have perceived the BRI as China's instrument to export its repressive governance model and tools such as surveillance technology. This development is seen as a threat against U.S. efforts to promote "an 'open and free' Eurasian continent." [2] Relatedly, some U.S. analysts fear that, as the BRI reaches across Central Asia, China's policies that prioritize development and stability over human rights will be adopted throughout the region.

Economic coercion and violation of sovereignty. Some U.S. analysts believe that the BRI carries the strategic aim of augmenting China's economic power, which can be turned into an instrument of political coercion. They point out, for instance, that China could use its economic

leverage to influence regional states' power transitions or pressure those states on the Uyghur issue. Preventing this kind of domination is the "primary strategic interest" of the United States in Central Asia as formulated by the previous Trump administration in a strategy meant to remain in effect until 2025. [3]

The military corollaries of China's economic ambitions. The concern is that China will want to develop a greater military presence in the region to protect its economic assets, especially in the face of acute security threats or sudden instability. So far, the security of Chinese assets in Central Asia has been handled by local private security companies acting as Chinese proxies.

Criticisms Surrounding Development Practices

State-led approach to development. Many U.S. observers are skeptical toward the BRI because it embodies a state-led approach to development associated with overextension and the prioritization of political objectives over economic rationale. This general impression of the BRI can be found in U.S. government statements as well as think tank publications and media reports. In particular, connectivity projects in Central Asia have been described as wasteful investments that overshoot the demand for transport capacity.

Neglecting good governance. There is a view in the United States that the BRI ignores good governance as a development priority. Given Central Asia's endemic corruption and inefficient bureaucracy, analysts point out, it is just as important to invest in soft infrastructure as it is to invest in roads and bridges. This means targeting governance challenges in order to improve the region's business and trade environment.

Inadequate vetting of projects and risky lending practices. In the U.S. view, it is risky to lend and invest in countries with poor governance. And the fact that China is doing so along the Belt and Road concerns some analysts and government officials in the United States. In addition, poor vetting of projects may lead to the construction of useless infrastructure that cannot generate sufficient revenue to justify the initial investment or even to sustain maintenance.

Unsustainable debt. Related to Chinese lending practices is the issue of unsustainable debt. The previous U.S. administration suggested that the United States' primary concern with regard to China's role in Central Asia is the prospect of countries in the region "getting over-indebted and thus

losing their sovereignty.” [4] Even if China is not pursuing so-called “debt-trap diplomacy,” experts point out that debt crises resulting from risky lending could in any case destabilize the recipient country and sour its relationship with China.

Poor transparency. BRI projects have long been criticized for lacking transparency. On the one hand, obscure bidding processes are believed to encourage corruption. On the other hand, the lack of information sharing about projects in general complicates analyses of their development and debt impacts while hindering the regional coordination of project plans.

Social and environmental impacts. Concerns about the BRI's environmental and social impacts are widespread among U.S. observers. The issue of ecological impact is particularly important for Central Asia given the region's experience of environmentally catastrophic Soviet development projects. According to U.S. sources, Chinese development activities in Xinjiang are already producing negative environmental effects in neighboring Kazakhstan. As for social impacts, U.S. analysts have pointed out the necessity of evenly distributing the benefits of interdependence. Spatial inequality is a concern especially since greater interdependence can lead to the concentration of economic activity around large cities and other transportation hubs.

Predatory economic practices. Several concerns make up the accusation of predatory engagement when it comes to the BRI in Central Asia. First, there is the charge that BRI projects are often executed by Chinese companies employing Chinese labor and material, thus contributing little to local employment as well as skill and technology transfer. Even in cases where local labor is employed by Chinese enterprises in Central Asia, working conditions have been described as rather poor. Secondly, U.S. observers fear that China focuses on energy extraction in Central Asia may harm regional countries' diversification efforts or exacerbate the region's de-industrialization. Thirdly, there are concerns that Central Asian markets may be flooded with Chinese products once the BRI raises the level of interdependence across the region. Import-competing industries will probably suffer, as well as countries' productive capacity. Overall, some U.S. observers are questioning whether the BRI will serve regional states' developmental priorities or China's unilateral interests.

Operations and maintenance (O&M). An issue that has not drawn as much attention is the operation and maintenance of BRI infrastructure projects once they have been built. The risk is that countries will not be

able to pay for such maintenance, that will result in the deterioration not only of newly constructed roads and bridges, but also of previous existing ones due to maintenance funds being dispersed.

Although our research was focused on the U.S. concerns and criticisms with regard to the BRI, it should be noted that plenty of observers have remarked the potential of this initiative to benefit the region as well, for instance, in terms of boosting interdependence and facilitating the growth of regional countries' production capacity. Still, there has been widespread skepticism toward the BRI, particularly its viability and impact in Central Asia, among U.S. policymakers and experts. It should be noted that, Central Asia had a minor priority in U.S. foreign policy, and this is unlikely to change in the near future. Nevertheless, the United States do have interests in the region, and there is a tendency among some U.S. observers to perceive Chinese activities in the region through the lens of great-power competition.

This tendency may grow in the future. Judging by the congressional hearings we examined, there are plenty of U.S. politicians who are interested in shedding an unfavorable light upon Chinese activities along the Belt and Road. If U.S.-China relations continue to deteriorate, critical narratives surrounding the BRI, including those centered on poor viability and development practices, could receive amplification through U.S. government rhetoric and media coverage. Russian observers and policymakers would do well to approach these narratives cautiously, keeping in mind the possibility that they may be exaggerated in the context of U.S.-China tensions. Ultimately, Moscow must make its own judgment on the BRI and its impact on the region.

References

1. Le Corre, Philippe (2019) "Kazakhs Wary of Chinese Embrace as BRI Gathers Steam," Carnegie, <https://carnegieendowment.org/2019/02/28/kazakhs-wary-of-chinese-embrace-as-bri-gathers-steam-pub-78545>.
2. U.S.-China Economic and Security Review Commission (2018) *Hearing on China's Belt and Road Initiative: Five Years Later*, 18.
3. United States Strategy for Central Asia: 201–2025, 2. Wash. D.C.: U.S. Department of State, 2020.
4. Wells A. United States Strategy for Central Asia: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity, 2020. <<https://2017-2021.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/index.html>>.

Раздел IV

**РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Шаклеина Т. А.
МГИМО МИД РФ

**Новый этап в деятельности США по формированию
мирового порядка и отношения с Россией**

После окончания биполярного порядка политика США в отношении России развивалась в формате, в котором в разной степени сочетались взаимодействие и противостояние. Сегодня степень противостояния и разногласий достигла критического масштаба, что американская и российская стороны объясняют по-разному. Выявление степени «виновности» той или иной стороны — отдельный вопрос, на который пытались ответить и американские, и российские политологи и историки. Хотелось бы остановиться на состоянии российско-американского взаимодействия к началу 2020-х гг., когда остается фактор неопределенности в связи со сменой администраций, приходом к власти демократов, чьи амбиции по формированию либерального мирового порядка не изменились и даже усилились. А так как Россия остается одним из важнейших препятствий в реализации американских глобальных планов, стратегия сдерживания, к которой прибегали и демократические, и республиканские администрации, сохранится.

После победы на президентских выборах 2016 г. Д. Трампа и в течение всего периода правления его администрации не утихала кри-

тика не только всего, что республиканцы делали в стране и в мире, но и России, которую обвиняли во вмешательстве во внутренние дела США и рассматривали как угрозу американской демократической системе. Американские эксперты заявляли, что Д. Трамп попустительствовал России, был связан с ней, поэтому виноват в том ущербе, который Россия нанесла Америке. Российские эксперты нередко преувеличивали ту роль, которую сыграл именно Д. Трамп в ухудшении российско-американских отношений. Конечно, при администрации Д. Трампа США вышли из договоров по РСМД, Открытому небу, была угроза выхода США из договора СНВ, усиливались санкции против России, все американские СМИ вели тяжелую информационно-пропагандистскую войну против России и т.д. [1] Однако, критикуя «топорную политику» администрации Трампа, наверное, не следует забывать, что к моменту его прихода в Белый дом администрация Б. Обамы возвела Россию в ранг «угрозы № 1». Именно демократы в течение 2009–2016 гг. привели двусторонние отношения к формату «новой холодной войны», заострив до предела все противоречия двусторонних отношений. Именно при демократах идеологический фактор превысил масштабы и остроту, характерные для периода «холодной войны» XX в., чему способствовали и новые технологические средства.

Не превознося и не оправдывая Д. Трампа, вряд ли можно утверждать, что он нанес непоправимый ущерб и нашим отношениям, и вообще международным отношениям. Во-первых, у него было мало времени. Во-вторых, он находился в полной блокаде со стороны экспертного сообщества (за очень редким исключением), СМИ и политического сообщества, Конгресс был также против него. А в-третьих, его не очень волновал вопрос порядкостроительства, так как он был уверен, что США всё равно сильнее всех и ничего не потеряют, поэтому он попытался сосредоточиться на ряде насущных внутренних проблем: «Америка прежде всего!». О неблагоприятности социально-политической ситуации в стране писали задолго до прихода Д. Трампа. Отмечали, что не всё хорошо складывается в политической сфере, наблюдается кризис правящих партий, в межпартийных отношениях, в избирательной системе, с безработицей, есть проблема экономического роста Китая, чему способствовала политика американского бизнеса по выносу всех производственных мощностей за пределы страны. Еще до прихода Трампа существова-

ли и все более заострялись межэтнические и межрасовые проблемы, которые приняли радикальный характер, в том числе под влиянием открытого противостояния республиканцев и демократов, так как последние использовали их для увеличения своих сторонников на выборах 2020 г. [2]

Попытка решить некоторые внутренние проблемы (миграция, безработица, финансы и т.д.), политическая война в Вашингтоне, бойкот со стороны «мозговых центров» и СМИ, особенности характера и политических убеждений самого Д. Трампа — всё это отвлекло от концентрации на проблеме либерального порядка. Но Стратегия национальной безопасности 2017 г. сохранила основные постулаты глобальной стратегии США, которые можно найти во внешнеполитических документах предыдущих администраций. При Трампе Америка не отказалась от продвижения американских ценностей и институтов, от преумножения военной мощи, от сдерживания и борьбы с двумя главными оппонентами — Россией и КНР, — от доминирования в мировой экономике, от пропаганды.

Характеризуя период правления администрации Трампа, можно определить его как «четырёхлетнюю паузу» в стратегии США по формированию основ мирового порядка XXI века. Возвращение к управлению страной демократов во главе с Дж. Байденом означает и возвращение к крайне идеологизированной политике в сочетании с экономическим, политическим, военным давлением на всех игроков, которые выступают против действий США.

Еще до появления официальных стратегических документов новой администрации можно было говорить о том, что стратегия по формированию либерального мирового порядка продолжится с новой энергией и Соединённые Штаты возобновят движение — как локомотив, который, если и снизил скорость при Д. Трампе, то сейчас с полной силой пошел по рельсам и движется с очень высокой скоростью. В 2018–2021 гг. было подготовлено немало экспертных материалов на перспективу, для новой администрации. Особенно активно в этом направлении работали два крупнейших «мозговых центра» — «РЭНД корпорейшн» и Центр стратегических и международных исследований. Была представлена серия научных докладов с рекомендациями для деятельности в условиях «новой конкурентной борьбы». Анализ и прогнозы были нацелены на Китай и Россию, как основных оппонентов и конкурентов США. В докладах детально

были выявлены и проанализированы уязвимые места России и Китая в экономике, идеологии, политике, военной сфере — во всех сферах абсолютно. Были предложены варианты политики, способной ослабить, затормозить, нейтрализовать эти страны. Доклады имели сбалансированный, теоретичный, прагматичный характер, с рекомендациями о том, что нужно делать, чтобы закрепить преобладание США как в отношениях с Россией и Китаем, так и в международных отношениях [3], [4], [5], [6]. Дж. Байден получил детальные советы и указания, что делать и как. Об этом можно было судить уже по его отдельным выступлениям в ходе избирательной кампании.

Эксперты ввели термин «управляемая конкуренция», полагая, что после неудовлетворительных результатов почти тридцати лет порядкоформирующих усилий и паузы при республиканцах Д. Трампа для получения более заметных результатов нужно управлять действиями и политикой не только стран-оппонентов — России и Китая, — но и политикой средних и малых стран («фоновые страны»), чтобы большинство из них оказались в сфере американского влияния и действовали только в русле нужной США политики. Указывалось, что «управляемая конкуренция» должна поставить Россию и Китай в такие условия, когда бы их ответные действия и ответная реакция вписывались в запланированное Вашингтоном русло и не оставалось возможности маневра и «выхода» за рамки американского воздействия. Что касается других игроков, то и их действия также не должны были быть свободными, а их число должно было увеличиться до критической массы, которая обеспечит необратимость процесса закрепления либерального порядка.

Ключевой вопрос момента — сумеют ли Соединённые Штаты действительно так запрограммировать действия России и Китая, что пространства для маневра у них вообще не останется?

США располагают поддержкой значительного числа стран, готовых действовать (и действуют уже не один год), поддерживая все их инициативы и действия, в том числе в отношении России. Санкционная политика и пропаганда, которая ведется большинством американских СМИ и информационными центрами, находящимися в европейских странах — в Риге, Праге, Варшаве, Таллинне и других столицах, — это очень мощная пропагандистская деятельность [7]. Термин «пропаганда» был выведен из либерального лексикона, так же как идеология. Но пропаганда никуда не ушла из деятельности

Соединённых Штатов и лишь усилилась с расширением информационных технологий. И это тоже надо принимать во внимание. Это мощный механизм (можно сказать оружие) в арсенале США для управления международными, региональными и внутригосударственными ситуациями, и, как сказал Дж. Байден, позволит Америке сформировать критическую массу союзников и сторонников для продвижения и закрепления именно либерального мирового порядка по американской модели [8].

Новую стратегию США можно назвать игрой ва-банк. Уже прошло много времени с момента окончания биполярного порядка, есть немалые результаты американских действий по выстраиванию основ либерального порядка: реформа и сохранение финансово-экономических институтов под контролем США (Бреттон-Вудская система), НАТО расширяется и усиливает роль на глобальном уровне, ЕС остается под заметным контролем Америки, странам Латинской Америки не удается проводить более независимую от США политику, США сохраняют влияние на деятельность многих международных и региональных институтов (ООН, ВОЗ, ВАДА и др.), имеют большое число союзников и сторонников. Но полной победы нет, поэтому Соединённые Штаты будут добиваться более серьезных результатов, используя все возможные инструменты.

Планирование политики в отношении США следует осуществлять только с учетом глобального контекста, общей американской стратегии, не концентрируясь только на военно-политической сфере, где у России остается высокая конкурентная позиция. Следует тщательно изучать не сиюминутные заявления и действия представителей администрации и экспертов, а обращать внимание на преемственность в американской политике и идеологии, которые могут оформляться в разных терминах и тональности, но по сути остаются неизменными, нацеленными только на победу любыми средствами, включая военные. В современных условиях даже информационные средства становятся оружием, и к наращиванию информационного потенциала России нужно относиться так же серьезно (и материально затратно), как к усилению военной мощи.

Повышается роль экспертного сообщества, в том числе традиционных аналитиков, которые занимаются фундаментальным изучением Соединённых Штатов, мировой истории, международных отношений. Для того чтобы выиграть в острой конкурентной среде

2020-х гг., не оказаться в той ситуации, когда у нас пространство для маневра будет становиться всё меньше и меньше и мы окажемся в очень сложной ситуации для реализации и сохранения позиций и статуса одной из ведущих мировых держав, — нужны глубокие знания и анализ. Ситуация очень серьезная — нужно проанализировать и оценить ее без излишнего оптимизма, без излишней политической корректности. И когда мы сегодня обсуждаем актуальные вопросы мирового развития со студентами, в том числе с зарубежными студентами, они тоже чувствуют нерв современной международной ситуации, чувствуют опасность и сложность момента.

Очень важно вернуть вопросы войны и мира как в двусторонние отношения, так и в общемировую повестку. На разных форумах обсуждаются и климат, и природа, и военные альянсы, даже новый биполярный мир обсуждается, где Китай и США — два полюса. Но совершенно не обсуждается вопрос: «К чему мы идем?». Нарастают вооружения, идет очень жесткая политика санкций. Санкции — это, может быть, оружие посильнее военного, потому что можно обрушить страну экономической блокадой и информационным воздействием. Можно повлиять на внутреннюю ситуацию — политическую, экономическую, социальную. Это очень серьезные вопросы. Что будет с государствами, если продолжится политика США, поддерживаемая многими европейскими странами, по бесконечному наказанию не только России, но и других стран?

Первые шаги администрации Дж. Байдена показали, что она не отступит от традиционной глобальной стратегии сверхдержавы, хотя, как при администрации Б. Обамы, неоднократно повторяются слова о благожелательности Америки и ее незаменности в сравнении с агрессивными и недемократическими Россией и Китаем. Представляется, что совместные действия России и Китая могли бы серьезно затормозить наступательность Соединённых Штатов и заставить их пойти на некоторые компромиссы. *Поэтому второй важный вопрос мирового развития — сформируется ли так называемый «евразийский центр» и сумеет ли он привлечь в свою орбиту больше стран Азии, Африки, Латинской Америки. Не умаляя значимости отношений с США, всё-таки следует признать, что восточный вектор российской политики не должен подчиняться западному. Тем более что в США и странах Европы пока не набрал силу тренд на хотя бы какое-то сближение с Россией.*

Мои попытки сохранить и расширить взаимодействие с американскими коллегами не окончились полной неудачей — продолжается работа с отдельными американскими университетами и «мозговыми центрами», однако этого недостаточно, чтобы переломить ситуацию в двусторонних отношениях, в американском общественном мнении. Правящая элита США, те, кто находится в Вашингтоне и занимает ведущие посты в политических структурах, в законодательной власти, в ведущих «мозговых центрах», не имеют пока желания или планов на расширение повестки двусторонних отношений. Напротив, остается установка на всяческое торможение контактов, не просматривается перспектива восстановления продуктивного диалога по очень важным вопросам международных и двусторонних отношений.

В этих условиях повышается востребованность развития всех форм обсуждения российско-американских отношений, современного этапа международных отношений. Эту задачу уже на протяжении многих лет выполняет Российско-американский семинар Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, в ходе которого выступают как авторитетные российские и зарубежные специалисты по международным отношениям, так и молодые ученые из разных университетов и академических институтов России и других стран. Хочется надеяться, что интересные мысли и оценки, рожденные в ходе конференции, станут хорошей базой для дальнейшего развития международных и американских исследований, для молодого поколения аналитиков и политиков, которым предстоит решать проблему налаживания двусторонних отношений и укрепления позиций Российской Федерации в формирующемся мировом порядке.

Литература

1. Россия и США в XXI веке. Особенности отношений. Под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 289–329.
2. Шаклеина Т. А. Политическая ситуация в Вашингтоне. Последствия для мирового порядка и России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Выпуск 1 (834). 2019. С. 95–108.
3. Mazarr M., Blake J., Casey A., McDonald T., Pezard S., Spirtas M. Understanding the Emerging Era of International Competition Theoretical and Historical Perspectives. RAND Corporation. 2018 // RAND Corporation <https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html>.

4. A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia. Ed. by Samuel Charap, et al., 2019 // RAND Corporation <https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF410.html>.
5. *Dobbins J., Cohen R., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F., Shatz H., Williams B.* Extending Russia. Competing from Advantageous Ground, 2019 // RAND corporation <https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html>.
6. *Cancian M.* Inflicting Surprise Gaining Competitive Advantage in Great Power Conflicts, 2021 // CSIS www.csis.org.
7. *Смирнов А. И.* КиберНАТО в современном миропорядке // Международные институты в современной мировой политике. Ситуационные анализы. Выпуск 5. Под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: Изд-во МГИМО, 2017. С. 295–318.
8. *Шаклеина Т. А.* «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка». Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. Том 17. 2019. № 4. С. 36–48.

Коцур Г. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

Чувствуем одинаково: Россия и США внутри единой транснациональной эмоциональной культуры

На текущем этапе российско-американские отношения можно с полной уверенностью охарактеризовать в терминах кризиса. Политические разногласия, разрыв большей части экономических связей и даже военная напряженность после событий 2014 г. дополняются представлениями, сформировавшимися на пересечении академической, экспертной и публицистической сфер, о глубинном характере существующих противоречий. Здесь возможны разные концептуализации от конфликта цивилизаций [1] до дебатов о принадлежности России Западу [2] или ревизии неолиберального мирового порядка со стороны РФ и новых центров силы [3], однако суть аргументов подобного рода едина. Согласно такому взгляду, нынешнее состояние отношений позиционируется в качестве частного случая, производной от более глубоких мировоззренческих противоречий двух стран. Цель данной статьи — поставить под вопрос этот тезис на примере сферы, которая кажется предельно автохтонной и специфически национальной, — области коллективных политических эмоций. Общей теоретико-методологической рамкой выступят концепции эмоциональной культуры и эмоционального режима виднейших представителей конструктивистских исследований эмоций С. Кошута и У. Редди. Эмпирическим материалом — во-первых, ключевые речи лидеров государств после наиболее значимых терактов двух стран в XXI в., а во-вторых, выступления в области политики памяти применительно к мировым войнам.

До 1980-х гг. исследования эмоций отличались доминированием биологической парадигмы как в естественных, так и в социальных науках. Ее центральной особенностью можно назвать взгляд на проблематику через призму физиологии и натурализма, когда эмоции представляются врожденной (или приобретенной в раннем возрасте) частью человеческого организма и изучать их следует с помощью естественнонаучного инструментария. Позднее лидирующими

здесь стали нейронауки с их вниманием к функционированию головного мозга [4]. Свой вклад в данный процесс внесли господствующий большую часть XX в. позитивизм, натурализм и бихевиоризм, когда методология социальных наук активно обогащалась инструментами точных наук. Наиболее ярко логоцентризм эпохи Просвещения с его культом разума проявился в господстве теории рационального выбора в политологии. [5] Внутри подобной картины мира эмоции рисуются своего рода отклонением от «нормальной» рациональной политики и стигматизируются. Всё это последовательно вытекало из общей логоцентристской биологической парадигмы: если ранее Г. Лебон [6] отождествлял эмоции с буйной неуправляемой толпой, Г. Лассуэлл [7] — с психопатологией в политике, то в эпоху рационального выбора данная компонента также игнорировалась или медикизировалась. Изучать предлагалось не социальное измерение эмоций, а скорее влияние эмоционального восприятия на политический процесс, как это делал, например, Р. Джарвис [8].

Ситуация кардинально изменилась в связи с экспансией плодов постпозитивистской революции в науках об обществе. Проекция теории и методов социального конструктивизма в рассматриваемую область знания привела к формированию двух дисциплин — антропологии и истории эмоций. Их представители стремились осуществить эмансипацию от биологической парадигмы, обратив внимание на культурную сторону проблематики. В практическом отношении это значило показать множественность паттернов эмоций в пространстве и времени. Если представители биологической парадигмы были правы и эмоции универсальны для человеческого вида, то в разных частях планеты в разное время могут отличаться лишь формы выражения эмоций, но не они сами. Вопросами доказательства пространственной дифференциации занялись антропологи. М. Розалдо [9], Л. Абу-Лаход [10] и К. Латц [11] провели полевые исследования в экзотических туземных сообществах, слабо или вовсе никак не связанных с внешним миром. В свою очередь, историки эмоций супруги Стернз, [12] Б. Розенвейн [13] и У. Редди [14] изучали эмоциональные паттерны разных эпох от Средневековья до постнаполеоновской Франции. Результаты их исследований могут быть сведены к общему выводу: во-первых, эмоции критически различаются во времени и пространстве, во-вторых, они детерминированы культурно, а не физиологически. Индивидуальные и коллективные

эмоции разных обществ не имеют ничего общего с современными паттернами, а то, чем занимались представители биологической парадигмы, являлось некорректной попыткой унифицировать гетерогенный опыт внутри удобных и знакомых категорий для западной академии. Следствием подобной научной революции стало доминирование уже культурной парадигмы в исследованиях эмоций в социальных науках. Более того, в начале 2000-х гг. была образована область конструктивистского изучения эмоций в международных отношениях [15] с собственным концептуальным аппаратом, теориями, проблемами и институциональной поддержкой.

Две концепции представляются особенно важными для нашего исследования. Первая из них, а именно «эмоциональный режим», была разработана британским классиком истории эмоций У. Редди. Данный термин описывает феномен, когда государство выбирает один из множества низовых эмоциональных стилей, а затем поощряет массовое следование ему и вводит наказание за публичную репрезентацию альтернативных паттернов. В качестве примера Редди использует требования выражения ликования при публичных казнях «врагов народа» во время Великой французской революции [14, Р. 173–211]. Несмотря на дискуссии относительно возможных субъектов эмоционального режима, в науке установилось некое подобие консенсуса, что данную концепцию необходимо применять к уровню национального государства. Ко второму же важному для нас термину «эмоциональной культуре» [16] целесообразнее обращаться при описании транснациональных конструктов. Согласно автору термина С. Кошту, эмоциональная культура представляет собой некую социетальную общность принципов и норм, состоящую из двух элементов. «Эмоциональные коды» призваны соединить определенную ситуацию с предписаниями относительно надлежащих форм чувствования — «культурными сценариями». Те, в свою очередь, содержат «словесные или визуальные репрезентации, посредством которых эмоциональные коды артикулируются и принимаются членами группы» [16, Р. 179]. Ниже мы используем концепции эмоциональных режимов и эмоциональной культуры для описания двух уровней функционирования эмоциональных паттернов — национального и транснационального. Более того, далее будет продемонстрировано, что США и Россия являются чрезвычайно близкими странами в сфере функционирования коллективных политических эмоций.

Обращая внимание на национальный уровень, отметим, что эмоциональные режимы России и США в области политики памяти мировых войн похожи друг на друга. Применительно к этой сфере субъект может реализовывать одну из двух моделей. Первая — это модель национальной гордости, которая выражается в расхожей формуле «радость (а точнее, гордость) со слезами на глазах». Здесь политики в своих выступлениях склонны делать акцент на комбинации двух эмоций — гордости и скорби, — преследуя цель достижения солидарности. В данной модели четко проводится граница идентичности между «нами» и «ними»; внутри эмоционального режима помещаются только первые как члены дискурсивного сообщества, но не последние. Так, президент В. Путин в своей речи на параде Победы 2019 г. приводит следующие эмоциональные характеристики: «Поздравляю вас с Днем Победы — днем нашей гордости и скорби... жертвенный путь нечеловеческих испытаний, нестигаемой твердыней стояли... острее чувствуем нравственную мощь этого беспримерного подвига... Победа добывалась отвагой... подвиги огромной духовной силы... Мы никогда не забудем их мужества и самопожертвования... Сегодня мы не скрываем своих эмоций, и эти искренние чувства объединяют всю Россию» [17]. Иными словами, Россия и ее солдаты помещаются по эту сторону эмоционального режима «гордости и скорби», описываются через категории героизма и жертвенности, что подводит аудиторию дискурсивного акта к необходимости общенациональной солидарности. Совершенно другими эмоциональными характеристиками наделяются аутсайдеры эмоционального режима, то есть противники в Великой Отечественной войне: «... возмездие нацистам за все их бесчинства, за то, что они возомнили себя высшей расой и развязали страшную войну... Этой обнаглевшей силе покорились многие государства, и безнаказанность застилала нацистам глаза... Да, после вероломного вторжения врага на нашу территорию были и поражения... Одним из первых подлый, внезапный удар захватчиков принял гарнизон Брестской крепости... [определенные силы] осознанно искажают события войны, как возводят в кумиры тех, кто, забыв про честь и человеческое достоинство, прислуживал нацистам...» [17] Вынесенные вовне эмоционального режима дискурсивные объекты описываются через категории, прямо противоположные тем, которыми обладают члены сообщества. Сходная логика проводится В. Путиным и на открытии памятника героям

Первой мировой войны. Применительно к России и русским солдатам президент говорит о «...ратной славе русского воинства...традициях боевого товарищества, братства, традициях воинской чести...великих ценностях русской армии, героическом опыте поколения» [18]. По ту сторону эмоционального режима помещены противники, внутренние предатели и своекорыстные элиты: «Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая братский славянский народ, ограждая себя, своих граждан от внешней угрозы... Ее наступления в Пруссии и в Галиции сорвали планы противника... заставили врага бросить на восток... где отчаянно бились русские полки... Она напоминает о том, к чему приводят агрессия и эгоизм, непомерные амбиции руководителей государств и политических элит» [18].

Речь Д. Трампа на мемориальных мероприятиях в год столетия окончания Первой мировой войны выдержана в русле такой же модели национальной гордости. Во-первых, внутрь эмоционального режима включены только американские солдаты и союзники (особенно французы, так как речь произносится именно в этой стране): «Американские и французские патриоты... американские морские пехотинцы, солдаты и союзные войска сражались... Миллионы американских, французских и союзных войск с исключительным мастерством и отвагой сражались в одном из самых кровавых конфликтов в истории...» [19] Во-вторых, по отношению к ним дискурсивный актер утверждает позитивные эмоциональные характеристики: «Американские и французские патриоты Первой мировой войны олицетворяют вечные достоинства наших двух республик: честь и отвагу; силу и доблесть; любовь и верность; благодать и славу» [19]. В-третьих, важен в речи и мотив скорби: «Но за победу пришлось заплатить ужасную цену. В войсках союзников к концу войны было убито более миллиона французских солдат и 116 000 американских военнослужащих. Еще миллионы были ранены. Бесчисленные люди вернутся домой с неизгладимыми шрамами позиционной войны и ужасами химического оружия» [19].

Достаточно радикальная альтернатива американскому и российскому подходу в политике памяти сформировалась в Евросоюзе, где Германия и Франция используют друг по отношению к другу модель «слез без гордости». Здесь мотивы скорби отчетливо доминируют над национальной гордостью, а в эмоциональный режим включены

обе стороны, в том числе и бывший противник. Вот что говорил Ф. Олланд на открытии франко-германского памятника жертвам Первой мировой войны в 2014 г.: «Накануне в Йоншрее, недалеко отсюда, были убиты немецкий и французский солдат: Альбер Майер, 22 года, и Жюль-Андре Пежо, 21 год. Первые два имени на длинном листе, список, который должен был насчитывать несколько миллионов... В Вьей-Армане 1256 могил, а рядом с ними останки 386 солдат, которых, как и многих других, не удалось опознать. Вот почему наши два народа разделяют одно и то же горе — они не могут сказать, французы ли эти неизвестные солдаты в могиле или немцы...» [20] Иными словами, дискурсивный актер формирует единый эмоциональный режим для «нас» и «них», что существенно отличается от подхода с упором на национальную гордость². Однако сходство национальных режимов дополняется также принадлежностью США и России к единой транснациональной эмоциональной культуре реагирования на террористические атаки. Эмоциональный код соединяет тип события (теракт) с культурным сценарием как надлежащим типом публичного чувствования — третичной структурой. Первый ее элемент — это утверждение положительных характеристик жертв (чаще всего — невинность) и демонстрацию скорби по ним. Так, В. Путин после теракта в Беслане 2004 г. сказал: «Говорить трудно. И горько. И сейчас я прежде всего обращаюсь со словами поддержки и сопереживания к людям, потерявшим самое дорогое в жизни — своих детей, своих родных и близких... В Беслане — буквально пропитанном горем и болью — люди еще больше заботились и поддерживали друг друга. И не боялись рисковать собой во имя жизни и покоя других...» [21].

Аналогичным образом и выступал и Дж. Буш после событий 11 сентября 2001 г., прибегая к стратегии персонификации для усиления эмоционального эффекта: «Сегодня вечером я прошу ваших молитв за всех тех, кто скорбит, за детей, чьи миры были разрушены... И я молюсь, чтобы они утешились силой большей, чем любой из нас... Мы видим это в мужестве пассажиров, которые бросились к террористам, чтобы спасти других [людей] на земле. Пассажиры

² Важно отметить, что две данные модели не привязаны территориально критически. Внутри Европы сосуществуют оба подхода, каждый из которых встречается и в других частях планеты; франко-германский пример приведен в качестве альтернативы модели национальной гордости, характерной для США и России.

обратили внимание на исключительного человека по имени Тодд Бимер... поприветствуем его жену Лизу Бимер... это полицейский щит человека по имени Дж. Ховард, который погиб во Всемирном торговом центре, пытаюсь спасти других... Его подарила мне его мама Арлин как памятник ее сыну...» [22].

Второй элемент конструкции включает в себя две взаимосвязанные части. Сперва дискурсивный актер отрицает влияние страха на дух и политику страны; затем следует публичная демонстрация решимости и готовности к ответу. «Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление, ставили своей целью стравить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу... в действительности, никакого выбора у нас просто нет. Потому что стоит нам позволить себя шантажировать и поддаться панике, как мы погрузим миллионы людей в нескончаемую череду кровавых конфликтов... Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности... Мы были и всегда будем сильнее их...» [21], — заявил российский президент после теракта в Беслане. Его американский коллега тремя годами ранее прибег к той же двусоставной конструкции: «С каждой их жестокостью они надеются, что Америка начнет бояться... Я знаю, что многие жители испытывают страх этим вечером, но я прошу вас быть спокойными и решительными даже перед лицом непрекращающихся угроз... Картина самолетов, врезающихся в здания... наполнила нас неверием, ужасной грустью и тихой, непоколебимой яростью. Эти массовые убийства были направлены на то, чтобы напугать нашу страну и заставить отступить. Но они потерпели неудачу... Наше горе превратилось в гнев, а гнев — в решимость... И наша решимость не должна исчезнуть» [22].

Наконец, третий элемент эмоционального сценария предполагает позиционирование теракта как нападения на всю страну и призывы к общенациональной и международной солидарности. В. Путин в своем выступлении сказал следующее: «Это не вызов Президенту, парламенту или Правительству. Это вызов всей России. Всему нашему народу. Это — нападение на нашу страну... Мы были и всегда будем сильнее их — и своей моралью, и мужеством, и нашей человеческой солидарностью... Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага» [21]. Но и Дж. Буш после терактов 11 сентября 2001 г. также говорил о солидарности: «Мыотреагировали... отвагой наших спасателей, заботой о незнакомцах и соседях,

которые пришли сдать кровь... это день, когда американцы все слои общества объединяются... республиканцы и демократы объединились на ступенях Капитолия и поют "Боже, благослови Америку"... Благодаря многим мировым лидерам, которые позвонили, чтобы выразить свои соболезнования и предложить помощь... произносятся молитвы на английском, иврите и арабском языках... Американцы никогда не забудут звуки нашего государственного гимна, исполненного в Букингемском дворце, на улицах Парижа и у Бранденбургских ворот...» [22].

Эти отдельные кейсы из куда более длинного перечня возможных примеров показывают, что США и Россия демонстрируют общие паттерны функционирования политических эмоций как на национальном, так и на транснациональном уровнях. Во-первых, эмоциональные режимы двух государств применительно к политике памяти чрезвычайно похожи — Москва и Вашингтон используют модель национальной гордости для реализации своих политических целей. Во-вторых, и Россия, и США являются частью транснациональной эмоциональной культуры реагирования на теракты, которая включает три элемента: утверждение положительных эмоциональных характеристик жертв; компенсаторная конструкция «отрицание страха-решимость»; призыв к солидарности.

Из нашего исследования можно сделать два крупных вывода. Первый из них носит общетеоретический характер и предполагает необходимость большего внимания к сфере политических эмоций как плодотворному в эпистемологическом плане взгляду на действительность. Мы признаём существование политической, военной, экономической и др. карт мира, осознаём их несопадение и тот автономный эффект, который каждая из сфер оказывает на международные отношения. Аналогичным образом и область эмоций формирует свою символическую карту мира, где возможны такие неожиданные альянсы и разломы, что не предполагались в рамках конвенциональных исследовательских оптик в теории международных отношений.

Второй эмпирический вывод касается двусторонних отношений России и США. Эмоции составляют примерно половину индивидуальной и коллективной субъектности; находясь внутри онтологии Модерна, мы не располагаем другим взглядом на субъект, тем самым бесконечно конституируя его в настоящем и будущем. Если эмоциональные режимы США и России чрезвычайно похожи и на транс-

национальном уровне страны принадлежат единым эмоциональным культурам, то это хорошая новость для перспектив отношений сторон. США и Россия говорят на одном языке в области, которая занимает значительную часть субъектности; иными словами, необходима лишь политическая воля, чтобы включить Другого в общие модели. Например, в политике памяти применительно к мировым войнам ни Москве, ни Вашингтону не требуется переходить к кардинально другой (европейской) модели, а лишь включить комплекс означающих, связанных с союзниками, в коллективную идентичность. Производя ревизию точек конфликта и сотрудничества сторон через призму традиционных подходов в международных отношениях, исследователи склонны делать пессимистические выводы о будущем отношений США и России. Конструктивистский же взгляд на политические эмоции предполагает новое и куда более оптимистичное видение развития событий.

Литература

1. *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon & Schuster, 1997.
2. *Артемьев М.* Почему Россия не такая, как все. Forbes. 16.11.2018 <<https://www.forbes.ru/obshchestvo/369163-pochemu-rossiya-ne-takaya-kak-vse>>
3. *Goddard S. E.* eEmbedded Revisionism: Networks, Institutions, and Challenges to World Order // International Organization. 2018. Vol. 72, No 4. P. 763-797.
4. *Плампер Я.* История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 281–343.
5. *Downs A.* An Economic Theory of Political Action in a Democracy // Journal of political economy. 1957. Vol. 65, No 2. P. 135–150.
6. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М.: ИД «Социум», 2016.
7. *Лассуэлл Г. Д.* Психопатология и политика М.: РАГС, 2005.
8. *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics: New Edition. Princeton: Princeton University Press, 2017.
9. *Rosaldo M. Z.* Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self & Social Life. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
10. *Abu-Lughod L.* Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society. Berkeley: University of California Press, 2016.
11. *Lutz C. A.* Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and their Challenge to Western Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
12. *Stearns P. N., Stearns C. Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90, No 4. P. 813–836.
13. *Rosenwein B. H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca & London: Cornell University Press, 2006.

14. Reddy W. M. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
15. Crawford N. C. *The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships* // *International Security*. 2000. Vol. 24, No 4. P. 116–156.
16. Koschut S. *The Structure of Feeling — Emotion Culture and National Self-Sacrifice in World Politics* // *Millennium*. 2017. Vol. 45, No 2. P. 174–192.
17. Парад Победы на Красной площади. Владимир Путин присутствовал на военном параде в ознаменование 74-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Президент России. 09.05.2019 <<http://kremlin.ru/events/president/news/60490>>
18. Открытие памятника героям Первой мировой войны. Президент России. 01.08.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46385>
19. Remarks by President Trump at the Suresnes American Cemetery // U.S. Embassy & Consulates in France. 11.11.2018 <<https://fr.usembassy.gov/remarks-by-president-trump-at-the-suresnes-american-cemetery>>
20. Centenary of the First World War. Speech by M. François Hollande, President of the Republic, at the Franco-German commemoration ceremony at the Hartmannswillerkopf National Monument (excerpts) // Embassy of France in Washington, D. C. 03.08.2014 <<https://franceintheus.org/spip.php?article5857>>
21. Обращение Президента России Владимира Путина // Президент России. 04.10.2004 <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589>>
22. President Bush Addresses the Nation // Washington Post. 20.09.2001 <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html>

Shirayev E.

George Mason University

U.S. Commentators on U.S.-Russia Relations: Were We Approaching a Cul-de-Sac?

Political scientists writing for the media or other professional publications—and they borrow this habit from journalists—often headline their research papers and reports with a flashy quote or a metaphor. Not to criticize, but to support this literary gadget: it is often useful to decipher one's academic mumbo-jumbo by simply explaining what the paper's message is. In the age of global attention deficit, it is increasingly useful to clearly state your intentions right in the beginning of your paper.

In this short paper, to be consistent with the introduction, the cul-de-sac metaphor should be quite reasonable and even self-explanatory. This word, which is familiar to practically all Americans, commonly stands for a dead end in a residential suburban neighborhood, or a place from which there is no return to the main road. Should this metaphor give away a summative description of the current state of political, economic, cultural, and diplomatic affairs between Russia and the United States? And if it should, are there any ways of getting out of this seemingly “dead end”? The answer, expectedly, is more complicated than the title may suggest.

Since the 1940s, each United States' leader had “ups” and “downs” with their relations with Moscow. Franklin D. Roosevelt is commonly mentioned as a president who had successful relations with the Soviet Union, but we must not forget that these relations were largely determined by the events of the unfolding World War II, especially after the Pearl Harbor attack in December 1941. Not necessarily the capricious and unpredictable political winds, but rather identifiable developments and events on the ground affected the status of US-Russia relations during those years. American and Russian (Soviet before 1992) institutional policies, ideological factors, and individual choices of American and Russian leaders, each played a role in the dynamics of Russia-US relations. Improvements and setbacks, sudden turns, and predictable freezes and thaws were not unusual in the long history of both countries' bilateral relations.

Significant events—relatively small as well as global ones—have shaped the course of history of US-Russian relations as well. For example, the downing of an American U2 spy plane over the Soviet Union in May 1960, the Cuban Missile Crisis in October 1962, the Vietnam War, the Soviet invasion of Czechoslovakia in 1968 and Afghanistan in 1979, the Soyuz-Apollo joint space project in 1975—to name a few—these and many others played an influential role in international and bilateral relations. But besides the impactful events “on the ground”, each country had a wide and powerful range of experts and advisers who would influence and shape the mindset of key decision-makers in the Kremlin or the White House or other foreign policy institutions. We turn to their impact now.

The late 1940s was an age of hardening of superpower rivalry. A wave of anti-communist campaigns and investigations shook Washington, D.C. To be uncritical of the Soviet Union at that time was, at best, questionable or unpatriotic. However, after the death of Stalin in 1953, and Nikita Khrushchev's coming to power in the late 1950s, in addition to the change of the administration in Washington in 1961, serious changes took place in the ways the Soviet Union was evaluated in the United States.

By the early 1960s, American Sovietology (the study of politics and policies of the Soviet Union) showed real signs of fragmentation. In the second half of the 1960s and the 1970s, the views of the Soviet Union as an “abnormal” and totalitarian regime were no longer dominant. Instead, the Soviet Union emerged as a “normal” society with a specific set of political and economic features, a country led by a government prone to mistakes but capable of remarkable accomplishments—something that was part of any country's history [1]. Theories describing the process of socioeconomic transformation of the Soviet system and its gradual conversion to capitalism took a prominent place in Sovietology in the United States of the 1960s and 1970s. For example, Wal Rostow and Raymond Aron believed that the Soviet Union was just one of many other modern industrial societies. Daniel Bell (1973) wrote that Communism had presented to the world a special model of industrialization with prevailing political rather than market mechanisms. In the eyes of others, the Soviet Union and the United States were, despite the remaining differences between them, somewhat congruent industrial societies different not in kind but in degree [2].

More American experts in the 1970s and later did not see the Soviet foreign policy as interventionist and preferred to describe most Soviet actions as a response to the aggressive behavior of the United States or

as a reaction to the Cold War struggles. Arguing with the conservatives within the United States, the left-wing scholars and public officials alike suggested that the threat from the Soviet Union was systematically exaggerated in the United States for political purposes. According to this view, the confrontation between the United States and the Soviet Union was unnecessary. Because of the mistakes committed by both Democratic and Republican (to a larger degree) administrations, and because of ideological warmongering in the United States, the Soviet Union had no choice but to respond accordingly to US policies. Furthermore, the actions of the United States, as some domestic critics in the United States argued, gave significant strength to the “cold warriors” within the Kremlin who, in turn, were eager to accuse the United States of aggressive intentions. In other words, irresponsible actions of hawks in Washington and Moscow created a very dangerous situation on a global scale [1]. A similar view, needless to say, of American policies toward Russia in the 21st century has some supporters today among American scholars.

While American pacifists demanded the United States’ unilateral disarmament, and the majority of anti-communists supported “peace through strength,” most other experts preferred to defend a flexible position suggesting that both countries should immediately engage in a sustained round of negotiations to reduce nuclear arms and to accept mutually agreeable principles of international behavior. Some even claimed that the Soviet Union was a great power in a phase of ascendance, which simply claimed a place under the sun, a place that should have been acknowledged [3].

Today, the views of U.S.-Russia relations are obviously not unified under an umbrella of one theory or a single approach. There are endless ebbs and flows of prevalent views of international affairs and there are diplomatic trends and fashions that are rooted in various political and situational factors. At different periods after the 1992, some views were more acceptable by the governing administrations, more prevalent, even more “politically correct” than others.

Like decades ago, these days, there are several causes that determine the views of western and American scholars of Russia and of US-Russia relations. Among them are short term and long-term ones. Among the short-term factors are political and tactical. The former are rooted in immediate political pursuits by a particular government administration and its numerous institutions (take, for example, the tasks associated with the events following September 11, 2001). The latter, tactical, commonly

refer to immediate political or diplomatic tasks and goals such as those related to a summit or to ongoing negotiations on a policy matter.

The long-term factors can be placed in at least three overlapping categories. The first one is ideological commitments. During the Cold War, there were plenty of professors and other policy experts who had a deep resentment toward communism in general and the Soviet Union in particular. On the other hand, there were many educated admirers of socialism, Russian culture, and the Soviet Union. These individuals usually saw US-Russia relations from a critical, anti-imperialist position. Some used their sympathies toward the Soviet Union, for example to slam the war in Vietnam in the 1960s or Washington's foreign policy in Latin America in the 1970s. Similarly, today there are experts and other professionals who see Moscow's policies as revisionist and expansionist, and view Russia's domestic policies as increasingly authoritarian. This position finds a solid bipartisan support in the United States, especially after 2012. However, there are many experts who maintain a critical view of Washington's foreign policy and thus prefer to support a more reconciliatory approach to Russia. Some argue in defense of a multi-polar international system and suggest that within this system countries are entitled to conduct their independent foreign policy. Very few, however (if any these days in the United States), display their "admiration" of some Russian domestic and foreign policies (that was the case during the Cold War).

Personal long-term commitments play a role too in how American experts perceive the relationships between Moscow and Washington and the directions of the United States foreign policy related to Russia. These personal commitments are ranging from the expert's access to some research or development projects in Russia, such as lucrative grants and teaching opportunities, to their family ties in Russia. Experts are aware about clear financial or professional applications of their theoretical positions. For example, supporting a tough approach against the Soviet Union and Russia has never been particularly popular on most university campuses. This is obvious that any improvement in the relations between Washington and Moscow could result in increased funding and better opportunities for teaching, travel, and research.

And finally, but not the least, we need to consider a generational factor. There is a new generation of Americans who were born in the 1970s and 1980s, who grew up during the end of the Cold War and who were generally unaffected by the Cold War rhetoric and its political fallouts.

This generation, at least many its representatives, tend to see diplomacy and international relations not as an international chess game played by the rules of Realpolitik, but rather through the prism of social justice. Therefore, they tend to see Russian policies as authoritarian, increasingly anti-democratic, and deeply corrupt. This point of view generally goes across the party lines and ideological beliefs—to surprise some foreign experts studying U.S. policies.

Considering these and perhaps other factors, several approaches toward Russia have been shaped in the United States by 2021, which are presented and briefly described below.

The Political View. The supporters of this approach see the U.S.-Russia relations largely through the prism of political and ideological values and principles. Based on the fundamental standards of liberal democracy, as far as such argument goes, the supporters of this view claim that they have the right to resist and fight—peacefully—as Putin has wielded blunt force of oppression domestically and internationally for more than two decades [4]. Swaying away from a tough course is likely to result in another Chamberlain’s moment in history for any American leader.

The Accommodationist View. Those individuals whose views fall into this category generally argue that western experts and politicians have misread Russia and keep refusing to recognize the United States’ global limitations in setting international politics. Moreover, the hawkish ideological arguments related to the necessity to protect democracy and human rights do not hold water: Washington continued to support authoritarian regimes in Latin America, Africa, and the Middle East and cooperated with their leaders in many areas. As far as this argument goes, “why are we singling our Russia” to be our adversary when we offered so many excuses to so many other countries? [5]

Liberal Intergovernmentalism View. As far as supporters of this view argue, the West has been losing not only its economic dominance but also its ideological authority. Around the world, democracies are falling prey to illiberalism and populist dissension while a rising China, assisted by a belligerent Russia, seeks to challenge the West’s authority and liberal democratic approaches to both domestic and international governance [6]. Considering this reality, the world needs a new agreement or even a consensus, which will require participation of all major world powers, Russia included. A new global set of institutions will be established giving the world a good chance to establish a peaceful and efficient set of global

policies, acceptable by most countries and sustainable because of the long-lasting nature of international agreements.

The Containment View. His view is rooted in the idea that Moscow perceives itself in a state of perpetual confrontation with the West. This perception is linked not only to historic Russian xenophobia and paranoia (which was common in Soviet policies), but also to the desire of the ruling circles in the Kremlin to maintain a foreign enemy image and thus preserve their power. Moreover, Russia's self-isolation from the West prevents more objective pictures of domestic and international reality. The harder task will be to develop a new, comprehensive Russia strategy that strikes the right balance between containing Moscow and engaging it in narrow areas of shared interest. To get there, U.S. presidents should shed myths and misperceptions that for years have obstructed U.S. analysis of Moscow and to replace them with an accurate assessment of the threats coming from Moscow and how the United States can effectively counter it. While Washington works to contain Russian influence at home and abroad, it should seek to engage the Kremlin on a small number of issues, of mutual benefit, like during the Cold War. Building links with Russian society will undermine Putin's anti-American propaganda and stereotypes [7]. Although Putin's ability to undermine U.S. democracy has been exaggerated, as some supporters of the containment view maintain, still Russian policies will not change overnight; therefore, Americans thought containment should make their country a less inviting target [8].

The Global Strategy View. This view essentially is nihilistically dismissive. It assumes that China and the consequences of Chinese policies are more important for the United States than being troubled with Russia today. Therefore, Russia must be placed in the context of the United States global policies, which should be focusing mostly on global issues and China in particular [9].

In summary, returning to the opening argument of this short paper, it is important to emphasize that all these views partly explain today's Washington policies toward Russia. Such views are relatively stable and should determine the United States' policies for years to come, assuming no sudden changes should occur. So, the dead-end image suggested by the paper may dominate the perception of the reader. But in fact, for those who can visualize a typical cul-de-sac, this physical space allows a traveler to make several rounds, circle this space several times, and to negotiate your way out. The supporters of the accommodationist view in the United

Sates are very few and far between. The could-de-sac metaphor was somewhat accurately representing the state of US-Russia relations in 2021 and beyond: both countries were not seemingly on a distinct path to go forward and cancel the strategic pause or a “dead end” in their relationships of the early 2020s. On the other hand, several clear possibilities to improve relationships for years to come have been quietly suggested in 2021, if not implied. Time will tell.

References

1. *Shlapentokh V., Shiraev E. and Carroll E.* The Soviet Union: External and Internal Perceptions on Soviet Society. N.Y., 2008.
2. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
3. *Bialer S.* Stalin's Successors: Leadership, Stability, and Change in the Soviet Union. N.Y., 1980.
4. *Frye T.* Weak Strongman: The Limits of Power in Putin's Russia. Princeton, 2021
5. *Graham Th. and et al.* It's Time to Rethink our Russia's Policy // Politico. August 5, 2020. <<https://www.politico.com/news/magazine/2020/08/05/open-letter-russia-policy-391434>>
6. *Haas R. & Kupchan Ch.* The New Concert of Powers. Foreign Affairs. March 23, 2021. <<https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers#author-info>>
7. *McFaul M.* How Contain Putin's Russia. Foreign Affairs. January 19, 2021. <<https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-01-19/how-contain-putins-russia>>
8. *Stent A.* Putin's World: Russia Against the West and with the Rest. N.Y., 2019.
9. *Kendal-Taylor A. Shullman D.* Navigating the Deepening Russia-China Partnership, Center for a New American Security, January 14, 2021. <<https://www.cnas.org/publications/reports/navigating-the-deepening-russia-china-partnership>>

Алимов А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Пандемия коронавируса как новый фактор мировой политики

Процесс развития современных международных отношений и мировой политики известен своим динамизмом, неожиданными изменениями, активизацией многочисленных акторов, что заставляет внимательно следить за тем, что происходит в мире и что можно предугадать по вопросу о появлении новых факторов в будущем. В данном случае мы понимаем под понятием «фактор» долгосрочное или краткосрочное явление, ряд событий, способных изменить ситуацию в мире и вызвать локальные, региональные и глобальные изменения. Несомненно, что пандемия коронавируса стала именно таким явлением и уже внесла целый ряд изменений, произошедших в разных масштабах и на различных уровнях. Более того, можно с уверенностью говорить о том, что эта пандемия стала определенной проверкой, «лакмусовой бумажкой» того, что происходит в современном мире и готов ли этот мир к неожиданным глобальным угрозам и бедствиям.

Хотелось бы поставить вопрос и таким образом: что происходит и что делать? А также традиционно по-русски: кто виноват? Но известно, что искать виноватого пытались с самого начала проявления этой пандемии. Взаимно друг друга упрекали США и КНР в вирусологическом плане, а политологи говорили о виновности обеих стран, но выделяя Китай как «менее равного», согласно известной фразе «все жители были равные между собой, но некоторые были ровнее других». Суть дела заключалась в том, что, действительно, США и КНР имели совместную лабораторию по исследованиям в области вирусологии на китайской территории, и можно предположить, что произошла случайная утечка вирусов. Российские врачи-вирусологи убеждены, что это не была разработка боевого биологического оружия, поскольку COVID-19 практически неуправляем и что-либо сделать с ним в чисто военном плане невозможно. Значит, такая версия полностью отпадает.

Тогда что же всё-таки произошло? Почему этот вирус распространяется по всей планете, да еще и неоднократно мутировал? Сегодня большинство европейских стран, включая евроазиатскую Россию, обеспокоены появлением третьей волны коронавируса, проявлением его в тех регионах мира, где его еще не было. Но мало кто сомневается, что он там не появится и, видимо, в ближайшем будущем. События в Индии показали, что в таком случае распространение коронавируса в бедных развивающихся и густонаселенных государствах может стать настоящей глобальной катастрофой. Готовы ли ведущие страны мира и так называемые «сверхдержавы» что-либо предпринять в таком случае, который, повторим, вполне возможен? Снова обратимся к практике борьбы с коронавирусом. Самая экономически развитая страна современного мира — США — не смогла «подавить» невидимого противника: число коронавирусных жертв в США довольно длительное время побивало все рекорды. Здесь летального оружия не поставишь, и использовать его бессмысленно — явной и открытой цели попросту нет. Но имела место задержка с применением антивирусной вакцины, и это несмотря на то, что страна располагает трансконтинентальными компаниями, способными производить количество антикоронавирусных вакцин в десятки раз большее, чем любая другая страна в мире, включая Россию. Как говорится, «нравится — не нравится», но нужно признать успех России в разработке и применении вакцины «Спутник V». Кому-то, естественно, не по душе название этой вакцины, напоминающее прорыв, совершённый СССР в космосе. Но ведь в то время, начиная с конца 1950-х гг., никто никому не запрещал заниматься изучением и покорением космоса — от богатой Америки до бедного фактически послевоенного Советского Союза. Но именно у нашей страны хватило политической воли, знаний, профессионально подготовленных кадров, чтобы сделать первый шаг в космос.

Также можно говорить и о сегодняшнем положении — необходимо проявить политическую волю, смирить свои великодержавные пожелания (а это в той или иной мере относится ко всем высокоразвитым странам Западной Европы и, конечно, же, к Америке) и понять необходимость объединения усилий в борьбе против глобальной опасности. Конечно же, можно винить руководство ВОЗ за медлительность принятия решения об объявлении наступающей пандемии. Но ведь такого опыта у современных врачей-вирусологов, в том

числе работающих в системе этой глобальной специализированной организации, входящей в «семью ООН», не было, да и в течение многих последних лет такой практики попросту не имелось. И в данном случае следует напомнить опыт России, начиная еще с Российской империи. Ведь первый институт в нашей стране, который в дальнейшем стал заниматься вирусологией, был открыт в 1890 г., еще при государе-императоре Александре III, миротворце. Отметим, что в годы его правления Россия не участвовала ни в одной из войн и действительно, как позже будет сказано российскими дипломатами, «сосредотачивалась», но на экономическом развитии страны, на подъеме народного хозяйства. А уже в советское время российские вирусологи создали вакцину от клещей, от полиомиелита, от лихорадки Эбола и т.д. И сегодня Россия готова делиться не только своими открытиями, но и своим «вакцинным продуктом».

До настоящего времени продолжается «вакцинная вакханалия» или «вакцинный торг», который к медицине, к попыткам решить проблему пандемии никакого отношения не имеет. Здесь первую скрипку играет политический и экономический интерес: кто станет лидером в производстве, в признании своей вакцины наиболее вирусологически сильной и безопасной, сможет ее продавать в большом количестве. Вообще, складывается такая ситуация, что скоро число произведенных и применяемых вакцин будет определяться двузначными цифрами и превысит полтора десятка. А торг всё расширяется и проявляется, как в государственных масштабах (локальных), так в региональных и глобальных. Пример Западной Европы, высокоразвитых «коренных» членов Европейского союза, который категорически не воспринимает необходимость принять решение об утверждении российских вакцин как возможных и необходимых для использования на территории стран, в него входящих. И это особенно странно, учитывая тот факт, что уже целый ряд государств — членов ЕС, правда, в основном представляющих «новичков», уже не только признали эффективность российских вакцин, но и активно их применяют. Мы не будем заниматься критикой вакцин, производящихся в других странах, и искать их недостатки, ибо не можем выступать в качестве вирусологов и оставим им всевозможные дискуссии по этому поводу. Но с точки зрения полезности и значимости препаратов, конечно, нужно, как это предложили представители Южной Африки в группе стран БРИКС, создать профессиональную

команду вирусологов и поручить им разобраться во всех сложностях и тонкостях данного вопроса.

Собственно, такое же предложение внес заместитель председателя Совета безопасности России Д. Медведев на пленарном заседании Петербургского юридического онлайн-форума. С точки зрения правоведов, необходимо ликвидировать «вакцинный национализм», определить, является ли вакцинация правом или обязанностью человека, на ком лежат риски отказа от вакцинации или риски появления побочных эффектов, может ли государство ограничить доступ к заграничным вакцинам или лекарствам. Очевидно, что и здесь, в правовом поле, на сегодня вопросов возникает немало. Затронул фактор пандемии и такую важную сферу, как экономика. Уже известны настораживающие цифры падения глобального и постранового ВВП. Идут споры по вопросам восстановления временно (на насколько временно — это еще один вопрос) прерванных торгово-экономических глобальных и региональных планов, о возможности повторного объявления в ряде стран локдауна или о допустимости риска, несмотря на продолжающуюся и расширяющуюся географически пандемию, поддерживать экономику. И даже появляются политические последствия пандемии: по мнению аналитиков Института Европы АН России, на первом этапе предвыборной гонки в ФРГ сказалось то, что правительство фрау Меркель смогло снизить уровень опасности коронавируса, несмотря на негативную реакцию значительной части населения на те ограничения и правила, которые были на то время введены. Вообще, такое отношение к решению национальных властей проявилось в период пандемии во многих странах, включая Россию. Практика показала, что рыночная система болезненно воспринимает какие-либо ограничения вообще и в период глобальных проблем, какой явилась пандемия COVID-19. На первом месте стоит прибыль, отказавшись от которой или принужденный к этому со стороны государства, любой предприниматель и особенно представитель молодого и активного российского бизнеса, будет выражать свое недовольство. Пример был продемонстрирован по телевидению, когда владелец ресторана сказал: «Ресторан может работать только в условиях использования в нем всех запланированных мест-столиков; или вообще не работать, когда под давлением сокращается количество посетителей». Так, выполняя свою функцию — удовлетворять потребности человека, — такой предпри-

ниматель отказывает в удовлетворении важнейшей потребности — жить и при этом быть здоровым. Можно сказать, что пандемия коронавируса показала недостатки рыночной экономики. И в этом случае неизбежны новые дискуссии между либералами и консерваторами-государственниками, убежденными в том, что эпоха либерализма ушла в историю. Но что получится в дальнейшем, мы, вероятно, увидим нескоро: не забудем, что ожидается новая волна коронавируса, во-первых, в развивающихся странах, а во-вторых, и в индустриально успешных, включая Россию. Цифры последних дней заставляют задуматься — всего число вновь заболевших в России за сутки превысило 12 тыс. человек. А половина из них — жители Москвы. Но причина у нас не в ограничении ресторанного или какого-либо развлекательного предпринимательства. Россияне истари известны своим законо-непослушательством. Посмотрев на прохожих на улицах Санкт-Петербурга, да и любого другого города-миллионника, можно увидеть у них веселую летнюю улыбку. Это не только потому, что солнышко светит и дарит нам тепло и хорошую погоду, а по более простой причине. Количество людей, надевающих маску, стремится к нулю. И это несмотря на то, что от местных властей до президента нашей страны постоянно звучат призывы-обращения соблюдать элементарные санитарно-эпидемиологические правила, то есть надевать маску и мыть руки. Но проследить за каждым человеком не представляется возможным. Значит, нужно искать иные пути — наказывать большими штрафами, использовать кратковременное задержание злостных нарушителей, переводить их на общественные работы и т.д. Но для этого нужны правовая база и строгий контроль над выполнением принятых решений.

Итак, мы видим, что фактор коронавирусной пандемии во многом «проверил» происходящие изменения, но не смог выяснить, кто же виноват в ее возникновении и распространении практически по всему миру, а также не смог ответить на вопрос: что делать? Мы высказали только свое личное отношение к этой серьезной угрозе, однако насколько оно приемлемо для других людей, наверное, до сих пор никто не знает. Но в любом случае необходимо сократить этот опасный период размышлений, дискуссий и споров и принять решительные, адекватные меры всем мировым сообществом.

Yadav R.S.
Jawaharlal Nehru University

The Russian Far East: Opportunities and Challenges for Russia's Asia-Pacific Policy & US Factor

The Russia's Far East (RFE) occupies an important strategic position and plays a significant role in Russia's regional foreign policy. Formerly, the Russian Far East also known as the Soviet Far East which comprises nine federal districts i.e. Sakha Republic, Primorsky Krai, Amur Region, Khabarovsk Krai, Sakhalin Region, Kamchatka, Magadan Oblast, Jewish Autonomous Region and the Chukotka Autonomous Area. Although most part of the region commonly considered a part of Siberia, but in the Russian and Soviet regional scheme the Russian Far East has been treated separately. The North West side of the RFE is bounded by Krasnoyarsk Krai, whereas the East Siberian Sea bordered on the North, the Bering Sea forms North-East territory, Sea of Japan covers South-East part, on the Southern side RFE shares long border with China, and on the South-West RFE flanked by Chita, Irkutsk regions and the Yablonovy Mountains. The RFE region comprises almost 38 percent of Russia's territory and provided direct access to Moscow towards Asia-Pacific, turning RFE geopolitically significant. Being a store house of many natural resources such as oil, natural gas, coal, gold, diamonds, rare earth metals etc. The strategically advantageous location in the Asia Pacific, turning this to be region of interests for many actors where global political and economic dynamism is gradually shifting from the Atlantic to the Pacific, making the region potential focal point of international conflicts.

Russian Far East: Historical Overview

Historically, Russian colonization of the area began in 1639 when a band of Cossacks under the leadership of Ivan Moskyitin reached the Okhotsk Sea. This colonization was an important stride for Russia's long term drive to expand its eastern border to the Pacific Coast, this lead to the foundation of ports and naval base in this area. Stolypin agricultural reforms brought an end to serfdom and provided free land for habitation due to this

a large number of Russian speaking population settled in this area, starting from 1861. During 1856–57 the Russians took advantage from shaky Qing dynasty and occupied huge territory i.e. the territory north of the Amur River and land east of the river Ussuri. In 1904 the Trans-Siberian Railway Route completed, which further accelerated Russian settlement in the Far East region. After the Russian Revolution of 1917, Japanese armies captured large landmass of the Russian territory particularly parts of Vladivostok and its surroundings. Japanese forces last in the area till 1922. During that period, the Far Eastern Republic served as a 'buffer state' between Soviet Union and Japan. After the withdrawal of Japanese forces in 1922, the Far Eastern Republic dissolved and incorporated into the USSR. [1] From 1926 to 1938 the whole area was designated as the Far Eastern Territory; during that period this region renamed as the 'Soviet Far East.' [2]

In the year 1986, Mikhail Gorbachev declared a long term plan for the overall development of the Soviet Far East but this announced plan never materialized in policy making. Since then, series of administrative and economic development programs were put out but all of these come to naught. Most of the Russian scholars point out that "central authorities have sabotaged all RFE development programs since 1985". Yeltsin also put forward his desire to develop Russian Far East, in fact, during his presidential election campaign in 1996 he announced a complete "*new ten year program*" for the socio-economic development of RFE. However, these programs got similar fate of hollowness, what it has resulted under Gorbachev.

Moscow's Policy towards Russian Far East during 1990s and under Vladimir Putin

After the breakup of the USSR, RFE virtually secluded from the international environment. Due to the financial crisis, central authority stranded most of its responsibility and commitment towards the RFE, which had, financially dependent on Moscow for aid and subsidies. Financial crisis led huge reduction in budget grants for RFE, which badly impacted region's economy and demography. Due to steep budget cuts this part lost about 20-25% of its population and up to 90% of its heavy industry and lot of its pacific based naval and air force capability. Practically, RFE region left to survive on its own.

It was under Vladimir Putin, the central government started to bring RFE into Moscow's main priority for development and integrate RFE with

other nations and reassert its influence in region. Vladimir Putin in 2006 called the Russian Far East's isolation and backwardness a threat to Russia's national security. The Russian government in 2007 approved a program for 'economic and social development of the Far East and Trans-Baikal region' and committed to invest USD 30 billion dollars over six years. In 2009, a new "Strategy" document was issued envisioning a three-stage development model for the region to 2025, whereby, ambitious goals were put forward such as- 2.6-fold increase in Gross Regional Product for the regions during 2008-2013 and a 4.4-fold expansion from 2010–2025.

In 2012, when Vladimir Putin elected as President, he emphasized the development of the Russian Far East as "the most important geopolitical task facing the Russian Federation". For the development of the RFE, President Putin created a separate government ministry i.e. 'Ministry for the Development of Far East' which is entrusted with long term development planning strategy and goals. Ukrainian crisis of 2014 and subsequent western sanctions increased Moscow's urgency to develop RFE as a gateway for Russia's Asia-Pacific policy. After the introduction of Western sanctions-post Ukrainian crisis, several major developments took place in Moscow's foreign policy orientation towards Asia-Pacific. Establishment of Eastern Economic Forum in 2015 was such policy, aiming to attract foreign direct investment for RFE's economic and social development and to expand international cooperation in the Asia-Pacific region.

Russian Far East: Challenges and Russia's Strategic Thrust

This vast land mass encompasses almost 38 % of Russia's entire territory and holds around 6.2 million square kilometers area which makes it about two-thirds the size of the United States. This mammoth piece of land has only 6.3 million inhabitants i.e. 4.4 % of Russia's total population. RFE region is witnessing an unprecedented crisis of depopulation. Its population decline began after USSR dissolution in 1991, when the Far Eastern residents started to migrate from pacific side to European part. As a result, the Russian Far East has now lost about a quarter of its population. Since 1991-2011, overall population of RFE has declined to more than 22 %. Some region faces worst population decline for example — Chukotka Autonomous Region lost its 70% population during this period. Then the president of Russia, Dmitry Medvedev visited the region in 2010 and identified falling population as "the most alarming and dangerous trend

for Russia's national security." To address the challenges of demographic downfall of the Russian Far East in 2016, the Russian government launched the 'Far Eastern Hectare' program to grant free land to people interested in settling in the Far East. The program was administered by the Far East Human Capital Development Agency. Sparsely populated RFE region is becoming a national security threat for Moscow, as this region share's boundary with densely populated northeastern China (Inner Manchuria). Many Russian experts believe that, stark imbalance in population densities between the depopulating Russian Far East and northeastern China, which has home for more than 100 million people will create "demographic vacuum" in the region and in that case China will naturally be driven to fill this vacuum. According to some estimates, 300,000 Chinese citizens have settled in Russia's Far East. Chinese immigration in RFE is posing problem to central authority as there is monopoly of Chinese workers in the region. To diversify its labor supply in the region, Russian government is trying to attract cheap human resources from surplus labor supply countries such as India, Bangladesh, the Philippines, and some other nations in Southeast and South Asia. To boost its demography, the Russian Far East, may need more integration with the Asia-Pacific, not only in terms of trade, but also in human resource.

Apart from dwindling demography, Russian Far East is also suffering from low level of economic development and lack of infrastructure. Harsh geographic conditions make RFE inhospitable which leads to the problem of outmigration, further hampering the economic development of the area. The Federal Districts of Russian Far East's contribution to the Russian GDP is not more than 6 % over two decades, so in order to develop and revive Russian Far East's economy, government has initiated several institutional developments in the region. For instance, setting up of special and separate ministry i.e. Ministry for the Development of Russian Far East for managing affairs of RFE, The Far East Development Corporation for infrastructural development and attracting private investment, The Far East Human Capital Development Agency for providing labor resources, The Far East Development Fund for long term funding at low interest rate and establishment of advanced special economic zones for promotion of exports [3]. China, Japan and South Korea are biggest trading partners of Russia in Asia-Pacific. Among these partners, China is one of the major economic partners of Russia in RFE region, contributing alone more than 70 % of total foreign direct investments (FDI) received by RFE. Moscow

is following multilateral approach in the region, focusing on to integrate other countries of Asia-Pacific for the development of RFE. 2014 Ukrainian crisis and western sanction on Russia pushed Moscow to reorient its policy towards Asia-pacific, specifically the idea of turning the Russian Far East into a new gateway. [4] Post crisis, government has established Eastern Economic Forum in 2015 with the aim of integrating RFE economy with other nations and creating favorable business environment in the region for investment and logistic support.

US Engagement in Asia-Pacific and Russian Far East

Historically, the US and Russia have been involved more in Euro-Atlantic region as compare to Asia-Pacific, where states understanding, engagement, and interaction is uneven. The U.S. policy and strategy in Asia-Pacific focuses mainly on ensuring security in the region, deepening and strengthening relations with Japan and South Korea through strategic alliances. Former Secretary of State, Hillary Clinton, described the “six pillars of U.S. engagement in the Asia-Pacific.” [5] The first pillar is *strengthening bilateral security alliances* with countries like Japan, South Korea, Australia, India etc. Formation of QUAD (Quadrilateral Security Dialogue) could be seen in this light, where four country of Asia-Pacific i.e. US, Japan, Australia and India are collaborating. The purpose of QUAD is to provide “balance of power” in the region which currently is more in favor of emerging China. The second pillar of strategy focuses on *expanding trade and investment* in the region through collaborating with multiple stakeholders in the region such as countries of ASEAN etc. *Forging alliances with multilateral regional organizations* like ASEAN, East Asia Summit and APEC etc. for deeper economic integration is the third pillar of the US strategy. The fourth strategic pillar is *deepening relationships with emerging powers* of the region including China as well. The fifth and sixth strategic pillar of US involvement in the Asia-Pacific includes- *forging broad-based military presence and advancing democracy and human rights*.

The transnational, economic, and ecological security challenges facing the Russian Far East offer to US multiple opportunities to engage in bilateral and multilateral cooperation. The US has implemented in the past, several programs in the Russian Far East for example- providing civil society development and Non-governmental organizations (NGOs) assistance in the region, cooperating in the field of military medical, cooperation in nuclear submarine decommissioning and collaborating in

Border-Guard and Coast-Guard anti-poaching operations. However, these co-operations are relatively modest and should be viewed as stepping-stones to future initiatives [5]. The potential for closer cooperation between Russia's East and America's West remains undeveloped, uneven and underexploited. Although, US's investment in the Sakhalin oil and gas projects is encouraging whereas, US trade and business firms working in the RFE is declining. Russian attitudes and perspective about the United States engagement in the Asia-Pacific region is mixed, but Moscow is overall positive about the US. Moscow visualizes the US engagement in the Asia-Pacific beneficial for RFE's political and economic development. The US presence might help Russia in diversifying and balance Russia's interactions with regional powers, particularly when serious suspicion about China's intentions for the Russian Far East remains. Both sides need greater co-operations in Asia-Pacific, as, continuing rise of China is potential threat for their security in the region. China's aggressive posture in the region is an open challenge, specially its strategy in the South China Sea and towards small island nations. Thus, Russia and the US should consult regularly on issues such as: formation of a permanent security dialogue in Asia-Pacific, evolution of multilateral broad based institutions, and focus of various forums and initiatives, some of which are exclusive of Russia and the US.

Development of Russian Far East is a top priority for Russian government as; this part provides direct access to Russia into Asia-Pacific region. RFE region's geostrategic location along with resource richness makes it strategic piece of land through which Russia can expand its footprint in Asia-Pacific's dynamic geopolitics. From this point of view, it becomes imperative for Russia to develop its backward Far East region. To develop RFE, Russian government has already initiated several institutional developments but these need to be fasten and increased. The Ukrainian crisis and subsequent western sanctions compelled Russia to reorient its foreign policy towards Asia-Pacific. Russia is following Non Block approach in its policy towards Asia-Pacific. On the one hand, it is trying to integrate RFE economy with China and on the other hand it is maintaining relations with other emerging countries of Asia-Pacific for diversification of trade. Deeper cooperation between Russia and the US is needed for maintaining power balance in the region as well as multidimensional approach should also be adopted by both sides--not focusing on China's specific policy for the overall development and security of the region.

References

1. *Stephan J.* The Russian Far East: A History, Stanford: Stanford University Press, 1994.
2. *Lukin A., Troyakova T.* The Russian Far East and the Asia-Pacific: State-managed Integration // *From APEC 2011 to APEC 2012: American and Russian Perspectives on Security and Cooperation in the Asia-Pacific*. Ed. Azizian R., Lukin A. Vladivostok: Far Eastern Federal University Press, 2012): 189-2003.
3. Jiyoun Min and Boogyun Kang (2018), Promoting New Growth: 'Advanced Special Economic Zones' in the Russian Far East in H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe (eds.), *Russia's Turn to the East*, pp.51-69.
4. *Trenin D.* From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian entente. Moscow: Carnegie Moscow Center <<https://carnegie.ru/2015/02/26/from-greater-europe-to-greater-asia-pub-59192>>.
5. *Mankoff J., Barabanov O.* Prospects for U.S.-Russia Cooperation in the Asia-Pacific Region "The United States and Russia in the Pacific Century" // Working Group Paper <<http://us-russiafuture.org>>.

Amarakoon P.

Open University of Sri Lanka

US-Russian Relations in Arctic: Cooperation and Competition

The Arctic region is under the purview of major powers, especially with the impact of climate change. It is gaining considerable geopolitical attention since the region consists of new resources, transit routes and several other ranges of opportunities. The changes in the social, political and geopolitical realm within the region has made a considerable impact on the relations by motivating confrontational and cooperative actions. Russia and the United States, being coastal states of the Arctic, are facing conflict of interests with a high uncertainty in some areas of cooperation in the arctic region. The geopolitical tensions between Russia and USA also made a spillover effect to the neighboring Arctic Council members as well.

Nevertheless, there are several definitions on the dimension of the Arctic region. The general definition is the “the southernmost latitude in the Northern Hemisphere at which the center of the sun can remain continuously above or below the horizon for 24 hours; this imaginary line circles the globe at approximately 66° 34’ N.” In political terms, the Arctic region includes eight states, who have the territories above the Arctic Circle and which are located in the northernmost part of the world. Hence, the Arctic council comprises: Canada, Denmark, Greenland, Finland, Iceland, Norway, Russia, Sweden and the United States. In addition to that, the Arctic region is sparsely populated with tough climatic conditions, although it is rich with strategically significant resources. Accordingly, the engagement of Russia and USA in the region in terms of developing oil, fisheries and other mineral resources can be considered. The geo-strategic significance of the region is that this is the shortest great circle route between Russia and the United States and as well as the shortest air routes between the major European cities. Also the Arctic Ocean is a part of the Atlantic Ocean where the land masses of that area is being named as “Polar Mediterranean.”

Along with the phenomenon of climate change, the Arctic has been undergoing rapid changes making an increased attention by Russia and

USA in its engagement within the region. The two states tend to seek new opportunities in resource exploration by exerting a geopolitical influence. The melting down of arctic ice cover due to global warming has led to access to new resources such as offshore oil and gases while shortening the accessible routes. Yet those new resources are within the Exclusive Economic Zones where the United States and Russia came forward with their interests and claims over it. The United Nations Convention of the Law of the Sea (UNCLOS) has granted the sovereign rights to the USA, Russia and other coastal arctic states. [1]

This maritime space of the Arctic has a political dimension as well. The actors/states within this region represent, promote and produce their national interests over the other states. The different divisions and their use of political ideologies have led to developing tensions within the region. Particularly, the United States tries to promote their exceptionalism, global leadership claim, while Russia tries to produce their national identity, power projection and influence under this discourse. According to scholars, with the growth of strategic importance of the Arctic, the divisions and the growth of geopolitical power struggle, promotion of national energy and territorial policies ultimately leads to the rise of tensions hampering the development of the Northern Sea Route. Simultaneously, both Russia and the United States have made a growing focus recently on the region while both states have updated their prevailed maritime and Arctic strategy of 2015 and 2013 respectively depicting the importance of the region to their national interests. A notable fact of the Arctic geopolitics is that the relations among the major powers in the region has been a decisive factor, in the condition where the region has been heavily dependent upon the nature of the relations between Russia and USA in shaping up its core geopolitical landscape in the Arctic.

Accordingly, this article provides an overview of the Arctic geopolitics with a brief background information of the Arctic region and with an adequate description of the geopolitics context of the region based on US- Russia relations. The crossroads of relations between the two states on behalf of the Arctic geopolitics is further examined by describing the Russia and US geopolitical interest towards the Arctic region in accordance with the identified issues within the sphere. The discussion will be further elaborated with the grand theory of geopolitics along with some theoretical assumptions of realism and liberalism to explore the aspects of US- Russia relations as in the form of competition or cooperation.

The data has been collected by the reports of think tank organizations and academic journals, along with certain reports by the US and Russian government sites. The research is based on the analysis of the data that has been drawing upon the structural and conceptual nature of the relations of US and Russia in the Arctic, in order to portray the depth of it. The facts have been investigated through analysis of the concept of geopolitics, while the cooperation and competition aspects have been analyzed under the assumptions of liberalism and realism theoretical assumptions. In this article, discourse and critical analysis are used in the analysis of government documents, reports and articles of think tank organizations and journal articles.

Arctic states have been resorting to multiparty consultation in the post-Cold War era in their bid to maintain regional stability. Along with the non-conventional nature of geopolitical threats, the policies of both the United States and Russia concern on emphasizing the environmental issues and natural resources. In general, climate change has been affecting the livelihood and the environmental conditions of the region and the negative consequences of alteration in biodiversity, changes in ecosystem, has made a significant impact on the arctic geopolitics as well.

Consequently, the opening up of ice covered territories, shipping lines has ignited the issues with regard to international law and sovereignty making the area for territorial claims in the continental shelf. Even though in general border protection is a guarantee of safety for the people in its territory, in the case of the Arctic, it shows that it negatively affects some aspects of the security in the region. Despite that, the Arctic, however, remains as a less tense area, where states, especially Russia and the United States, tries to keep the Arctic as a zone of peace in their engagements based on mutual interests as well as border enforcements. However, several drawbacks on the mutual commitments of both states regarding their role of governance in the Arctic geopolitics can also be seen, alongside with the high military deployment in the region due to the increase in the number of actors in the region due to global warming to ensure the security of their borders and territories.

To that end, since the grand theory of geopolitics plays a major role in this phenomenon of Russia-US relations in the Arctic, it can be further elaborate as follows:

The geographic influence for the power relation in international relations is analyzed through the grand theory of geopolitics. This deals

with the main streams of geography, politics and technology and here it highlights the interrelationship between them. In classical geopolitics, it considers the geopolitical stability, power, technology, geographical space and the institutional or international cooperation between them and states. Here, it refers to the cooperation of Arctic states. On the other hand critical approach of geopolitics refers to the quality of the environment, knowledge and the nature of actors involved in a particular environment context. [2] The Heartland theory, the Sea-power theory and the Rimland are major sub theoretical concepts of classical geopolitics. In accordance with the Heartland theory of Mackinder, Russia's geographical location in Eurasia and the huge landmass of Eurasia which refers to the Heartland is considered. Many years ago the Arctic Ocean was totally covered with ice situated adjacent to the Eurasian territory. Then the Sea-power theory of Mahan which challenges the above-mentioned Heartland theory insists that states which control the world are sea powers. At first, it was under British and then the United States became a state that emphasizes its policy in terms of freedom of seas, which is reflected in the fact that the United States is not a party to the UNCLOS (United Nations Conventions on Law of the Sea). However, it has been argued that the United States needs to join this treaty in order to take measures in establishing its outer limits in Alaska, to open trade routes and have the possibility of natural resource extraction with climate change. The Spykman's rival approach of the Rimland theory insists that there is a strategic importance of the inner-crescent, which is between the Heartland and the Mediterranean to China. This is quite applicable today in the current Arctic situation with the Russians assuming the maritime powers of the Rimland and it became the new geopolitical pivot in the Arctic among great powers.

Apart from that, US-Russia relations in the Arctic can be scrutinized through the lens of basic assumptions of realism, since this is a context which is based on great power politics and increasing (re)militarization of the High North. Due to the non-conventional nature of security abided by environmental issues and the state's lack of frameworks and mutual commitments to put constraints on the governance regime in the Arctic, geopolitics can be explained through the neo-realism perspective. Both the USA and Russia, being great powers, can be perceived as states which are seeking to protect their interests and ambitions via engaging in the region. So, it assumes that a cooperative regime might not help to resolve large political and security issues, especially the geopolitical rivalries due

to the trust issues between US and Russia. [3] Russia's military presence in the Arctic and the response of the United States through their increased presence and China's economic and scientific activities, have made a substantial impact on the renewal of great power geopolitical competition in the region.

According to the liberal perspective, in compared to the Cold War confrontation, in the current context, there is a decrease in military confrontation in the Arctic and there is comparatively high geopolitical stability due to the common interests of the Arctic states- i.e. environmental cooperation and promotion of trans-boundary cooperation. Based on the cost-benefit and risk analysis, as the preconditions for cooperation, it has found that USA and Russia can cooperate in high geopolitical areas due to the higher degree of international legal certainty in the Arctic; the global nuclear deterrence of two powers and there is a limited potential of occurring conflicts over the sovereignty on the Arctic territory.

Russia's geopolitical interest in the Arctic: According to the geographic mapping, a significant part of Russia is located in the Arctic Circle. With this geopolitical significance, the Russian government has launched a plan to develop military capability, to protect sovereignty and territorial integrity which is known as 2020 Arctic Strategy of Russia. According to this plan, the Arctic is a critical sphere of cooperation and influence in terms of both economy and security. According to Kremlin, northern sea routes are one of its core national security concerns, where it tries to protect its position, and sometimes it is a strong reaction on behalf of threats. To that end, Russia is concerned with the economic interest on the resources of the Arctic region. Special concern has been given to hydrocarbon reserves and other strategic mineral resources while enhancing the development of its northern sea route. It is depicted that 30 percent of Russia's GDP depended on the Arctic resource basin and hence inevitably Moscow is promoting and protecting its continental shelves and territories in the Arctic to exploit the natural energy resources there. According to Kremlin decisions, developing the Arctic with improved living conditions and infrastructure is on the priority list of its policy. Along with that, the United States found it as a competitive approach by Russia in the Arctic region and began to respond to this potential increase of competition there. This Development Strategy of Russia has been implemented for the period of 2020-2035 and also it covers the repercussions of global warming while taking measures in advancing development of resources and establishing proper living

conditions for the population. Attention has been given to the territorial vulnerability that creates in the Far North due to ice melting and the need of maintaining ecological balance while continuing the establishment of a northern sea route in the long run.

Basically, by involving in the region, Russia expects to exploit natural oil and gas and to develop its status as a leading producer and a supplier of these resources, as 7 percent of its reserves are on the continental shelf of the Arctic. [4] In addition, the Ministry of Natural Resources and Environment of Russia estimated that, in the underwater Arctic region, Russia has a resource base of 586 billion barrels of oil reserves, 88.3 trillion cubic meters (tcm) of natural gas and 10 trillion tons of hydrocarbon deposits. Then Russia is expecting to lift up its global position by developing shipping routes through the opening of sea ice permanently and also by making sea routes primarily to East Asia and Western Europe. Also it tries to gain territorial strategic advantage by establishing ports and facilities alongside this route. However, Russia's upgrading of military presence in the Arctic, especially with the Ukraine crisis, has been seen as a reason for further deterioration of relations with the United States and that of other western powers, as they perceive it as an aggressive measure of Russian foreign policy.

However, this military presence of Russia is debatable, as whether it is offensive or defensive in the view of scholars. Some perceive it as a defensive one where Moscow is trying to maintain the stability of its resource base in the Arctic. Also it is still interested in maintaining the region under the zone of peace umbrella despite its new 2020 agenda of Arctic Strategy. Besides that Russia's arctic posture is a reflection of Russia's desire of resorting to its great power status, which is primarily due to the threat perceptions of NATO's military presence with the enhanced capabilities of its members alongside with the United States.

The newly adapted 2020 state policy of Russia is fundamentally targeting to support the initiatives in prioritizing the issues of ecology, telecommunication, infrastructure, science and the promotion of its interests through the Arctic Council as it has been identified that more than 10 percent of national GDP and more than 20 percent of the Russian exports are produced in the Arctic zone of the Russian Federation. Also emphasizing on the cooperation of foreign partners is another aspect of this new agenda and here it envisages making joint plans for the expansion of the shipbuilding industry, transport and tourism infrastructure, introduction of new industrial technologies.

The United States geopolitical interests in the Arctic: The Arctic space of America extends approximately 15 to 170 [0] of west longitudes that include Greenland, northern Canada, Arctic islands, and northern Alaska. The geopolitical importance of the Arctic to the USA is reflected by the initiative of the US State Secretary's decision to buy Alaska from Russia. Although the region is sparsely populated, the US perceives it as a region which ensures economic and defense potential because of its military significance due to its geostrategic airways and waterways. The United States heavy dependence on the gulf oil perceives to be reduced due to the access to arctic oil and hence the area of "Arctic Mediterranean" is a technologically developed area with the advances of aviation technology. The United States National Strategy is also focusing on the effective response to the issue of ice melting and the increase of activities in the Arctic region. It has been found out through U.S geological survey that the Arctic might have 13 percent of undiscovered reserves of oil, which is estimated as 90 billion barrels of oil and 47.3 tcm of natural gas and it would be enough to fulfill the U.S. demand for 6 years.

Consequently, with the development of great power competition in the Arctic, the United States devotes its policymaking concern towards the resource base in the Arctic region and also in tackling disputes over sovereignty, navigation rights, military operations etc. The US prioritized the increase in the number of military operations in combination with NATO in the Arctic region to strengthen its security regime through its 2019 Arctic Strategy. Here with a special concern about the Russian military presence in the region, US has been focusing on conducting military trainings, developing its arctic infrastructure through the simultaneous building up of military bases alongside the Arctic coastline of the Russian Federation. So, basically, through its 2019 Arctic Strategy US has been concerned about the strategic geopolitical competition and the great power presence in the Arctic region, especially Russia and China where it identified that it needs to be counteracted to keep it down. However, US conventional forces in the Arctic region are low. The space for Arctic dialogue has been diminished with the Ukraine crisis and the sanction scheme for Russia by the EU and as well as due to the fact of perceiving China's engagement in the region as a competitor, instead of an adversary.

During the Trump administration the US has mainly focused on the geo-strategic aspect of the European part of the Arctic other than the Bering Strait between Russia and the United States. Also it engages in

military exercises focused on capacity building. It is noteworthy that the Pentagon has made plans for the construction of a strategic port, which is reflected by passing the National Defense Authorization Act in July 2019 by the Senate. But the United States has been criticized for not having much more budget allocations and for not prioritizing the infrastructure besides their Polar cutter Program in the region. In accordance to the US geographical position it needs to be much focused on the North American Arctic and for the European Arctic. So, for that the importance of trilateral cooperation along with Russia and Canada is an important aspect for the United States engagement in the Arctic region ensuring its security governance. But the United States accusation in Russia and China over their geopolitical activities in the region sheds a dark light for this initiative.

Analysis of the interests of Russia and the United States in relation to the Arctic: Although the United States and Russia find their positions opposite in terms of their national interests, the relationship and cooperation between the two superpowers are significant in ensuring global security. Since Russia and USA shares its maritime border in the Bering Strait in the Arctic Ocean, it can be perceives that there are areas of possible cooperation for the both states in this region despite of the controversies of building trust. [5]

The two competing discourses are applicable to the cooperation between Russia and USA in the Arctic region. One is the geopolitical definition of 'the Arctic as a zone of peace' and then the race for resources and the possibility of the emergence of conflicts in the Arctic alongside with climate change and the emergence of new dynamics in the region. To that end, there is a possibility that Russia and USA can make initiatives via cooperation to safeguard the arctic waters amidst the global climate issues while becoming patterns ensuring economic benefits through conducting mutually beneficial research in the region. Also this greater cooperation will eventually reduce the military issues and the arms race in the region between NATO and Russia which led to turn the region into a conflictual and competitive position.

Nevertheless, according to the sources of Russian Ministry of Foreign Affairs, it has been depicted that close dialogues have been established by 2019 about discussing possible US- Russia cooperation in the coast guards of the Arctic. It is significant that here the leading role of coastal guard is currently conducted by the United States in the 17th District Command in

Alaska while it carries out joint work with the Border Service of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Eastern Arctic region in Kamchatka. Currently it carries out information sharing, joint patrolling and rescue operations in the region, while both the countries are working on managing the activities of preventing oil spills. This can be perceived as an effort of US- Russia geopolitical cooperative initiatives on behalf of arctic environment protection as well. The possibility of this can be further contemplated through the recent President Joe Biden's comment based on the realistic objectives of Russia's foreign policy perceptions: He insists that it focuses on building up cooperation on environmental protection and climate change in parallel to the identified geopolitical issues in the Arctic while ensuring its security.

Competition or cooperation? The role of the Arctic Council as the intermediary for the US- Russia relation in the North Pole can be considered as a platform facilitator for the continuance of its relationship, because both states being its members use the venue of the Arctic Council in addressing its political and military matters. It is noteworthy that the geopolitical conditions of the Arctic and the well-functioning of the Arctic governance body are affected by the spill-over effects of the geopolitical tensions of its major powers, especially USA, Russia and China as well. The state of relations between these major global powers determines whether the region is influenced by the competition or cooperation of them. Yet the Arctic is a stable region with cooperation of Russia and other Arctic states, especially the United States, although there exists major geopolitical tensions among these states elsewhere in the world.

The institutional mechanism of the Arctic Council which was created after the end of the Cold War functions as an intermediary and a safety system which protects the influence of external factors to penetrate into the Arctic region. By serving as a multilateral regime of regional governance which include all Arctic states and as well as sub regional groups namely the Barents Euro-Arctic Council, the Scandinavian Council, the Northern Forum, and the Northern Dimension provide the platform for practical cooperation through treaties and agreements in ensuring mechanisms for smoothing cooperation between Russia and USA. This in turn serves as a red light for both states to participate in cooperative manner to settle the pressing issues as regional actors. Also this serves to limit the after-effects of global geopolitical tensions in the Arctic region, depicting that the Arctic should serve as a field of cooperation.

Although the Ukraine crisis and the undergoing tensions of USA-Russia relations indirectly impact the geopolitical changes in the region, both states issues with regards to the growth of regional independence and the exclusive efforts on regional development. So, the Arctic cannot be considered as a field where US- Russian rivalry has a huge impact as it is in other regions on the world stage. This can also be articulated in terms of liberal institutionalism perspective where despite the different discourses, perceptions and approaches, both Russia and USA are adhering to maintain the geopolitical stability based on institutional, international cooperation.

References

1. *Buitrago R.* Risk Representations and Confrontational Actions in the Arctic // *Journal of Strategic Security*. Vol. 12. No. 3. 2019. P. 13–36.
2. *Heininen L.* Arctic Geopolitics from Classical to Critical Approach — Importance of Immaterial Factors // *Geography, Environment, Sustainability*. 2019. Vol.11. No 1. P. 171–186.
3. *Beixi D.* Arctic Geopolitics The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // *Polar Research Institute of China* <<https://www.researchgate.net/publication/330039361>>.
4. *Guo L., Wilson S.* China, Russia, and Arctic Geopolitics // *The Diplomat* <<https://thediplomat.com/2020/03/china-russia-and-arctic-geopolitics/>>.
5. *Keaney J.* US-Russia Cooperation in the Arctic, *American Security Project* <<https://www.americansecurityproject.org/us-russia-cooperation-in-the-arctic/>>.

Foglesong D. S.
Rutgers University

Myths about the End of the Cold War and Contemporary U.S. Foreign Relations

During the last thirty years, many Americans have believed in two myths: (1) that the Cold War ended with a U.S. victory and (2) that the Cold War ended when the Soviet Union collapsed in December 1991. The first myth has been energetically promoted by conservative admirers of President Ronald Reagan like the popular writer Peter Schweizer [1]. The myth was also famously propounded by President George H.W. Bush in January 1992, at the beginning of a re-election campaign, when he declared that “By the grace of God, America won the Cold War” [2]. Later that year, George F. Kennan, the author of the U.S. containment strategy at the start of the Cold War, ridiculed such Republican claims in an op-ed piece prominently featured in the *New York Times*. As Kennan explained, such claims exaggerated the influence of the United States on a complex internal transformation of the Soviet Union that originated from long-term ideological and economic decline. In addition, Kennan argued, “the extreme militarization of American discussion and policy” during the Cold War had strengthened the positions of hard-liners in the Soviet Union and delayed the liberalizing changes that came in the late 1980s. [3] Simple stories of how hard-line Reagan administration policies hastened the collapse of the Soviet Union also disregarded the shift of the Reagan administration toward a much greater emphasis on diplomatic engagement after 1983, which played a vital role in facilitating the internal reforms in the U.S.S.R. Yet such problems with the triumphalist myth did not prevent it from being widely believed [4].

The second myth is in some ways even more troubling. Even otherwise excellent scholarly studies now casually state that the Cold War ended in 1991. For example, Brenes M., 2020 [5]. Such statements conflate the Cold War and the Soviet Union. They implicitly assume that the Cold War could end only with the defeat and disintegration of the enemy.

In the last twenty years these myths have underpinned American beliefs in the possibility of another regime change in Russia. Leading

politicians have embraced this view. In 2014, for example, Senator John McCain declared in an op-ed article in the *New York Times*: “The United States must look beyond Mr. Putin. His regime may appear imposing, but it is rotting inside. ... And eventually Russians will come for Mr. Putin ...” [6].

The myths also have inspired visions of overthrowing other states around the world. As Philip Gordon, a White House Coordinator for the Middle East during the Obama administration, has recalled in a recent book, “the fall of the Soviet Union” has been “the model for many current proponents of regime change” [7].

One recent example of this kind of thinking is an article in the widely read magazine *The Atlantic* by Karim Sadjadpour, a senior fellow at the Carnegie Endowment for International Peace. Sadjadpour explained that “The strategy used to contain, counter, and communicate with the U.S.S.R.” is a model for “How to Win the Cold War with Iran”. Ignoring George Kennan’s rejection of triumphalist views of the end of the Cold War, he invoked Kennan’s call for “the United States to be firm, patient, and confident that American democracy would eventually prevail over Soviet dictatorship” [8]. Thus, Sadjadpour reflected how a mythological view of the end of the Cold War influences American public discussion of policies toward foreign countries long after the end of the Cold War. For an example of how the mythology influences discussion of policy toward China, see Stephens B., 2021 [9].

When the American-Soviet Cold War finally ended between 1988 and 1990, crucial roles were played by both dialogue between top leaders and greatly expanded exchanges between the peoples of the Soviet Union and the United States. One key point in that process was the summit meeting in Moscow in the spring of 1988, when Reagan said that he no longer considered the Soviet Union an “evil empire”. Another reflection of the overcoming of mutual demonization came in 1990, when Gorbachev gave Bush a cartoon showing the two of them as boxers who had knocked out the ghoul of the Cold War.

Of course, some top policymakers saw “the Cold War” in a different way. To National Security Advisor Brent Scowcroft, for example, the division of Germany and Europe were at the heart of the Cold War. Yet that underscores two points. First, even Scowcroft accepted that the Cold War had ended by June 1990, after the Soviet agreement to the reunification of Germany — a year and a half before the break-up of the Soviet Union [10]. Second, different people understood “the Cold War” in different

ways. Those who saw ideology as central to the Cold War believed it ended in 1988 or early 1989. Others felt that it ended when the Berlin Wall fell in November 1989. Such differences of perspective highlight how “the Cold War” was not an objective condition of international relations with a universally accepted meaning.

While many fine scholarly studies have focused on the interaction between Gorbachev, Reagan, and Bush, another important dimension of the ending of the Cold War has only begun to be examined. During the 1980s U.S. and Soviet citizens participated in exchanges that were much more varied and larger in scale than the encounters of citizen diplomats in previous decades. Many hundreds of Soviet citizens traveled to the United States and toured the country for weeks, participating in forums, press conferences, concerts, and other events. By the end of the decade they included Soviet citizens who were not members of the Communist Party or the official Soviet Peace Committee. In the other direction, hundreds of U.S. citizens journeyed to the Soviet Union, not only to Moscow and Leningrad but also to Novosibirsk, Kiev, and many other cities. Altogether, the citizen exchanges led to hundreds of thousands of face-to-face contacts that shattered negative stereotypes and promoted recognition of the two peoples’ common interests in peace and futures for their children. Many American participants in the exchanges felt and said that what they were experiencing and observing was the end of “the Cold War”. The impact of the exchanges was greatly amplified by extensive coverage in newspapers, magazines, and radio or television broadcasts in both countries [11], [12].

Some veterans of the citizen exchanges in the 1980s have tried to organize similar, though smaller scale, projects in recent years. For example, Sharon Tennison, who founded the Center for U.S.-U.S.S.R. Initiatives in 1983, has arranged for American delegations to travel to Russia and for smaller numbers of Russians to come to the United States. Yet the conditions that spurred and facilitated the success of the citizen diplomacy in the 1980s are not present today. The intense and widespread fear of nuclear war that prompted many Americans to form new activist groups in the early 1980s does not seem to be widely felt now. In addition, the governments of the two countries have not shown the strong interest in supporting and encouraging citizen exchanges that Reagan, Gorbachev, and their advisors showed.

Myths about the end of the Cold War are powerful and widely held. They will not be easy to dispel. Yet scholars of American-Russian relations

have an obligation to challenge and correct mythological notions about how the Cold War ended.

References

1. *Schweizer P.* Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. N.Y., 1994; *Schweizer P.* Reagan's War: The Epic Story of His Forty-Year Struggle and Final Triumph Over Communism. N.Y., 2002.
2. *Plokhy S.* The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union. N.Y. 2014). P. xiii-xiv.
3. *Kennan G.* The G.O.P. Won the Cold War? Ridiculous // New York Times. October 28, 1992. P. A21.
4. *Schrecker E.* Cold War Triumphalism: The Misuse of History after the Fall of Communism. N.Y., 2004.
5. *Brenes M.* For Might and Right, Cold War Defense Spending and the Remaking of American Democracy. Amherst: University of Massachusetts Press, 2020. P. 21.
6. *McCain J.* Obama Has Made America Look Weak // New York Times. March 14, 2015.
7. *Gordon Ph.* Losing the Long Game: The False Promise of Regime Change in the Middle East N.Y., 2020.
8. How to Win the Cold War With Iran // The Atlantic. March 25, 2021.
9. *Stephens B.* How Will We Win the Second Cold War? // New York Times. March 29, 2021.
10. *Sparrow B.* The Strategist: Brent Scowcroft and the Call of National Security N.Y., 2015. P. 377.
11. *Foglesong D.* When the Russians Really Were Coming: Citizen Diplomacy and the End of Cold War Enmity in America // Cold War History. 2020. Vol. 20, No 4. P. 419–440.
12. *Foglesong D.* How to End a Cold War // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2020. Vol. 4, No 1. P. 49–59.

Хрулёва И. Ю.

МГУ

Освещение деятельности советской военной миссии в США в материалах американской прессы (1941–1942 гг.)

Проблематика советско-американского сотрудничества в годы Второй мировой войны и особенно тематика ленд-лиза до сих пор остаются одними из самых дискуссионных как в историографии, так и в восприятии обычными людьми, которые зачастую ассоциируют американскую помощь во время войны исключительно с поставками тушенки. Между тем помощь оказывалась на миллиарды долларов, в СССР поставлялись не только разнообразные продукты питания, но и вооружение, автомобили, стратегические материалы (сталь, алюминий, нефтепродукты и т.д.), лекарства. Хотя масштаб американской помощи Советскому Союзу в избранный хронологический период — с июля 1941 г. по февраль 1942 г. — был ограничен, да и американские поставки в СССР в самом начале Великой Отечественной войны осуществлялись в основном не в рамках программы ленд-лиза, а путем предоставления кредитов Советскому Союзу на прямые закупки вооружения, тем не менее именно в первые месяцы Великой Отечественной войны были заложены основы союзнических отношений между СССР и США и определены основные параметры американской экономической помощи, выработана логистика доставки грузов в Советский Союз, финансовая составляющая программы и произведена оценка возможностей американской оборонной промышленности.

Ленд-лиз стал историческим примером беспрецедентного дипломатического, военного и экономического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, способствовавшего победе над нацистской Германией. Основной особенностью ленд-лиза является сам факт его существования. Действие закона о ленд-лизе было распространено на СССР, невзирая на существенные политические и идеологические противоречия, разделяющие Советский Союз и США. Стремление победить общего врага стало основой поразительного сотрудничества советских и американских дипломатов и военных,

несмотря на огромное количество предрассудков и годами складывавшееся недоверие между двумя странами.

Хотя основным источником для данной работы была выбрана американская периодика, хотелось бы отметить происходящую в последние годы настоящую «архивную революцию», когда всё больше и больше документов из различных архивов (как американских, так и отечественных) становятся доступны исследователям. Ключевые материалы, раскрывающие взаимоотношения двух стран в ходе осуществления программы ленд-лиза, хранятся в Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Российском государственном архиве экономики (недавно рассекреченная уникальная коллекция документов Правительственной закупочной комиссии СССР в США). Архивные материалы легли в основу ряда фундаментальных публикаций последних лет, посвященных различным аспектам ленд-лиза [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7].

Материалы же периодической печати дают исследователям важную информацию о развернувшейся борьбе как в средствах массовой информации, так и в политических и военных кругах США по вопросу о необходимости оказания помощи СССР и о формировании нового образа советского государства — союзника по совместной борьбе, а не идеологического оппонента. Если в ряде публикаций лета 1941 г. вновь и вновь поднимается вопрос о «надежности» СССР в качестве союзника США, то к февралю-марту 1942 г. критический тон статей в адрес Советского Союза практически стихает, уступая место восхищению героизмом советского народа: «Русские ... демонстрируют военную силу и боевое искусство высочайшего уровня. Они безусловно заслужили те денежные средства и то военное оборудование, которые мы можем им предоставить. Мы должны высоко ценить их как наших союзников в войне и восторгаться ими» [8].

Предстояло преодолеть *изоляционистские настроения*, традиционно господствующие как среди рядовых жителей США (согласно опросам общественного мнения, проведенным в октябре 1941 г., только 22 % американцев готовы были рассматривать Советский Союз в качестве «полноправного партнера» в борьбе с державами оси) [9], так и среди определенной части американской политической элиты. Огромную роль в формулировании американской внешнеполитической линии в отношении воюющего Советского Союза оказала лич-

ная позиция американского президента, объявившего на пресс-конференции 24 июня 1941 г., что «Соединённые Штаты Америки окажут всевозможную помощь России» [10].

Одним из главных опасений американцев было то, что Советский Союз не выстоит под ударами немецких войск. Первый руководитель Администрации ленд-лиза Эдвард Стеттиниус отмечал, что «в день 22 июля 1941 г. как в военных кругах, так и вне их многие не верили, что сопротивление Советского Союза может быть продолжительным. Я вспоминаю много дискуссий, участники которых говорили, что война в России закончится к 1 августа. Те, кто придерживался этой точки зрения, считали, что всё оружие, которое мы пошлем, вероятно, попадет в руки Гитлера. Единство советского народа и сила Советской армии недооценивались в те дни не только в Берлине, но также и в Вашингтоне и Лондоне» [11]. Действительно, Военное и военно-морское ведомство США расценивали шансы Советского Союза на выживание как ничтожно малые, а продолжительность сопротивления СССР гитлеровской Германии — в полтора — три месяца [12], [13]. Многие представители правящей элиты США откровенно опасались, что в случае быстрого поражения СССР в войне вся оказанная стране помощь окажется в распоряжении германской армии. Эгоистическая позиция американских военных также препятствовала налаживанию взаимодействия в первые месяцы войны, о чем неоднократно писали в своих отчетах представители Правительственной закупочной комиссии СССР в США, отмечая что «со стороны армии и флота огромный нажим в отношении выполнения их программы, никто в Комитете военного производства не решается давать преимущества нашим заказам» [14].

Первая советская военная миссия была отправлена в Великобританию и США в июле 1941 г. решением Государственного комитета обороны СССР. Ее возглавил генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, бывший перед войной начальником Главного разведывательного управления, однако изначально решение технических вопросов, связанных с поставками конкретных видов вооружений и стратегических материалов, было поручено генерал-майору инженерно-технической службы А. К. Репину. «Хотя о приезде советской военной миссии в США открыто не сообщалось, это нисколько не помешало журналистам и фотографам узнать о нем». Однако члены советской военной миссии «сочли целесообразным официальное заявления

представителям прессы не делать» [15], и в течение всего времени нахождения советских военных на территории США американская пресса строила различные предположения относительно цели визита, тем не менее, отмечая беспрецедентный уровень советской делегации (впервые советские офицеры столь высокого уровня находились на территории США) [16], детально описывая внешность руководителей советской военной миссии, их возраст, умение и желание общаться с представителями средств массовой информации. [17]. Уклончивые ответы советских военных относительно покупки конкретных моделей военной техники в США американская пресса объясняет нежеланием предоставить «ценную информацию для Германии», однако авторы статей были уверены, что «красные генералы просят ускорить поставки вооружений» [18].

Важнейшей задачей представителей советской военной миссии в США было убедить американское руководство в том, что военное положение СССР не является катастрофическим, а Красная армия сохраняет свою боеспособность. «Оба генерала (А. К. Репин и Ф. И. Голиков) подчеркивали необходимость быстрых действий, но они были абсолютно уверены в том, что Красная армия не будет разгромлена летом и, более того, что у нее хватит сил для захвата инициативы с началом зимы. Это были смелые слова в дни, когда Красная армия откатывалась назад по Украине и Белоруссии» [11, С. 112], — вспоминал Э. Стеттиниус. Инспектируя американские авиационные заводы, разбросанные по всей стране, и отвечая на многочисленные вопросы представителей американской прессы, генерал А. К. Репин неизменно выражал уверенность в победе Советского Союза над Германией, отмечал «оптимизм русского народа», но подчеркивал, что «эффективная помощь Америки ускорит победу» [19], [20], [21], [22], [23]. «Моральный дух народа СССР силен. Никто в России не сомневается в скорой победе над Германией» [24]. Представляя советские военно-воздушные силы, генерал А. К. Репин назвал гитлеровской пропагандой информацию о «тотальном уничтожении русских самолетов» [25]. «Довольно быстро немцы убедились в силе русских военно-воздушных сил» [20]. Однако «генерал Репин заявил, что каждый самолет, который будет предоставлен России, ускорит победу над Германией», и «мы победим быстрее, если другие страны нам помогут, но разница только во времени» [26].

Действительно, «прибытие советской военной миссии положило действительное начало программе военной помощи Советскому Союзу. Генералы Голиков и Репин встретились и разговаривали с президентом, а также с другими представителями правительства. Рузвельт вскоре после этого рассмотрел вопрос на заседании кабинета, обратив внимание на тот факт, что прошло почти шесть недель с начала войны на русском фронте, но практически ничего из нужных России материалов не отправлено» [11, С. 113]. В результате переговоров представителей американской администрации и лично президента Рузвельта с членами советской военной миссии в конце июля — начале августа 1941 г. были достигнуты первые результаты, которые открыли возможности оказания экономической помощи СССР (пока вне поля действия программы ленд-лиз) [27], [16]: на Советский Союз перестали распространяться ограничения на поставки вооружений, оговоренные законом о нейтралитете, были разблокированы счета СССР в американских банках и снят запрет на финансовые операции с СССР. Немаловажную роль в постепенном налаживании советско-американского сотрудничества и улучшению взаимоотношений играли контакты — «полуофициальные, неофициальные, дружеские (завтраки, обеды, ужины и т.д.)» [14, С. 67]. В октябре 1941 г. правительство США распространило действие закона о ленд-лизе на поставки для Советского Союза. Это решение имело важное политическое и психологическое значение, так как американская администрация продемонстрировала решимость оказывать действенную помощь советскому народу, противостоящему германской агрессии, хотя масштаб этой помощи в первые месяцы Великой Отечественной войны был ограниченным.

Более того, постепенно администрация Франклина Рузвельта начинает рассматривать экономическую помощь Советскому Союзу в качестве компенсации за недостаточную американскую военную активность в борьбе с державами оси. Это была возможность для США отстаивать собственные национальные интересы, не принимая непосредственного участия в боевых действиях, ведь в законе о ленд-лизе прямо было сказано о предоставлении правительству той или иной страны, «оборону которой Президент признает жизненно важной для безопасности Соединенных Штатов» — займы или в аренду — вооружений, продовольствия, оборонных и стратегических материалов [28].

Меняется и тональность публикаций в американской прессе, освещавших приезд главы советской военной миссии А. К. Репина в США в феврале 1942 г., всё чаще в статьях говорится о «сердечности» переговоров советского генерала с Франклином Рузвельтом, «словах поддержки», высказанных американским президентом в адрес советского народа, отмечается детальное «обсуждение ситуации» на советско-германском фронте, встречах за ланчем и т.д. Если в сообщениях о первом визите советских военных в США многочисленные американские периодические издания, как правило, называют Советский Союз «Россией», а народ СССР — «русскими», то в начале 1942 г. авторы статей всё чаще начинают использовать официальное (корректное) название страны. Многие издания приводят интересные детали неформального общения американского президента с главой советской военной миссии, свидетельствующие о качественно новом уровне отношений между двумя государствами: «Репин нанес визит в Белый дом, чтобы попрощаться с президентом, так как собирается вскоре улететь в Советский Союз»¹.

Ярким свидетельством нового качества советско-американских отношений стала информация, опубликованная во многих периодических изданиях США, о решении совета индейских племен объявить И. В. Сталина «величайшим воином» 1941 г. На торжественной церемонии в феврале 1942 г., на которой главе советской военной миссии генералу А. К. Репину должны были вручить головной убор из перьев гигантского орлана, предназначенный для советского лидера, присутствовало более полутора тысяч американских индейцев². Таким образом, материалы американской прессы свидетельствовали об укреплении союзнических отношений между двумя странами, постепенном росте доверия среди политического и военного руковод-

¹ О переговорах главы советской военной миссии А. К. Репина с Ф. Д. Рузвельтом в феврале 1942 г. см. *The New York Times*. February 13, 1942; *The Morning Spotlight* (Hastings, Nebraska). February 13, 1942; *York Daily Record* (York, Pennsylvania). February 13, 1942; *The Minneapolis Star*. February 12, 1942; *The Nashville Banner*. February 12, 1942; *Philadelphia Inquirer*. February 13, 1942; *The Evening Sun* (Baltimore, Maryland). February 12, 1942; *Pasadena Star-News*. February 13, 1942; *The Sacramento Bee*. February 13, 1942; *The Daily News* (New York). February 13, 1942; *Pittsburgh Post-Gazette*. February 13, 1942; *The Gazette and Daily* (York, Pennsylvania). February 13, 1942).

² *The New York Times*. February 21, 1942; *The Daily News* (New York). February 16, 1942; *The Morning Post* (Camden, New Jersey). February 17, 1942; *The Morning News* (Wilmington, Delaware). February 16, 1942.

ства двух стран и радикальном изменении образа Советского Союза в американском обществе.

Литература

1. Быстрова И. В. Ленд-лиз для СССР: Экономика, техника, люди (1941–1945). М., 2019.
2. Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М., 1997.
3. Краснов В. Н., Краснов И. В. Ленд-лиз для СССР. 1941–1945. М., 2008.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М., 2014.
5. Куманев Г. А., Серазетдинов Б. У. Военная экономика СССР — важнейший фактор Великой Победы (1941–1945 гг.). М., 2015.
6. Поздеева Л. В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 324–333.
7. Бутенина Н. В. Ленд-лиз. Сделка века. М., 2004.
8. World Telegram. February 23, 1942.
9. Рукавишников В. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С. 94.
10. Советско-американские отношения 1939–1945. М., 2004. С. 141.
11. Стеттинниус Э. Р. Ленд-лиз — оружие для победы. Нью-Йорк, 1944. С. 110.
12. Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. С. 20.
13. Комарков А. Ю. Проблемы становления союзнических отношений СССР с Англией и США (22 июня — октябрь 1941 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 147.
14. Быстрова И. В. СССР и США в годы Второй мировой войны: роль личных контактов в сотрудничестве. Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2016 (2). С. 66.
15. Голиков Ф. И. Записки начальника Разведупра. М., 2018. С. 117.
16. St. Louis Globe. July 27, 1941.
17. Chicago Tribune. July 27, 1941.
18. The Baltimore Sun. July 27, 1941.
19. The Indianapolis Star. August 26, 1941.
20. The Journal Herald (Dayton, Ohio). August 26, 1941.
21. The Fresno Bee (Fresno, California). September 2, 1941.
22. Record-Journal (Meriden, Connecticut). September 3, 1941.
23. The Daily Clintonian (Clinton, Indiana). August 25, 1941.
24. The Los Angeles Times. September 4, 1941.
25. Palladium Item (Richmond, Indiana). August 26, 1941.
26. The Times Dispatch (Richmond, Virginia). September 3, 1941.
27. The New York Times. July 27, 1941.
28. Плешков В. Н. Закон о ленд-лизе и северные конвои // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Архангельск, 1991. С. 9.

Курлаева А. О.

Санкт-Петербургский государственный университет

Роль главы посольства США в Москве в формировании американской послевоенной политики в отношении СССР (1945–1946 гг.)

Российско-американские отношения занимают особое место в современной системе международных отношений и являются важнейшим фактором обеспечения и поддержания глобальной безопасности, а также предотвращения региональных конфликтов. Тем не менее, отношения России и США с каждым годом становятся всё более хрупкими и напоминают период холодной войны. Более того, многие исследователи международных отношений, как отечественные, так и зарубежные, считают, что сегодня мы становимся свидетелями второго издания Холодной войны, а другие верят, что Холодная война никогда не заканчивалась. В связи с этим, важно изучать динамику развития отношений между Россией и США, анализируя историю ещё советско-американских отношений, период дипломатического признания, сотрудничество в военные годы, охлаждение отношений и дальнейшее развитие. Изучать отношения России и США только на современном этапе, значит смотреть на верхушку айсберга. Более того, в современных международных отношениях, роль личности занимает далеко не последнее место. До недавнего времени исследования в основном фокусировались на главах государств, однако в настоящее время проявляется всё больше интереса и к другим политическим деятелям, например советникам, министрам иностранных дел и послам. И речь идёт не только об их профессиональной деятельности, но и об их биографии, истории назначения на тот или иной пост, их мысли и чувства. Эта часть истории часто скрыта от нас, но именно она помогает проследить преемственность поколений и аргументировать действия многих политических деятелей нашего времени.

Поэтому, изучая историю советско-американских отношений, необходимо заострить внимание на работе американского посольства в Москве и на специфику работы главы дипломатической мис-

сии Уильяма Аверелла Гарримана (с 1943 по 1946 гг.), как пример дипломата, сумевшего оставить важный след в истории международных отношений и чьей манерой ведения переговоров вдохновляются и учатся современные дипломаты. Роль личности в истории занимает очень важное место. Сделав акцент на изучении роли отдельного дипломата, можно увидеть, что нередко субъективная оценка определенного человека влияет на принятие тех или иных решений, и сквозь призму времени мы можем заметить, что дипломатия была и является одним из самых важных инструментов международных отношений.

В контексте формирования внешней политики того или иного государства, роль послов часто недооценивается. В данной статье автор стремится показать всю важность изучения роли личности в истории международных отношений. Исследование основывается на материалах архивных документов Госдепартамента США, которые содержат дипломатическую переписку США [1], а также личные записи У. А. Гарримана, материалы личных переписок и мемуары, в которых отражены профессиональная деятельность с самого начала ее становления, а также последующие годы [2].

Уильям Аверелл Гарриман является одним из самым значимых и выдающихся американских послов в Советском Союзе в XX века. Он занимал пост американского посла в Москве в переломный период. Во время Второй Мировой войны роль посла была далеко не последней. Посол, являющийся посредником между главами великих держав СССР и США в такое непростое время, должен был обладать особыми качествами. Гарриман обладал всеми необходимыми качествами умелого дипломата, бизнесмена и психолога. От того как складывались его личные отношения с политиками и главами США и СССР, во многом зависел и вектор внешнеполитической деятельности двух государств в отношении друг друга.

Президент США Ф. Д. Рузвельт назначил Гарримана послом в СССР в 1943 году. Советская сторона знала, что Гарриман уважаемый человек в Белом Доме и профессионал своего дела, и поддерживала его назначение. Посол был воодушевлен приемом в Москве и придавал большое значение личной встрече Ф. Д. Рузвельта и И. В. Сталина в Тегеране. Он верил, что решения, принятые в Тегеране, будут не только способствовать успешному ходу военных действий, но и положительно скажутся на послевоенном сотрудничестве

между странами [3]. Вскоре Гарриман начал не только вести переговоры от лица своего государства, передавать информацию, но и выдвигать свои амбициозные предложения, касающиеся американо-советского сотрудничества. Одним из таких предложений был проект по предоставлению Советскому Союзу кредита на покупку американских товаров и оборудования после войны. Впервые Гарриман поднял тему по собственной инициативе в октябре 1943 года на переговорах с Народным Комиссаром по внешней торговле А. И. Микояном, который, по его словам, проявил «большой интерес». Будучи не только профессиональным дипломатом, но и опытным бизнесменом, Гарриман понимал, что это поможет решить экономические проблемы СССР после войны. Цели посла в данном вопросе были благие и взаимовыгодные. Гарриман видел предоставление кредита СССР как помощь американской экономике, а именно получение доли в советском послевоенном бизнесе, и укрепление связей с СССР.

Развитие военного сотрудничества было ещё одной областью, в которой посол играл значительную роль и приложил немало усилий. Для обсуждения вопроса размещения баз ВВС США на территории СССР, У. А. Гарриман лично посетил И. В. Сталина в Кремле 2 февраля 1944 году. Сталин не спешил соглашаться и расспрашивал Гарримана обо всех деталях. В свою очередь посол отвечал без замешательств и без притворной лести, что явно отличало его от многих других послов, которые не могли найти подход к Сталину и боялись его агрессивной манеры ведения переговоров. Посол всегда говорил то, что думает, он не стремился солгать или уйти от ответа. То же самое можно сказать и о его отношении к Сталину, Гарриман не восхищался им, но уважал. Гарриман быстро понял, что Сталин был единственным человеком в созданной им системе, который принимал важные решения, и личный контакт с ним был решающим фактором. Гарриман писал в своих мемуарах, что те, кто не знал Сталина лично, видели в нем только тирана, а он видел его с другой стороны: его высокий интеллект, его фантастическое понимание деталей, его пронизательность и удивительную человеческую чувствительность, которую он проявлял, по крайней мере, в годы войны. Гарриман находил его куда более информированным, нежели Рузвельт, более реалистичным, чем У. Черчилль, в некотором смысле даже наиболее эффективным из военачальников. Однако он признавал, что характер Сталина был непостижимым и самым противоре-

чивым из тех, которые он знал [4]. У Сталина тоже было особое отношение к американским послам, одних он открыто недолюбливал, а к некоторым относился с уважением. А вот Гарримана он опасался, поскольку знал о существенно более близких личных отношениях Гарримана и Рузвельта, чем это имело место в случае других послов. Отношение Гарримана к СССР не было отрицательным, на переговорах он делал всё, чтобы заложить основы взаимовыгодного сотрудничества между США и СССР и после войны, а также личных дружеских отношений между Рузвельтом и Сталиным. Его знаменитая фраза: «Давать, давать и давать, не рассчитывая на возврат! Никаких мыслей о получении чего-либо взамен!», подтверждает это. Гарриман также пытался наладить отношения СССР и Великобритании, в период, когда У. Черчилль и Э. Иден заговорили о «невозможности иметь дело с русскими». Позднее именно Гарриман обвинял Великобританию в подрыве политики сотрудничества с СССР после войны.

Однако, к концу 1944 года, после провала Варшавского восстания, отношение Гарримана к советской власти резко изменилось. Посол разочаровался в Советской власти, также как и У. Буллитт в первые годы после дипломатического признания СССР США, и начал вести переговоры в более жесткой манере. Он также писал в своих дневниках, что если США не возьмутся за дело, то Советский Союз станет главным нарушителем мирового спокойствия повсюду, где затронуты его интересы [5]. После смерти Рузвельта в 1945 году, Гарриман был уверен, что новый президент Г. Трумэн пойдет курсом своего предшественника. Несмотря на это, Гарриман ошибался, ведь смерть Рузвельта заставила далекого от вопросов внешней политики Трумэна быстро ориентироваться в мировой повестке. Результатом стала атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, а затем американская администрация выбрала стратегию на противостояние с СССР. И поскольку советскому направлению госдепартамент уделял особое внимание, посол Гарриман оказался, чуть ли не главным помощником президента Трумэна. Особое отношение Сталина к Гарриману также претерпело изменения. Сталин считал Гарримана ответственным за ухудшение советско-американских отношений после смерти Рузвельта.

Будь то Трумэн или Рузвельт, Гарриман принимал активное участие в разрешении проблем, возникших между США и Советским Союзом. Нельзя исключать факт, что отчасти, он советовал прези-

дентам то, чего лично желал, однако, Гарриман объективно оценивал ситуацию и настаивал на сохранении дружественных отношений между двумя державами, так как с его точки зрения это было, несомненно, выгодно в первую очередь для самих Соединенных Штатов в тот период. В конечном итоге работу Гарримана оценили по-разному. США признали заслуги Гарримана в Москве и его вклад в формировании внешней политики в отношении СССР медалью высокой чести ещё в 1946 году, а вот Кремль «прождал» почти сорок лет, чтобы наградить Гарримана орденом Великой Отечественной войны первой степени в 1985 году [6].

На примере Уильяма Аверелла Гарримана можно увидеть, что главы двух великих держав прислушивались к его советам и личному мнению. Не каждому послу США в Москве это удавалось. Гарриман умело справлялся со своими обязанностями, более того, он не стремился выглядеть в наилучшем свете для кого-то, он всегда оставался самим собой и при своём мнении. Гарриман играл важную роль в формировании внешней политики США в отношении Советского Союза в военное и послевоенное время. Посол умел преподнести донесения из США таким образом, что Сталин счёл бы их выгодными для Советского государства, хотя, по факту, они такими не являлись. Разумеется, не все послы оставили значимый след в истории, чья-то работа даже негативно сказалась на советско-американских отношениях. В данной статье был сделан фокус на Уильяма Аверелла Гарримана, как пример того, что посол может играть роль не только дипломатического представителя своего государства за рубежом, но и личного советника и даже друга президента своей страны. Гарриман не просто выполнял задания, он вносил свои идеи, продвигал собственные инициативы и мастерски вел переговоры. Не всегда ему всё удавалось, но не услышанным Гарриман не оставался никогда, в отличие от своих предшественников. Всё это говорит о его статусе и влиянии на посту американского посла в СССР.

Подводя итоги, следует отметить, что Гарриман всегда считал главным инструментом внешней политики дипломатию, он был искусным дипломатом и стремился все вопросы решать путем переговоров. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что послам вновь перестали уделять должное внимание, они сами стали инструментом ведения внешней политики. Высылка иностранных послов из страны уже не редкость. В современных международных отношениях

и в отношениях между США и России в частности, зачастую опускаются подробности о дипломатах, стоящих позади лидеров государств, формирующих внешнюю политику. Опираясь на исторический опыт, можно заметить, что те или иные политические решения были приняты благодаря совету или же умелой работе помощников, советников, послов и министров иностранных дел. Изучение роли личности в истории должно выйти на новый уровень. Исследователи международных отношений должны анализировать личные записи, дневники, мемуары, необходимо изучать манеры ведения переговоров дипломатов, понять их внутренние переживания и чувства, ведь именно эти материалы могут пролить свет на причины тех или иных событий и помогут взглянуть на историю и текущую обстановку на мировой арене под другим углом.

Литература

1. Foreign Relations of the United States. The Soviet Union, 1933–1939. Vol. 6. Wash., D.C. P. 398–400.
2. Columbia University, Harriman Institute: Russian, Eurasian and East European studies <https://harriman.columbia.edu/events/archive?filter%5Bvalue%5D%5Byear%5D=&filter%5Bvalue%5D%5Bmonth%5D=&filter2=111&field_lecture_series_tid=58>.
3. Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники СССР. М., 2004. С. 21.
4. Foreign Relations of the United States. The Soviet Union, Special Envoy. P. 535–36.
5. Columbia University Libraries. Archives: William Averell Harriman papers on Special Envoy to Stalin <http://www.columbia.edu/cu/lweb/archival/collections/ldpd_4078867/>.
6. Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. 10. Part 1. P. 277.

Минкова К. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

Несколько майских дней 1945-го: к вопросу о первом прекращении поставок в СССР по ленд-лизу

10 мая 1945 г. в Вашингтоне состоялся разговор посла США в СССР Аверелла Гарримана с президентом Г. Трумэнном о внесении изменений в политику ленд-лиза. В тот же день Гарриман встретился с представителями всех правительственных структур, вовлеченных в программу помощи Советскому Союзу, чтобы обсудить текст меморандума, который четко определит принципы новой политики и будет подписан президентом.

11 мая 1945 г. проект этого меморандума был готов. Заручившись одобрением Гарримана и помощника госсекретаря по экономическим вопросам Уилла Клейтона, заместитель госсекретаря Джозеф Грю и глава Администрации внешнеэкономической помощи (FEA) Лео Кроули представили его Трумэну. Далее в свидетельствах участников событий начинаются расхождения. Грю в мемуарах настаивает: они с Кроули хотели убедиться в том, что президент полностью отдает себе отчет о возможных последствиях этого шага. Кроули предсказывал болезненную реакцию Кремля и не хотел, чтобы русские «начали бегать повсюду в поисках помощи» [1].

Трумэн же в своих воспоминаниях пишет следующее: «То, что они (Грю и Кроули. — К. М.) мне сказали, показалось мне вполне здравым; война с Германией закончилась, и ленд-лиз нужно сократить. Они попросили меня подписать его (меморандум. — К. М.). Я взял ручку и подписал документ, не читая его» [2]. Кроме того, он указывает неверную дату — 8, а не 11 мая. Так меморандум об изменении политики ленд-лиза превратился в директиву о прекращении поставок. Подчеркнем, что она касалась исключительно Советского Союза и была принята в одностороннем порядке — т.е. без согласования с Великобританией и Канадой, также участвовавших в поставках в СССР.

После подписания документа президент одобрил и текст ноты в советское посольство, извещавшей об окончании военных действий

в Европе и необходимости пересмотра программы поставок по ленд-лизу в соответствии новыми, указанными в ноте принципами.

Директива была сформулирована следующим образом:

Поставки по текущей программе ленд-лиза для СССР должны быть немедленно изменены с учетом конца организованных военных действий в Европе. Поскольку ожидается, что СССР вступит в войну с Японией, предлагается продолжать поставки согласно Приложению III к IV Протоколу, которые включают поставки вооружения, сырья, промышленного оборудования и продовольствия для обеспечения операций советских войск на Тихоокеанском фронте. Дополнительные заказы, уже собранные или находящиеся в процессе сборки, следует отгружать лишь в том случае, если они необходимы для обеспечения указанных военных операций. Поставки, необходимые для укомплектования ранее частично отгруженных промышленных предприятий, следует осуществить. Все остальные поставки по ленд-лизу, предназначенные для СССР, следует немедленно прекратить, насколько это физически возможно, и перенаправить на утвержденные программы поставок в страны Западной Европы [3].

Текст ноты выглядит более жестким и, на наш взгляд, не полностью передает суть директивы: «Отгрузка поставок согласно ныне действующей программы по ленд-лизу для Союза Советских Социалистических Республик будет немедленно видоизменена с учетом конца организованных военных действий в Европе» [4].

Интересно, что и советское руководство, и американский бюрократический аппарат восприняли эту формулировку как заявление о немедленном прекращении всех поставок, хотя в ноте об этом ничего не говорилось.

Рано утром 12 мая состоялось собрание подкомитета по поставкам Президентского Комитета по советским протоколам для реализации нового распоряжения. Разгорелись дебаты о том, как следует интерпретировать формулировку «следует немедленно прекратить, насколько это физически возможно». В итоге погрузка судов была приостановлена, а суда, находившиеся в море, получили приказ вернуться в США [5].

Здесь необходимо сделать важное отступление. Напомним, что в апреле–июне 1945 г. в Сан-Франциско проходила конференция Объединённых Наций, в работе которой принимало участие значи-

тельное число американских чиновников, ответственных за формирование внешнеполитического курса США, но не участвовавших в выработке текста директивы и ноты. Среди этих чиновников можно выделить госсекретаря США Э. Стеттиниуса и Оскара Кокса, заместителя Кроули в Администрации внешнеэкономической помощи.

О Стеттиниусе как о госсекретаре чаще можно услышать отрицательные отзывы, однако, как бывший администратор программы ленд-лиза, он, несомненно, мог бы внести существенный вклад в более эффективное решение вопроса о прекращении поставок. Всё это, только в еще большей степени, относится к Оскару Коксу. 10 мая — т.е. в тот день, когда Гарриман в Вашингтоне согласовывал содержание меморандума, — Кокс говорил с Кроули по телефону относительно запросов Конгресса (в частности, Специального комитета сената по расследованию программы национальной обороны под руководством Джеймса Мида) о продолжении осуществления помощи СССР по ленд-лизу [6]. О содержании разговора в дневнике Кокса не упоминается, однако, возможно, для Кроули он стал еще одним подтверждением того, что действия по прекращению поставок нужно принимать незамедлительно.

О прекращении ленд-лиза в СССР Кокс узнал из заметки, появившейся 12 мая в газете «Сан-Франциско кроникл». Он немедленно позвонил Кроули и пообещал составить для него меморандум о важности советско-американских отношений. Отправив первую версию текста Кроули, Кокс затем созвонился с ним по телефону, чтобы предложить написать пресс-релиз для представителей СМИ. Кроули ответил, что уже говорил об этом с Президентом, и Трумэн предложил оставить вопрос открытым до пятницы (18 мая. — К. М.) — дня традиционной еженедельной пресс-конференции президента [7].

Позже в этот же день Кокс отправил Кроули следующие сообщения относительно продолжения программы ленд-лиза для СССР:

«В плане информирования общественности ленд-лизовская помощь России, несомненно, будет оставаться проблемой, пока они не начнут воевать с Японией. Лучшее, что мы можем сделать до того, — это, например, не прекращать поставки сырья для производства вооружений, если русские не начинают эту войну только из-за необходимости передислокации своих войск и не хотят оказаться в невыгодном положении из-за преждевременного объ-

явления войны. Разумеется, так действовать нужно лишь в том случае, если всё это действительно так» [8].

За обнаружением ноты о прекращении поставок последовала незамедлительная и жесткая реакция советской стороны. В частности, руководство советской Правительственной закупочной комиссии в США немедленно связалось с высокопоставленными ленд-лизскими чиновниками — генералом Вессоном и генералом Йорком — и с Клейтоном [9], С. 385]. По всей видимости, она стала для авторов меморандума неожиданной, и была незамедлительно предпринята попытка отыграть всё назад. Весь день 12 мая прошел в переговорах между разными ведомствами, причем каждое стремилось свалить вину за инцидент на другое [10]. Гарриман и Клейтон, по их собственным признаниям, были потрясены. Клейтон попытался объяснить Громыко, что произошла ошибка: в Комитете советского протокола неверно поняли формулировку меморандума. По всей видимости, он лукавил: Стеттиниус позже вспоминал о событиях 12 мая как о «несвоевременном и неслыханном шаге» [11], т.е. первоначальная интерпретация текста и советской стороной, и Президентским комитетом была верной. В результате вечером того же дня Клейтон сообщил временному поверенному в делах СССР в США Н. В. Новикову о том, что произошло «недоразумение» и решение будет пересмотрено [12].

Герберт Фейс, старший советник министерства обороны США в 1943–1947 гг., в книге «Между войной и миром: Потсдамская конференция» пишет о том, что «эта мера (прекращение поставок. — К. М.) была бы шоком, независимо от способа ее осуществления. Однако из-за того, что она была предпринята внезапно, без предварительного уведомления или обсуждения, во времена великой нужды и перемен, вызванное ею потрясение, к сожалению, было велико» [13], Р. 26].

В Соединённых Штатах инцидент с прекращением поставок вызвал раскол в правительственном аппарате, который немедленно разделился на сторонников и противников этого решения. Между ними разгорелась нешуточная борьба.

В качестве небольшого отступления следует подчеркнуть ряд важнейших моментов, частично снимающих с Г. Трумэна вину за этот дипломатический провал. Во-первых, при принятии любых реше-

ний, касавшихся Советского Союза, новый президент прислушивался к мнению А. Гарримана, который ранее занимал весьма просоветскую позицию, однако к маю 1945 г. сменил ее на прямо противоположную по ряду личных причин. Во-вторых, автор указа, Лео Кроули, также не отличался большой привязанностью к Советскому Союзу. В-третьих, Трумэн побаивался Конгресса (напомним, что последний Протокол поставок прошел там перевесом в один голос лишь благодаря самому Трумэну) и намерен был сделать всё возможное для его улаживания. Заметим при этом, что позиция Конгресса частично объяснялась тем, что Рузвельт не смог (и не пытался) убедить Конгресс в необходимости продолжения экономической помощи странам Европы и СССР после окончания военных действий. Наконец, нота 12 мая была сформулирована спустя всего месяц после смерти Рузвельта. Очевидно, что Трумэн, которого ранее фактически не допускали до внешней политики, за этот короткий срок не мог полностью разобраться в текущей политической ситуации, которая к тому же постоянно менялась.

13 мая Трумэн, Кроули и пресс-секретарь Трумэна Стивен Ирли работали над релизом для прессы [14]. 14 мая в Вашингтоне состоялась встреча Чарлза Вессона, главы внешнеэкономического отдела Администрации ленд-лиза, Клейтона и Гарримана, на которой также присутствовали глава Управления по делам Восточной Европы госдепартамента Чарлз Болен и Эмилио Колладо, глава Управления по финансовым и денежным вопросам госдепартамента.

На этой встрече была выработана следующая интерпретация указа от 12 мая:

- 1) Поставки ряда товаров, необходимых для ведения войны на Дальнем Востоке, которые находятся в свободном доступе и оформление которых уже происходит, должны продолжаться.
- 2) Судам, уже находящимся в море или завершившим погрузку, следует разрешить плавание.
- 3) Поставки дополнительных заказанных товаров следует приостановить, поскольку они могут понадобиться для реализации программ помощи Западной Европе [15].

Помимо этого, готовилось к опубликованию заявление Грю по ленд-лизу. В свою очередь, Оскар Кокс 14 мая встретился в Сан-Франциско со специальным помощником госсекретаря Эдлаем Сти-

венсоном и обсудил с ним проект этого заявления. Оба пришли к выводу, что его нельзя обнародовать. После этого Кокс позвонил Стеттиниусу и Арчибальду МакЛеишу, помощнику госсекретаря по работе с прессой. Оба пообещали принять все меры к тому, чтобы остановить Грю. Затем Кокс подготовил для Стеттиниуса проект ответов на вопросы журналистов — на случай, если заявление будет сделано [14].

Пресс-релиз с заявлением Грю всё же был опубликован во второй половине дня 14 мая. Приведем из него некоторые выдержки:

Закон о ленд-лизе предусматривает, что президент, в интересах нашей национальной обороны, может уполномочить главу любого министерства или правительственного агентства поставить необходимые для обороны товары правительствам зарубежных стран. Он может производить такие действия до 30 июня 1946 г. или до того момента (предшествующего 30 июня 1946 г.), когда обе палаты Конгресса объявят о том, что такие полномочия для поддержания обороны Соединенных Штатов ему более не нужны...

Дислокация американских войск в разоренной войной Европе, их снабжение и перемещение в связи с продолжающимися военными операциями с большой долей вероятности потребуют поставок по ленд-лизу. Если президент примет решение о том, что ленд-лизевские поставки в Европу должны быть продлены на дополнительный период, поскольку того требует ведение войны, закон уполномочивает такие меры. Разумеется, он также уполномочивает его направлять необходимые поставки зарубежным странам по причине продолжения военных действий на Тихом океане...

С 1941 г. Соединённые Штаты согласовывали с Советским Союзом ежегодные программы поставок, зафиксированные в протоколах. Ввиду изменившейся военной ситуации, в настолько продолжительных программах более нет нужды. Вместо этого предложено, чтобы ленд-лизевские поставки в Советский Союз были пересмотрены и продолжались на основе адекватной информации в отношении истинных потребностей советских вооруженных сил и с учетом конкурирующих потребностей... других стран, получающих помощь по ленд-лизу. Ожидается, в свете этого, что текущие программы поставок для Советского Союза будут значительно урезаны.

В заявлении Грю говорилось также, что при последнем продлении закона о ленд-лизе Конгресс проголосовал за поправку, лишаю-

щую президента права в рамках этого закона заключать или реализовывать соглашения о предоставлении странам-получателям ленд-лиза послевоенной помощи, содействии в их восстановлении и реконструкции [16].

В этот же день в газете «Вашингтон пост» вышла статья под заголовком «Ленд-лиз всё еще доступен русским», содержавшая ряд реверансов в сторону Советского Союза. В ней, в частности, говорилось:

«Объявленный конец поставок для закончившейся войны с Германией означает общее сокращение всей программы ленд-лиза, но Россия, пусть даже она сейчас и находится в мире с Японией, всё равно будет получать помощь... То, что русские продолжают связывать полмиллиона отборных японских войск на границе Манчжурии, дает Соединённым Штатам военное преимущество, даже если эти войска и не сражаются. В то же время множество ленд-лизовских товаров было отправлено в несражавшиеся страны Латинской Америки, которые беспокоились об Оси куда меньше, чем Россия» [17].

В Сан-Франциско утро 15 мая началось со звонка Кокса Кроули: первый хотел узнать о развитии событий. Затем он послал Кроули проект краткого заявления на случай непредвиденной пресс-конференции Стеттиниуса [18]. Она, действительно, состоялась позже в этот же день в Сан-Франциско. В своем выступлении госсекретарь значительно смягчил формулировки Грю:

Главный принцип, которым руководствовалась администрация ленд-лиза в прошлом и будет руководствоваться и сейчас, когда война в Европе завершилась, — общий для всех стран.

Ленд-лиз поставлялся и будет поставляться нашим Союзникам — будь то Советский Союз, Соединенное Королевство, Франция, Нидерланды или другие страны — в тех количествах, которые необходимы для достижения окончательной победы, так быстро и эффективно, как это возможно и с минимальными людскими потерями.

В практическом же применении этого основополагающего принципа вид и объем помощи, поставляемой в каждую страну, всегда пересматривался и будет пересматриваться и корректироваться в зависимости от меняющихся обстоятельств на фронте.

После поражения Германии изменения, вносимые в программу ленд-лиза, будут основываться исключительно на этих соображениях [19].

Примечательно, что по согласованию с Коксом Стеттиниус огласил не весь его текст: ниже содержалось еще несколько параграфов для «внутреннего» использования:

«Война в Европе закончилась, и это, разумеется, требует радикальных изменений в программе ленд-лиза в соответствии с этим принципом. В продолжение поставок по ленд-лизу нашим европейским союзникам мы будем руководствоваться четырьмя соображениями:

1. Важностью вклада страны в достижение окончательной победы над Японией.

2. Прямой ролью, которую получатель ленд-лиза играет в оккупации, демилитаризации и контроле в Германии.

3. Помощью, оказываемой указанной страной американским и другим войскам союзников в оккупации Германии, — снабжением продовольствием, транспортными средствами и другой помощью.

4. Помощью, оказываемой указанной страной в перемещении американских и других союзных войск.

Короче говоря, в реализации ленд-лиза после окончания войны в Европе не будет никакой дискриминации между странами. Она будет проходить так же, как и в военное время и сообразно требованиям закона, то есть в интересах нашего военного благополучия и безопасности» [8].

В Нью-Йорке утро 15 мая началось со статьи «Грю объяснил ленд-лиз для СССР», содержащей текст его заявления и пояснения. Заметка выдержана в совершенно ином ключе, чем статья в «Вашингтон пост» [20]. В Вашингтоне в этот день состоялась встреча Комитета советского протокола, на которой в качестве гостей присутствовали Кроули и Гарриман. Оба заняли чрезвычайно жесткую позицию, настаивая на максимальном сокращении поставок и объясняя свое мнение возможной негативной реакцией Конгресса [21]. Однако генералы Йорк и Вессон заявили о том, что будут стараться отгрузить по программе ленд-лиза максимально возможное количество продовольствия и оборудования, особенно настаивая на необходимости доукомплектовать заводы, уже находившиеся в СССР и нуждавшиеся в недопоставленном оборудовании, чтобы начать функционировать.

В этот же день Объединенный комитет начальников штабов направил военному министру и министру военно-морских сил США

меморандум, в котором призывал прекратить все поставки в Советский Союз и переориентировать неотгруженные товары и оборудование на другие направления [22].

К 16 мая напряжение начало спадать. Председатель ПЗК Л. Г. Руденко был уверен, что «в результате принятия с нашей стороны мер и переговоров с представителями американских правительственных органов указанные решения были отменены в тот же день, 12 мая, и американцами было дано указание, что пароходы, находящиеся под погрузкой в портах Восточного берега, должны продолжать погрузку, а пароходы, находящиеся в пути, должны продолжать следование в порты СССР» [23]. Однако, как видим, в этом вопросе действия советских чиновников в полной мере дублировались усилиями американцев.

В те же майские дни в Вашингтоне и Сан-Франциско была принята общая политика в отношении поставок союзникам по ленд-лизу на май-июнь 1945 г. Она заключалась в следующем:

1. Находившимся в море судам, перевозившим ленд-лизские грузы, дозволялось следовать в порты назначения.
2. Суда, как сухогрузы, так и танкеры, находившиеся на погрузке, должны были быть полностью загружены и также следовать в порты назначения.
3. Погрузка новых судов в портах Атлантики и Персидского залива не позволялась до пересмотра текущей программы в связи с организованным сопротивлением в Европе.
4. В тихоокеанских портах программа отгрузки на май и июнь должна была быть выполнена полностью, поскольку эти поставки предназначались в основном для войны против Японии.
5. Поставки из портов американского западного побережья должны продолжаться в соответствии с планом, а программу поставок из портов восточного побережья следовало пересмотреть.
6. Поставки по Приложению III к IV ленд-лизовскому протоколу, включавшие вооружение и боеприпасы, сырье, промышленное оборудование и продовольствие, должны были продолжаться без перебоев (т.к. предназначались для борьбы Советского Союза против Японии).

7. Поставки, необходимые для докомплектации уже частично поставленного в Советский Союз промышленного оборудования, должны были продолжаться.
8. Поставки товаров, заказанных, но не погруженных на суда и не являвшихся частью какой-либо программы, по которой у США имелись обязательства, должны были быть тотчас прекращены, поскольку как сами грузы, так и имевшиеся для их перевозки суда следовало переориентировать на программу помощи Западной Европе.
9. Решения о любых последующих программах поставок для Советского Союза следовало принимать, основываясь на адекватной информации в отношении реальных военных потребностей советской стороны, запросов других союзников и изменяющейся военной обстановки.
10. Поставки нефти из Абадана и Бахрейна в Советский Союз по программе ленд-лиза следовало прекратить [13, Р. 329].

Указ о прекращении поставок стал серьезным дипломатическим промахом администрации Трумэна. У советского руководства сложилось впечатление, что новая администрация США стремится использовать ленд-лиз как рычаг давления на Кремль — как мы помним, именно этого Гарриман пытался избежать, начиная консультации по выработке текста указа. Осознавая это, лояльные СССР американские политики и после 16 мая 1945 г. продолжали прилагать усилия к тому, чтобы неприятный инцидент не оставил значительных последствий [24].

Следует признать, что эти усилия не привели к желаемым результатам. На закрытом совещании ПЗК Л. Г. Руденко 30 мая заявил: «Политическая обстановка в США... изменилась в неблагоприятную для нас сторону. Вступление в должность нового президента Трумэна нужно рассматривать как определенное изменение курса политики американского Правительства вправо при активизации действия реакционных элементов страны» [9, С. 384].

Руденко был прав. По большому счету, до 12 мая 1945 г. у Москвы не было оснований говорить о том, что после смерти Рузвельта общий внешнеполитический курс США в отношении Советского Союза изменился радикально. Прекращение поставок по ленд-лизу, произведенное в жесткой форме и в одностороннем порядке, было воспринято как свидетельство такой перемены. Однако представля-

ется, что Трумэн руководствовался несколько иными соображениями: прекращение поставок должно было стать рычагом экономического давления на Кремль — если не санкциями в прямом смысле, то явным намеком на подчиненное положение Советского Союза, находившегося в прямой зависимости от американской помощи. Помимо перечисленных выше чиновников, за такую меру высказался и Дж. Кеннан. В книге «Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла СССР Джорджа Кеннана» он упоминает о меморандуме, составленном им летом 1945 г. В нем содержались следующие рекомендации: «Я не вижу оснований экономических или политических для того, чтобы продолжать оказывать России помощь по ленд-лизу» [25].

Действительно ли, как полагает В. О. Печатнов, «технический сбой стал возможен только в новой политической атмосфере охлаждения отношений, когда для тех же чиновников стало безопаснее переборщить в сторону жесткости, чем думать о тонкостях советского восприятия своих действий»? [26]

Если бы Рузвельт дожил до окончания войны в Европе, ему тоже пришлось бы принимать подобное решение — сомнительно, что он пошел бы на прямое противостояние с Конгрессом. Однако сложно себе представить, что в этом случае поставки были бы прекращены настолько грубо. Соответственно, сложившаяся ситуация стала возможной лишь в той атмосфере противостояния чиновников администрации и других правительственных, занимавших соответственно просоветскую (или нейтрально-лояльную) позицию, с яркими антисоветчиками, которая возникла в США после смерти Рузвельта. Подробнее об этом см. [12, С. 50–51]. Нельзя сбрасывать со счетов и еще несколько моментов. Во-первых, как мы уже упоминали, Трумэн был новичком во внешней политике и, очевидно, не мог в одиночку решить достаточно щекотливый вопрос о дальнейшей судьбе ленд-лиза. Консультировали его находившиеся под рукой эксперты — Кроули, Клейтон и др. Во-вторых, позиция Трумэна в отношении Советского Союза была широко известна чиновникам, которые больше боялись потерять должность в грядущей чистке госдепартамента, чем перегнуть палку в реализации президентского указа. Наконец, нельзя недооценивать «фактор Гарримана». Возможно, на фоне донесений из Москвы Джорджа Кеннана, отличавшегося более радикальными взглядами, изменения в его отношении к Совет-

скому Союзу стали заметны не сразу. Однако вызывающее поведение Гарримана на конференции в Сан-Франциско привело в недоумение даже сторонников жесткой линии в отношении СССР. В. О. Печатнов отмечает, что Гарриман был совладельцем крупного добывающего акционерного общества «Гиш», расположенного в Силезии и находившегося под угрозой национализации [26, С. 301–302]. Тем не менее, если бы текст директивы готовился в Сан-Франциско, скандал можно было бы предотвратить. Однако в Вашингтоне не оставалось практически никого из тех чиновников госдепартамента, которые могли бы повлиять на ход событий.

В-четвертых, летом 1945 г. всё большее влияние на президента начал приобретать Объединенный комитет начальников штабов, выступавший против оказания экономической помощи на прежней основе как СССР, так и странам Западной Европы. Наконец, Трумэн долго не мог сформулировать четкую политику в отношении ленд-лиза после окончания военных действий в Европе, так как его, как марионетку, перетягивали на свою сторону то сторонники продолжения полномасштабной помощи СССР, то ярые противники такого курса.

Гарриман, осознав масштабность ошибки Вашингтона и свою роль в этом деле, приложил существенные усилия к тому, чтобы минимизировать ущерб. Именно по его рекомендации в конце мая в Москву со срочной миссией был отправлен Гарри Гопкинс [27]. Выбор кандидатуры подтверждал значение, придаваемое американской стороной этому визиту. Для смертельно больного Гопкинса визит в Москву был чрезвычайно тяжелым, однако он не отказался от него, сознавая, что именно он, личный друг Рузвельта, может наиболее успешно сгладить негативный эффект от прекращения поставок. О важности миссии Гопкинса очень метко выразился в коротком письме к нему от 24 мая Оскар Кокс: «Для блага этой страны не может быть ничего лучше, чем Ваша поездка в Москву» [28].

На встрече со Сталиным 28 мая 1945 г. Гопкинс еще раз извинился за «техническое недоразумение в работе одного из правительственных агентств» [29]. В ходе этих переговоров решился также вопрос о поставках, необходимых для ведения войны на Дальнем Востоке. Глава американской военной миссии генерал Дин выделил из них те позиции, которые показались ему наиболее важными, и дал указание об их немедленной отгрузке даже при отсутствии подтвер-

ждения обоснованности требований. СССР запросил 570 тыс. т, военное министерство согласовало 185 тыс. т, а подготовлена к отправке до капитуляции Японии была примерно половина этого объема. Подробнее см. [30].

Справедливости ради нужно отметить, что советская сторона и, в частности, нарком внешней торговли СССР А. И. Микоян были заблаговременно и неоднократно предупреждены о том, что ленд-лиз будет прекращен по окончании военных действий. Однако 12 мая 1945 г. Вторая мировая война была еще в самом разгаре, и военные аналитики предполагали, что она продлится не менее года, а возможно, и больше. Таким образом, директива Трумэна о завершении ленд-лиза для СССР была действительно неожиданной, а попытка прекращения поставок выглядела грубой и плохо срежиссированной.

Для Сталина она стала вторым серьезным ударом — после Бернского инцидента, — серьезно подорвавшим его веру в возможность сохранения дружественных отношений с Вашингтоном. Когда Гарриман сообщил Сталину о смерти Рузвельта, советский вождь незамедлительно заявил о том, что будет поддерживать Трумэна так же, как поддерживал предыдущего президента. Рана, нанесенная Трумэном Сталину 12 мая 1945 г., так никогда и не затянулась: по свидетельству самого Трумэна, «всё, о чем он хотел говорить в Потсдаме, — это внезапное прекращение ленд-лиза» [29, Р. 142].

Литература

1. Memorandum of a telephone conversation between Grew and Crowley. May 11, 1945 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1945. Vol. V. Washington: U.S. Government Printing Office, 1969. P. 999. fn 47.
2. *Truman H. S. Memoirs*. Vol. I: Year of Decisions. Garden City, N.Y.: Doubleday & Co., 1955.
3. Memorandum by the Acting Secretary of State (Grew) and the Foreign Economic Administrator (Crowley) to President Truman // Washington. FRUS. 1945. Vol. V. P. 999–1000.
4. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. оп. 7. П. 45. Д. 702. Л. 1.
5. Roosevelt Library. Records of the President's Soviet Protocol Committee. Box 217.
6. Roosevelt Library. Oscar Cox Diaries. 1945. May 10.
7. Roosevelt Library. Oscar Cox Diaries. 1945. May 12.
8. Roosevelt Library. Oscar Cox Papers. Box 81. Folder "Crowley Leo, January — July 1945".
9. *Быстрова И. В. Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди*. М.: Кучково поле, 2019.

10. Phone conversation between General Hull and General York. May 12, 1945 // Roosevelt Library. President's Soviet Protocol Committee. Box 4.
11. *Stettinius E. R.* Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. N.Y.: Garden City, 1949. P. 318.
12. *Печатнов В. О.* От союза — к «холодной войне»: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО (У), 2006. С. 47–48.
13. *Feis H. S.* Between War and Peace: The Potsdam Conference. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1960.
14. Roosevelt Library. Oscar Cox Diaries. May 14, 1945.
15. Minutes of Meeting on Soviet Lend-Lease Program. Washington, May 14, 1945 // The Roosevelt Library. Harry L. Hopkins Papers. Cont. 175.
16. Statement by Acting Secretary Grew. Released to press on May 14, 1945 // The Department of State Bulletin. Vol. XII, No. 308. May 20, 1945. P. 940–941.
17. Lend-Lease Still Available to Russians // Washington Post. May 14, 1945. P. 1, 2.
18. Roosevelt Library. Oscar Cox Diaries. May 15, 1945.
19. Statement by the Secretary of State. May 15, 1945 // The Department of State Bulletin. Vol. XII, No. 308. May 20, 1945. P. 940.
20. Soviet Lend-Lease Clarified by Grew // The New York Times. 1945. May 15. P. 1.
21. Minutes of Tenth Meeting of President's Soviet Protocol Committee. Washington. May 15, 1945 // Roosevelt Library. Harry L. Hopkins Papers. Cont. 175.
22. Memorandum for the Secretary of War and the Secretary of the Navy. May 15, 1945 // The Roosevelt Library. Harry L. Hopkins Papers. Cont. 176. Lend-Lease Decimal Files.
23. Из отчета председателя Правительственной закупочной комиссии СССР в США, генерал-лейтенанта Л.Г. Руденко о работе комиссии за 1945 г. 5 марта 1946 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 9870. Л. 3–10.
24. Remarks by Assistant Secretary MacLeish. May 26, 1945 // Department of State Bulletin. 1945. Vol. XII, No. 309. May 27, 1945. P. 950–952.
25. *Кеннан Дж.* Дипломатия второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. С. 174–175.
26. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М.: Терра, 2006. С. 329–330.
27. *Джонс Р.* Ленд-лиз. Дороги в Россию: военные поставки США для СССР во Второй мировой войне. М.: Центрполиграф, 2015. С. 102.
28. Roosevelt Library. Oscar Cox Papers. Box 87. Folder "Harry Hopkins, January–June 1945"
29. *Martel L.* Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War: A Study of the Implementation of Foreign Policy. Boulder, Col.: Westview Press, 1979. P. 146.
30. FRUS. 1945. Vol. V. P. 1007–1031.

Раздел V

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Сытник А. Н.
Санкт-Петербургский государственный университет

Цифровая сила и sharp power в научной дискуссии о цифровизации международных отношений

Научная дискуссия о цифровизации международных отношений часто представляет собой дебаты о том, как цифровые технологии влияют на некоторые известные теоретические концепции. Как пишет А. В. Торкунов, «краеугольные понятия, отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти», либо теряют свой смысл, либо приобретают совершенно новое значение» [1]. Одним из наиболее важных понятий в международных отношениях является «сила» или «власть» («power»). Появление единого информационного пространства в качестве совокупности сетей коммуникации привело к возросшей взаимозависимости современного мира, что стало учитываться при анализе мировой политики. Понятию власти или силы (power) в международных отношениях были даны разные определения. Согласно определению, данному американским политологом, общепризнанным основателем политического реализма Г. Моргентау, сила — это «отношение между тем, кто ее использует, и тем, в отношении кого она используется» [2]. То есть сила может существовать как минимум при наличии

двух акторов. К. Уолц дополняет это определение: сила — это соотношение возможностей двух государств [3]. Современный исследователь Ж.-К. Ноэль считает, что «сила» на международной арене эквивалентна «авторитету» внутри общества. Однако он отмечает, что такое понимание имеет ограниченное применение. Национальный и международный уровни часто существуют в разных правовых плоскостях. В целом, авторы, исследующие концепции силы, признают, что это один из самых противоречивых терминов в международных отношениях [4].

Тем не менее в дискуссиях регулярно повторяются две основные темы. Первая тема — эта дискуссия о компонентах «силы» и возможности их оценки. В этом контексте «сила» уже давно сводится реалистической школой к географическому положению и к сумме военных, демографических или экономических ресурсов. Также могут быть учтены самые нематериальные компоненты, такие как национальная гордость, качество рабочей силы и политика. Однако такой аналитический подход подвергается критике, поскольку он раскрывает только потенциал «силы».

Вторая тема часто возникает в дискуссиях о природе «силы». Сила — это то, что определяет исход взаимодействия двух государственных образований или субъектов в международной системе. Это больше относится не к потенциалу, а к действию. В основополагающей статье американский политолог Р. Даль определяет силу как «А имеет власть над В в той степени, в которой А может заставить В сделать то, чего в противном случае не было бы сделано» [5].

Шведский исследователь в области международных отношений и политической коммуникации Г. Саймонс пишет о «предполагаемой силе» цифровой коммуникации в международных отношениях. Цифровая коммуникация способна вызывать изменения в обществе на местном, национальном или глобальном уровне. Влияние «предполагаемой силы» изменения или разрушения на существующий мировой порядок неоднозначно. Согласно мнению автора, в нынешнем мировом порядке Соединённые Штаты остаются однополярной гегемонистской державой, которая постепенно ослабевает. Цифровая коммуникация играет важную роль как в защите нынешнего мирового порядка, так и в борьбе за его изменения. Традиционные сдерживающие геополитические факторы становятся бессильными, поскольку пространство и время больше не имеют такого значе-

ния — открывается новый потенциал для создания глобальных сетей и отношений [6].

В этой связи особый интерес вызывает вопрос: есть ли отличия в мировых научных политологических подходах к изучению цифровой силы в современных международных отношениях? Зависит ли ее интерпретация от политического контекста? Существуют ли различия в изучении цифровой силы в абстрактной теории и в практическом применении?

Цифровая сила в научном дискурсе. В западном научном дискурсе с конца XX в. отчетливо звучит мысль об упадке значения силы, в связи с транснационализацией, демократизацией и диверсификацией международных отношений, а также сопутствующей утратой государством его прежней роли. К примеру, как отмечает неоллиберал Дж. Най, «великие державы» теряют традиционные силовые потенциалы, а малые государства и другие субъекты международных отношений получают большие возможности. Им вторят и представители социологического подхода современной французской школы международных отношений Б. Бади и М.-К. Смутс, указывая на то, что современные элементы силы не всегда подпадают под влияние государственного авторитета. У государств остается мало средств для оказания эффективного влияния на эти процессы, что заставляет их прибегать к опосредованным и порой дорогостоящим способам принуждения [1].

Новое «глобальное цифровое» предлагает существенные изменения для граждан, государства, глобального управления, капитала и международных организаций. О. П. Ричмонд выделяет шесть основных динамик «глобального цифрового» или «международного цифрового»: оцифровка силы (digitization of power) и знаний (информации); формирование транснациональных, несимметричных и нефиксированных сетей; открытие доступа к сетям и контроль над ними; резко возросшая мобильность (людей, капитала, знаний) и расширение требований о правах); дистанционное управление и автоматизация.

«Глобальное цифровое» виртуально, чрезвычайно быстро, работает удаленно и может быть автоматизировано, поэтому доступ к сетям и их контроль абсолютно необходимы. Однако есть вероятность, что старый международный порядок будет доминировать в глобальном пространстве даже в цифровой сфере. Аналоговая система ме-

ждународных отношений была основана на геополитике и территориальном суверенитете как способах организации силы и капитала. Сила сместилась от доступа и контроля над ключевыми институтами территориального государства и экономики (в аналоговом режиме) к контролю над сетями, узлами и их режимами работы, их скоростью и доступом (в цифровых МО). Цифровая сила соединяет технологии с государством и международной системой, а также с исследованиями, капиталом, вооруженными силами и промышленностью [7].

Научный сотрудник Французского института международных отношений Ж.-К. Ноэль исследует, как «цифровая сила», несмотря на свой «нематериальный» характер, влияет на события в реальном мире. Согласно его трактовке, «цифровая сила (digital power)» — это способность любого участника использовать цифровые данные, чтобы влиять на поведение других участников на международной арене, и для достижения своих целей. «Цифровая сила» выходит за пределы Сети, где ценятся возможность подключения и поток. Также «цифровая сила» не вписывается в обычные рамки государства и меняет конфигурацию стандартных категорий, поскольку все связанные субъекты теоретически могут быть задействованы ею. «Цифровую силу» можно использовать в «обычных» видах деятельности, но ей будут присущи новые методы доминирования. Объект сам обеспечивает условия для управления им, асимметрично раскрывая свои характеристики. Эта информация превращается в знания и силу при условии, что ее можно обрабатывать и обогащать. Алгоритмическая или психологическая структура объекта становится прозрачной. Использование «цифровой силы» — это не столько попытка принуждения или «соблазнения», сколько подчинение.

«Сила» в цифровом мире означает способность создавать благоприятную экосистему, контролировать данные, контролировать конкурентные преимущества сетей и координировать свои цифровые возможности с другими формами «силы». Тем не менее использование «цифровой силы» со временем может усложниться по мере возрастания влияния реального мира на цифровой мир.

Ж.-К. Ноэль отмечает сложность и многогранность темы «цифровой силы», поскольку эта сила одновременно традиционная и основанная на Сети, освобождающая и контролирующая, разделяемая и фрагментированная, асимметричная и сдерживаемая, хрупкая и преходящая, но способная обходить препятствия. «Цифровая

сила» продолжает развиваться, поскольку появляются новые методы. Она похожа на калейдоскоп с несколькими аспектами, координация которых иногда вызывает значительное напряжение [8].

Европейский совет по международным отношениям также исследует «цифровую силу» Европы. На сайте проекта отмечается, что у «цифровой силы» Европы есть две слабости: доступ к цифровому рынку и цифровой национализм. Первая опасность заключается в отсутствии Европы на цифровом рынке: Интернет (Google, Facebook, Amazon), индустрия мобильных телефонов (Samsung, Apple) и телекоммуникационная индустрия (NTT и AT&T) в значительной степени являются прерогативой США и Азии. Второй вызов связан со стремлением некоторых государств закрыть и контролировать Интернет и характеризуется как «Вестфальская модель регулирования», в которой каждая страна — суверенный «цифровой остров» [9].

Австралийский профессор Д. Маккарти, специализирующийся на международных отношениях и технологиях, в своей книге «Сила, информационные технологии и теория международных отношений» показывает на примере внешней политики США, что тот, кто контролирует глобальную коммуникационную инфраструктуру, контролирует ведение международных отношений. В то же время другие государства и активисты стремятся оспорить технологическое доминирование США. Технологии и «сила» лежат в основе теории международных отношений. Анализируя взаимозависимость цифровых коммуникационных технологий, внешней политики и структурной власти, исследователь представляет технологии в качестве «институтов» или продуктов социальной «силы», а не детерминированных сил, неподвластных человеку [10].

Исследователь из Кэмбриджа Й. Т. Ансорге в своей статье под названием «Цифровая сила в мировой политике: базы данных, Паноптикумы и Эрвин Кунц» указывает на то, что природа политической власти изменилась с появлением современных информационных технологий, в то время как теории и метафоры для ее понимания остаются привязанными к более ранним периодам. Статья начинается с обсуждения роли баз данных во внутренней и мировой политике. В частности, Й. Т. Ансорге описывает политические последствия современных методов управления данными на примерах баз данных информации о террористах, базы данных кампании Обамы

2008 г., а также биометрических баз данных, развернутых в Ираке, Афганистане и Либерии, и рассматривает применимость и актуальность широко распространенной метафоры Паноптикума для их описания. Учитывая ограниченность такого образа, автор предлагает концепцию «цифровой силы (digital power)» и политическую метафору башни Кунца. Цифровая сила заключена в важности машин для современного суверенитета [11].

Специалист по стратегическим коммуникациям У. Сеидов отмечает важность понимания сущности «силы» в «новом мире». Под «новым миром» он подразумевает цифровой мир, т.е. мир, к которому приводят цифровая трансформация процессов, использование высоких технологий, интеграция «Интернета вещей» в повседневную жизнь, повышение скорости передачи информации с помощью современных средств коммуникации и медиа, анализ «больших данных» и, в целом, увеличение частоты внедрения инноваций. Согласно идее автора, «новый мир» порождает новую «силу» — «цифровую силу». Благодаря этой силе в рамках четвертой промышленной революции формируется новая глобальная политическая и экономическая культура, сопровождаемая транснациональными, социальными и политическими движениями, и локомотивами этих движений являются скорее транснациональные корпорации, чем международные организации или государства. Таким образом, «цифровая сила» — это способность субъекта сосредоточиться, физически или виртуально, на объектах «нового мира», что, в свою очередь, может обеспечить его дальнейшее устойчивое развитие и увеличить его глобальное влияние посредством инноваций [12].

«Острый аспект» цифровой силы. В 2017 г. Международный форум демократических исследований при Национальном фонде в поддержку демократии опубликовал доклад под названием «От «мягкой силы» к «острой силе». Усиливающееся авторитарное влияние в демократическом мире», в котором они исследовали влияние России и Китая в четырех странах — Аргентине, Перу, Польше и Словакии. Тем не менее они подчеркнули, что сходные формы российской и китайской «острой силы» заметны во всё большем количестве демократий по всему миру [13].

Авторы этого доклада отказались рассматривать попытки влияния авторитарных государств через призму концепции «мягкой силы». Они отметили, что такие страны, как Китай и Россия, исполь-

зуют очевидные методы авторитарного влияния, которые не являются «жесткими» в откровенно принудительном смысле, но и не являются на самом деле «мягкими». Составители доклада заявили, что авторитарные инициативы в области средств массовой информации, культуры, аналитических центров и научных кругов главным образом не связаны с привлечением или даже убеждением; вместо этого они сосредотачиваются на отвлечении и манипулировании, на обеспечении своего влияния, действуя в демократических государствах так же, как они действуют у себя дома. По мнению авторов, рассматриваемые государства действуют путем подавления политического плюрализма и свободы слова.

«Острая сила» — это способность государств влиять на международную аудиторию посредством манипулирования информацией с целью подрыва политических систем других стран. Таким образом, речь идет о проникновении в политическую и информационную среду других стран и о ее изменении в соответствии с интересами и идеями государств, осуществляющих проникновение.

Поскольку это довольно новая концепция, появившаяся в век технологий, ключевой вопрос заключается в том, как «острая сила» используется в киберпространстве. Итальянский исследователь Паоло Месса предполагает, что игровое поле «острой силы» — это инфосфера и цифровое пространство, и авторитарные страны (к России и Китаю он добавляет Иран) проникают в демократии, чтобы распространять свое влияние посредством киберпреступлений, кражи интеллектуальной собственности, медиасетей, распространяющих пропаганду, а также с помощью ботов (то есть поддельных и автоматизированных аккаунтов) и фейковых новостей в социальных сетях [14].

П. Месса указывает, что существуют традиционные и нетрадиционные инструменты острой силы. Средства массовой информации — это традиционные инструменты влияния, а цифровые инструменты — это нетрадиционные инструменты влияния. Медиа «острая сила» имеет три слоя: белый, серый и черный — в зависимости от того, насколько легко отслеживать происхождение информации. Белые средства информации — это государственные СМИ и контролируемые ими агентства. Серые средства информации — это веб-сайты с данными или статьями. А черные информационные инструменты — это социальные сети. Исследователь приходит

к выводу, что в будущем определять баланс сил будут искусственный интеллект и компьютерная пропаганда и что необходимо инвестировать в эту сферу и разрабатывать механизмы киберсдерживания «острой силы» [15].

Тем не менее отход от трансатлантического дискурса помогает взглянуть на проблему «острой силы» немного шире. А именно это помогает определить, от чего зависит ее определение, где заканчивается «мягкая сила» и начинается пропаганда, то есть «острая сила». Российский политолог М. Лебедева указывает на роль теоретической субъективности в восприятии «мягкой силы» и пропаганды. В традициях реализма «мягкую силу» приравнивают к пропаганде, в то время как в неолиберализме принято противопоставлять их. Существует также субъектность, которая означает, что другая сторона активна и может по-разному интерпретировать действия, направленные на нее. Это означает, что правительства могут иметь серьезные разногласия относительно допустимости использования «мягкой силы» или пропаганды просто из-за концептуальной путаницы и их прошлого опыта [16].

И, наконец, решающим фактором в определении «острой силы» является политический режим. Согласно доминирующей западной точке зрения, если он авторитарный — то это «острая сила»; если же он демократический — то это «мягкая сила». Однако и «мягкая», и «острая» силы способствуют увеличению влияния в мире. Потенциально это влияние может негативно сказываться на других странах.

Таким образом, наступление цифровой эпохи вызвало волну переосмысления в науке о международных отношениях, включая переоценку самой концепции силы. Отчасти это связано с тем, что повсеместное распространение оцифровки данных и их сбора, обмена данными, управления экономическими и политическими процессами открыло невероятный диапазон возможностей, а также создало множество серьезных уязвимостей. Растущая географическая и социальная взаимосвязь между государствами и обществами и внутри них открыла новые возможности для сотрудничества и обмена знаниями. Это также обострило социально-политические конфронтации, основанные на идентичности. Увеличение объема и доступности информации демократизировали знания и породили «парадокс изобилия», но внимание стало самым дефицитным ресурсом. Этот постоянно растущий объем информации и скорость

взаимодействия резко сократили время, доступное для принятия решений, что часто снизило качество таких решений, побуждая людей прибегать к когнитивным предубеждениям в качестве быстрых путей экономии времени или к технологическим решениям, таким как автоматизация или визуализация данных [17]. Рассматривая влияние цифровых технологий, исследователи международных отношений сходятся во мнении, что «сила» в международной системе стала более рассредоточенной между различными участниками [18]. Сила переосмысливается и усложняется по мере роста взаимозависимости реального и цифровых миров.

«Цифровая сила» — это машинный суверенитет, а также мост между технологиями, государством и международной системой. С этой позиции сила заключается в цифровой коммуникации, которая может приводить к общественным, локальным, региональным и глобальным изменениям. Сущность силы в цифровом мире заключена в умении предсказать и использовать современные тренды в области цифровых технологий в свою пользу. Однако научный консенсус в мировых научных политологических кругах о природе цифровой силы прекращает свое существование при проявлении политического контекста, поскольку в доминирующем западном научном дискурсе случаи практического применения цифровой силы России и Китая характеризуется как «острая сила».

Литература

1. Современные международные отношения. Под ред. А. В. Торкунова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. — 584 С. С. 9.
2. *Morgenthau H.* Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 5th ed. New York: Knopf, 1978. 650 P. P. 30.
3. *Waltz K. N.* Theory of International Politics. New York: Random House, 1979. 251 P. P. 98.
4. *Gilpin R.* War and Change in World Politics, New York: Cambridge University Press, 1981. P. 18.
5. *Dahl R. A.* The Concept of Power // Behavioral Science, 1957, No. 2. P. 201–215.
6. *Simons G.* Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics // Russia in Global Affairs. No2 2019 April/June DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-108-130.
7. *Richmond O. P.* Analog/ Digital International Relations and Global Politics // Global Dynamics. <<https://www.21global.ucsb.edu/global-e/january-2018/analog-digital-international-relations-and-global-politics>>
8. *Noël J.-Ch.* What is Digital Power? Études de l'Ifri, Ifri, November 2019.
9. How can Europe step up its digital game? // ECFR. 7.06.2016 URL: https://ecfr.eu/video/how_to_step_up_europes_digital_game/

10. *McCarthy D. R.* Power, information technology, and international relations theory: the power and politics of US foreign policy and the internet. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2015. 220 p.
11. *Teboho Ansoorge J.* Digital Power in World Politics: Databases, Panopticons and Erwin Cuntz. *Millennium*. 2011;40(1):65-83. doi:10.1177/0305829811409178.
12. *Seyidov U.* Digital Power — the Modern Power of the New World // *Noteworthy*. 4.11.2019 <https://blog.usejournal.com/digital-power-the-modern-power-of-the-new-world-9d0acc403bfb> (accessed 12.12.2020)
13. From 'Soft Power' to 'Sharp Power'. Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. The International Forum for Democratic Studies at the National Endowment for Democracy. December, 2017. URL: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report> (accessed 18.12.2020)
14. *Messa P.* The Age of Sharp Power: China, Russia and Iran: The Interference is not Soft. The Italian Case. Bocconi University Press, 2019.
15. *Ibid.*
16. *Лебедева М. М.* «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № (3(54)). С. 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
17. *Jermalavičius T.* Small State Power in the Digital Era // *The American Academy in Berlin*. URL: <https://www.americanacademy.de/small-state-power-in-the-digital-era> (accessed 12.12.2020)
18. *Haas R. N.* The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance? // *Foreign Affairs*, May/June 2008. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity> (accessed 12.12.2020)

Гришанина Т. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Цифровая дипломатия США и формирование общественного мнения в социальных сетях

Социальное действие — одна из тем, которой социологи, политологи и философы уделяли особое внимание в своих исследованиях. В эпоху перехода большей части социальной активности онлайн социальная активность и мобилизация цифровых групп для перехода в офлайн становятся одной из актуальных тем исследований. Мониторинг общественный настроений в социальных сетях и формирование общественного мнения в данном контексте приобретают особо важную роль, учитывая прокатившуюся волну протестов в 2018–2020 гг.

Категория социального действия изучалась многими учеными с различных теоретических и методологических позиций. Кроме того, стоит принимать во внимание концепции политической мобилизации. Так, К. Дойч понимал политическую мобилизацию как такой тип социальной мобилизации, в ходе которой разрушаются старые модели поведения группы и создаются новые на основе других идеологических принципов, что, по мнению ученого, способствует развитию политической сферы [1]. Особую роль в мобилизации и адаптации идеологии к новым условиям играют государства, политические партии, элиты и политические движения. Одним из инструментов мобилизации является апелляция к идентичности, в частности политической идентичности группы. Власть, осуществляемая посредством воздействия на идентичность, реализуется на микроуровне через микронарративы.

Проблема использования идеологии как политического инструмента для формирования общественного мнения обсуждалась многими учеными из различных областей знания: в рамках позитивистских теорий информации, коммуникативистики, структурной, прагматической и когнитивной лингвистики, постмодернистских и постструктуралистских концепций в философии и политологии, теории массмедиа и информационного общества. В эпоху появле-

ния цифровых каналов коммуникации и создания синергетических коммуникативных сетей появляются и новые формы социальной организации, которые используются для реализации политических целей определенных групп населения. Формирование идентичности неизбежно связано с определением границ политического сообщества и отделением от «Другого» [2]. В постмодернистских теориях идеология рассматривается как конструирование частных дискурсивных форм в рамках притязаний на универсальные. При этом дискурс конструируется путем попытки захвата дискурсивного поля за счет развертывания цепей означающих. Значения фиксируются в узловых дискурсивных точках, которые могут быть заполнены плавающими означающими [3]. Вмешательство господствующей означающей конструирует идентичность с помощью фиксации плавающих означающих через парадигматическую цепь эквивалентностей.

Социальная активность населения, в частности протестная активность, может быть смоделирована политическими технологиями, связанными с формированием общественного мнения и социальной мобилизацией, а также изучена с помощью инструментов анализа медиаизмерений. Общественные настроения, которые могут влиять на повышение уровня протестной активности, с одной стороны, зависят от групповых и индивидуальных предпочтений, что позволяет вовлекать участников коммуникации в социальную активность, с другой стороны, коррелируют с политической самоидентификацией сообщества, которая тесно связана с ценностными идеологическими константами. В этом контексте важным вопросом являются перцептивные стереотипы массовой аудитории в виртуальном мире относительно событий и явлений. Они связаны с понятиями политической идеологии и идентичности в киберпространстве, фрейминга, метаструктур и метанарративов. Проблема изучения общественного мнения и мониторинга протестных настроений актуализируется с точки зрения выработки и принятия политических решений в рамках внутренней политики, а также работы с населением иностранных государств и достижения политических целей в рамках внешней политики.

Дискурс, поддерживающий представления об идентичности, организуется, по Т. Ван Дейку [4], с помощью определенных правил, задающих границы идентичности, в макроструктуры, соответствующие стереотипным представлениям целевых социальных групп.

Таким образом, поддерживается «ментальный контроль», происходит формирование мнений, оценок, предпочтений. В своей книге о взаимосвязи политики безопасности и процесса конструирования национальной идентичности США Д. Кэмпбелл предлагает «понимать внешнюю политику Соединённых Штатов как политическую практику, которая играет центральную роль в конституировании, производстве и поддержании американской политической идентичности» [5]. Американский принцип «владения сердцами и умами» является основной составляющей политических стратегий вовлечения, опирающихся по большей части на методы воздействия на эмоциональное восприятие, формирующих чувства удовлетворения, сопричастности, преданности и признательности. Такие преобразования идентичности приобретают характер политической технологии при целенаправленном использовании для достижения определенного политического эффекта. Подобные дискурсивные механизмы, метаструктуры и фреймы создаются в сетевых каналах коммуникации, в социальных сетях Facebook, Twitter, Instagram и мессенджерах WhatsApp, Viber, Telegram.

Цель исследования — выявить на примерах организованных социальных протестов особенности формирования общественного мнения в цифровых каналах коммуникации для повышения мобилизационных возможностей социальных групп. В качестве теоретической базы были использованы теории социального действия М. Вебера [6] и Ю. Хабермаса [7], концепции политической мобилизации К. Дойча, У. Гэмсона [8] и Д. Кэмпбелла, а также различные методологические подходы к определению фрейминга. Эмпирическая база исследования представляет собой малые данные, собранные в ходе протестов в Иране в режиме реального времени в социальных сетях Facebook, Twitter, Telegram. Анализ данных осуществлялся как с помощью средств автоматизации, так и вручную посредством кросс-платформенного сентимент-анализа, позволившего определить систему предпочтений пользователей, и анализа хэштегов, позволившего прояснить структуру цифрового дискурса и содержание микронарративов.

Макроправила Т. Ван Дейка коррелируются с понятием фрейма, используемого У. Гэмсоном в рамках социального конструктивизма и теории социальных движений. И. Гофман определяет фрейм как средство и условие интерпретации ситуации [9]. В кибернети-

ко-лингвистическом направлении под фреймом подразумеваются единицы информации, на которых основывается последующее конструирование поведения [10]. У. Гэмсон придерживается скорее промежуточного толкования понятия «фреминга» — «это стержневая идея коммуникационного текста, раскрывающая суть и содержание основного сюжета информационного сообщения. При этом данная центральная сюжетная линия обычно содержит в себе также артикуляцию проблемной ситуации, предпочтительные способы ее разрешения и определенные моральные суждения».

Социальная активность зачастую иррациональна и действует по правилам заданного фрейма. Как только цель достигнута, может применяться рефрейминг. В качестве основных семантических компонентов фрейма, которые, по мнению У. Гэмсона, могут влиять на повышение социальной активности, являются «несправедливость», «границы идентичности» и «протестное действие». Плавающие означающие, лежащие в семантическом поле данных констант, например оценочные суждения «воры и убийцы», «насилие», «дубинки» и т.д., оппозиции «угнетатели / жертвы», «кровавый режим / борющийся народ», «несправедливые налоги / низкие зарплаты» и т.д., перформативы «справедливость жертвам», «действуй», «дой», «хватит терпеть» и т.д. соответственно транслируются для целевой аудитории в три этапа, а затем фиксируются господствующим означающим в виде прямого указания, например «протест», или объединяющего символа, например «желтые жилеты».

Одной из проблем цифровой дипломатии является оценка эффективности коммуникации в интернет-пространстве. Поиск решения данной проблемы занимается такая область, как медиаметрия [11]. Общественное мнение и социальную активность можно изучать с помощью таких методов, как контент-анализ, дискурс-анализ, сетевой анализ, сентимент-анализ. Контент-анализ является методом анализа содержания текстовых массивов. Под дискурс-анализом подразумевается исследование социокультурного контекста сообщений и выявление взаимосвязей между ними. Сетевой анализ занимается изучением взаимосвязей между пользователями в социальных сетях. Сентимент-анализ является анализом тональности текста, сообщений или отдельных слов, отражает отношения, мнения и эмоции аудитории. Одним из важных видов анализа, в частности цифровой дипломатии в Твиттере, является анализ хэштегов, который позво-

ляет сформировать представление о политической повестке и организации цифрового дискурса в политическом сегменте сети Twitter.

Кросс-платформенный анализ каналов цифровой дипломатии США в ходе протестов в Иране в 2020 г. проводился в режиме реального времени на малых данных с использованием средств автоматизации, таких как платформа Popsters и инструмент SemanticForse, затем данные были доработаны вручную с помощью электронных таблиц. Исследовательский вопрос стоял следующим образом: во-первых, каким образом каналы цифровой дипломатии США формируют общественное мнение, во-вторых, какие каналы наиболее влиятельны в отношении стимулирования социальной активности. Целью анализа было выявить тональность сообщений и их влияние на мнения и предпочтения пользователей.

Было выбрано 14 каналов цифровой дипломатии США на различных платформах (Facebook, Twitter, Telegram): аккаунты Дональда Трампа, Госдепартамента, Госсекретаря Майка Помпео, пресс-секретаря Госдепартамента Морган Ортагус, посольства США в Иране, «Голоса Америки Фарси» и «Радио Фарда» — в период с 1 по 15 января 2020 г. Была составлена матрица активных каналов и выбраны 14 ключевых слов (а также им синонимичных) на фарси и на английском языках (Приложение 4). Всего за этот период в каналах было опубликовано 5202 поста, из них 1259 в Telegram, 2568 в Twitter и 1376 в Facebook; 745 постов — в каналах Д. Трампа, 383 поста — Госдепартамента США, 89 — Госсекретаря М. Помпео, 67 — пресс-секретаря М. Ортагус, 80 — Посольства США в Иране, 2492 — «Голоса Америки Фарси», 1348 — «Радио Фарда». Несмотря на то что самыми медиаактивными оказались каналы вещания и информационной поддержки политики США в Иране, наиболее влиятельным стал, несомненно, Twitter Д. Трампа, вторым по влиянию оказался Facebook 45-го президента США, довольно значительную активность проявляли пользователи Telegram «Голоса Америки Фарси».

Тональность упоминаний ключевых слов рассматривалась как негативная, нейтральная или позитивная. Тональность считалась по абсолютным упоминаниям ключевых слов. В общей сложности получилось 7544 упоминания ключевых слов.

Каждый из каналов был проанализирован отдельно, затем был произведен расчет итоговой повестки во всех рассматриваемых каналах цифровой дипломатии США с учетом коэффициента видимо-

сти. В каналах, вещающих непосредственно в Иране, — «Голос Америки Фарси», «Радио Фарда» (на фарси) и канал посольства США в Иране (на английском) — преобладала интересующая нас повестка кризиса ирано-американских отношений, а именно: 1) нападение на посольство США в Ираке; 2) убийство главнокомандующего сил «Аль-Кудс» Касема Сулеймани; 3) крушение Боинга «МАУ» PS752; 4) заявления американских, европейских и ближневосточных политиков по вопросу обострения отношений; 5) протесты — 79 %, 83 % и 95 % соответственно для каналов в указанном выше порядке.

Если анализировать упоминания ключевых слов, то можно сказать, что ключевое слово “Iran” встретилось в 90 % опубликованных постов в каналах посольства США в Иране, а ключевое слово “America” на фарси упоминалось в 44 % постов в каналах «Радио Фарда». Пики публикаций пришлись на следующие инфоповоды: убийство генерала Сулеймани (3 января 2020 г.), похороны генерала Сулеймани (7 января 2020 г.), авиакатастрофа над Тегераном (8 января 2020 г.), начало протестов в Тегеране (11–12 января 2020 г.). Причем пики публикаций в каналах Д. Трампа не были жестко привязаны к инфоповодам, активность в каналах представляется достаточно хаотичной, обусловленной тактическими потребностями, а также характеризуется высокой эмоциональностью и прямой апелляцией к аудитории.

В общей картине цифровой дипломатии США по всем анализируемым каналам ирано-американская повестка составляет 72 % от всего количества опубликованных постов. В постах каналов цифровой дипломатии США превалировало упоминание ключевых слов “Iran+Iranian” на английском и фарси — в 62 % постов из общей повестки; и “America/USA+American/US” на английском и фарси — в 44 % постов из общей повестки. При этом Ирану уделено больше внимания, чем США, каналы «Радио Фарда» и М. Ортагус. В остальных каналах внимание между Ираном и США было распределено примерно поровну. Необходимо отметить, что большинство перечисленных каналов цифровой дипломатии США отражают довольно однородную повестку и тональность с незначительными отклонениями.

Общий тон повестки по всем каналам цифровой дипломатии США в совокупности был достаточно сбалансирован по тональности: отрицательные оценки — 33 %, нейтральные оценки — 34 %,

положительные оценки — 33 %. При этом всплеск позитивного сентимента, как и усиление положительного тона относительно иранской идентичности, резко возрос вместе с положительной оценкой протестных выступлений с 11 января 2020 г. На общем фоне, помимо каналов Д. Трампа, о которых упоминалось выше, выделяется «Радио Фарда». Данная сеть предлагает более нейтральный взгляд на происходящие события относительно, например, действий и заявлений со стороны США и Ирана. Тем не менее общий тон повестки в канале негативнее, чем в остальных каналах цифровой дипломатии США. «Радио Фарда» создает у читателей одновременно ощущение безысходности сложившейся ситуации при формальной объективности оценок.

Идеологическая составляющая, формируемая позитивными или негативными оценками, лучше всего видна при сравнительном анализе. Ключевое слово “Iran” использовалось в основном с негативной оценкой (59 %), в то время как ключевое слово “Iranian” — скорее с позитивной и нейтральной оценкой (63 %). Ключевое слово “America/USA” имело по большей части нейтральную окраску (54 %), в то время как ключевое слово “American/US” имело чаще всего позитивную атрибуцию (65 %). Данное наблюдение можно объяснить тем, что на ментальном и эмоциональном уровне происходит отделение непосредственно государства (Иран и США) от национальной идентичности (иранский и американский). Таким образом, политика государства Иран получает отрицательные оценки, однако принадлежность к иранской идентичности не имеет сильно выраженных негативных коннотаций. Политика государства США представлена в общей повестке в нейтральном ключе, при этом принадлежность к американской идентичности оценена явно позитивно. Интерес также представляют ключевые слова “Soleimani” и “Trump” на английском и на фарси. В каналах цифровой дипломатии США в общей картине они получают негативную оценку в 68 % и 4 %, позитивную оценку в 3 % и 68 % соответственно. В цифровых каналах соседней Сирии, где события активно освещало информационное агентство SANA, сентимент-показатели по данным ключевым словам имеют полностью противоположные значения: негативную оценку в 3 % и 80 %, позитивную оценку в 73 % и 1 % соответственно.

Ключевое слово “Soleimani” упоминается по большей части на протяжении периода с 2 по 10 января 2020 г. Напротив, ключевое

слово “Protests” упоминается в основном до и после событий, связанных с К. Солеймани, т.е. с 1 по 3 января 2020 г. и с 9 по 15 января 2020 г. Данное наблюдение позволяет сделать вывод о том, что микронарратив о протестах и микронарратив о жизни и смерти К. Солеймани были взаимоисключающими. При этом протестная повестка появилась сразу после того, как Д. Трамп обвинил Иран в атаках на Посольство США в Багдаде. Негативная тональность ключевых слов “Soleimani” на английском и фарси, составившая 68 % по каналам в целом, создала благоприятную почву для включения фрейма «несправедливость». Общий негативный (55 %) и нейтральный (29 %) сентимент ключевых слов “Iran+Iranian на двух языках, а также позитивный (45 %) и нейтральный (49 %) сентимент ключевых слов “America/USA+American/US” на двух языках, неизменно входивших в повестку на протяжении всего рассматриваемого периода, помогли сформировать возможность для включения фрейма «границы идентичности». В основном позитивная тональность ключевых слов “Protests”, на двух языках составившая почти 76 %, на наш взгляд, была использована для активации фрейма «протестное действие».

Если обратиться к оффлайн-источникам, наибольший эмоциональный отклик аудитории вызвало освещение авиакатастрофы Боинга, летевшего из Тегерана в Киев, с пассажирами на борту. Это событие стало отправной точкой для усиления социальной активности. По всему миру прошли акции солидарности. Помимо активного обсуждения в Сети, граждане Ирана и других государств вышли на улицы, чтобы продемонстрировать свое участие и поддержку. В память о погибших у посольств Украины, Канады и Ирана возлагались цветы и зажигались свечи. В Украине и Иране был объявлен траур, правительство Канады инициировало расследование причин катастрофы с привлечением группы международных экспертов. Освещение в СМИ и социальных сетях данного события, реакции на него и действий служб цифровой дипломатии США и Ирана требует отдельного изучения.

Ведущаяся официальными лицами работа по разъяснению внешней политики США для зарубежного населения в пространстве Интернета обладает определенными эмоциональными коннотациями, направленными на осуществление эмоционального воздействия на аудиторию. Каналы вещания, обеспечивающие информационную поддержку внешней политики США в цифровой среде, также

не могут оставаться полностью нейтральными при освещении значимых событий. Таким образом, тональность и организация цифрового дискурса в каналах цифровой дипломатии США могли создать предпосылки для повышения цифровой активности пользователей за счет формирования определенной идеологической картины, эмоциональных оценок относительно происходящих событий, высказываний политиков и внешнеполитических действий США. Пользователи могли вовлекаться в активность не из конкретных убеждений, а вместе с эмоциональной волной, нагнетаемой в социальных сетях. Следовательно, становится возможной мобилизация уязвимых социальных групп для осуществления направленного социального действия в интересах США.

Тем не менее нельзя отрицать и наличие компонента выбора у цифровой аудитории, поскольку общая повестка в каналах цифровой дипломатии в среднем оставалась довольно нейтральной, эмоциональные тоны усиливались лишь по отношению к конкретным событиям. Несомненно, потребляемый контент имеет влияние на пользователей, однако это влияние не должно быть преувеличено.

Литература

1. *Deutsch K. W.* Social Mobilization and Political Development // *American Political Science Review*. 1961. Vol. 55, No 3. P. 493–514.
2. *Тимофеев И. Н.* Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М., 2008. С. 14–15.
3. *Laclau E.* Discourse // *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Oxford, 2007. P. 541–548.
4. *Van Dijk T. A.* Structure of Discourse and Structure of Power // *Communication Yearbook*. 1989. Vol. 12. P. 18–19.
5. *Campbell D.* Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis, 1998. P. 80–90.
6. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М., 2016. С. 82–84.
7. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2001. С. 198–211.
8. *Gamson W. A.* The 1987 distinguished lecture: a constructionist approach to mass media and public opinion // *Symbolic interaction*. 1988. No 2. P. 161–174.
9. *Goffman E.* Frame Analysis: An Essay in the Organization of Experience. New York, 1974. P. 10.
10. *Fillmore Ch. J.* Frames and the Semantics of Understanding // *Quaderni di Semantica*, Vol. 6, No 2. 1985. P. 222–254.
11. АМЕС. Барселонские принципы 3.0 <<https://amecorg.com/ru/barcelona-principles-3/?lang=ru>>

Кузнецов Н.

Санкт-Петербургский государственный университет

Дипломатия данных США: тенденции и перспективы

В настоящее время цифровая дипломатия ведущих мировых государств претерпевает коренные изменения, когда использование аналитики «больших данных» (Big Data), искусственного интеллекта (ИИ), ботов и иных технологий стали ее ключевыми компонентами [1]. Фиксирование и анализ цифровых данных интернет-пользователей легли в основу развития обособленного направления внешней политики государств, известного как «дипломатия данных» (data diplomacy).

Научное определение данного феномена было впервые предложено американским политологом Тимоти Даем (Timothy Dye) в 2015 г. Эксперт отметил, что дата-дипломатия — это «феномен, объединяющий науку о данных (data science) и социологию с дипломатией и международными отношениями» [2].

Развитие дипломатии данных в мировой политике связывают с изменениями, произошедшими во внешнеполитическом механизме США за последнее десятилетие. Проекты в области «мягкой силы» (культуры, образования, языка и привлечения зарубежной аудитории к американским ценностям) перестали занимать приоритетную позицию в публичной дипломатии Вашингтона и уступили место пропаганде и активному использованию социальных сетей. Главную роль в новой политике стали играть анализ цифровых данных зарубежной аудитории и мониторинг интернет-активностей оппонентов Вашингтона в лице международного терроризма, а также России, Китая, Ирана и других стран.

Цель данной статьи — выявить этапы формирования, задачи и функции дипломатии данных США, а также установить механизм ее управления и обозначать перспективы дальнейшего развития.

Методологическую базу исследования составляют документальный и дискурсивный анализы, позволяющие аккумулировать все сведения о дипломатии данных США и отследить рекомендации американских экспертов по ее продвижению, а также методы анализа

социальных сетей (при помощи компьютерного софта *NVivo*), необходимые для визуализации механизмов функционирования дипломатии данных.

Дипломатия данных: (анти)пропаганда нового поколения?

Зарождение дипломатии данных США произошло в 2013–2014 гг., когда американский политический истеблишмент осознал исчезновение единоличной монополии своей страны над информационным доминированием в мире. Стратегическая коммуникация — использование массивов пропаганды и новых форм влияния — фактически заменила собой само понятие «публичная дипломатия» в политическом дискурсе США [3]. Появление новых форм информационного влияния, создание интернет-каналов распространения пропаганды, развитие методов анализа цифровых данных и многие другие факторы изменили методологический и прикладной аспекты публичной дипломатии США. Впервые в академическом дискурсе стали появляться научные исследования, посвященные «публичной дипломатии, основанной на данных» (*data-driven public diplomacy*) [4].

Главным триггером развития дипломатии данных США стала интернет-активность радикальных исламистов. Как отмечает Н. А. Цветкова, Вашингтон вступил в интернет-войну с террористическими организациями, принялся блокировать новостные потоки исламистов и предпринимать попытки заглушить информацию эффективной контрпропагандой. Центр стратегических контртеррористических коммуникаций (*Center for Strategic Counterterrorism Communications*), созданный еще в 2011 г. для проведения информационных кампаний против террористов, стал занимать основное место при выработке программ внешнеполитической пропаганды США [5].

Доказав эффективность нового направления цифровой дипломатии, Центр контртеррористических коммуникаций был существенно расширен и к марту 2016 г. реформирован в Центр глобального взаимодействия (*Global Engagement Center, GEC*) для «координации, интеграции и синхронизации общегосударственной коммуникационной деятельности, направленной на иностранную аудиторию, а также для противостояния распространению сообщений международных террористических организаций» [6]. Финансирование нового института дипломатии данных в первый год функционирования составило сразу \$16 млн (что на порядок выше предыдущего ведомства, получавшего не более \$5 млн в год). В первом правительствен-

ном отчете о деятельности Центра, помимо прочих, фигурируют такие активности, как: 1) деятельность на основе данных: внедрение новых технологий во внешнюю политику; 2) тематические цифровые кампании: генерирование эффективных месседжей и информационных проектов; 3) аналитика данных: использование Big Data для оценки эффективности информационных кампаний оппонентов США и американских проектов пропаганды [7].

Большое влияние на развитие американской дипломатии данных оказали выборы Президента США в 2016 г. Обвинения в адрес России и Китая о целенаправленном использовании ими цифровой дипломатии с целью повлиять на исход выборов породили дискурс об «острой силе» (*sharp power*). С 2017 г. западные эксперты и политики начали обвинять «авторитарные державы» в использовании таких «низкоморальных» методов внешней политики, как кибертерроризм, интернет-троллинг, чат-боты и т.д. [8] Отмечается, что выявление концепции «острой силы» является попыткой западных экспертов разделить «мягкую силу» на «свою» (для США и европейских стран) и «чужую» (для оппонентов Вашингтона — России, Китая и других оппонентов) [9]. При этом, согласно правительственным документам США, в 2017–2020 гг. инструменты *sharp power*, аналитика цифровых данных о зарубежной интернет-аудитории, генерация сообщений в диалогах и комментариях при помощи автоматизированных чат-ботов, распространение фейковых новостей прочно вошли в арсенал американской дипломатии данных [10].

Однако США не намерены останавливаться на ботах. Именно искусственный интеллект незаменим для проведения эффективных информационных кампаний. Он способен создавать большие объемы данных, направлять их на целевые аудитории, реагировать на комментарии и давать точные, яркие и убедительные ответы в социальных сетях [11].

С 2016–2017 гг. США начали анализировать цифровую дипломатию стран-оппонентов. Согласно отчету межведомственной комиссии по публичной дипломатии, в 2017 г. главной целью ГЕС стало противодействие «иностранным государственным и негосударственным пропагандистским и дезинформационным усилиям, направленным на подрыв Соединённых Штатов». [12] Таким образом, борьба с международным терроризмом в интернет-сети была исключена из приоритетных задач дипломатии данных США. При этом

в Госдепартаменте появились дополнительные команды (teams), в обязанность которых стали входить «анализ пропаганды», поддержка выгодного США контента и противодействие информационному влиянию России, Китая и Ирана [12].

Центр глобального взаимодействия начал тесно сотрудничать с официальными ведомствами США и в настоящее время является координатором американского правительства по вопросам внешней пропаганды [11]. В августе 2020 г. его специалистами был выпущен первый публичный доклад «Основные элементы экосистемы российской дезинформации и пропаганды». Отчет подробно перечисляет все крупнейшие проекты российской публичной дипломатии и описывает информационные кампании, которые «наносит вред» Соединённым Штатам [13].

Таким образом, борьба с информационной активностью стран-оппонентов и генерирование эффективных кампаний в интернет-сети стали задачами дипломатии данных США.

Аналитическая группа Центра глобального взаимодействия (GEC Analytics & Research Team), состоящая из специалистов по обработке Big Data, аналитиков и профессионалов в области стратегических коммуникаций, использует в своей работе качественный и количественный анализ интернет-ресурсов [11]. Согласно исследованию Барбары Якобсон (Barbara Jacobson) и ее коллег из института Diplo Foundation, такие методы обработки социальных сетей, как анализ хэштегов (hashtag tracking), сетевой и сентимент-анализы (network/sentiment analysis), и анализ мнений и взглядов (opinion mining), можно считать базисом дипломатии данных [14].

Например, США задействуют анализ мнений интернет-пользователей и сентимент-анализ публикаций, позволяющие составлять психологический портрет зарубежной аудитории, находить ключевых спикеров и активистов, выявлять их реакцию на предлагаемые информационные кампании. Всё это способствует генерированию эффективной пропаганды, вызывающей эмпатию со стороны аудитории. В этом вопросе важно обратить внимание на сотрудничество Центра глобального взаимодействия с Агентством по глобальным медиа (U.S. Agency for Global Media, USAGM) — ведомством, курирующим каналы международного вещания США. Аналитика социальных сетей, которую проводят специалисты Госдепартамента, позволяет таким патриархам американской пропаганды, как «Голос Америки»

(Voice of America), «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (Radio Free Europe/Liberty), «Радио Свободная Азия» (Radio Free Asia) и другим новостным проектам создавать («вбрасывать») нужный контент.

Например, на фоне массовых протестов в российских городах, вызванных арестом оппозиционера Алексея Навального в феврале 2021 г., каналы иновещания стали активно публиковать новости по этой теме. Наш анализ выявил, что только за период с 17 января 2021 г. (день объявления первого митинга оппозиции) по 3 февраля 2021 г. (день после оглашения приговора А. Навальному) российским бюро «Радио Свобода» было опубликовано 460 публикаций с упоминанием Навального, редакцией «Голоса Америки» — 217 публикаций, а новостным проектом «Настоящее время» — 447 видеорепортажей и новостных заметок. Контент-анализ новостной ленты русскоязычных каналов международного вещания США в социальной сети Twitter, выполненный при помощи программы по обработке социальных сетей NVivo, демонстрирует, что ключевыми словами новостных публикаций стали «США», «Россия», «Навальный», «Беларусь», «задержали более» и пр. Иной результат демонстрирует Twitter-анализ англоязычного аккаунта «Радио Свободная Азия», нацеленного на ограничение влияния КНР. В новостной повестке отсутствуют новости о США, в то время как Китай (описываемый в негативном ключе) занимает приоритетную позицию.

Анализ хэштегов является еще одним неотъемлемым методом обработки цифровых данных. Он позволяет США оценить расстановку сил в социальных сетях и следовать трендам, существующим в зарубежных странах. А продвижение хэштега, который раскрывает подробности проблемы и консолидирует общество вокруг нее, стало одним из главных методов современной дипломатии США. Например, когда белорусская оппозиция объявила 7 февраля 2021 г. Днем Солидарности с Беларусью, именно консолидирующий общество хэштег #StandwithBelarus начал активно распространяться активистами по всему миру. Акция широко поддерживалась США. Государственный департамент, посольства, сенаторы, дипломаты, лидеры мнений и др. активно публиковали записи, используя хэштег #StandwithBelarus.

Подобная аналитическая деятельность позволяет выявлять закономерности в международных отношениях, повышает эффективность действующих методов цифровой дипломатии и кардинально меняет «дипломатический ландшафт» мировой политики [14, Р. 4].

Перспективы развития дипломатии данных США. Финансирование отделов Госдепартамента, занимающихся проектами в области дипломатии данных, растет с каждым годом. В 2021 г. оно достигает уже \$138 млн (что почти в десять раз превышает финансирование, полученное в 2016 г.) [11]. В правительственных отчетах указывается, что приоритетными задачами Центра глобального взаимодействия остаются разработка новых методов анализа «больших данных», развитие технологий искусственного интеллекта и методов борьбы с цифровой дипломатией стран-оппонентов.

При этом Межведомственная комиссия США по вопросам публичной дипломатии призывает руководство Госдепартамента перестроить Центр глобального взаимодействия в самостоятельное Бюро, объясняя эту необходимость «экспоненциальным ростом» важности ГЕС для национальной безопасности США [14].

Борьба с цифровой дипломатией и «пагубным влиянием» (malign influence) стран-оппонентов становится главной причиной щедрого финансирования дипломатии данных США. Смежными направлениями здесь являются проекты публичной дипломатии. Увеличенное финансирование в последние годы получает Агентство США по глобальным медиа: в 2020 и 2021 гг. на проекты иновещания США было потрачено около \$810 и \$803 млн соответственно. В 2022 г. USAGM может вновь получить бюджет в \$810,3 млн [15]. Благодаря дипломатии данных каналы иновещания США создают новые информационные проекты, генерируют эффективный контент и расширяют свою аудиторию в странах Европы, Азии, Латинской Америки и т.д.

Развитие ИИ определяется стратегическими интересами США, в частности по борьбе с нарастающим влиянием КНР. Официальные документы Пекина приводят экспертное сообщество США в ужас — Китай инвестирует миллиарды долларов в развитие искусственного интеллекта и объявляет о намерениях стать мировым лидером в этой области уже к 2025–2030 гг. [1].

Тенденции в области высшего образования в США свидетельствуют о том, что следующее поколение молодых дипломатов и сотрудников каналов иновещания будет обучено работе в сфере дипломатии данных. Большинство американских университетов уже ввели для студентов-гуманитариев курсы по аналитике Big Data и «журналистике данных».

К усилению роли дипломатии данных призывают и американские эксперты. Например, в своей статье для журнала *Foreign Affairs* экс-посол США в России Майкл Макфол (Michael McFaul) «побуждает» интернет-ресурсы «преуменьшать значение» контента российской цифровой дипломатии. По рекомендациям Макфола, алгоритмы, используемые для ранжирования и организации контента в поисковых запросах YouTube, Google и Bing, должны быть скорректированы, чтобы снизить рейтинг информации, которую распространяет Россия. При появлении такого контента хостингам следует сочетать его с аналогичным контентом западных СМИ. «Каждый раз, когда появляется статья или видео от RT (бывш. Russia Today. — Авт.), рядом с ними должна появляться история от BBC — заключает автор [16]. Подобное заявление не является единственным. Американские эксперты опасаются усиления кибервливания России, КНР, Ирана, КНДР и других стран и побуждают Белый дом усиливать дипломатию данных США.

Таким образом, первый этап в развитии дипломатии данных США пришелся на 2013–2016 гг., когда американское руководство предприняло первые попытки по аналитике и сдерживанию пропаганды террористов в сети Интернет. С 2016–2017 гг. начался второй этап развития дипломатии данных, когда ее финансирование стало достигать невиданных ранее показателей, а обработка Big Data о зарубежной аудитории, борьба с информационным влиянием стран-оппонентов посредством «низкоморальных» инструментов «острой силы», развитие искусственного интеллекта и методов анализа социальных сетей стали императивом цифровой дипломатии США. Подобная активность оказывает существенное влияние на все направления американской публичной дипломатии. Вашингтон заинтересован в дальнейшем развитии искусственного интеллекта и методов обработки Big Data, что подтверждают официальные правительственные документы, финансовые показатели и отчеты экспертного сообщества.

Литература

1. Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 29.
2. Dye T. Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science. Science Diplomacy Conference. 2015. P. 19.

3. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2014 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting <<https://2009-2017.state.gov/documents/organization/235159.pdf>>
4. *Bean H., Comor H.* Data-Driven Public Diplomacy: A Critical and Reflexive Assessment // *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*. 2018. Vol. 7, No 1. P. 5.
5. *Цветкова Н. А.* США — ИГИЛ: информационное противостояние кто побеждает в социальных сетях? // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 2. С. 2.
6. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2016 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting <<https://2009-2017.state.gov/documents/organization/262381.pdf>>
7. *Ibid.*
8. *Walker C., Ludwig J.* The Meaning of Sharp Power: How Authoritarian States Project Influence // *Foreign Affairs*. 16.11.2017; *Nye J.* How Sharp Power Threatens Soft Power // *Foreign Affairs*. 24.01.2018.
9. *Махмуд А. Х.* Sharp Power. Попытка западных авторов разделить мягкую силу на «свою» и «чужую» // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2020. № 4–2. С. 196.
10. The Public Diplomacy. The Presentation by the Under Secretary for Public Diplomacy Michelle Giuda, 2020 <<https://www.youtube.com/watch?v=b-fNH8idpus&t=864s>>
11. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2020 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACPD_2020Report_FINAL_DIGITAL_508.pdf>
12. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2017 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting <<https://www.state.gov/2017-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting>>
13. U.S. Global Engagement Center Special Report. 2020 <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/08/Pillars-of-Russia's-Disinformation-and-Propaganda-Ecosystem_08-04-20.pdf>
14. *Jacobson B., Hone C., Kurbalija J.* Data Diplomacy. Updating Diplomacy to the Big Data Era. Geneva: Diplo Foundation. 2018. P. 23.
15. Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. Fiscal year 2022 <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/05/FY-2022-State_USAID-Congressional-Budget-Justification.pdf>
16. *McFaul M.* How to Contain Putin's Russia // *Foreign Affairs*. 19.01.2021.

Трубицина А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Роль научной дипломатии во внешнеполитической деятельности США

Соединённые Штаты Америки отличаются своей активной внешнеполитической деятельностью. Это проявляется в широких экономических, политических, культурных, спортивных и научных контактах со странами по всему миру. США активно используют инструменты мягкой силы и публичную дипломатию для продвижения своих идей и формирования определенного имиджа на международной арене. Американские фильмы, музыка и культура в целом способствуют созданию позитивного образа США в головах простых людей. Точно так же этому может способствовать и наука, чья роль во внешнеполитическом взаимодействии крайне высока.

Термин «science diplomacy» вошел в научный язык относительно недавно, активно его стали использовать лишь в последнее десятилетие, однако научная дипломатия существовала всегда. Наука играла и продолжает играть важную роль в международных отношениях. Без науки и дипломатии невозможно справиться с такими глобальными вызовами, как изменение климата, пандемии и даже терроризм. Наука идет рука об руку с дипломатией, когда речь идет о выработке соглашений об уменьшении выбросов парниковых газов или о сокращении ядерных вооружений.

Итак, можно выделить несколько видов научной дипломатии:

Дипломатия для науки. Сама по себе дипломатия и дружественные отношения между государствами позволяют развивать совместные научные контакты. Дипломаты общаются, ведут переговоры и принимают различные соглашения в области науки, культуры и образования, что способствует улучшению отношений между странами и может привести к научным открытиям. Ярким примером такого взаимодействия можно назвать появление телескопа АЛМА, расположенного на территории Чили. Это единственное подобное место на планете, где возможны астрономические исследования такого уровня. Первоначально проекты по созданию этого телескопа были

и в Европе, и в Северной Америке, и в Западной Азии, однако достижение столь амбициозной цели было невозможным без совместных усилий. Дипломатия позволила создать международный астрономический объект, где проводятся уникальные исследования. Соединенные Штаты тоже внесли значительный вклад в создание телескопа и в настоящее время продолжают участвовать в научных исследованиях в Чили.

Наука для дипломатии. Данное направление научной дипломатии относится к ситуациям, когда наука способствует развитию отношений между государствами. Наука — это универсальный неидеологизированный язык общения между странами. Зачастую именно с научных и образовательных контактов начинается взаимодействие между враждующими государствами. Это особенно проявилось во времена «холодной войны». Нередко отношения между США и СССР обострились настолько, что страны были в одном шаге от начала открытого военного противостояния. Но несмотря на это, в 1958 г. было подписано Соглашение Лейси–Зарубина, затрагивающее широкий спектр культурных взаимодействий между странами: образовательные, научные, технические, спортивные обмены, сотрудничество в теле- и радиовещании, кинопроизводстве [1].

В качестве еще одного примера можно рассмотреть каирскую речь «Новое начало» Барака Обамы в 2009 г. Президент США пообещал создать фонд для поддержки развития технологий, открыть научные центры в Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, проводить научные обмены и расширять сотрудничество по искоренению полиомиелита. Эти меры должны были способствовать построению более крепких и позитивных отношений с этими странами.

Наука в дипломатии. Неотъемлемой частью любых переговоров, форумов и саммитов является наука. Она — основа любых взаимодействий в рамках решения проблем экологии и глобального потепления, регулирования испытаний атомного оружия и исследования космоса. Этот ряд можно бесконечно долго продолжать. Без ученых дипломаты не смогли бы прийти к Парижскому соглашению по климату или к Иранской ядерной сделке.

Все эти направления научной дипломатии тесно связаны, и рассматривать одно в отрыве от другого практически невозможно. Научные контакты укрепляют дипломатические отношения, а дипломатия в ответ позволяет облегчить научное взаимодействие.

США уделяют особое внимание научному сотрудничеству в построении отношений с другими государствами. Существует большое количество программ академического обмена, проводятся совместные исследования с зарубежными коллегами, многие национальные научно-исследовательские центры стали международными. США пытаются создать максимально подходящие условия для ученых. Это касается не только вопросов финансирования или наличия оборудования или лабораторий, важным аспектом являются визовые и миграционные вопросы. Дипломатия и наука тесно переплетены и существовать друг без друга не могут.

Государственный департамент США рассматривает науку как часть своей публичной дипломатии. Он спонсирует развитие инноваций и науки в целом, так как это способствует усилению экономического роста и достижению внешнеполитических целей США [2]. Существует даже ряд Бюро, ответственных за определенные научные направления. Так, например, есть Бюро, занимающееся вопросами освоения космоса. Согласно сайту Государственного департамента, данное подразделение отвечает за публичную дипломатию и дипломатию в целом для усиления американских позиций в космическом пространстве через научное сотрудничество. Данное направление дипломатии называется *Space Diplomacy*, что является неотъемлемой частью научной дипломатии в целом. Освоение космоса — это одна из тех сфер, где полноценные исследования невозможно проводить в одиночку. Даже во время «холодной войны» космос был тем местом, где советские и американские ученые могли работать вместе, несмотря на идеологическое противостояние двух стран. В качестве еще одного примера можно привести уже вышеупомянутую обсерваторию в Чили. Строительство столь мощных и дорогостоящих телескопов было бы невозможно без международного сотрудничества, в котором США тоже принимали участие.

В США существует крупнейшая научная международная организация — Американская ассоциация содействия развитию науки. Ее главная цель — продвижение науки, технологий и инноваций во всем мире на благо всего человечества. Она была основана в 1848 г., но тогда представляла собой национальное сообщество ученых в США. Сейчас же члены Ассоциации проживают в 91 стране по всему миру.

Итак, научная дипломатия США — это не новое явление. Данный инструмент публичной дипломатии использовался в контексте

различных политических курсов. Например, во времена «политики доброго соседа» по отношению к Бразилии.

В первой половине XX столетия развитию американо-бразильских отношений препятствовали нейтральная позиция Бразилии, которую она приняла с начала Второй мировой войны, немецкое влияние и существовавшие антиамериканские настроения среди элит. Они больше тяготели к европейским ценностям, что объяснялось опасениями перед американской экспансией и гегемонией и наличием тесных экономических, культурных и научных связей с европейскими странами. В Бразилии проживало много иммигрантов, в том числе из Италии и Германии.

Развить тесные отношения было невероятно важно именно в контексте Второй мировой войны, когда Латинская Америка стала входить в сферу интересов нацистов ввиду своей близости к США. Как уже было упомянуто, немецкое влияние в Бразилии было особенно сильным — Германия была крупным торговым партнером для этой страны, также там проживала крупная немецкая диаспора. Среди бразильских академиков и ученых коллеги из Германии тоже пользовались авторитетом. В таких условиях Штатам было необходимо сохранить свое господство на данном континенте, вытеснив оттуда Германию и ее союзников. Научная дипломатия — один из способов. Соединённые Штаты отлично это понимали и не пренебрегали им.

После вступления США в войну в 1942 г. Бразилия отказалась от своего нейтрального положения и разорвала отношения со странами Оси. Тогда же был заключен ряд соглашений между двумя странами, в частности Бразилия обязалась поставлять США стратегические материалы и открывала для американских военных свое северо-восточное побережье, а в ответ США отправляли военное оборудование, проводили учения и финансировали открытие первого сталелитейного завода в Бразилии. Помимо этого, начался культурный, научный и технологический обмен [3]. Значимым событием стал приезд известного кардиолога из Университета Мичиган Фрэнка Нормана Уилсона в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Этот визит дал новый толчок уже существующим научным и студенческим обменам. Отдел культурных связей Государственного департамента США начал финансовую поддержку данной деятельности. Специалисты из Латинской Америки стали приезжать в Мичиганский университет

к профессору Уилсону, что способствовало развитию кардиографии в Бразилии, у истоков которой стояли именно те люди, которые учились у Уилсона. Сотрудничество в, казалось бы, такой узкой сфере, как кардиография, тем не менее стало менять культурные отношения между двумя странами. Тесные научные связи поддерживаются между США и Бразилией и по сей день. Ученые обеих стран принимают участие в академических обменах, проводят совместные исследования и трудятся над общими проектами. На двухсторонней основе страны борются с такими заболеваниями, как ВИЧ/СПИД, рак, изучают болезни сердца, неврологию и биоинженерию. В частности, подобное сотрудничество происходит в рамках Национальных институтов здравоохранения США, которые являются частью Департамента здравоохранения США и отвечают за исследования в области медицины [4].

Еще одним кейсом является взаимодействие России и США в Арктике. Важность данного региона возрастает с каждым годом ввиду более быстрого потепления в этой части планеты, наличия больших запасов полезных ископаемых и появления выгодного Северного Морского пути. И Россия, и Соединённые Штаты, как и многие другие арктические и даже «при-арктические» страны, нередко выдвигают территориальные претензии на арктический шельф. Соединённые Штаты в своих официальных документах определяют ситуацию в Арктике как «стратегическое соперничество» (strategic competition), а главными соперниками, бросающими вызов американской безопасности и их национальным интересам, называют Россию и Китай [5]. В данном контексте жизненно необходимо снижать конфликтный потенциал. Научная дипломатия в Арктике смогла бы не только разрядить обстановку, но и способствовать лучшему пониманию процессов, происходящих в регионе вследствие глобального потепления. В Арктике происходит таяние ледников, что приводит к повышению уровня моря и еще большему нагреванию планеты, так как водный покров не обладает такими же отражающими способностями, как лед. Еще большие опасения вызывает деградация вечной мерзлоты, что особенно актуально для России, 60 % территории которой занимает криолитозона, а также для Канады и США. Таяние мерзлоты приводит к высвобождению огромного количества углекислого газа и метана, которые действуют разрушительно на атмосферу Земли. Помимо этого, в мерзлоте хранятся древние бактерии,

там же располагаются скотомогильники времен сибирской язвы. Еще одним вызовом является разрушение дорог, домов, инфраструктуры, промышленных объектов и нефтяных хранилищ. Так, в 2020 г. произошла крупная экологическая катастрофа из-за аварии на ТЭЦ-3 «Норникеля». По одной из версий, именно оттаивание мерзлоты привело к просадке опор фундамента под резервуаром с дизельным топливом. Всё это говорит о необходимости научного сотрудничества государств в данном регионе. В этой связи хорошим примером «науки для дипломатии» в Арктике является необходимость изучения океана и мониторинга его флоры и фауны для выработки соглашения по рыболовству в арктических водах. В настоящий момент из-за отсутствия данных и опасения «перелова» существует запрет на ловлю рыбы в открытых арктических водах. Данное соглашение было подписано в 2018 г. и будет автоматически продлеваться каждые пять лет до тех пор, пока учеными не будут проведены исследования и мониторинг территории, чтобы оценить рыбные запасы и доказать безопасность рыболовного промысла для окружающей среды [6].

Тезис о способности науки снизить конфликтный потенциал Арктики подтверждается исследованием М. Ю. Гутенева и Е. В. Бойко. Они проследили зависимость интенсификации конфликтных ситуаций и научного взаимодействия и пришли к выводам, что с увеличением количества научных контактов напряжение в регионе снижается, и наоборот [7]. Однако, к сожалению, в настоящее время научные контакты между США и Россией в Арктике довольно ограничены ввиду политических разногласий.

Подводя итог, можно сказать, что наука играет большую роль в дипломатии и внешнеполитических отношениях. Без научного сотрудничества невозможны были бы многие соглашения и договоры (например, Иранская ядерная сделка). Соединённые Штаты посредством научной дипломатии не только стимулируют развитие технологий, медицины и других сфер, но и продвигают свои идеи и формируют позитивный образ на мировой арене. Важность научной дипломатии заключается в сближении государств и снижении напряжения между ними, о чем свидетельствуют рассмотренные в данной статье примеры. Наука и международное сотрудничество позволяют решать глобальные проблемы более эффективно. Только совместными усилиями возможно справиться с климатическим кризисом или пандемией.

Литература

1. Сазанова Н. Российско-американские обменные программы: история и современность (1958–2005 годы) // Вестник ВолГУ. 2007. № 12. С. 5–10.
2. Science, Technology, and Innovation // U. S. Department of State <<https://www.state.gov/policy-issues/science-technology-and-innovation>>
3. Kropf S. War, Medicine, and Cultural Diplomacy in the Americas: Frank Wilson and Brazilian cardiology // Journal of the History of Medicine & Allied Sciences. 2017. Vol. 72, Issue 4. P. 422–447.
4. Collins hails US-Brazil science collaborations // Fogarty International Center <<https://www.fic.nih.gov/News/GlobalHealthMatters/may-june-2014/Pages/nih-brazil-collaborations.aspx>>
5. Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy // Office of the Under Secretary of Defense for Policy. June 2019 <<https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF>>
6. EU and Arctic partners enter historic agreement to prevent unregulated fishing in high seas // European Commission <https://ec.europa.eu/fisheries/eu-and-arctic-partners-enter-historic-agreement-prevent-unregulated-fishing-high-seas_en>
7. Gutenev M. Science diplomacy as a tool for reducing conflict in the Arctic // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2020.

Сорокина А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Вакцинная дипломатия как новая тенденция мировой политики

Глобальная пандемия COVID-19 заставила мировое сообщество направить все имеющиеся средства на преодоление распространения нового заболевания посредством создания эффективной вакцины и проведения всеобщей иммунизации населения по всему миру. Чтобы проследить закономерность между распространением COVID-19 и распределением имеющихся на данный момент вакцин, стоит обратиться к актуальной статистике. По состоянию на май 2021 г., по всему миру было зарегистрировано более 160 млн случаев заболевания COVID-19. Наибольшее количество случаев зарегистрировано в США, далее следуют Индия и Бразилия, относительно меньшее, но по-прежнему высокое число (по убыванию соответственно) — во Франции, Турции, России, Великобритании, Италии, Испании и Германии).

В середине мая 2021 г. количество полученных по всему миру доз существующих вакцин превысило 1,49 млрд, что, по подсчетам *The New York Times*, может приравняться к 19 дозам вакцины на каждые 100 человек населения Земли. Государствами с наибольшим количеством доз вакцин являются Китай, США и Индия, а также Европейский союз (в целом) [1].

Таким образом, можно проследить закономерность, что государства с наивысшим числом зарегистрированных случаев заболевания (за исключением Китая) являются крупнейшими потребителями вакцин. Тем не менее эти государства не являются лидерами по доле вакцинированного населения (под «вакцинированным» понимается гражданин, получивший минимум одну дозу вакцины). В этом отношении одну из лидирующих позиций занимает Израиль, где этот показатель составляет 60 % от общего количества населения. В наиболее затронутых пандемией государствах наблюдается следующая статистика: США — 48 %, Индия — 10 %, Бразилия — 17 %, Франция — 30 %, Турция — 18 %, Россия — 9,9 %, Великобритания — 55 %,

Италия — 32 %, Испания — 32 %, Германия — 37 % [2]. США, Великобритания и государства — члены ЕС на данный момент успешнее всего реализуют стратегию всеобщей иммунизации.

На данный момент в мире используются 12 вакцин. Самыми популярными вакцинами являются: Oxford-AstraZeneca, разработанная Оксфордским университетом совместно с компанией AstraZeneca (является, на данный момент, самой широко распространенной в мире и используется в 165 странах); второй по популярности является Pfizer-BioNTech, в разработке которой приняли участие немецкая биотехнологическая компания BioNTech, американская компания Pfizer и китайская компания Fosun Pharma (участие которой в основном не освещается по причине недоверия западных стран по отношению к Китаю) — эта вакцина используется в 101 стране; в 47 странах мира используется вакцина под названием Moderna, разработанная одноименной американской компанией. Далее следуют вакцины: китайская Sinopharm-Beijing, которую применяют в 46 государствах; «Спутник V» — российская вакцина, разработанная Национальным исследовательским центром эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи и 48-м Центральным научно-исследовательским институтом Минобороны России, — ее применяют в 38 государствах; CoronaVac, разработанная китайской компанией Sinovac и использующая в 27 государствах; вакцина американской фармкомпании Johnson&Johnson, допущенная к использованию в 20 странах. Наименее популярными являются следующие вакцины: индийская Covaxin от компании Bharat Biotech — применяется в 5 государствах, китайская Sinopharm-Wuhan — используется в 2 государствах; Convidecia китайской компании CanSino — также в 2 государствах; «ЭпиВакКорона», разработанная российским научным центром вирусологии и биотехнологии «Вектор» и применяемая в двух государствах; а также разработанная и применяемая на Кубе вакцина под названием Abdala. Однако не все вакцины были одобрены ВОЗ — для экстренного использования ВОЗ авторизовала только пять вакцин из вышеперечисленных. К ним относятся: Pfizer-BioNTech, Oxford-AstraZeneca, Johnson&Johnson, Moderna, Sinopharm-Beijing. Российская вакцина «Спутник V» в этот список пока что включена не была.

Анализируя карту распространения вакцин, можно условно разделить их на три группы: вакцины западного производства, исполь-

зубые преимущественно в США, европейских государствах, а также в Канаде, некоторых странах Латинской Америки и Африки (Pfizer-BioNTech, Moderna, Johnson&Johnson); вакцины китайского производства (Sinopharm-Beijing, CoronaVac, Sinopharm-Wuhan, Convidecia), которые, помимо Китая, были одобрены для применения в некоторых государствах Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, а также в Индии и странах Юго-Восточной Азии; единственные используемые в России вакцины российского производства («Спутник V», «ЭпиВакКорона»), которые также частично применяются в государствах Африки, Латинской Америки и на Ближнем Востоке. Отдельно стоит назвать вакцину Oxford-AstraZeneca, которая была допущена к использованию в 165 государствах. Однако назвать ее глобальной не представляется возможным — она не применяется ни в США, ни в России, ни в Китае. Примечательно, что на данный момент ни одна вакцина не используется во всех трех или хотя бы двух государствах одновременно. Этот факт говорит о стремлении каждого из вышеупомянутых государств занять лидирующую позицию на мировой арене в области здравоохранения посредством распространения вакцины национального производства.

Стоит обратить особое внимание на сотрудничество государств в области распространения вакцины и выявить, в каких государствах используются препараты западного, китайского и российского производства. В США на данный момент используются 3 вакцины: Pfizer-BioNTech, Moderna и Johnson&Johnson. В США также производится наиболее распространенная по всему миру вакцина — Oxford-AstraZeneca, — однако примечательным является то, что для американского населения она не применяется, поскольку в США не были завершены ее клинические испытания и она не была авторизована американским регулятором — Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов [3]. В соответствии с этим обстоятельством администрацией президента Дж. Байдена было принято решение направить неприменяемые вакцины в соседние государства — Канаду и Мексику, — где Oxford-AstraZeneca авторизована для медицинского применения. Это стало первым случаем прямой поставки вакцины из США в другие страны. Вакцинная дипломатия США ограничивается лишь этим событием по причине того, что администрация экс-президента США Д. Трампа подписала контракты с рядом американских производителей вакцин, запре-

чающих использование препаратов, произведенных в США, за пределами страны.

Для применения на территории Европейского союза Европейским агентством лекарственных средств (англ. European Medicines Agency) были авторизованы четыре вакцины: Oxford-AstraZeneca, Pfizer-BioNTech, Moderna и Johnson&Johnson. 21 декабря 2020 г. Pfizer-BioNTech стала первой авторизованной на территории ЕС вакциной, затем 6 января 2021 г. было заключено соглашение о закупке вакцины Moderna, 29 января 2021 г. Европейская Комиссия одобрила применение вакцины Oxford-AstraZeneca. Согласно договорам, заключенным со этими компаниями, государства-члены имеют возможность пожертвовать вакцину странам с низким и средним уровнем дохода или перенаправить ее в другие европейские страны. 11 марта 2021 г. четвертой авторизованной в ЕС вакциной стала Johnson&Johnson.

На рассмотрении в Европейском агентстве лекарственных средств находится российская вакцина «Спутник V» [4]. Однако ЕС всё еще скептически настроен по отношению к закупкам российской вакцины: 17 февраля 2021 г. президент Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен сделала заявление о том, что предложение России о поставках миллионов доз вакцины «Спутник V» вызывает вопросы, поскольку процент вакцинации является достаточно низким внутри самой страны. Это заявление представляется логичным, поскольку доля вакцинированного населения в России составляла всего 9,9 % [2]. Тем не менее не все государства — члены ЕС выразили скептицизм по отношению к российской вакцине. В январе 2021 г. Венгрия стала первым государством в ЕС, подписавшим соглашение о поставках вакцины «Спутник V». За Венгрией в марте 2021 г. последовала Словакия, закупившая 2 млн доз «Спутника V» для вакцинации своего населения. В Италии также велись переговоры о начале производства вышеупомянутой вакцины на базе самого большого в стране биореактора по производству вакцин ReiThera, расположенного вблизи Рима. Сообщается, что Италия произведет 10 млн доз вакцины «Спутник V» в 2021 г. В марте 2021 г. глава итальянского региона Кампания заявил о подписании соглашения о закупке «Спутника V», однако сделка вступит в силу только когда использование этой вакцины будет одобрено европейским и итальянским регуляторами (ЕМА и AIFA соответственно). В ответ на это заявление предсе-

датель Совета министров Италии Марио Драги прокомментировал, что «был бы осторожен с подписанием таких контрактов» [5].

Переговоры о закупке вакцины «Спутник V», помимо вышеупомянутых стран, ведет и Австрия. В феврале и марте 2021 г. федеральный канцлер Австрии Себастьян Курц провел ряд телефонных звонков и видеоконференций с президентом РФ Владимиром Путиным, а также с генеральным директором Российского фонда прямых инвестиций, занимающегося продвижением российской вакцины за рубежом. Причиной ориентации Австрии на «Спутник V» послужило недовольство процедурой распределения вакцин внутри ЕС. Австрийский канцлер считает, что вакцины распределяются неравномерно и несправедливо, отчего государства испытывают нехватку препаратов для вакцинации собственного населения. Однако канцлер утверждает, что геополитический контекст неуместен в вопросах глобального здравоохранения, он заявил, что «единственное, что имеет значение, — это то, насколько эффективна и безопасна вакцина, а не то, откуда она взята» [6].

Германия и Франция также допускают возможность использования «Спутника V» для реализации программ иммунизации своего населения. В конце марта 2021 г. между лидерами трех государств — России, Франции и Германии — состоялась телеконференция, главной темой которой было обсуждение применения российской вакцины в этих государствах. И хотя никаких конкретных договоренностей по поводу закупок вакцины достигнуто не было, федеральный канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Эммануэль Макрон не исключили возможность вакцинации населения «Спутником V», при условии, что она будет одобрена Европейским агентством лекарственных средств. Если Агентство действительно авторизует использование вакцины «Спутник V», это станет настоящим дипломатическим успехом России и шагом к нормализации политических и экономических отношений, сильно ухудшившихся после аннексии Крыма и введения санкций в 2014 г. Однако существуют опасения, что за российским стремлением к нормализации отношений может скрываться намерение обрести рычаг влияния для лоббирования собственных интересов на международной арене. Министр иностранных дел Франции Жан-Ив Ле Дриан высказался о российской вакцинной дипломатии следующим образом: «... [вакцина «Спутник V»] — это больше средство пропаганды и агрессив-

ной дипломатии, нежели средство солидарности и медицинской помощи» [7]. Европейский союз не намерен вступать в зависимость от России ни в вопросах здравоохранения, ни в каких-либо иных. С другой стороны, существует риск того, что внутри ЕС начнутся противоречия между государствами, не допускающими никакого сотрудничества с Россией, и государствами, считающими такое сотрудничество допустимым.

Помимо членов ЕС, российская вакцина «Спутник V» используется в ряде государств по всему миру. Среди государств, импортируемых или производящих вакцину на своей территории, присутствуют страны СНГ — Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан; Балканские страны — Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, а также традиционный союзник России на Ближнем Востоке — Иран. «Спутник V» был также экспортирован в Бразилию и Индию, которые являются партнерами России по объединению БРИКС. Помимо этого, оба государства будут производить вакцину на своей территории. Российская вакцина также поставляется в Латинскую Америку и на север Африканского континента. Коммерческое производство «Спутника V» с целью его поставки в другие страны будет начато в Китае и в Южной Корее. Таким образом, можно подытожить, что большинство стран, импортировавших российскую вакцину или намеревающихся наладить ее производство на своей территории, являются стратегическими партнерами России на мировой арене, поэтому сотрудничество с ними в сфере здравоохранения представляется логичным в контексте существующих политико-экономических связей.

Что касается вакцин китайского производства, то в Европе они практически не используются по причине их восприятия как инструмента пропаганды. Шарль Мишель, председатель Европейского Совета, в шестом выпуске своего информационного бюллетеня, информирующего граждан о деятельности Европейского Совета, отметил, что ЕС «не должен позволить Китаю и России, государствам с менее предпочтительными ценностями, ввести себя в заблуждение своими ограниченными, но широко освещаемыми поставками вакцин другим государствам» [8]. Единственным государством — членом ЕС, заключившим договор с китайской компанией Sinopharm, является Венгрия, которая также закупила и российскую вакцину «Спутник V». Венгерский премьер-министр Виктор Орбан объяс-

нил это следующим образом: «Если вакцины не поступают из Брюсселя, мы должны получить их откуда-либо еще». Орбан утверждает, что ЕС слишком медлителен в вопросах распределения вакцин, а это стоит государством жизней их граждан.

Китайские вакцины также закупили и европейские государства, не входящие в состав ЕС. Наряду с вакцинами Pfizer-BioNTech и «Спутник V» китайский препарат Sinopharm-Beijing закупила Сербия, чьему примеру последовали и другие государства Балканского полуострова — Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Хорватия. Для балканских государств покупка китайской вакцины — это возможность защитить свое население и противодействовать пандемии, а для Китая — шанс укрепить свою репутацию и продолжить свою кампанию по замене Запада как основы международного сотрудничества. Балканские государства не получают поддержки от ЕС, несмотря на то что многие из них имеют статус кандидата на вступление в объединение или входят в официальную программу расширения. Таким образом, эти государства вынуждены ориентироваться на восток — прежде всего Россию и Китай, для которых Балканский регион имеет стратегическое значение и которые посредством поставок вакцин собственного производства стремятся утвердить свое влияние в этом регионе.

Стратегически важным регионом для Китая является Африканский континент. Китай является для Африки главным торговым партнером, крупнейшим экспортером и импортером. Объем торговли между Китаем и Африкой составил \$192 млрд в 2019 г. К тому же Китай активно инвестирует в проекты на территории континента: в 2019 г. размер китайских инвестиций в регионе составил \$2,7 млрд. Китай закрепляет свое присутствие в этом регионе в том числе и с помощью инструментов мягкой силы. Например, Африканский континент насчитывает 54 института Конфуция и 27 классов Конфуция в 41 государстве Африки, которые способствуют распространению и популяризации китайского языка и культуры по всему миру. На данный момент в 16 африканских государствах используется китайская вакцина Sinopharm-Beijing, еще в пяти — вакцина китайской компании Sinovac. Эти цифры не превосходят распространение в Африке вакцины Oxford-AstraZeneca, но тем не менее формируют статус Китая как влиятельного игрока на континенте, делая здравоохранение еще одной сферой китайского воз-

действия, а вакцину — еще одним инструментом для реализации этого воздействия.

Китайские препараты широко применяются в странах АСЕАН (Таиланде, Индонезии и Малайзии) и Латинской Америки. Стоит отметить, что многие государства являются партнерами Китая в рамках инициативы «Один пояс и один путь», что тоже служит основанием для оказания им поддержки в кризисы, вызванном пандемией COVID-19. Китайская вакцинная дипломатия является политическим инструментом, с помощью которого Китай намерен вытеснить своего главного конкурента в вышеупомянутых регионах — США — и занять позицию лидера в кризисе, вызванном пандемией, и вопросах глобального здравоохранения, а затем и расширить свое влияние на остальные сферы, прежде всего на экономику. Китайская стратегия может оказаться успешной по причине того, что Китай демонстрирует свою приверженность курсу на глобальную солидарность, которая провозглашалась как главный принцип общемировой кооперации в борьбе с распространением COVID-19 на всех международных форумах со времени начала пандемии. Усилия Китая контрастируют со стремлением как США, так и ЕС в первую очередь решить собственные проблемы, не оказывая поддержки другим государствам.

Тем не менее масштабное применение российских и китайских вакцин вовсе не означает стремление государств-потребителей установить союзнические отношения с Россией и Китаем. Результаты опроса общественного мнения показывают, что ни Китай, ни Россия не пользуются безусловным доверием в большинстве государств мира. В опросе приняли участие 19 тыс. человек из 17 стран по всему миру (Индии, Мексики, Индонезии, ОАЭ, Сингапура, Испании, Гонконга, Китая, Австралии, Италии, Великобритании, США, Дании, Польши, Швеции, Франции, Германии), выразив свое мнение касательно доверия вакцинам, которые были бы произведены при участии 12 государств (Германии, Канады, Великобритании, Австралии, Франции, США, Сингапура, Южной Кореи, России, Индии, Китая, Ирана). Наибольшим доверием пользовалась бы вакцина, произведенная в Германии, — положительное отношение к немецкой вакцине наблюдается среди всех респондентов. США, как производитель вакцины, находится в рейтинге доверия на шестом месте — отрицательная динамика наблюдается в Китае, уровень доверия к вакцине американского производства также низок в Великобритании, Фран-

ции и Германии. Россия в этом рейтинге занимает девятое место — российской вакцине доверяют в Индии, Мексике, Индонезии, ОАЭ и Китае, однако в США, Австралии и странах Европы доверие к вакцине российского производства отсутствует. Китай занял в рейтинге предпоследнюю строчку, обойдя по результатам только Иран: наибольшим доверием китайские препараты пользуются в самом Китае; низкий, но всё же положительный уровень доверия к китайской вакцине зафиксирован в Мексике и Индонезии (где китайские препараты активно применяются), однако во всех остальных государствах, население которых приняло участие в опросе, наблюдается весьма низкий уровень доверия, свидетельствующий о том, что многие респонденты не готовы прививаться препаратом китайского производства [9].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что некоторые государства, отдающие предпочтение российским и китайским препаратам, принимают такого рода решения, руководствуясь не политическими мотивами, а стремлением как можно скорее справиться с распространением пандемии любыми способами. Вероятно, если бы западные препараты были более широко доступными не только для европейских государств, но и для всего мира, и Китаю, и России пришлось бы приложить гораздо больше усилий для повышения привлекательности своих вакцин и, как следствие, повышения доверия к своим государствам. Однако во время пандемии COVID-19 наблюдается определенный вакуум в сфере мирового лидерства, поэтому оба государства стремятся занять решающую роль в разрешении мирового кризиса, используя вакцинную дипломатию как один из главных инструментов в наиболее востребованной на данный момент сфере.

Литература

1. Number of COVID-19 vaccine doses administered worldwide as of May 16, 2021, by country. // Statista, 17 May 2021. <<https://www.statista.com/statistics/1194934/number-of-covid-vaccine-doses-administered-by-county-worldwide>>
2. Tracking Coronavirus Vaccinations Around the World // The New York Times, 17 May 2021.
3. The U.S. Is Sitting on Tens of Millions of Vaccine Doses the World Needs // The New York Times, 11 March 2021.
4. EMA starts rolling review of the Sputnik V COVID-19 vaccine // European Medicines Agency, 4 March 2021. <<https://www.ema.europa.eu/en/news/ema-starts-rolling-review-sputnik-v-covid-19-vaccine>>

5. Amante, A. Italy's Campania region signs deal to buy Russia's Sputnik V vaccine // Reuters, 26 March 2021.
6. Österreich verhandelt mit Russland über eine Million Sputnik-Dosen // Wiener Zeitung, 30.03.2021.
7. France accuses Russia of using vaccine as 'propaganda, aggressive diplomacy' tool // Alarabiya News, 26 March 2021.
8. Impatience with vaccinations is legitimate, but should not blind us,» warns President Michel // European Council, 9 March 2021. <<https://www.consilium.europa.eu/en/european-council/president/news/2021/03/09/20210309-pec-newsletter-6-vaccines>>
9. How much difference does it make to people where a COVID vaccine was developed? // YouGov, 15 January 2021. <<https://yougov.co.uk/topics/health/articles-reports/2021/01/15/how-much-difference-does-it-make-people-where-covi>>

Костина В.

Санкт-Петербургский государственный университет

Роль экологии в публичной дипломатии США

В настоящее время вопросы и проблемы экологии волнуют всех, так как от этого зависит будущее всего человечества. На государственном и мировом уровне проходят различные саммиты, встречи и конференции, на которых предлагаются наиболее эффективные методы решения современных экологических проблем.

Первая в мире конференция по проблемам окружающей среды и экологии (Конференция Организации Объединённых Наций по проблемам окружающей человека среды) состоялась в 1972 г. в столице Швеции. Таким образом начался процесс интенсивной экологизации международных отношений и национальных политик [1]. Государства стали создавать министерства и специальные ведомства по экологическим вопросам. На международном уровне, соответственно, проблемы окружающей среды стали обсуждаться чаще. Также завершает свое формирование новое, экологическое измерение дипломатии (*environmental diplomacy*) [2].

Чтобы понять сам процесс «озеленения дипломатии», необходимо дать определение термину «зеленая дипломатия». Сегодня не существует точного определения этого термина, потому рассмотрим некоторые из них. По мнению преподавателя СПбГУ Н. М. Боголюбовой, «зеленую дипломатию» можно охарактеризовать как деятельность государств по осуществлению своих внешних связей, связанных с проблематикой экологии, устойчивого развития и природоохранной деятельностью. Как правило, она заключается в подписании двусторонних и многосторонних экологических соглашений, организаций и проведении экологических мероприятий международного уровня, участии в международных экологических проектах и программах и др. формах. В целом, «зеленая» или «экологическая» дипломатия включает многообразную деятельность по взаимодействию с зарубежными странами и международными организациями в сфере экологии и устойчивого развития. При правильном осуществлении она может стать эффективным инструментом для расшире-

ния международных связей государства и построения его привлекательного внешнего имиджа, а в некоторых случаях — стать брендом этого государства, его сильным конкурентным преимуществом [3].

Другая российская ученая, Т. В. Колпакова, считает, что экологическая дипломатия является значимым инструментом реализации международного механизма охраны окружающей среды. Таким образом, «экологическая дипломатия — это различного рода деятельность, осуществляемая субъектами международных отношений посредством переговоров и других мирных способов для регулирования международных отношений по охране окружающей среды» [4].

Что касается определений в зарубежной литературе, то сложно найти четко сформулированное определение «зеленой дипломатии», несмотря на то что Запад активно использует методы такого рода дипломатии. Одна из западных исследовательниц, Д. Макинтайр, считает, что это «практика ведения международных отношений с помощью способствования и продвижения общего обязательства по сохранению природных ресурсов посредством устойчивого функционирования и ответственного управления охраной окружающей среды» [5]. Другой западный исследователь К. Вайнбер дает следующее определение «зеленой дипломатии»: это «переговоры, проводимые во время конференций, в большинстве случаев организованных и поддерживаемых ООН и заканчивающихся подписанием деклараций, договоров и соглашений, которые были заключены и подписаны по окончании этих международных мероприятий» [6].

Сегодня методы «зеленой дипломатии» используют многие страны, в том числе и США. В 2009 г. Государственный секретарь Хилари Клинтон, занимавшая этот пост в то время, по случаю празднования Дня Земли выступила с инициативой «озеленения дипломатии» Соединённых Штатов. Смысл данной инициативы заключается в том, чтобы поощрять дипломатических работников и сотрудников Госдепартамента США к разнообразным действиям, направленным на улучшение экологической обстановки. Девизом инициативы стало «Быть лидером, показывая пример — сохраняя Землю через дипломатию» (Leading by example — Keeping the Earth in diplomacy) [7]. Таким образом, Госдепартамент под руководством Х. Клинтон пытался продемонстрировать всему миру готовность Америки выступить в роли мирового лидера в борьбе за сохранение окружающей среды Земли и «начать с себя» процесс трансформации в общество,

основанное на принципах устойчивого развития. Дополнительным мотивом принятия GDI видится стремление первой администрации Б. Обамы улучшить международный имидж США как одного из глобальных лидеров устойчивого развития, в свое время серьезно подпорченный отказом Конгресса ратифицировать Киотский протокол [1].

22 апреля 2009 г. Департамент официально учредил Инициативу по экологической дипломатии (GDI). Также был учрежден Совет по экологизации (Greening Council). Совет поддерживается и возглавляется Исполнительным секретариатом в Офисе стратегии управления и решений (Executive Secretariat in the Office of Management Strategy and Solutions). В основе экологической инициативы лежит концепция *экодипломатии* — термин, придуманный Департаментом для отражения важности использования возможностей и операций Департамента в качестве стратегической платформы для продвижения сохранения природных ресурсов и подчеркивания технологических и политических успехов США в области окружающей среды [8]. Исполнительный секретариат Совета по экологизации (GC-ES) сотрудничает с внутренними и внешними заинтересованными сторонами, в том числе с правительствами, научными кругами и частным сектором, для содействия дипломатической миссии Департамента. Следует отметить, что вопросы экологии стали волновать Государственный департамент и правительство США несколько ранее. В 2007 г. посол США в Швеции Майкл Вуд инициировал Лигу зеленых посольств, чтобы делиться возможностями и успехами, связанными с сохранением природных ресурсов, в дипломатических миссиях США по всему миру.

Для того чтобы присоединиться к Лиге, главы миссий в дипломатических представительствах США подписывают обязательство поддерживать энергоэффективность, возобновляемые источники энергии и сбережение воды, а также бережно относиться к окружающей среде. Они также обязуются поддерживать инициативу «Зеленой дипломатии» и демонстрировать американские инновации в политике, технологиях и решениях. Посольства-члены формируют Зеленые команды — добровольные группы сотрудников для координации деятельности как в посольстве или консульстве, так и в принимающем сообществе [9]. Очевидно, что основная идея Лиги зеленых посольств в том, чтобы демонстрировать благоприятный образ

Америки; то, как серьезно государство относится к проблемам экологии, стремится привлечь к их решению другие страны, и тем самым выглядеть лидером этого направления.

В 2009 г. в Вашингтоне начал свою деятельность Форум Эко-столиц (Eco-Capitals Forum (ECF)). На сайте Государственного департамента сказано, что это платформа для посольств, местных властей, министерства иностранных дел и других организаций для сотрудничества и обмена опытом устойчивого развития и прагматических решений экологических проблем. Сегодня отделения ECF открыты в четырех городах мира: Вашингтоне, Бангкоке, Риме и Париже. Очевидно, что в Вашингтоне подошли серьезно к имиджу Америки в роли инициатора «зеленой дипломатии». В 2016 г., например, когда отделение форума было создано в Бангкоке, губернатор города и столичная администрация организовали мероприятие, а посол США в Таиланде Глин Т. Дэвис выступил с речью. Около 20 посольств и дипломатических учреждений подписали обязательство сотрудничать, чтобы сделать Бангкок устойчивым городом [9]. Следует отметить, что первые два года Форум проходил под председательством Посольства США, а в настоящее время — под председательством Посольства Австралии. Несмотря на неплохой размах экологической инициативы, Соединённые Штаты предпочитают не слишком громко заявлять на весь мир о проблемах экологии и путях их решения, т.е. не ставят это первостепенной задачей своей политики, хотя заявляют о важности этой тематики. Кажется, что возникает некое противоречие: с одной стороны, США учреждают ведомства, специальные платформы для продвижения «зеленой дипломатии», а с другой — не сильно стараются их пиарить на весь мир. Страницы в социальных сетях, посвященные вопросам экологии, не имеют большого количества подписчиков, репостов и в целом хорошей активности. Это говорит о том, что США предпочитают медленно и последовательно «действовать изнутри», т.е. больше сотрудничать с посольствами, ведомствами, гражданами других государств, преследуя долгосрочные перспективы развития публичной дипломатии и построения положительного образа Америки.

В странах бывшего СССР публичная экодипломатия США активно продвигалась в странах Центральной Азии. Например, посольство США в Таджикистане с самого начала действия GDI приступило к внедрению ресурсосберегающих технологий и популярно-

зации возобновляемых источников энергии среди населения. Эти акции активно освещались американскими и местными средствами массовой информации. В ноябре 2009 г. в Душанбе при участии посла США в Таджикистане Кеннета И. Гросса и одного из ведущих американских экспертов по Центральной Азии Марты Брилл Олкотт (Фонд Карнеги) была организована крупная международная конференция по возобновляемым источникам энергии [10]. Особое внимание уделялось взаимодействию дипломатов с правительственными учреждениями и силовыми структурами республики. В частности, получили освещение проекты реконструкции пограничных застав с использованием энергоэффективных пенопластовых стеновых панелей и солнечных батарей, переданных таджикской стороне в качестве спонсорской помощи от американских коллег из отдела международной борьбы с наркотиками. «Голос Америки» отмечал, что опыт реализации координируемых США проектов по повышению энергоэффективности и развитию экологически чистых технологий должен быть использован не только в Таджикистане, но и по всему региону, поскольку страны Центральной Азии имеют огромный потенциал в использовании солнечной энергии, энергии ветра, биогазов и малых гидроэлектростанций. В Киргизии посольство США в Бишкеке получило сертификат по системе LEED®, а посольство США в Ашхабаде (Туркменистан) вошло в «Лигу зеленых посольств» [11].

Необходимо сказать о том, что с приходом в 2013 г. Джона Керри на должность Государственного секретаря курс на «озеленение дипломатии» продолжился. Все дипломатические представительства США за рубежом должны были следовать тщательно разработанным методическим рекомендациям по переходу на принципы энергосбережения и устойчивого развития. Наиболее продвинувшиеся по этому пути миссии объединились в «Лигу зеленых посольств» — сетевое сообщество или клуб во главе с посольством США в Хельсинки, в 2015 г. насчитывавший 116 американских представительств по всему миру [12].

На официальном сайте Государственного департамента США достаточно подробно рассказывается об успешности проводимой Департаментом политики в области экологии по линии посольств. Так, ежегодно 22 апреля в День Земли вручается награда «Инициатива экологической дипломатии» (GDI), в которой отмечаются посольства и консульства США, которые приложили исключительные уси-

лия для обеспечения устойчивости [9]. В 2019 г. тремя победителями стали: посольство США в Канберре, посольство США в Панаме и посольство США в Уагадугу. В Канберре, например, инициативы посольства позволили избежать затрат Государственного департамента и привели к прочному партнерству с местными организациями. В сотрудничестве с Бюро эксплуатации зарубежных зданий посольство установило солнечную батарею, которая снизила потребление энергии из сети на 45 000 киловатт-часов в год. Солнечная энергия также обеспечивает горячую воду для государственной собственности и обеспечивает ежегодную экономию 18 000 долларов на коммунальных расходах [13]. Это один из многих примеров успешности американской «зеленой» дипломатии, который иллюстрирует серьезный настрой США в развитии и популяризации «Лиги зеленых посольств» и, в целом, публичной дипломатии.

Историческое значение «зеленых» инициатив США состоит в том, что они представляют собой интересный, эффективный и, несомненно, достойный подражания прецедент использования экологической тематики в дипломатической практике [1]. Да, процесс формирования экологической повестки в американской политике еще не до конца завершен, и, несмотря на некоторую критику в плане того, что Америка является крупнейшим в мире источником выбросов углекислого газа в атмосферу, США продолжают активно проводить пиар-кампании своих инициатив.

3 сентября 2016 г. США подписали Парижское оглашение по климату [13]. Следует отметить, что участие США в этом соглашении во многом зависело от партийной принадлежности американской правящей элиты.

По Парижскому соглашению США обязались достичь сокращения выбросов парниковых газов на 26–28 % к 2025 г. по сравнению с уровнем 2005 г. [14], а также выделить \$3 млрд в Зеленый климатический фонд, созданный для содействия развивающимся странам в достижении целей Парижского соглашения. Барак Обама призвал сохранить участие США в Парижском соглашении по климату после выполнения всех обязательств, поскольку следующие поколения могут наблюдать значительные климатические изменения из-за глобального потепления, и также заявил, что США следует укрепить позиции мирового лидера по борьбе с изменениями климата [15]. Очевидно, что американский лидер видел очень выгодные перспективы

для США в этом соглашении, одна из которых — поддержание положительного образа Америки в этом направлении. Необходимо также сказать, что за подписание вступление в Парижское соглашение выступала крупная часть американского бизнеса, потому что многие крупные компании стремятся перейти к экологически чистому производству.

С приходом к власти администрации Дональда Трампа многое изменилось в приоритетах американской политики. В июне 2017 г. республиканец Трамп объявил о выходе США из Парижского соглашения, мотивируя это тем, что оно «вводит излишние ограничения, которые привели бы к банкротству американских компаний». По оценкам его администрации, из-за новых ограничений к 2025 г. в США могут сократить 2,7 млн рабочих мест, а к 2040 г. потери для экономики могут составить \$3 трлн [16]. Дональд Трамп, как известно, не придавал проблемам экологии большое значение, так как не признавал влияние антропогенного фактора на изменение климата.

Джо Байден и его команда в ходе предвыборной кампании неоднократно заявляли о том, что одним из первых действий их администрации будет возвращение Америки в Парижское соглашение. После победы на президентских выборах Джо Байден принялся исполнять свои обещания. После инаугурации Байден подписал указ, который обязывал администрацию вновь присоединить США к Парижскому соглашению. Полноправным членом соглашения страна стала 19 февраля 2021 г. Генеральный секретарь Антонио Гутерриш заявил: «Я тепло приветствую решение президента Байдена вновь вступить в Парижское соглашение по климату и присоединиться к растущей коалиции правительств, городов, государств, предприятий и людей, борющихся с климатическим кризисом» [17]. К словам генсека присоединились и лидеры многих государств, которые тоже поддержали действия США.

Более того, Байден провозгласил общегосударственный подход к тому, чтобы поставить изменение климата в центр внутренней, национальной безопасности и внешней политики США. Тем самым климатической повестке дан сверхвысокий статус и приоритет над остальными направлениями деятельности администрации США [18]. 27 января 2021 г. учреждено Управление внутренней климатической политики (Climate Policy Office) при Администрации Пре-

зидента, а 27 января объявлено «Днем климата в Белом доме», так как Байден обещал превзойти предыдущие администрации демократов в области экологии. В подписанном Байденом 27 января 2021 г. Исполнительном указе (Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad) напрямую говорится о «международном лидерстве Соединённых Штатов, направленном на значительное усиление глобальных действий» [19]. Тем же указом предусматривается, что все американские учреждения, участвующие в различных видах международной деятельности, разрабатывают стратегии и планы, чтобы включить климатические темы в свою работу. Разработка ведется в координации со Специальным посланником президента по климату; планы и стратегии представляются президенту через помощника президента по вопросам национальной безопасности.

Таким образом, существуют серьезные предпосылки активных действий Америки в рамках «климатической» дипломатии. Безусловно, это касается не только сотрудничества с другими странами по решению общих экологических проблем, но и публичной дипломатии США. Здесь необходимо отметить саммит по климату, инициированный американской стороной, который прошёл 22–23 апреля 2021 г. в виртуальном формате и на который были приглашены лидеры 40 стран. 22 апреля — не только День Земли, но и день, когда в 2009 г. впервые прозвучала инициатива Госдепартамента по «озеленению дипломатии» США, потому определенный посыл в этом есть. Несмотря на то что быть «мировым климатическим лидером» для США непростая задача, Америка продолжит активно вещать о своем превосходстве, тем более что цель внешнеполитической пропаганды по климатической тематике в указе Байдена уже поставлена.

Литература

1. *Фоминых А. Е.* Экологизация публичной дипломатии США // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2016. № 1. С. 110–120.
2. *Carroll J. E.* Environmental iplomacy: an examination and a prospective of Canadian-U.S. Transboundary environmental relations. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1983.
3. *Боголюбова Н. М.* Феномен «зеленой дипломатии»: международный опыт // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2014. № 36. С. 189–198.
4. *Колтакова Т. В.* Китайская «экологическая дипломатия» и формирование международного механизма охраны окружающей среды // Известия Рос-

- сийского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010/ № 123. С. 68–73.
5. *Mcintire D.* Eco-Diplomacy: Building the Foundation // *The Foreign Service Journal*. 2014 <<http://www.afsa.org/eco-diplomacy-building-foundation>>
 6. *Weinber C.* From Environmental Diplomacy to Environmentally Sound Diplomacy // Conference report «Environment diplomacy». 1998. P. 25–30.
 7. U.S. Department of State. Greening Council Charter. Rev. January 2013 <<http://www.flipsnack.com/957F996BDC9/fc9aos89.html>>.
 8. U.S. Department of State <<https://www.state.gov/sustainability-at-the-u-s-department-of-state>>
 9. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/communications-outreach-and-partnerships/#eco-capitals>
 10. Возобновляемая энергия в Центральной Азии: создание экономической устойчивости для решения социально-экономических проблем. 10 ноября 2009 г. Душанбе, Таджикистан // Московский Центр Карнеги <http://carnegieendowment.org/files/Conference_Agenda%20Rus.pdf>
 11. «Зеленая дипломатия»: еще один шаг <<http://www.agroru.com/news/699249.htm>>
 12. League of Green Embassies. URL: <https://leagueofgreenembassies.state.gov>
 13. U.S. Leadership and the Historic Paris Agreement to Combat Climate Change // The White House. <<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press->>
 14. NDC Registry. U.S.A. first NDC submission. September 3, 2016 <<https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/pages/Party.aspx?party=USA>>
 15. Обама призвал сохранить Парижское соглашение во имя будущих поколений. // РИА новости. 11 января 2017 <<https://ria.ru/20170111/1485456891.html>>
 16. История и основные положения Парижского соглашения по климату <<https://tass.ru/info/9913445>>
 17. Генсек ООН приветствует решение США вернуться в Парижское соглашение по климату <<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10510335>>
 18. *Рогинко С. А.* «Климатический кабинет» Байдена и Парижское соглашение // Научно-аналитический вестник института Европы РАН. 2021. №1. С. 7–16.
 19. Executive Order on Tackling the Climate Crisis at Home and Abroad // The White House. 27.01.2021 <<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/executive-order-on-tackling-the-climate-crisis-at-home-and-abroad>>

Зацена Е.

Санкт-Петербургский государственный университет

Молодежь России в публичной дипломатии США

Публичная дипломатия является вспомогательным инструментом, который используют государства для решения внешнеполитических задач и продвижения своих национальных интересов в мире. Американская публичная дипломатия является частью внешней политики и включает в себя такие инструменты воздействия на зарубежную аудиторию, как образовательные обмены, программы в области культуры и спорта, пропаганду, а также цифровую дипломатию, предполагающую реализацию программ в интернет-пространстве. Соединённые Штаты с давних пор преследуют цель создания в зарубежных странах лояльных социальных групп, способных продвигать американские ценности в благоприятном контексте. За несколько десятилетий XX в. механизм публичной дипломатии США показал свою эффективность: в 1940–1950 гг. была сформирована новая политическая элита в Японии; созданы программы для талантливых ученых в странах Восточной Европы во второй половине XX в. и другие проекты. Успешное формирование проамериканской политической «прослойки» на Украине и в Грузии во многом повлияло на дальнейшее развитие механизма публичной дипломатии США, так как большинство образовательных программ на постсоветском пространстве перестали восприниматься молодежью. Перед американским правительством остро стал вопрос по созданию новых направлений публичной дипломатии, отвечающих запросам современной целевой аудитории. Главной задачей создаваемых для молодежи возможностей стало выявление молодых граждан с лидерским потенциалом, который может быть полезен как для родной страны, так и для Америки. Наиболее интересный опыт представляет трансформация молодежных проектов публичной дипломатии США для российской молодежи. В данной статье будет рассмотрены образовательные и цифровые проекты, созданные для молодежи России.

Публичная дипломатия США неоднократно обсуждалась в отечественной и зарубежной литературе с разных сторон. В современ-

ной науке сложился определенный круг исследователей, занимающихся изучением различных аспектов американской публичной дипломатии. В исследованиях отечественных авторов о публичной дипломатии США можно выделить несколько направлений: культурные и образовательные программы, цифровые проекты. Особое развитие получила тема влияния правительства США посредством реализации культурно-образовательных программ (Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О., Лукин А. И., Кубышкин А. И., Фокин В. И.). Особый вклад в формирование научного определения термина внесен ведущим отечественным специалистом в области американской публичной дипломатии Н. А. Цветковой. В своей работе она проанализировала основные подходы к интерпретации в отечественных и зарубежных исследованиях, а также эволюцию основных теорий и концепций публичной дипломатии США. Исследователи сходятся во мнении о том, что курс внешней политики США сегодня становится более агрессивным и преследует цель создать условия для формирования лояльной молодежи по всему миру, используя пространство интернета. И. В. Тиганов и Н. А. утверждают, что современное американское правительство делает акцент на сетевой (информационной) войне, тем самым создавая себе лояльное сообщество молодежи в социальных сетях. На основе анализа трудов данной группы исследователей можно сделать вывод о том, что социальные сети в современном мире являются мощным инструментом воздействия на другие государства.

Цель данной статьи — дать оценку образовательным и цифровым программам публичной дипломатии США для российской молодежи. Для этого мы рассмотрим различные направления реализации данного инструмента мягкой силы, правительственные ведомства, деятельность которых направлена на социальные сети, а также раскроем суть основных образовательных и информационных проектов для молодежи России.

Молодежь как социально-демографическая группа. Молодежь как социально-демографическая группа всегда привлекала особое внимание представителей научных и политических кругов. Ежегодно как на государственном, так и на международном уровнях разрабатываются молодежные стратегии, целевые программы работы с молодыми лидерами, концепции вовлечения в гражданские инициативы. От того, как молодые люди социализируются в общество,

во многом зависят их социальные поступки и действия в будущем. На сегодняшний день насчитывается около 1,2 млрд молодых людей в возрасте до 24 лет. Порядка 90 % всех молодых людей проживают в развивающихся странах, где они составляют значительную часть населения. В эпоху глобализации молодые люди как никогда раньше связаны между собой: социальные сети, международные проекты, новаторские идеи служат катализатором социального прогресса и стимулом политических изменений в государствах. Современные молодые лидеры — будущая элита своих стран, которая в перспективе сможет оказывать реальное влияние на политические и экономические решения. Современная молодежь является крайне важным ресурсом, требующим новых инвестиций. Для того чтобы инвестиции в будущем многократно окупались, необходимо здраво оценивать, на что их необходимо потратить. Молодежь как наиболее активная и развивающаяся социальная группа взрослых людей повсеместно сталкивается с огромным количеством проблем, затрагивающих реализацию и отстаивание прав, а также создание необходимых условий для их активного включения в гражданские процессы. При переходе к взрослой жизни возникает большинство трудностей, сопровождающихся возникновением рисков при попытке получить качественное образование, устроиться на хорошую работу и получить медицинское обслуживание. С точки зрения психологических характеристик молодые люди наиболее подвержены противоправной деятельности, вступлению в запрещенные организации и аморальному поведению в целом. Иными словами, молодые люди сталкиваются с тем, что общество сопротивляется, в той или иной степени отвергает их, что порождает тяготы глобальной эрозии молодого сознания. Молодежь может стать позитивной силой для развития, если ей будут предоставлены возможности, необходимые для ее процветания. Основой для выделения понятия «молодежь» являются следующие критерии:

- Возрастной (разграничения по возрастным характеристикам);
- Стратификационный (выделение социальных групп);
- Субкультурный (различия по образу жизни, характеру жизненных ценностей).

Обобщая различные научные взгляды на характеристику молодежи, важно отметить, что общепризнанного международного определения социальной группы молодежи не существует. Вместе с тем

для статистических исследований Организацией Объединенных Наций молодежь была определена в возрастной категории от 15 до 24 лет. Многие страны ограничивают категорию молодежи возрастом, соответствующим законодательно закрепленному совершеннолетию. В рамках настоящей научной статьи мы придерживаемся определения исследователя Е. В. Манджиевой, которая под молодежью понимает «особую социальную общность, находящуюся на стадии становления, формирования структуры ценностной системы, выбора профессионального и жизненного пути, не имеющая реального положения на социальной лестнице».

Молодые люди сегодня имеют огромные возможности для развития коммуникации по всему миру. Быстрые изменения международного взаимодействия предполагают вовлечение столь широкого слоя мирового сообщества в решение глобальных проблем. В условиях глобализации у молодого поколения есть возможность искать единомышленников по всему миру, используя сеть Интернет. Благодаря информационным технологиям молодежь способна выстраивать диалог с представителями правительств, научных сообществ, экспертами мирового уровня и открыто выражать свое мнение, привлекая тем самым к существующим проблемам. Вовлечение молодежи по всему миру в единую информационную сеть обеспечило продвижение национальных интересов, культур, науки и образования в глобальных масштабах. Помимо этого, Интернет дал шанс сообщать и решать проблемы нарушения прав в отдаленных странах. Миллионы молодых представителей третьих стран используют глобальную сеть для публичных выступлений и трансляции историй, когда их голоса не были услышаны или права нарушены. Помимо этого, молодежь — это та социальная группа, которая способна быстро реагировать на информационные вбросы и мировые проблемы. Стоит одному известному блогеру сегодня рассказать о нарушении прав на одном конце света, как его выступление распространится с мимолетной скоростью по всему миру, тем самым активизируя «борцов за справедливость». Обеспечение глобального вовлечения молодежи в решение существующих мировых проблем является стратегической задачей как на уровне внутренней, так и внешней политики.

Разветвленный правительственный аппарат США ежегодно выделяет значительное финансирование для реализации программ, направленных на всестороннее развитие молодых людей по всему

миру. Таким способом формируется прослойка в зарубежных обществах, имеющая лояльное отношение к американской политике, а также транслирующая американские ценности. Будущее — это борьба за влияние, в которой побеждает тот, кто сумеет своевременно создать круг единомышленников за рубежом. Исследователь Н. Смирнов справедливо отмечает, что в американской системе публичной дипломатии одним из критериев эффективности программ сотрудничества с молодежью других стран служит степень лояльности молодых людей по отношению к США.

Механизм публичной дипломатии США. Создание программ «помощи» для зарубежной аудитории напрямую зависит от внешнеполитических целей США и во многом определяется командой действующего президента США, включающей разветвленный аппарат структур законодательной и исполнительной ветвей власти. Государственный департамент (U.S. Department of State), часто именуемый Госдепартаментом, является федеральной агентством исполнительной ветви власти США. Будучи первым агентством, созданным в 1789 г., Госдепартамент обладает большими полномочиями, реализацией которых занимается сложная структура административных органов власти. К ключевым структурам относят: Бюро по вопросам образования и культуры (Bureau of educational and cultural affairs); Бюро международных информационных программ (Bureau of international information program), Агентство США по международному развитию (U.S. Agency for International Development, USAID) и Совет управляющих по радиовещанию (U.S. Agency for Global Media) — они формально действуют как независимые агентства, однако их руководители подчиняются государственному секретарю США. Большую роль в реализации программ публичной дипломатии США также играют Совет национальной безопасности США и Конгресс США. Ежегодно принимаемые законы о внешней политике США обеспечивают понимание основных приоритетов американской внешней политики, а также устанавливают объем выделяемого финансирования на реализацию тех или иных программ публичной дипломатии.

Изменение запросов зарубежной аудитории и их восприятия создаваемых США программ требует проявления «гибкости» в деятельности Агентства международного развития. С этим связано изменение подходов в реализации проектов публичной дипломатии

США для молодежи России. Все программы можно подразделить на несколько групп:

1. *Аналитические* — проведение опросов зарубежной аудитории как способ сбора информации об имидже США;
2. Информационные, направленные на взаимодействие с зарубежной аудиторией через пространство Интернет (социальные сети), СМИ и другие;
3. Образовательные — академические обмены, целевое обучение определенных профессиональных групп, а также программы военного обучения;
4. Программы в области культуры и спорта.

Начиная с 2000-х гг. США придерживались стратегии вовлечения российской молодежи в образовательные проекты. С 1999 г. Конгрессом США была утверждена программа «Открытый мир», направленная на организацию краткосрочных визитов в США для участников из России и стран СНГ. Целью программы стали развитие и укрепление взаимопонимания и сотрудничества между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами путем создания единой образовательной платформы для обмена опытом участников. С мая 1999 г. в программе приняли участие 19 600 человек из России. Реализация программы сегодня призвана обеспечивать положительное воздействие на участников из двух стран, создавая возможности для дальнейшего профессионального роста молодых лидеров и развития деловых проектов. Программа Year of exchange in America for Russians (YEAR) открыла российской молодежи возможность годового обучения в высших учебных заведениях США для изучения особенностей функционирования системы образования, установления тесных связей и конструктивного взаимодействия с представителями местных сообществ, а также получения четкого представления о современном американском обществе. Наибольшим спросом у российской молодежи пользовались такие образовательные программы, как Global UGRAD и Fulbright. Участие в программе Global UGRAD предполагало обучение талантливых молодых лидеров на протяжении одного семестра в колледжах и университетах США, без получения диплома. Отбор участников осуществлялся на основании успеваемости, личных лидерских качеств, знании языка. Также участники вовлекались в реализацию волонтерских проектов для полного погружения в жизнь американского общества. Программу Fulbright по праву

можно считать самым востребованным американским проектом у российской молодежи. В настоящее время число участников превысило 250 тыс. человек. Российская Ассоциация выпускников Фулбрайта насчитывает более 2200 человек.

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось для США наращиванием международных образовательных программ, а также трансформацией систем образования и политических элит в зарубежных странах. Строительство образовательных учреждений, разработка и внедрение новых образовательных стандартов, молодежных программ обмена, новых СМИ в странах СНГ стали приоритетной частью внешнеполитической стратегии США. Агентство международного развития (*U.S. Agency for International Development, USAID*) доказало свою эффективность в достижении внешнеполитических целей США.

С 2002 г. проекты Агентства в России были сокращены по причинам возникновения проблем на Ближнем Востоке, укрепления государственности страны, а также усиления антиамериканских настроений в российском обществе. Вместе с тем Россия продолжала сохранять высокую позицию в реализации проектов публичной дипломатии США (занимала 6-е место среди 90 стран). На протяжении 10 лет США выделяли порядка \$100 млн для реализации проектов публичной дипломатии в России, из которых большая часть расходовалась Агентством международного развития.

Смена стратегии публичной дипломатии США в отношении России. Волна негативных настроений российского общества в области поддержки США НПО в России не помешала американскому правительству осуществить подготовку наблюдателей в периоды избирательных кампаний в России с 2004 по 2012 г. В это время началась мобилизация социального активизма в России, содействие которому оказывали такие американские партнеры, как:

- Национальный фонд в поддержку демократии (*National Endowment for Democracy*);
- Международный республиканский институт (*International Republican Institute*);
- Национальный демократический институт по международным вопросам (*National Democratic Institute for International Affairs*) и другие.

Данные организации осуществляли активную деятельность по подготовке демократических лидеров в России. Переломным стал

2012 год, когда по требованию Москвы Агентство официально прекратило свою деятельность на территории России. С этого момента официальные отчеты о реализации образовательных проектов публичной дипломатии для российской молодежи стали тщательно скрываться правительством от зарубежной аудитории. Последние отчеты о деятельности в России датируются 2013 г., так как американское правительство перенаправило свои усилия в сторону развития информационных проектов за рубежом. Динамичное развитие информационных технологий и интернета, сформировавшее современное глобальное информационное общество, не знает национальных границ. Интернет — пространство, которое трансформирует все сферы общества и государства, результатом чего служит изменение характера международных отношений. Перенесение программ влияния в киберпространство обеспечило американскому правительству целевую аудиторию, насчитывающую миллионы граждан по всему миру, а также существенно расширило возможности манипулирования общественным мнением.

Ответственной структурой стало Агентство по работе с глобальными СМИ (*U.S. Agency for global media — USAGM*), получившее название в рамках масштабной модернизации Совета управляющих по вопросам вещания 22 августа 2018 г. Миссия Агентства заключается в информировании и вовлечении молодежи по всему миру в поддержку свободы и демократии, а также в поддержке развития средств массовой информации, чья деятельность связана с развитием демократического общества. Благодаря тому, что СМИ сегодня широко распространены по всему миру, информация является более мощным инструментом воздействия на молодых лидеров, чем когда-либо.

На реализацию информационных проектов в 2018 г. бывшим президентом США Дональдом Трампом был утвержден бюджет в размере \$685,1 млн (что на 8,4 % меньше, чем в 2017 г.). Администрация действующего президента США Джо Байдена определила приоритетность финансирования проектов, направленных на противодействие российской дезинформации, борьбе с насильственным экстремизмом. Взаимодействие с зарубежной аудиторией осуществляется через такие информационные каналы, как:

- Voice of America (VOA);
- Radio Free Europe/Radio Liberty (RFE/RL);

- Radio Free Asia (RFA);
- Alhurra TV and Radio Sawa (under the Middle East);
- Radio and TV Martí (under the Office of Cuba Broadcasting — OCB).

Создание информационного канала «Current Time» для стран СНГ. Консолидация целей, преследуемых американским правительством в сфере борьбы с дезинформацией в России, в начале 2017 г. информационными каналами Radio Free Europe/Radio Liberty и Voice of America стала основополагающей при проведении совместной работы по запуску русскоязычного новостного канала Current Time. Канал Current Time был создан на платформе радиостанции Voice of America и представлял американскую интерпретацию российских новостей. Официальный лозунг канала в Twitter звучит следующим образом: «По-честному обо всем, что происходит в постсоветских странах». Создание канала изменило стиль подачи и формата информационных передач. Если ранее основой для продвижения имиджа США было содержание новостей, то теперь, помимо традиционных новостей, стали активно использоваться рекламные и маркетинговые ходы для привлечения аудитории к новостному блоку. Особым спросом пользуется блок выпусков «Неизвестная Россия», в которых авторами затрагиваются острые проблемы социальной жизни граждан в сельских поселениях. «Кричащие заголовки» о жизни в сельской местности («Колхозная жесь», «Родное болото», «Несносная жизнь в селе», «Жизнь в ожидании потопа» и другие) привлекают внимание целевой аудитории и формируют в ее сознании негативное отношение к жизни в России. В этой связи нельзя не отметить гиперболизированный подход к освещению жизни граждан в стране. Документальные выпуски данного направления канала Current Time носят описательный характер, не подкрепленный четкой аргументацией и анализом официально действующих программ, к примеру, социально-экономического развития сельских территорий в России. Несмотря на это, цифровой контент новостного канала Current Time набирает просмотры через такие социальные сети, как Facebook, YouTube, Twitter. В первые полгода функционирования канал просмотрели 25 млн чел. в России, в частности, через социальные сети.

С каждым годом USAGM агрессивно переходит на цифровые платформы, ориентируясь на будущих лидеров и влиятельных лиц по всему миру. Агентством активно используется инструмент

взаимодействия с молодежью в социальных сетях для оперативного общения и информирования. Программы вещания USAGM пользуются спросом по всему миру; целевая аудитория начитывает около 340 млн человек. Ежегодный прирост за последний год составил 67 млн человек. Российская аудитория в данных приросте составила 8 млн человек.

Русскоязычные социальные сети ведут разъяснительную работу и привлекают всё больше российских слушателей. Последние исследования показывают увеличение аудитории из России для контента USAGM, несмотря на ограниченный доступ к стандартным каналам вещания. В 2018 г. около 1/8 400 миллионов просмотров онлайн-видео в Сети пришлось на российскую молодежь. В соответствии со стандартами, разработанными Агентством по работе с глобальными СМИ, каждый индивидум вне зависимости от количества просмотров или прослушивания программ вещания учитывается только один раз.

Чтобы воздействовать на российскую молодежь, USAGM должно обеспечивать качественный контент и зарабатывать доверие зрителей. Объединение пользователей сети Интернет вокруг идеологии США осуществляется посредством активного размещения информации о деятельности правительства США на платформах Facebook, Youtube, Twitter, а также посредством создания личных аккаунтов официальных лиц из правительства США. Правительство США прикладывает большие усилия по созданию культуры активизма в сети Интернет. В данной связи активизацию подписки российской молодежи на аккаунты президента США, правительственных учреждений и образовательных программ можно считать одним из направлений современной публичной дипломатии США. Социальные сети с каждым днем завоевывают всё большее количество молодежи, предлагая новые способы взаимодействия политической власти и общества. Власть становится всё более доступной и достигаемой. Неоднократно обсуждавшийся экспертами аккаунт бывшего президента США Дональда Трампа можно считать одним из самых популярных в сети Twitter. Дональд Трамп сделал значительный вклад в изменение системы политической коммуникации американской политической элиты с гражданами по всему миру. Активное продвижение своей идеологии коренным образом перевернуло понимание роли социальных сетей в политике. Официальная страница американского президента

стала не только площадкой для размещения мнений, но и для принятия официальных политических решений, за которыми следил весь мир. До введения ограничительных мер администрацией Twitter Дональд Трамп использовал два аккаунта в Твиттере: официальный (@POTUS) и личный (@realDonaldTrump). В информационной деятельности американского президента присутствовали сюжеты, которые стремительно развивались и обрастали новыми подробностями в мировом сообществе. К примеру, сюжеты о фейковой прессе (Fake Press) разоблачили фальсификацию в прессе, а сюжеты о вмешательстве России в президентские выборы в США создали группы активистов, выступающих против проводимой государством политики. Очевидно, что программы цифровой дипломатии являются инструментом воздействия и манипуляции на оппозиционный кластер зарубежной молодежной блогосферы. Вследствие этого участникам цифровой дипломатии необходимо помнить о возможных последствиях своего поведения в сети, будь то официальные заявления высокопоставленных лиц или комментарии обычных граждан.

Изменение запросов российской молодежи требует гибкости от американского правительства. Иными словами, аппарату США сегодня важно понимать, насколько те или иные молодежные программы и проекты публичной дипломатии США пользовались высоким спросом в России или провалились при реализации. Для проведения мониторинга Агентством была разработана модель, включающая 12 основных и 28 дополнительных качественных и количественных показателей для оценки взаимодействия с зарубежной аудиторией. Моделью оцениваются цифровой метрик, еженедельный размер аудитории и ее активность. Это сложное сочетание критериев оценки обеспечивает стратегическую дорожную карту для определения перспектив деятельности USAGM.

По данным опроса Gallup, проведенного в России в период с апреля по июнь 2018 г., программы USAGM еженедельно пользовались спросом у 7,7 млн российских граждан. Самая большая аудитория была зафиксирована в социальных сетях (5,3 млн чел.), затем следуют телевидение (2,9 млн чел.) и радиовещание (1,8 млн чел.). В России активное участие в программах Агентства принимает молодая часть населения в возрасте до 35 лет. Около 2/3 опрошенных граждан, просматривающих еженедельные выпуски Current Time, заявили о том, что доверяют содержанию выпусков. Вместе с тем важно отметить,

что уровень доверия к независимым российским СМИ и западным информационным площадкам значительно ниже, чем к государственным СМИ в России.

Еще одним результативным направлением публичной дипломатии США можно считать развитие блогерства. В 2012 г. успешный старт был дан информационному проекту Open School for Responsible Bloggers (OSRB), главная цель которого заключалась в создании групп блогеров в России на местном, региональном и федеральном уровнях для продвижения идеи демократии и защиты прав человека. Ежегодно в проекте принимают участие более 200 активных блогеров России из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и других.

Позже для взаимодействия с российской молодежью была создана Школа гражданского лидерства, программа которой включала возможность участия в очных лекциях с ведущими экспертами из экономики, права, политики. Участники очных семинаров и лекций получают возможность обмениваться опытом с коллегами и экспертами, а также обсуждать актуальные проблемы активизма в России для их дальнейшего решения. Детальная информация о данном проекте размещена в официальных аккаунтах Twitter и Facebook под хештегом #CiviLeaders129.

Ограничительные меры правительств США и России, связанные с угрозой распространения коронавирусной инфекции в мире, внесли свои корректировки в развитие проектов публичной дипломатии США в отношении молодежи России. С начала 2020 г. вектор взаимодействия был смещен в цифровое пространство, как возможность поддерживать лидеров мнений через информационные площадки, социальные сети. Это позволяет нам говорить о новом этапе развития проектов публичной дипломатии США для российской молодежи.

Таким образом, молодежь недостаточно понимать только в традиционном смысле, только в качестве инновационного потенциала для обеспечения нормального функционирования общества в будущем. Ее необходимо оценивать как органическую часть современного общества. Молодое поколение играет значительную роль в сохранении исторической памяти, культуры, традиций своих государств. Вследствие этого весьма востребованным является изучение современного состояния практической деятельности Правительства США

по внедрению культурно-образовательных и цифровых проектов для молодежи России.

Информационные проекты (пропаганда) всегда были частью публичной дипломатии США в отношении России. Начало 1990-х гг. было связано с усилением роли образовательных проектов США по подготовке молодых лидеров, способных содействовать продвижению американских демократических ценностей на постсоветском пространстве. Смена стратегии публичной дипломатии произошла на рубеже 2012–2013 гг., когда стало очевидно, что Россия выбилась в лидеры по обеспечению мирового сообщества информацией. Пошатнувшаяся монополия США на распространение информации предопределила расширение проектов публичной дипломатии для русскоязычного населения в международном вещании. С 2015 г. возникло новое направление публичной дипломатии США, направленное на выстраивание диалога с российскими активистами и блогерами через интернет. Для правительства США особенно важной стала поддержка цифрового канала под названием «Настоящее время» (Current Time TV), новостные программы которого представляют альтернативный взгляд на все события, освещаемые в российских СМИ. Основную аудиторию зрителей составляют молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет. Тщательно подготовленный материал для российской молодежи зачастую формирует антиправительственные настроения, дестабилизируя общественный порядок.

Стратегический план развития USAGM на 2021–2022 гг. ставит перед собой амбициозные цели, направленные на расширение влияния на российскую молодежную аудиторию для продвижения проамериканского взгляда на события в мире.

Подводя итог, можно сделать вывод, что сегодня публичная дипломатия США нашла новые каналы взаимодействия с российскими активистами, несмотря на введенные запреты со стороны российского правительства, и будет их укреплять в ближайшие годы.

Строганов М.

Санкт-Петербургский государственный университет

Современная спортивная дипломатия США

Исследование о спортивной дипломатии США необходимо начинать с анализа работы Государственного департамента (U.S. Department of State), который выполняет функции министерства иностранных дел. Среди функций Государственного департамента есть широкий круг вопросов, варьирующийся от защиты прав человека до защиты мировой экологии, но во всём этом широком спектре вопросов порой теряется вопрос о спортивной дипломатии. Этим вопросом занимается отдел образования и культуры (Bureau of Educational and Cultural Affairs), который активно работает с молодыми специалистами, в том числе и со спортсменами, посредством специального отдела, который занимается спортивной дипломатией (Sports Diplomacy Office). Главные инициативы Департамента — это прием и отправка спортивных кадров (Sports Envoy and Sport Visitors programs).

Спортивные послы (Sports Envoys) — опытные тренеры и инструкторы, которые отправляются в зарубежные страны и участвуют в организации спортивных кружков, секций, а также спортивных медицинских учреждений. Они консультируют организаторов, помогают молодым спортсменам, проводят встречи. Наиболее яркий пример такого сотрудничества — это работа Билли Хеймора и Майкла Хайенса в 2016 г. России по развитию американского футбола. Они оба крайне положительно отзывались о российских спортсменах и намерены в последующем продолжать развитие этого вида спорта у нас в стране. Помимо прямого их влияния, после их визита был реорганизован Чемпионат России по американскому футболу, который стал называться «Лига американского футбола». Или более очевидный пример: в 2016 г., когда президент США Барак Обама старался наладить отношения с Кубой, помимо более существенных мер, на Кубу по программе Sport Envoy отправили легенду NBA Шакила О'Нила, записали интервью и в целом показали дружелюбное отношение гражданина США как к кубинцам, так и к самой Кубе

в целом (особенно интересно то, что за несколько месяцев до этого Кубу посетил и сам Барак Обама, и он вместе с Раулем Кастро посетил бейсбольный матч между Национальной сборной Кубы и Тамра Вай Рейс (американская бейсбольная команда).

Кроме подобной практики отдел в Госдепартаменте привлекает иностранных спортсменов в Америку, для их обучения. Sport Visitors — программа приема спортсменов нацелена в основном на молодых спортсменов, которые по тем или иным причинам хотели пройти курс обучения в США. Эта программа осуществляется Отделом образования и культуры совместно с некоммерческой благотворительной организацией Family Health International. Сейчас же следует остановиться на программе Sport Visitors, которая не так проста, как это может показаться на первый взгляд.

Однако, несмотря на видимое благородство и аполитичность программы, в ней есть место политике, и притом крайне высокое. За последние десятилетия Америка крайне старательно пыталась продвигать идеи демократии в мире, включая план Маршалла, военные операции на Ближнем Востоке. Однако не всегда имидж США оставался положительным после проведения масштабных операций. С приходом к власти Барака Обамы США стали проводить более мягкую и тонкую политику распространения демократических идеалов. Программы спортивной дипломатии использовались правительством для усиления положительного образа в ключевых странах.

Для пояснения моих выводов обратимся к веб-странице программы Sport Visitors. Анализ содержания показывает, что, несмотря на очевидный спрос на туризм в США со стороны спортсменов всех национальностей, в наборе приглашенных спортсменов редко фигурируют представители стран, развитых экономически и демократически. В последнем наборе были представители Саудовской Аравии, Беларуси, Мексики, Алжира, Нигерии и Бельгии. Не считая последнюю страну, в каждой из представленных стран есть проблемы либо с экономикой, либо с демократией (либо и те, и другие). Например, в 2016 г. по спортивной программе в США поехали атлеты из Казахстана, который, по мнению Запада, не является страной победившей демократии. Анализируя программу обучения, можно заметить, что кроме спортивных мероприятий участникам предлагается пройти курс повышения лидерских навыков, посетить лекции по лич-

ному развитию, а также изучить образ жизни рядовых американцев. Здесь прослеживается политизированность программы.

Работая в тандеме, программы Sport Envoys и Sport Visitors обеспечивают США позитивные и дружелюбные отношения со странами-участницами. Работая за рубежом, опытные тренеры и инструкторы окружают себя коллективом молодых спортсменов, создают позитивный образ США, который транслируется не правительством, а спортсменами. Закрепляя позитивный образ, те же тренеры предлагают спортсменам варианты посещения США, одним из которых является участие в программе Sport Visitors. Так, вышеупомянутые Билли Хеймор и Майкл Хайенс по завершении своей работы активно приглашали наших атлетов в США. Плюсы такой политики крайне весомые: в глазах мировой общественности США предстают в виде благотворителей, продвигающих идеи спорта и здоровья в мире, но, помимо косвенного эффекта, сами участники программ по возвращении домой становятся своего рода послами демократии и распространителями позитивного образа Соединённых Штатов.

Помимо прямых связей с общественностью посредством обменов, Государственный Департамент сделал спортивную дипломатию частью своей цифровой дипломатии. Отдел спортивной дипломатии (наравне со всеми другими отделами) ведет свою страницу в Twitter, что показывает работу отдела в реальном времени. Выставляются фотоотчеты и статьи о прошедших мероприятиях и анонсы грядущих, но каждая статья, как и сами события в целом, носит показательный и идейный характер. Так, одной из последних новостей, опубликованных на сайте программы, была новость о проведении баскетбольного матча, участниками которого были афроамериканки, прикованные к инвалидным коляскам, фиксируя свой меседж о США как о дружелюбной и инклюзивной стране, которая заботится обо всех слоях общества. Тем самым, посредством спортивной дипломатии в сочетании с цифровой дипломатией, правительству США удобно транслировать определенные идеи.

Подводя итоги, стоит отметить, что, несмотря на кажущуюся незначительность спортивной дипломатии во внешней политике, она помогает государству продвигать свои внешнеполитические цели и добиваться их. На примере США этот подход отчетливо виден. Каждая внешнеполитическая кампания сопровождается применением спортивной дипломатии — противостояние с Россией

или сближение с Кубой. Но стоит отметить, что каждая администрация США по-своему и в разных масштабах использует спортивную дипломатию. Всё вышесказанное относится к периоду администрации Б. Обамы. Однако последующие администрации США в меньшей степени использовали спортивную дипломатию. Фактор личных пристрастий президента также оказывает влияние на развитие особых инструментов публичной дипломатии. Если Барак Обама увлекается портом и баскетболом, то можно отметить, что данные направления были крайне развиты в проектах Госдепартамента, чего нельзя сказать, например, о Д. Трампе или о Дж. Байдене и их администрациях.

Shchegolev E.

St. Petersburg State University

US Public Diplomacy and Political Building Projects: Cases on Tunisia and Armenia

Free and fair elections are the foundation of a healthy democracy, ensuring that government is legitimate and based on the will of the people. The right to vote is a fundamental human right. The United States uses a wide range of tools to advance fundamental democratic values. The US Department of State works with democratic partners, international and regional organizations, non-governmental organizations, and concerned citizens in order to support all who strive for freedom. In this paper, the concept of public diplomacy is defined as a generic notion for projects in the field of culture, education, information that are used to advance the political goals of states. [1]

US Organizations Contributing to the Building of Democratic Societies in the Countries of the World

The Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor (DRL) is a bureau of the US Department of State, one of its areas of activity is the promotion of democracy around the world and US human rights policy. The Bureau publishes an annual country report on human rights compliance in recipient countries and all United Nations Member States. The United States Agency for International Development (USAID) [2] is the world's leading international development agency, on behalf of the American people; the agency promotes and demonstrates democratic values abroad. The International Foundation for Electoral Systems (IFES) [3] promotes democracy for a better future. The organization works with civil society, government agencies and individuals to build sustainable democracies that benefit everyone. The work of the aforementioned organizations is diverse, despite the common goal of building a stable democratic society around the world, combating authoritarianism and terrorism, ensuring fundamental human and civil rights and freedoms. To achieve these goals, it is necessary to conduct transparent and fair elections. US public diplomacy extends to different regions of the world: Tunisia and Armenia

have different geographic locations, different historical and political development paths. Tunisia has a colonial past; Armenia is a former socialist republic of the Soviet Union. Currently, both states are on the way to building an independent democratic state. The United States provides comprehensive assistance in their pursuit of these goals.

US Public Diplomacy in Tunisia

Over the past 10 years, Tunisia has undergone major political and institutional transformations. In 2014 the Constitution was adopted, which established a new decentralized system of government. At the same time, Tunisians have limited opportunities to learn about the country's political structure, government institutions and broader political and electoral opportunities. In 2019, Tunisia held presidential and parliamentary elections. According to a report by the Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor the elections were successful. "Citizens exercised their ability to vote in legislative and presidential elections that observers characterized as generally open, competitive, and well run". [4] However, there are downsides in certain technical aspects of the electoral process and some violations of electoral legislation. The United States Agency for International Development is implementing the Domestic Election Monitoring in Tunisia program [5], that contributes to the strengthening of competent civilian oversight of municipal and regional elections. Since 2011, the International Foundation for Electoral Systems has trained Tunisian civil society organizations, [6] public servants, judges, lawyers and journalists on electoral systems. It also provides technical support in the process of developing and amending the legal framework for elections, assists in resolving electoral disputes, monitoring and controlling the financing of electoral campaigns.

The IFES has conducted several interesting programs:

1. Hack 4 Democracy (H4D) [7], a combination of camps and hackathons to involve young people aged 18 to 30 in the political life of the country, where, using the latest technological advances, they create high-tech democracy, service projects, hold debates and reflect on citizenship, decentralization, democracy and elections. Result: 77% of participants answered "impressive", 83% can share the acquired skills and knowledge with their peers or reinvest them for the benefit of local communities.

2. Awakening the Voters of Tomorrow: The Democratic Awakening Toolkit for Primary and Secondary Schools in Tunisia. "Today's students

are tomorrow's voters" — this is how the text of this program begins. It aims at transforming civil society by providing teachers in primary and secondary schools with pedagogical resources and reusable voting simulation materials to teach basic information about democracy and elections and organize classroom voting simulation. Result: 100% of the teachers surveyed said it was effective, 88% — the program inspired students to participate in public life, 100% — the toolkit helped to increase student performance.

3. In the municipal elections on May 6, 2018, a new disability quota was introduced, resulting in the election of 144 people with disabilities. This demonstrates the political leadership of people with disabilities and provides an incentive to increase their participation in the political life of the country.

4. In 2020, with the support of the United States Agency for International Development, the New Tech Inclusive Democracy Exhibit [8] was organized to inform visitors about democracy and elections in an accessible form. The exhibition has been prepared in three versions: a full audiovisual version, a sign language version for the deaf or hard of hearing, and an audio version with a screen reader for people who are blind or visually impaired. The exhibition has especially attracted young people as it used new technologies: it could be viewed both in person and through the online platform and mobile application.

5. The Voter Education Film Festival was held in February 2021. [9] The objectives of the event were to share best practices in voter education campaigns, collect the best examples of voter education videos by category and region, and create a repository of voter education videos that can be used in the future.

US Public Diplomacy in Armenia

In the spring of 2018, the Velvet Revolution took place in Armenia. A new government was formed as a result of peaceful protests. That year was a turning point for the country's sovereignty and prospects for becoming a democratic state. According to the Bureau of Democracy, Human Rights and Labor the elections were successful "...In 2018 the country held snap parliamentary elections, preceded by a short and heated, but free and competitive, campaign with generally equal opportunities for contestants". [10] Also in 2018, amendments were made to the electoral law, which expanded the circle of people who are prohibited from campaigning,

removed restrictions on media representatives, etc. [11] Deficiencies in the electoral legislation of Armenia were identified: lack of transparency in the conduct of election campaigns and a narrow legal framework for filing complaints about elections.

The United States Agency for International Development supports the efforts of Armenian civil society and the media to promote meaningful citizen participation in all areas of democratic life, including fighting corruption and strengthening electoral processes. [12]

From September 2018 to September 2022, the Agency finances the “Strengthening Electoral Processes and Political Accountability in Armenia” program implemented by the Consortium for Elections and Political Process Strengthening (CEPPS) partners (the International Foundation of Election Systems (IFES), the National Democratic Institute (NDI) & International Republican Institute (IRI)). Within the framework of the project, IFES provides the following: technical assistance to improve the institutional capacity of electoral management bodies; supporting electoral reform, strengthening supervision of campaign finance; helping to resolve electoral disputes and supporting voter education.

The International Foundation for Electoral Systems began its ongoing work in Armenia in 2018 as part of the Strengthening Armenia’s Political Transition (SAPT) Rapid Response Initiative, funded by the US Agency for International Development. [13] The Foundation has taken a lead role in working with the CEC of Armenia to develop training plans for electoral officials and a voter education and motivation campaign [14].

The program of assistance to Armenia has the following directions: [15]

1. Electoral Code and Legal Reform. Together with the Armenian parliament, the Foundation gives advice and recommendations on the implementation of international experience in the electoral code of Armenia.

2. Educational activity, which consists in familiarizing citizens with legal reform.

3. Accessibility and inclusion of people with disabilities. The Foundation staff, together with the CEC of Armenia, assessed polling stations for accessibility for citizens with disabilities and helped develop policies for inclusive elections.

4. Civic engagement and education. University course “Involved Citizen” is a civic education program. The course consists of several

parts: the philosophical foundations of democracy, human rights in Armenia, constitutionalism and liberal democracy in Armenia, civil society in Armenia and citizen participation. The programs are expressed in increasing the political activity of students, understanding political processes, conducting debates, studying democratic values and developing critical thinking among students. Programs are being implemented at five universities in Armenia: Yerevan State University, Yerevan State University of Languages and Social Sciences named after A. Bryusov, Armenian State Economic University, Shirak State University and Vanadzor State University.

5. Strengthening the capacity of electoral management and oversight bodies. Within the framework of this goal, the Agency considers the technical aspects of elections: political financing, resolution of electoral disputes; updating procedures and improving the professional skills of the CEC staff.

In addition, the IFES implements the Regional Europe program. Within the framework of it, problems related to the integrity of information in the electoral process, which include both cybersecurity and disinformation, and so on, are being solved in Armenia [13].

According to *Democracy Index 2020*, Tunisia has made a huge leap forward in promoting democratic values, including with the assistance of the United States Agency for International Development and the International Foundation for Electoral Systems. Tunisia is the only example of the success of the Arab Spring and is seen as an example of democratic progress. [16]

According to the data, the Armenian society was in a better position than in Tunisia in 2006, nevertheless, the political crisis was brewing gradually and the democracy index fell by 2016 almost to the level of Tunisia. This can explain the dissatisfaction of the people and the Velvet Revolution that took place.

The United States is actively working with governments and civil society in Tunisia and Armenia to promote a more transparent and participatory government. It is important to institutionalize and preserve the democratic gains that have taken place in these states. The United States provides comprehensive assistance in pursuit of these goals.

US public diplomacy is an effective universal tool for promoting fair elections, and therefore building a democratic society in countries of the world with different characteristics: located in different regions of

the world, with democratic institutions of different duration and quality, implementing different economic models, having different cultural features, etc.

References

1. *Tsvetkova N. A., Yarygin G. O. Public Diplomacy: Conventional and Digital Methods.* SPb.: Severnaya Niva, 2014.
2. USAID <<https://www.usaid.gov>>.
3. International Foundation for Electoral Systems <<https://www.ifes.org/>>.
4. 2020 Country Reports on Human Rights Practices: Tunisia // U.S. Department of State <<https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/tunisia/>>.
5. Democracy and Governance // USAID <<https://www.usaid.gov/tunisia/democracy-and-governance>>.
6. Tunisia. International Foundation for Electoral Systems < <https://www.ifes.org/tunisia>>.
7. IFES Tunisia: Technological Innovation at the Service of Youth Engagement // International Foundation for Electoral Systems <https://www.ifes.org/sites/default/files/ifes_tunisia_technological_innovation_at_the_service_of_youth_engagement.pdf>.
8. Leveraging new technologies to make civic and electoral information accessible to all Tunisians // International Foundation for Electoral Systems <<https://www.ifes.org/news/leveraging-new-technologies-make-civic-and-electoral-information-accessible-all-tunisians>>.
9. IFES holds its first voter education film festival // International Foundation for Electoral Systems <<https://www.ifes.org/multimedia/ifes-holds-its-first-voter-education-film-festival>>.
10. 2020 Country Reports on Human Rights Practices: Armenia // U.S. Department of State <<https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/armenia>>.
11. Republic of Armenia. Early parliamentary elections 9 December 2018 // ODIHR Election Observation Mission. Warsaw: Office for Democratic Institutions and Human Rights, 2019.
12. Democracy, human rights and governance // USAID <<https://www.usaid.gov/armenia/our-work/democracy-human-rights-and-governance>>.
13. Armenia // International Foundation for Electoral Systems <<https://www.ifes.org/armenia>>.
14. Critical assistance to early parliamentary elections in Armenia // International Foundation for Electoral Systems. <<https://www.ifes.org/news/critical-assistance-early-parliamentary-elections-armenia>>.
15. Strengthening electoral processes and political accountability in Armenia // International Foundation for Electoral Systems <<https://www.ifes.org/SEPPA>>.
16. Democracy Index 2020. In sickness and in health? // The Economist Intelligence Unit. 2021.

Раздел VI

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США

Лекаренко О. Г.

Томский государственный университет

Администрация Дж. Байдена и трансатлантический альянс безопасности

Правительство Дж. Байдена пришло к власти с твердым намерением укрепить трансатлантические отношения, осложнившиеся в годы правления в США президента-республиканца Д. Трампа с его лозунгом «Америка прежде всего». 19 февраля 2021 г., выступая на Мюнхенской конференции по безопасности¹, главной темой которой стало восстановление трансатлантического сотрудничества, президент Дж. Байден заявил: «Америка возвращается. Трансатлантический альянс возвращается. Соединённые Штаты твердо намерены снова сотрудничать с Европой, консультироваться с вами и вернуть себе статус лидера, которому доверяют» [1]. В тот же день Соединённые Штаты официально вернулись в Парижское соглашение по защите климата, из которого вышли при Д. Трампе.

Выдвинутый правительством Д. Трампа лозунг «Америка прежде всего» поставил национальные интересы США выше глобального управления. Вступая в должность президента, Д. Трамп ясно дал понять, что международные обязательства США будут отодвинуты на второй план, если они не служат американским интересам. В годы

¹ Из-за пандемии коронавируса конференция в обычном виде перенесена на неопределенный срок. Мировые лидеры и главы международных организаций, включая нового президента США Дж. Байдена, выступили с 15-минутными речами по видеосвязи.

четырёхлетнего президентства Д. Трампа США вышли из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, Парижского соглашения по климату. Выход США из ТТП способствовал приостановлению переговоров с Европейским союзом (ЕС) о заключении Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Начиная с 1990-х гг. США и Европейский союз достаточно регулярно проводили двусторонние саммиты, в которых принимали участие американский президент и руководители центральных органов ЕС: председатель Европейского совета, глава Еврокомиссии и глава внешнеполитического ведомства ЕС. В годы президентства Д. Трампа не было проведено ни одного саммита США–ЕС. Последняя встреча на высшем уровне состоялась в марте 2014 г., то есть в период президентства Б. Обамы.

Односторонние действия США во внешней политике, продвижение исключительно национальных интересов и особенно манера поведения Д. Трампа привели к росту напряженности в трансатлантических отношениях. Д. Трамп неоднократно выступал с резкой критикой в адрес различных международных организаций, в том числе Европейского союза. Нападкам со стороны Д. Трампа подверглись отдельные канадские и европейские политики. Особенно пострадали премьер-министр Канады Дж. Трюдо, канцлер ФРГ А. Меркель и президент Франции Э. Макрон. В торговой политике правительство Д. Трампа не делало различий между союзниками и конкурентами, и одновременно ввело тарифы как для Канады и ЕС, так и КНР. С началом пандемии коронавируса в 2020 г. правительство США выступило против объединенного трансатлантического ответа на данную угрозу.

Под прицел критики попала и Организация Североатлантического договора (НАТО), которую Д. Трамп назвал «устаревшим альянсом». На саммите НАТО в Брюсселе в марте 2017 г. Д. Трамп не сделал ссылку на статью 5 Североатлантического договора (о том, что нападение на одного союзника будет рассматриваться как нападение на всех). Многие члены НАТО, поскольку они также являлись членами ЕС, рассматривались Д. Трампом не как союзники, а как конкуренты. Особого накала в годы президентства Д. Трампа достигла дискуссия об уровне расходов стран — членов НАТО на оборону. Д. Трамп в прямолинейной манере старался донести до союзников

достаточно старый посыл: «делайте больше, чтобы заработать американские гарантии безопасности». В 2014 г. на Уэльском саммите НАТО впервые в истории альянса его члены согласились зафиксировать уровень расходов на оборону в конкретных цифрах. На саммите было принято решение о том, что страны — члены альянса должны тратить на оборону не менее 2 % ВВП [2]. На практике к началу пандемии и вызванного ею экономического кризиса только 8 из 29 стран — членов НАТО выполняли или приближались к выполнению данных обязательств. В 2020 г. Д. Трамп заявил о выводе американских войск из Германии на основании того, что она не соблюдает свои обязательства по оборонным расходам. Своими непродуманными заявлениями Д. Трамп поставил под вопрос саму цель НАТО, породил сомнения в готовности США защищать своих союзников, нанес удар по американскому лидерству в альянсе [3], [4].

Однако списанная Д. Трампом как «устаревший альянс» НАТО сумела пережить большую часть критики и добиться заметных результатов, в том числе нарастить военное присутствие на восточных рубежах альянса. В последнее десятилетие НАТО вернулась в Европу, что соответствует интересам европейских стран — членов организации. Вопреки жалобам на недостаточные усилия союзников, в годы президентства Д. Трампа США увеличили свой вклад в НАТО. Как полагают Дж. Сперлинг и М. Веббер, это свидетельствует об институциональном подходе республиканской администрации США к внешней политике. Вопреки риторике «капризного и интеллектуально поверхностного президента», на деле Соединённым Штатам невыгоден распад НАТО или выход из ее состава. Высокие расходы США на оборону компенсируются политической ролью НАТО в согласовании предпочтений союзников с предпочтениями США. Таким образом, по мнению авторов, поскольку институционализация делала выбор в пользу выхода из состава организации нежизнеспособным, произошла артикуляция критических замечаний в адрес альянса [4, Р. 511, 516].

Исследователи призывают различать характер и манеры президента Д. Трампа и внешнеполитический курс США, который развивался в мейнстриме республиканской партии и продолжил долгосрочный тренд на сокращение заморских обязательств США, сформулированный до прихода Д. Трампа [4, Р. 513]. По многим проблемам позиция Д. Трампа носила декларативный характер. Прибегая

к односторонним действиям в таких вопросах, как ядерная программа Ирана, изменение климата или политика в отношении Израиля, правительство Д. Трампа не могло отказаться от международного сотрудничества в решении таких проблем, как ядерная программа КНДР или борьба с террористической организацией «Исламское государство». Что бы ни говорил Д. Трамп, разорвать прочно сложившиеся связи было не так-то просто. США могли выйти из зарождающихся союзов, таких как ТТП, но не из таких сложившихся организаций, как НАТО.

В то же время критика Д. Трампа в адрес НАТО вызвала озабоченность союзников по поводу надежности американских гарантий безопасности. Это подтолкнуло европейцев к тому, чтобы искать альтернативные пути обеспечения безопасности в виде укрепления двусторонних отношений с США или призыва к развитию европейской «стратегической автономии» и усилению европейского регионального сотрудничества в рамках Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС. Так, Польша, а следом за ней Латвия, обратились к США с предложением разместить на своей территории выводимые из Германии войска (в то время как вопрос размещения войск находится в компетенции Совета НАТО и Военного комитета). Подобные действия способствовали усилению напряженности в Североатлантическом альянсе. Так же как и США, европейские страны не заинтересованы в ослаблении НАТО. Несмотря на призывы к европейской «стратегической автономии», ОПБО далека от того, чтобы стать заменой НАТО, особенно в свете выхода Великобритании из ЕС [3, Р. 302–307].

Администрация Дж. Байдена намерена расстаться с внешнеполитическим наследием Д. Трампа и укрепить отношения с Европой. Данный послыл был с энтузиазмом встречен европейскими странами. Вскоре после своего избрания Дж. Байден получил приглашение принять участие в саммите Евросоюза. Во многом это стало возможным благодаря формату онлайн в связи с продолжающейся пандемией коронавируса. Накануне саммита глава Европейского совета Ш. Мишель написал в «Твиттере»: «Я пригласил президента США присоединиться к нашей встрече, чтобы он поделился своими взглядами на наше будущее сотрудничество. Пора восстанавливать наш Трансатлантический альянс» [5]. Участие американского президента в саммите ЕС состоялось впервые в истории отношений США с Европейским союзом. Б. Обама однажды встречался с лидерами стран

ЕС (это был специальный саммит США–ЕС в Праге в 2009 г., но в расширенном формате), однако ни один президент США никогда не участвовал в официальном регулярном саммите Евросоюза. Накануне саммита западные страны продемонстрировали возвращение к трансатлантическому сотрудничеству совместной внешнеполитической акцией: США и Евросоюз, а также Канада и Британия скоординированно ввели санкции против китайских официальных лиц за репрессии в отношении уйгуров в провинции Синьцзян [5].

Повестка дня саммита ЕС, состоявшегося 25–26 марта 2021 г. включала такие вопросы, как отношения Евросоюза с Россией, Китаем, Турцией, а также борьбу с пандемией коронавируса и изменением климата. Дж. Байден присоединился к диалогу поздно вечером 25 марта. В своем выступлении американский президент подтвердил приверженность курсу на восстановление отношений США с ЕС. Он отметил, что США заинтересованы в сильном Европейском союзе, учитывая общие демократические ценности и крупнейшее в мире торговое и инвестиционное партнерство. Американский президент призвал к тесному сотрудничеству в решении общих проблем, включая борьбу с COVID-19 и угрозой изменения климата, к углублению экономических связей и укреплению демократии. Он также выразил желание работать вместе над общими внешнеполитическими задачами, включая политику в отношении Китая и России. Кроме того, американский президент отметил необходимость продолжения взаимодействия США и ЕС по Турции, Южному Кавказу, Восточной Европе и Западным Балканам [6]. Участие Дж. Байдена в саммите ЕС было расценено в Брюсселе как очередной шаг к быстрому возрождению союзнических отношений Америки и Европы. Председатель Европейского совета Ш. Мишель назвал президентство Байдена «историческим шансом придать новый импульс» сотрудничеству Европы с Соединенными Штатами [7].

На той же неделе госсекретарь США Э. Блинкен в рамках своего двухнедельного турне, начавшегося с союзных стран Северо-Восточной Азии (Япония, Республика Корея), побывал с официальным визитом в Брюсселе, где посетил штаб-квартиру НАТО и учреждения ЕС. В интервью каналу «Евроныюз» Э. Блинкен отметил, что главной целью его визита «было подтвердить приверженность НАТО, нашим альянсам, нашим партнерам, в том числе по Евросоюзу, который входит в число основных союзников США» [8].

Э. Блинкен принял участие в состоявшихся 23–24 марта 2021 г. встречах министров иностранных дел стран — членов НАТО. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг охарактеризовал их как «возможность открыть новую главу в трансатлантических отношениях» [9]. В своей программной речи в штаб-квартире НАТО 24 марта 2021 г., озаглавленной «Подтверждая и переосмысливая американские союзы», Э. Блинкен сделал акцент на трех ключевых моментах. Во-первых, он остановился на общих угрозах безопасности. Госсекретарь США особо выделил угрозы, проистекающие от таких стран, как КНР, Россия, Иран, Северная Корея, включая угрозы невоенного характера (кампании дезинформации и кибератаки). К другим угрозам евроатлантической безопасности Э. Блинкен отнес глобальные кризисы, вызываемые климатическими изменениями и пандемией COVID-19, а также международный терроризм. В следующей части своей речи американский политик отметил, что нужно сделать для подтверждения и возрождения Трансатлантического союза, который не только защищает от данных угроз, но стоит на страже общих интересов и ценностей. Он отметил, что трансатлантические союзники должны:

- подтвердить свою приверженность альянсам и общим ценностям, которые их поддерживают, в том числе чтобы противостоять демократическому спаду во всем мире;
- модернизировать альянсы, начиная с повышения военного потенциала и боеготовности;
- создать более широкие коалиции союзников и партнеров, включая углубление сотрудничества между НАТО и ЕС.

Важнейшей частью речи Блинкена стала третья, заключительная часть, в которой американский политик изложил соображения новой администрации относительно того, чего европейские союзники могут ожидать от Соединённых Штатов и чего, в свою очередь, Америка ожидает от союзников. Администрация Дж. Байдена пообещала консультироваться с союзниками по важным вопросам заранее и как можно чаще. Блинкен заверил, что США не будут ставить союзников в ситуацию выбора «мы или они» в отношении КНР. Новая администрация смягчила риторику в отношении расходов на оборону. Как заявил Э. Блинкен, США признают важность выполнения обязательств, принятых на Уэльском саммите НАТО, но также понимают необходимость более целостного взгляда на проблему распределения

бремени, так как ни одна цифра не отражает полностью вклад страны в обеспечение коллективной безопасности, особенно в мире, в котором растет число невоенных угроз безопасности. Американский политик подчеркнул: «Мы должны иметь возможность вести эти жесткие разговоры в уважительной манере» [10]. После неоднократных намеков Д. Трампа на то, что США, возможно и не захотят защищать европейских союзников, если они не начнут тратить больше на оборону, данное заявление прозвучало как свидетельство того, что Вашингтон возвращается к прежней союзнической политике.

По итогам заседания министров иностранных дел стран НАТО было принято заявление, в котором в том числе говорилось о наличии «прочной трансатлантической связи между Европой и Северной Америкой, центральным элементом которой является НАТО» и решимости «и далее укреплять политическое измерение НАТО, включая консультации», работать над обновлением Стратегической концепции НАТО [11].

На встрече 24 марта, посвященной обсуждению отношений с Россией, присутствовали партнеры НАТО — представители Финляндии и Швеции, а также Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель. Э. Блинкен и Ж. Боррель обсудили пути укрепления отношений между США и ЕС и координации ответов на приоритетные вопросы внешней политики, безопасности и экономики. Стороны обязались сотрудничать перед лицом глобальных вызовов, включая глобальный климатический кризис и борьбу с пандемией, содействовать устойчивому восстановлению экономики и защищать основные демократические ценности и свободы. В ходе встречи Э. Блинкен и Ж. Боррель решили возобновить американо-европейский диалог по Китаю. Ж. Боррель приветствовал перспективу возвращения США в Совместный всеобъемлющий план действий, призванный найти решение проблемы ядерной программы Ирана. В качестве направлений сотрудничества стороны отметили содействие реформам в странах «Восточного партнерства», стабилизацию Западных Балкан и Восточного Средиземноморья, активизацию сотрудничества в Афганистане. Госсекретарь Э. Блинкен и верховный представитель Ж. Боррель выразили поддержку продолжению сотрудничества между НАТО и ЕС. Стороны поддержали максимально возможное участие Соединённых Штатов в оборонных инициативах ЕС и расширенный диалог по данным вопросам [12].

Подводя итоги встречи с госсекретарем США, Ж. Боррель заявил: «Сегодня мы открываем новую главу в наших отношениях, отмеченную более тесным сотрудничеством по ключевым вопросам внешней политики и безопасности. Мы разделяем оценку роли Китая как партнера, как конкурента и системного соперника — как мы привыкли говорить здесь, в Европе. Мы в равной степени согласились — и это, пожалуй, самое важное — поддержать как можно более полное участие Соединённых Штатов в оборонных инициативах Европейского союза и расширить наш диалог по этим вопросам. Политика безопасности и обороны Европейского Союза способствует трансатлантической безопасности и предлагает конкретные возможности для нашего сотрудничества» [13].

В случае укрепления сотрудничества между НАТО и Европейским союзом общая политика безопасности и обороны ЕС может развиваться не как средство создания «стратегической автономии» Европы, а как демонстрация европейского вклада в евроатлантическую безопасность. В последние годы отношения между НАТО и ЕС были подняты на более высокий уровень. Это произошло на саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 г., на котором в совместной декларации генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, президент Европейского совета Д. Туск и президент Европейской комиссии Ж.-К. Юнкер пообещали активизировать сотрудничество между двумя организациями [14]. Данное обязательство было подтверждено на саммите НАТО в Брюсселе в июле 2018 г., в решениях которого говорилось о значении стратегического партнерства с ЕС в создании «согласованных, взаимодополняемых и совместимых оборонных возможностей» [15]. Отношения между двумя организациями далеки от совершенства, но продвигаются вперед в областях, являющихся приоритетными для США и НАТО, таких как оперативное сотрудничество и сотрудничество в целях обеспечения согласованности и взаимодополняемости усилий по развитию оборонного потенциала, обмен информацией о киберугрозах, меры по повышению устойчивости к гибридным угрозам. НАТО и ЕС проводят регулярные политические консультации по вопросам безопасности в Европе и соседних странах. Военно-морские силы НАТО и ЕС работают сообща в ответ на кризис беженцев и мигрантов в Средиземном море [16]. По мнению некоторых британских исследователей, при наличии политической и стратегической ясно-

сти связь НАТО-ЕС могла бы трансформироваться в европейскую опору НАТО [3, Р. 295].

С победой Дж. Байдена сложные проблемы в трансатлантических отношениях не исчезнут сами собой. Продолжится дискуссия по расходам на оборону, однако она может развиваться внутри НАТО, а не как спор между США и «уклоняющимися от своих обязательств» европейскими союзниками. Следует учитывать, что даже если все страны — члены НАТО будут придерживаться заявленных 2 %, в связи с падением ВВП, вызванным пандемией коронавируса, в абсолютном выражении расходы на оборону сократятся. Сокращение бюджета потребует усиления сотрудничества между трансатлантическими партнерами. США и странам Европы вряд ли удастся избежать противоречий в вопросах выстраивания отношений с Россией и КНР. Вероятно уменьшение, но не полное устранение трений в торговых отношениях² [17].

Литература

1. A New Transatlantic Agenda (Part I) with Joe Biden, Angela Merkel, and Emmanuel Macron <<https://securityconference.org/en/medialibrary/collection/msc-special-edition-2021>>
2. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г. <https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm>
3. Ringsmose J., Webber M. Hedging their Bets? The Case of European Pillar in NATO // *Defence Studies*. 2020. Vol. 20, No 4. P. 299.
4. Sperling J., Webber M. Trump's Foreign Policy and NATO: Exit and Voice // *Review of International Studies*. 2019. Vol. 45, No 3. P. 522.
5. Вендик Ю. Жизнь после Трампа: Евросоюз впервые пригласил президента США на свой саммит <<https://www.bbc.com/russian/news-56510966>>
6. President Biden Participates in European Council Summit. March 25, 2021 <<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/25/president-biden-participates-in-european-council-summit>>
7. Байден и лидеры Евросоюза обсудили Россию, Китай и коронавирус <<https://www.dw.com/ru/bajden-i-lidery-evrosojuza-obsudili-rossiju-kitaj-i-koronavirus/a-57008837>>
8. Программа «Глобальный диалог» от 26.03.2021 <<https://ru.euronews.com>>

² В начале марта 2021 г. США и ЕС заключили соглашение о четырехмесячном замораживании наложенных друг на друга пошлин из-за субсидий для компаний «Боинг» и «Аэробус». Однако введенные администрацией Д. Трампа тарифы на сталь и алюминий всё еще остаются в силе, а европейские тарифы, введенные в ответ, должны быть удвоены с 1 июня. Неурегулированным остается спор между Брюсселем и Вашингтоном о планах налогообложения крупных цифровых компаний. См. [17].

9. Пресс-конференция Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга в преддверии встреч министров иностранных дел стран НАТО 23 и 24 марта 2021 г. в штаб-квартире НАТО <https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_182503.htm?selectedLocale=ru>
10. Reaffirming and Reimagining America's Alliances. Speech by Antony J. Blinken, Secretary of State, NATO Headquarters Agora Brussels, March 24, 2021 <<https://ru.usembassy.gov/reaffirming-and-reimagining-americas-alliances-speech-by-secretary-blinken-at-nato-headquarters>>
11. Заявление министров иностранных дел стран НАТО, собравшихся в Брюсселе 23–24 марта 2021 г. <https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_182648.htm?selectedLocale=ru>
12. Joint Statement by the Secretary of State of the United States of America and the EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy/ Vice President of the European Commission. March 24, 2021 <<https://www.state.gov/joint-statement-by-the-secretary-of-state-of-the-united-states-of-america-and-the-eu-high-representative-for-foreign-affairs-and-security-policy-vice-president-of-the-european-commission>>
13. Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the Joint Press Statement with US Secretary of State Antony Blinken, March 24, 2021 <https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/95610/united-states-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-joint-press-statement-us_en>
14. Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization, 8 July 2016 <https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133163.htm>
15. Brussels Summit Declaration, 11–12 July 2018 <https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm>
16. NATO — EU Relations. Factsheet. March 2021. <https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/2103-factsheet-nato-eu-en.pdf>
17. Гробе С. Американский президент на Европейском саммите <<https://ru.euronews.com/2021/03/26/sotu-merkel-biden-danger-suez>>

Богуславская Ю.К.

Санкт-Петербургский государственный университет

«Понять и принять Дональда Трампа»: особенности политической риторики генерального секретаря НАТО Столтенберга

Договор, предполагавший создание Североатлантического союза, был подписан 4 апреля 1949 г. В следующие за тем годы проходило становление организационной структуры Альянса. Важной вехой этого процесса стало принятое в 1952 г. на девятой сессии Североатлантического совета (САС) в Лиссабоне решение о придании работе Совета постоянного характера в целях «адаптации Организации Договора к потребностям, возникающим в связи с развитием ее деятельности от стадии планирования до оперативной стадии» [1]. Тогда же был учреждён пост Генерального секретаря НАТО, которому надлежало возглавить объединённый международный секретариат и оказывать содействие САС «в выполнении его возрастающих обязанностей» [2].

Генеральный секретарь является высшим международным должностным лицом Североатлантического альянса, отвечает за управление процессом консультаций и принятия решений и обеспечивает выполнение решений. Он возглавляет Международный штаб Организации и, что наиболее важно для представленного исследования, является главным представителем НАТО. Действующий Генеральный секретарь Североатлантического альянса — Йенс Столтенберг — видный норвежский политический деятель, занимавший пост премьер-министра страны во время столь важных для Норвегии событий как подписание договора «О разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» с Россией (вступил в силу в 2011 г.), а также когда Андерсом Брейвиком были совершены теракты в Осло и на острове Утёйя (2011г.). В течение года (2013–2014гг.) Й. Столтенберг занимал пост Специального посланника ООН по вопросам изменения климата. С 2014 г. он является генеральным секретарём Североатлантического альянса. Показателем признания заслуг Й. Столтенберга на за-

нимаемом посту является то, что на сегодняшний день его мандат был продлён дважды — в 2017 и 2019 гг., последнее продление можно также связать с необходимостью разработки новой стратегической концепции НАТО. Пребывая на своём посту, Йенс Столтенберг принял новое назначение и готовится возглавить Центробанк Норвегии осенью 2022 г., когда истечёт срок его полномочий в Североатлантическом альянсе.

В силу того, что Организация Североатлантического договора — это прежде всего союз суверенных государств, роль генеральных секретарей ограничивалась необходимостью соответствовать политическим интересам государств-членов. Сильными конкурентами генеральных секретарей, олицетворявших политическое измерение деятельности Организации, выступали главнокомандующие объединёнными силами НАТО в Европе, претендовавшие на влияние вследствие своего центрального положения в военной структуре Альянса. Только в 1955г. генеральный секретарь получил право председательствовать на заседаниях САС. Усилению роли генерального секретаря Организации Североатлантического договора после окончания «холодной» войны способствовал рост внимания к политическому сотрудничеству в рамках Альянса, а также активизация главной политической фигуры НАТО в публичной сфере, наглядно проявившаяся во время пребывания на посту предшественника Й. Столтенберга Андерса Фог Расмуссена (присутствие в социальных сетях, публикация Годовых отчётов Генерального секретаря и т.д.).

Йенс Столтенберг — видный европейский политик и опытный дипломат. Пост Генерального секретаря НАТО, крупнейшего и старейшего союза демократических государств, заявляющего о своих успехах в период «холодной» войны и после её окончания, укрепляет авторитет своего обладателя и делает его заметной медиа-фигурой в Западном мире и за его пределами. Внимание к деятельности Й. Столтенберга в публичной сфере в период президентства в США Д. Трампа обусловлено вызовами, с которыми столкнулся Альянс на фоне болезненной, пусть и непоследовательной критики со стороны главы государства-лидера данной организации. Акцентирование внимания на деструктивной роли политической риторики и деятельности Д. Трампа для НАТО, ведёт к поиску скрытых хранителей трансатлантического партнёрства, в число которых может быть включён Генеральный секретарь Североатлантического альянса [3].

Анализ взаимодействия двух видных медийных фигур — Й. Столтенберга и Д. Трампа — способен уточнить оценку роли Генерального секретаря НАТО в указанный период.

Ещё в период избирательной кампании в США 2016 г. Столтенберг вступил в заочную дискуссию с Д. Трампом о роли Организации Североатлантического договора. Пресс-конференция состоялась по итогам неформального саммита министров обороны стран ЕС в Братиславе 27 сентября 2016 г. Сам контекст указанного мероприятия, на котором обсуждалась необходимость укрепления европейской обороны, заставлял Генерального секретаря НАТО подчёркивать значимость возглавляемой им организации и ценность трансатлантического партнёрства в сфере безопасности. По просьбе журналистов Й. Столтенберг комментировал высказывание Д. Трампа на состоявшихся днём ранее дебатах с Х. Клинтон о том, что он стал позитивно относиться к НАТО, однако не хотел бы, чтобы его страна выполняла функции мирового полицейского. Видению кандидата на пост президента США он противопоставил традиционный глобалистский нарратив о Соединённых Штатах как о стране с обязательствами по всему миру и, как следствие, получающей важные для себя преимущества от сотрудничества с государствами Европы, определяя тем самым роль НАТО как важного института трансатлантических отношений. Заметим, представленная интерпретация имела шансы вызвать симпатию у сторонников более прагматического (а не ценностного) подхода к трансатлантическому партнёрству. Столтенберг также напомнил, что на протяжении многих лет Североатлантический альянс является ключевым актором в сфере борьбы с терроризмом. Возглавляемая им организация ввела в действие V Статью Вашингтонского договора 1949 г. в ответ на террористические атаки 11 сентября 2001г., а также обеспечила военное присутствие в Афганистане, стремясь воспрепятствовать развитию терроризма в этой стране. Тем самым Генеральный секретарь НАТО указал на безосновательность утверждения Д. Трампа о том, что Организация усилила свою контртеррористическую активность в ответ на его критику, одновременно подчёркивая своё нежелание оказывать влияние на ход избирательной кампании. Осторожная заочная полемика Й. Столтенберга с одним из кандидатов на пост президента США соответствовала задачам генерального секретаря международной организации, призванного отстаивать авторитет возглавляемой

им структуры, а также могла объясняться в определённой мере распространённым в то время скепсисом по поводу возможности победы Д. Трампа на предстоящих выборах.

После избрания Д. Трампа стали заметны некоторые изменения в публичной риторике главы НАТО. В частности, во время своего выступления в Германском фонде Маршалла 18 ноября 2016 г. Столтенберг выразил полную уверенность в том, что новый президент будет «обеспечивать американское лидерство в Альянсе и приверженность целям сохранения европейской безопасности» [4] в силу того, что это полностью соответствует интересам Соединённых Штатов. Вместо Д. Трампа подобные заверения за него представил уходящий президент США Б. Обама, точно также пытаясь сгладить негативный эффект от более ранних заявлений тогда ещё кандидата от Республиканской партии, ставящих под вопрос автоматизм американских гарантий безопасности в отношении тех союзников, которые недостаточно тратили на оборону. Одновременно с этим Й. Столтенберг в своём выступлении много внимания уделил важности повышения военных расходов для союзников США в соответствии с обязательствами, добровольно принятыми ими и зафиксированными в тексте декларации по итогам саммита в Уэльсе 2014 г. Так, согласно тексту документа к 2024 г., ассигнования, выделяемые на оборону каждым государством-членом Альянса, должны составить не менее 2% ВВП данной страны, при этом 20% указанных ассигнований должны тратиться на приобретение новых вооружений и военной техники [5]. При этом, Генеральный секретарь фактически перешёл к разъяснению позиции Д. Трампа, аргументируя важность наращивания военных расходов в сложившейся обстановке неопределённости на фоне возрастающих вызовов со стороны России, а также напоминая, что ровно на том же настаивали и предыдущие американские президенты, включая Б. Обаму. Примечательно, что та часть выступления генсека, которая как считают некоторые была обращена непосредственно Д. Трампу, по-прежнему выдержана в духе прагматизма. В ней Й. Столтенберг указал на практическую необходимость сотрудничества между государствами по оба берега Северной Атлантики для обеспечения возможности совместной обороны и сдерживания и обратил внимания на важность безопасности в Европе для интересов Соединённых Штатов. Далее, Генеральный секретарь НАТО даже рассуждал о том, что в демократических госу-

дарствах, входящих в союз, у власти оказываются лидеры, принадлежащие разным «политическим семьям», однако это не является непреодолимым препятствием для эффективного сотрудничества в целях организации обороны и сдерживания.

Стремление Й. Столтенберга наладить отношения с американским президентом выражалось не только в разъяснении союзникам США и поддержке ключевой установке Д. Трампа о необходимости увеличения расходов на оборону. 27 января 2019 г. он дал интервью каналу «Фокс Ньюс», пользовавшимся доверием у сторонников президента. Генеральный секретарь НАТО заявил, что жёсткая позиция президента США была не только оправдана на фоне усиления угрозы со стороны России, но и способствовала усилению Североатлантического альянса и росту совокупных расходов на оборону сторонников США по НАТО, который к концу следующего года должен составить 100 млрд долл [6]. Растиражированное Д. Трампом и его сторонниками «заявление о 100 миллиардах» явилось прямым выражением поддержки американскому президенту как внутри США в условиях обострившейся политической борьбы, так и на международной арене в период разгара дискуссий о судьбе Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г., требовавшей от стран Запада демонстрации единой позиции.

Традиционный нарратив о НАТО как сообществе государств, разделяющих общие ценности, сохранялся в политической риторике Й. Столтенберга, однако усилился акцент на прагматизм трансатлантического партнёрства. Генеральный секретарь НАТО убедительно демонстрировал возможность адаптироваться к новой международной ситуации, задаваемой политическими установками руководства в Вашингтоне, а также умение использовать всё множество интерпретаций атлантизма как идеологии и направления политической мысли, предписывающего необходимость трансатлантического сотрудничества. Показательной в этом отношении явилась речь, произнесённая им перед обеими палатами Конгресса США 3 апреля 2019 г., большая часть которой была посвящена описанию практических выгод для всех сторон сотрудничества в рамках Североатлантического альянса и лишь отдельные ремарки относились в превосходству западных ценностей и общности государств, объединённых приверженностью «демократии, свободе и верховенству права» [7]. Столтенберг не только стал первым представителем международной

организации, выступившим перед общим собранием Палаты представителей и Сената США. В мировой прессе в тот период частыми стали замечания о том, что празднование 70-летия со дня подписания Североатлантического договора было обставлено недостаточно торжественно. Приуроченный к этому событию саммит глав государств и правительств НАТО вопреки традиции должен был состояться не в начале апреля, а в декабре 2019 г.

Появление генерального секретаря Организации в американском конгрессе призвано было несколько компенсировать недостаток внимания на самом высоком уровне к юбилею Североатлантического договора, а также вселить надежду сторонникам трансатлантического сотрудничества по всему миру в то, что обе крупнейшие политические партии США сохраняли приверженность НАТО, а, следовательно, сотрудничество могло развиваться в отсутствие должного внимания и поддержки со стороны главы исполнительной власти в Вашингтоне. На это указывали долгие овации в конгрессе после речи Й. Столтенберга и одобрительные выступления глав обеих фракций. Внимание к позиции законодательной власти в отношении НАТО возросло на фоне публикаций в СМИ, в которых со слов не названных высших чиновников администрации Д. Трампа рассказывалось о том, что президент на закрытых совещаниях неоднократно поднимал вопрос о возможности выхода США из Североатлантического договора, несмотря на публичные заверения в приверженности трансатлантическому партнёрству. В условиях обострившейся политической борьбы в Соединённых Штатах частыми стали обвинения президента в некомпетентности; такие обвинения коснулись его политики (и намерений) в отношении Организации Североатлантического договора. Воспользовавшись создавшимся моментом стремились различные политические деятели и силы, демонстрируя поддержку традиционному для США курсу на сохранение и усиление НАТО. Так, к концу 2019 г. обе палаты конгресса приняли резолюции с целью воспрепятствовать сворачиванию членства Вашингтона в Североатлантическом альянсе [8].

По итогам саммита НАТО в Лондоне в декабре 2019 г. позиции Й. Столтенберга и Д. Трампа демонстрировали тенденцию к сближению вследствие необходимости демонстрации трансатлантической солидарности на фоне обострившихся противоречий с Турцией и критики НАТО со стороны президента Франции Э. Макрона, по-

сетовавшего в интервью “The Economist” на «смерть мозга» Альянса вследствие падения приверженности партнёрству со стороны США. Генеральный секретарь НАТО даже получал упрёки со стороны журналистов в чрезмерном отстаивании позиции только одного лидера, президента США, что могло нанести ущерб партнёрству [9].

Деятельность Й. Столтенберга получила высокую оценку со стороны президента Соединённых Штатов. На лондонском саммите Альянса было принято решение о продлении срока полномочий действующего генерального секретаря до 30 сентября 2022 г. Это решение противоречило сложившейся с 80-х годов традиции, в соответствии с которой генеральные секретари обычно занимали свой пост в течение четырёх лет, потом срок их полномочий мог быть продлён не более чем на год. Журналисты “The Atlantic”, ссылаясь на неназванных чиновников, высказали предположение о том, что продление полномочий Й. Столтенберга свидетельствует о неготовности Альянса к выбору нового главы на фоне обострения противоречий между союзниками [10]. «Я думаю, что он проделывает фантастическую работу [11]», — заявил Д. Трамп, характеризуя деятельность Й. Столтенберга. «Я большой фанат. Его контракт был продлен [11]».

На встрече глав государств и правительств НАТО в Лондоне в 2019 г. впервые на столь высоком уровне в Организации обсуждался вопрос формирования общей стратегии в отношении Китая. Сложно отрицать, что данный вопрос был поставлен на повестку дня Североатлантического альянса Соединёнными Штатами, и со временем станет важной составляющей дискуссий союзников. Однако в рассматриваемый период союзники США были готовы принять к рассмотрению вопрос стратегии в отношении Китая, однако достичь политического консенсуса по нему не смогли, о чём свидетельствовал компромиссный текст декларации по итогам саммита. В интервью CNBC Столтенберг также осторожно заявил: «Мы видим, что растущее могущество Китая меняет глобальный баланс сил, а подъем Китая — экономический подъем, военный подъем — создает некоторые возможности, но также и серьезные проблемы [12]», однако Альянс не желает «создавать новых противников» [12]. Отсутствие политического консенсуса в НАТО по вопросу Китая заставляло генерального секретаря использовать более сбалансированную риторику, вместо того чтобы настаивать на необходимости противостоять Пекину.

Летом 2020 г. Й. Столтенбергу вновь пришлось прибегнуть к примирительной риторике, чтобы сгладить нарастающие противоречия между Вашингтоном и Берлином. Реагируя на сообщения о планах администрации Д. Трампа сократить американское военное присутствие в Германии как способе оказания давления на правительство А. Меркель с целью вынудить германские власти увеличить расходы на оборону, Генеральный секретарь не только подчёркивал вклад Берлина в трансатлантическое партнёрство, но и указывал на преимущества дислокации американских военных в Европе для проведения операций на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Несмотря на определённые успехи в выстраивании отношений с администрацией Д. Трампа, Й. Столтенберг уже 7 ноября 2020 г., когда ещё велись подсчёты голосов в отдельных штатах, но лидеры западных уже начали публиковать поздравления в адрес Дж. Байдена с победой на президентских выборах в США, поспешил присоединиться к нарастающей волне поздравлений. Позднее, последовав примеру глав государств и правительств стран-членов Альянса, Генеральный секретарь НАТО позволил себе комментировать внутриполитические события в США, связанные с занятием Капитолия толпой протестующих 6 января 2021 г. Сцены штурма он назвал «шокирующими» и призвал к уважению исхода демократических выборов, тем самым поддержав позицию одной из сторон.

В период транзита власти в Вашингтоне Й. Столтенберг привлёк внимание к проблеме вывода войск западной коалиции из Афганистана. 17 ноября 2020 г. он заявил о том, что цена преждевременного и нескоординированного ухода из этой страны может оказаться слишком высокой, а сам Афганистан рискует вновь превратиться в убежище для террористов [13]. Однако заявления подобного рода воспринимались в то время исключительно в контексте опасений, что импульсивный Д. Трамп, проиграв президентские выборы, приступит к выводу американского контингента из Афганистана без предварительных согласований с союзниками. Однако высказанные Й. Столтенбергом ранее опасения никак не повлияли на «единодушно» принятое Североатлантическим альянсом в апреле 2021 г. решение о выводе войск из страны, когда Белый дом уже заняла администрация Дж. Байдена.

В современном мире Генеральный секретарь Североатлантического альянса - активной медийная фигура, публичная часть деятель-

ности которой направлена на привлечение внимания к возглавляемой им Организации, повышение её авторитета и доверия американским гарантиям безопасности со стороны союзников и противников. В то же время главе НАТО всё чаще приходится публично комментировать противоречия между странами-союзниками и стремиться их сглаживать. Анализ политической риторики Й. Столтенберга показывает её высокую адаптивность, принятие многовариантности интерпретаций атлантизма. В то же время гибкость Генерального секретаря и диктуемая требованиями к занимаемой должности необходимость учёта позиций наиболее влиятельных союзников заставляет его идти на определённые уступки в том числе на риторическом уровне; в то же время наибольшей устойчивостью обладает нарратив о высокой роли НАТО для входящих в союз государств и поддержания стабильности в Евро-Атлантическом регионе. В то же время особенности современного информационного пространства — насыщенность информацией, зависимость от контекста — не дают генеральному секретарю НАТО рассчитывать на долгосрочный эффект его заявлений.

Литература

1. Final Communiqué. North Atlantic Council. Lisbon, 20th–25th Feb., 1952 <<https://www.nato.int/docu/comm/49-95/c520225a.htm>>.
2. Ibid.
3. Schuette L. Why NATO Survived Trump: the Neglected Role of Secretary General Stoltenberg // International Affairs. 2021. Vol. 97. No. 6. P. 1863.
4. A Strong Transatlantic Bond in Uncertain Times. Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at an event hosted by the German Marshall Fund of the United States <https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_137727.htm?selectedLocale=en>.
5. Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales <https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm>.
6. Re G. NATO head: Trump's tough talk has added \$100B to alliance, helped deter Russia <<https://www.foxnews.com/politics/nato-head-says-trumps-tough-talk-has-helped-alliance>>.
7. NATO: good for Europe and good for America. Address to the United States Congress by NATO Secretary General Jens Stoltenberg. 03 April 2019 <https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_165210.htm>.
8. Gould J. Would Trump drive NATO exit? Congress works on roadblocks <<https://www.defensenews.com/congress/2019/12/16/would-trump-drive-nato-exit-congress-works-on-roadblocks/>>.

9. Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the Leaders' Meeting in London on 3 and 4 December <https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_171460.htm>.
10. *McTague T., Serhan Y.* The Man Who Figured Out Trump <<https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/12/jens-stoltenberg-donald-trump-nato/602914/>>.
11. *Herszenhorn D.M.* Jens Stoltenberg's (Trump) mission accomplished <<https://www.politico.eu/article/jens-stoltenberg-donald-trump-nato-secretary-general-brain-death-emmanuel-macron-mission-accomplished/>>.
12. *Ellyatt H.* China is 'coming closer' but we don't want a new adversary, NATO chief says <<https://www.cnbc.com/2019/12/02/jens-stoltenberg-rising-power-china-must-be-addressed-by-nato.html>>.
13. Afghanistan: NATO chief warns against hasty troop withdrawal <<https://www.dw.com/en/afghanistan-nato-chief-warns-against-hasty-troop-withdrawal/a-55632389>>.

Бородкин Е.

Санкт-Петербургский государственный университет

Американо-нидерландские отношения при Дональде Трампе

На протяжении более четырех сотен лет Нидерланды и Соединённые Штаты связывают узы, основанные на общих ценностях и истории. Сегодня Нидерланды и США продолжают поддерживать тесные, дружественные отношения. Это зависит не только от их исторических связей, но и от общего взгляда на права человека, свободу и экономику. Когда-то бывший президент США Джордж Буш назвал США и Нидерланды «братскими нациями» [1].

Экономические связи между двумя странами способствовали успешному развитию как голландской, так и американской экономик. Еще будучи совсем молодым государством, США получали большие порции голландских инвестиций, что давало дополнительный импульс для экономического развития новообразованного государства. Сегодня благоприятный инвестиционный климат между двумя странами не только сохраняет свои обширные объемы, но и наращивает их. Нидерланды являются третьим по величине инвестором в экономику США, а США — крупнейшим инвестором в нидерландскую. В рамках данных экономических отношений было создано от 700 000 до 825 000 американских рабочих мест. В политической и военной сферах отношения также сохранялись в хорошем состоянии. Один факт того, что в Нидерландах Барак Обама был одним из самых популярных политиков, говорит о многом. Предыдущий президент США Барак Обама выступал за дальнейшее развитие трансатлантических экономических и политических связей, за активную поддержку союзников по НАТО. Трамп, напротив, предпочел лобовую политическую атаку.

Во время президентства Дональда Трампа произошел процесс пересмотра американских внешнеполитических ценностей. Был поставлен вопрос о целесообразности участия США в международных организациях, которые вели к дополнительным издержкам. Произошла смена политического курса Америки, что взбудоражило гол-

ландское общество. Активная критика ВТО, НАТО, односторонний вывод американских войск из Сирии, выход из Парижского соглашения, экстраординарное поведение и другие действия Трампа часто ставили голландских политиков в замешательство. В данных условиях существует естественный интерес в рассмотрении феномена Дональда Трампа и влияния его политики на американо-нидерландские отношения.

По словам голландских дипломатов и дипломатических экспертов, отношения между Нидерландами и США «остыли» и «испортились». «Есть снижение доверия, это я слышу на вершине голландской дипломатии», — сказал политический эксперт Роберт ван де Роер в интервью RTL Nieuws. «За кулисами вы слышите: Америка больше не Америка» [2]. Свою обеспокоенность по поводу положения дел между странами после инаугурации президента США Дональда Трампа отметил и Хенне Шувер, недавно ушедший в отставку посол Нидерландов в США. Шувер сказал газете NRC, что с января 2017 г. в Вашингтоне царит «абсолютный беспорядок» [3]. Дополнительным сигналом ухудшения отношений между Нидерландами и США может послужить тот факт, что Нидерланды отказали в военной поддержке американцев в Сирии в Ормузском проливе. Складывалось опасение, что на США уже нельзя положиться как на верного союзника.

Причины ухудшения отношений между Нидерландами и США во время президентства Дональда Трампа можно разделить на две стороны — голландскую и американскую. С голландской точки зрения, к охлаждению отношений привела изоляционистская риторика, которая предполагала гораздо меньшую поддержку союзников по НАТО и замедление развития свободной торговли между странами. Также американская международная политика стала более непредсказуемой. Это не могло не беспокоить голландских политических деятелей, которые планировали, что США, как и прежде, будут координировать свои действия, советуясь со своими ближайшими союзниками. В первые же годы президентства Трампа мы видим, что Трамп начал действовать, нарушая прежние договоренности, в которых принимали участие и Нидерланды. Проблематика американо-нидерландских отношений имеет более комплексный характер для голландцев. Одна из, казалось бы, несущественных проблем, но в эпоху информационного общества и широкого распространения влияния социальных сетей эта проблема приобретает более

серьезный окрас. Дело в том, что посты Дональда Трампа часто ставили в недоумение голландских политических деятелей, после чего Вашингтон вынужден был давать объяснения и успокаивать своих нидерландских коллег. В своем Твиттере Трамп часто делал парадоксальные заявления, которые могли быть неверно интерпретированы европейскими партнерами. Этот факт вносил в американо-нидерландские отношения элемент непредсказуемости, что осложняло процесс построения верной дипломатической линии. Иными словами, американская политика становилась более непредсказуемой для голландцев. В конечном счете заявления Дональда Трампа в Твиттере не сыграли большой роли в дальнейшем развитии американо-нидерландских отношений.

Свою роль играет и выход Соединённых Штатов из международных договоров. Америка вышла из Парижского соглашения по климату, что очень насторожило голландскую сторону, так как Нидерланды — одна из самых активных стран, продвигающих идеи защиты природы. Нидерланды стремятся создать экономику на основе переработанного сырья, снизив использование так называемого первичного сырья на 50 % к 2030 г., а к 2050-му — и на все 100 %. Создавая эту программу внутри своей страны, Нидерланды рассчитывали, что другие развитые страны смогут присоединиться и создать похожие программы внутри своих государств. Анонсировав начало данной программы в 2016 г., в 2017-м после вступления Дональда Трампа в должность президента США встретили первые сложности, так как новоизбранный президент покинул сделку Парижского договора.

8 мая 2018 г. Дональд Трамп заявил, что США покидают ядерную сделку с Ираном. Данное решение Дональда Трампа раскритиковал премьер-министр Рютте, назвав эти действия «неуклюжими». Также Рютте сказал, что США приняли такое ответственное решение без оглядки на своих союзников, что заставляет усомниться в надежности американо-нидерландского партнерства. По мнению Рютте, это дестабилизирует обстановку в регионе. Нидерланды во многом зависимы от мировой торговли, а стабильность обстановки на Ближнем Востоке играет в этом немаловажную роль. Вывод американских войск из северной Сирии также обеспокоил Нидерланды, о чем заявил министр голландский министр обороны Анк Бийлевельд. Министром обороны, как и премьер-министром Рютте, было сказано,

что США не проинформировали Нидерланды о своих намерениях, что абсолютно некорректно в контексте союзнических отношений.

Что касается американской стороны, то проблемы проистекают из того, что администрация Дональда Трампа была недовольна тем, что европейские партнеры вкладывают гораздо меньшие средства в функционирование НАТО, в том числе и Нидерланды, которые не расходуют необходимые два процента от своего ВВП на оборону. Премьер-министр Рютте признал данный факт в своей речи 3 октября 2019 г. С точки зрения американцев, имеющих изоляционистский взгляд, и, в частности, самого Трампа, европейские страны, вкладывавшие недостаточно средств в свою оборону, ложились тяжким бременем на американский бюджет, а следовательно, и на американского налогоплательщика.

Курс Трампа, отвергавший более форсированное движение в сторону мировой интеграции, просто не может сопрягаться с интересами Нидерландов, которые, по сути, основали благополучие своей страны на свободной торговле и открытости мира. Ярче всего это выразилось в «торговой войне» США с Китаем. Администрация Трампа оказала давление на Гаагу, чтобы предотвратить поставки голландского высокотехнического оборудования в Китай. Вследствие чего голландцы были вынуждены отказать Китаю в поставке оборудования более чем на \$150 млн. Нидерланды не желали втягиваться в противостояние между двумя странами и использовать проверенную формулу нейтралитета в любых конфликтах, извлекая для себя наибольшую экономическую выгоду. Перспектива втягивания Нидерландов в экономическое противостояние с Китаем, который в современных экономических реалиях остается важным экономическим партнером, было максимально нежелательно для правительства Нижних Земель.

Имея в своем багаже все вышеперечисленные противоречия, США и Нидерланды продолжали развивать тесное сотрудничество между собой. Состояние американо-нидерландских отношений при Дональде Трампе можно описать как краткосрочный период «похолодания», так как экономическая составляющая, по сравнению с политической, выходит для двух стран на первый план, поэтому урегулирование противоречий было неизбежно. Нидерланды придерживались линии сохранения вовлеченности США в европейскую политику. Это следует из заявления Марка Рютте, сделанное им в сте-

нах Европейского парламента. В своем выступлении премьер-министр подчеркивает, что мировые проблемы не могут быть решены без США. Также многие голландские политики выступали за сохранение ближайших отношений с Америкой. «Мы должны иметь тесные отношения с США, что крайне важно для нашей безопасности, независимо от того, какой президент находится у власти и симпатичен ли он нам», — сказал депутат ВВД Свен Купманс.

Как мы видим, голландцы всё же были склонны поддерживать диалог и развивать его в благоприятном направлении. Этому может послужить несколько позитивных моментов, которые произошли во время президентства Дональда Трампа. Состоялось подписание нового договора, который расширял американо-нидерландское сотрудничество в сфере обороны и вооружения. В соглашении говорится о совместных действиях нидерландской и американской армий в операциях в Афганистане и в Ираке. На той же встрече, где был подписан данный договор, министр обороны Бийлевельд заявил о готовности приступить к рассмотрению увеличения оборонного бюджета Нидерландов для удовлетворения просьбы США. Тем не менее Нидерланды не планировали активно увеличивать военный бюджет. Что касается экономики, то Рютте и Трамп продолжали работать над укреплением экономических связей. На встрече двух лидеров в 2018 г. Рютте и Трамп обсудили многие болезненные аспекты американо-нидерландских отношений. После переговоров Трамп заявил, что отношения между Нидерландами и США «отличные, как никогда» [4]. Здесь виднеется любовь Трампа к преувеличениям. Действительно, экономические отношения двух стран остаются на высочайшем уровне, но в политическом аспекте существовала масса сложностей.

Анализ политики Дональда Трампа позволил автору сформулировать следующее суждение: политика Дональда Трампа во многом создала условия для образования противоречий между двумя странами, но о полноценном ухудшении отношений говорить не приходится, можно лишь сказать, что был нарушен привычный канал связи между политической элитой Нидерландов и президентом США. Дональд Трамп, препятствующий развитию свободного рынка и критиковавший коллективную систему безопасности в Европе, идеологически не мог соответствовать развитию диалога между двумя странами. В таких условиях дипломатия Нидерландов показала

свою сдержанность, обозначив ориентацию на продолжение сотрудничества. Голландцы были вынуждены лавировать между политикой нового президента и своими интересами. Две страны, несмотря на ухудшение отношений, продолжали сотрудничать в сфере экономики и безопасности. Нидерланды, как маленькая страна, стараются увеличивать свою независимость, формируя свою политическую линию в соответствии со своими интересами, соблюдая баланс между европейской и американской направленностью своей политики. Сейчас же со сменой администрации Трампа на администрацию Байдена наблюдается тенденция к новому сближению, которое, возможно, приведет к большим прорывам в рамках двусторонних отношений. Можно даже в какой-то мере сказать, что эти отношения, как и впрямь, после «похолодания» будут переживать «оттепель».

Литература

1. *Helvert van M.* The United States Parliamentary Contact Group // *Atlantisch Perspectief*. 2019. Vol. 43, No 2.
2. De bekoelder relatie tussen Nederland en de Verenigde Staten: „Amerika is Amerikaniet meer“ // *rtnieuws.nl* <<https://www.rtlnieuws.nl/nieuws/politiek/artikel/4881826/donald-trump-mark-rutte-diplomatie-internationale-betrekkingen>>
3. “America is not America anymore” say Dutch diplomats on U.S. relations: Report // *nltimes.nl* <<https://nltimes.nl/2019/10/14/america-america-anymore-say-dutch-diplomats-us-relations-report>>
4. Zelfverzekerde Rutte onderbreekt Trump tijdens bezoek aan Witte Huis — Trump noemt relatie tussen VS en Nederland beter dan ooit // *businessinsider.nl* <<https://www.businessinsider.nl/live-moederszoon-mark-rutte-op-bezoek-bij-vaderstype-donald-trump>>

Блохина И.

Санкт-Петербургский государственный университет

Современная политика США по обеспечению национальной кибербезопасности

Изначально интернет задумывался как пространство, свободное от государственного регулирования и влияния бизнес-структур. По своей природе ему присущи принципы всеобщей доступности, взаимного доверия и свободы выражения мнений, которые и стали залогом его успеха. Однако в процессе коммерциализации интернета и, как следствие, его популяризации новые заинтересованные стороны в лице государств, гражданского общества и бизнес-структур стали всё больше вовлекаться в управление интернетом. Спустя два десятка лет, в эпоху нарастающей масштабности кибератак, обеспечение кибербезопасности приобрело характер необходимости для любого цивилизованного государства. Несмотря на то что на современном этапе в мире отсутствует консенсус по поводу допустимого предела государственного вмешательства в управление интернетом, очевидно глобальное влияние США в этой сфере. Как в документах, так и на практике США упорно отстаивают положение лидера мнений. Кроме того, техническое управление интернетом находится в руках американской организации «Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами» (*Internet Corporation for Assigned Names and Numbers, ICANN*), которая долгое время была подотчетна Министерству торговли США.

Основной целью данного исследования является выявление доктринальных основ политики обеспечения кибербезопасности США на современном этапе, а также раскрытие как преемственных, так и сравнительно новых, появившихся при президенте Трампе направлений и подходов. Несмотря на публичный отказ президента Трампа от документального наследия предыдущей администрации в этой области, многие наработки администрации Б. Обамы перекочевали в новые законодательные акты. Например, в Национальной киберстратегии, изданной в 2018 г., фигурирует традиционная модель управления интернетом с участием всех заинтересованных сторон — мультистейкхолдеризм.

На фоне рассмотрения в 2017 г. закона об отмене сетевого нейтралитета приверженность США ценностям общедоступного и свободного интернета стала широко подвергаться сомнениям в обществе. Большинство ученых и правозащитников придерживается мнения о том, что ограничение свободы слова в американском сегменте интернета происходит в угоду коммерческим мотивам. Среди организаций гражданского общества, таких как Freedom House [1], «Репортеры без границ» [2] и OpenNet [3], также доминирует негативная оценка состояния свободы слова в Интернете.

Вопреки этому законодательные акты администрации Д. Трампа показательны консервативны по проблеме сохранения свободы слова в интернете и дословно повторяют посыл стратегических документов и заявлений американского руководства при Бараке Обаме. В связи с изданием в мае 2020 г. Д. Трампом указа о препятствии онлайн-цензуре [4] можно предположить, что вместе с признанием увеличивающейся роли интернета последовало ужесточение законодательства в части обмена информацией. Данная тенденция встретила сопротивление со стороны интернет-провайдеров и крупных интернет-компаний. Вопреки общественному осуждению, ужесточение норм параллельно с сохранением приверженности свободному интернету прослеживалось на протяжении всей истории интернета.

В большинстве документов в области информационной безопасности развитие потенциала государственно-частного сотрудничества в сфере укрепления критической инфраструктуры называется первостепенной задачей. Несмотря на то что на протяжении более двух десятилетий декларируется нацеленность на скоординированное между правительством и частными предприятиями противодействие киберугрозам, в Соединённых Штатах долгое время не создавалось полномочных структур, направленных на реализацию таких совместных усилий. Вместо этого организовывались Комиссии с широким мандатом на переосмысление Киберстратегии, которые разрабатывали рекомендации по развитию частно-государственного партнерства. Однако эти рекомендации по большей мере не были воплощены в жизнь. Безусловно, такие препятствия, как конкуренция между спецслужбами и службами безопасности частных компаний, а также проблемы конфиденциальности данных и культура повышенной секретности, затрудняют обмен информацией о киберугрозах.

Тем не менее именно при президенте Трампе были сделаны заметные шаги в сторону разрешения проблемы. Очередная Комиссия по киберпространству опубликовала свой Отчет [5] в марте 2020 г., в котором авторы осудили политику невмешательства государства в дела компаний, в результате которой внушительная доля инфраструктурных объектов остается незащищенной. Отчет порекомендовал государству организовать многоуровневую систему «коллективной обороны» для защиты национальной и экономической безопасности. Для более эффективного сотрудничества было рекомендовано предоставить федеральным органам США большие ресурсы и полномочия для защиты критической инфраструктуры, а также наладить двусторонний обмен информацией. Трамп отреагировал на упоминание в отчете проблемы высокой уязвимости части цифровой инфраструктуры, находящейся в руках частного сектора. Таким образом, под большим влиянием Комиссии по киберпространству и по приказу президента Трампа, в существенной мере были расширены полномочия и финансирование созданного при администрации Трампа Агентства по кибербезопасности и инфраструктурной безопасности (*Cybersecurity and Infrastructure Security Agency, CISA*). Агентство стало выступать в качестве центрального координирующего элемента для поддержки и интеграции федеральных, государственных, местных и частных усилий в области кибербезопасности. Что касается других нововведений, именно в Стратегии кибербезопасности Министерство обороны в качестве основного направления деятельности взяло на вооружение тактику проактивной обороны “defend forward” [6]. Также и в Национальной Стратегии кибербезопасности красной строкой проходит мысль о том, что защита национальной критической инфраструктуры и правительственных сетей должна осуществляться в соответствии с принципом постоянной вовлеченности “persistent engagement”, что подразумевает ежедневное состязание со стратегическими соперниками, обеспечение готовности к войне за счет сбора разведанных и наращивания наступательного киберпотенциала, а также допускается сдерживание киберинцидентов за пределами киберпространства [7].

Данные стратегические документы видят угрозы в негосударственных акторах, но прежде всего во «враждебных государствах», стоящих за ними. Китай, Россия, Иран и Северная Корея определяются как основные противники в киберпространстве. Таким обра-

зом, можно заключить, что Стратегии в целом становятся более агрессивными, то есть фиксируется рост взаимного недоверия в цифровом пространстве.

Атмосфера взаимных подозрений и настороженности, царящая на международной арене в настоящий период, служит дополнительным стимулом для секьюритизации интернета. В этих условиях в стратегических документах закрепляется установка на необходимость централизованного государственного надзора за кибербезопасностью. Однако политическое противоборство США и России затрудняет оформление действительно глобального конструктивного диалога по согласованию норм в сфере кибербезопасности. Таким образом, особенностью современного политического контекста является фрагментация глобального диалога об ответственном поведении в киберпространстве. Именно поэтому Белый дом поддерживает создание коалиции с государствами-единомышленниками под началом Соединённых Штатов, с целью более эффективного и жесткого реагирования на враждебные действия и «недопустимое поведение» третьих сторон в киберпространстве.

Однако потенциал группировки Т-12 для противодействия амбициям Китая часто подвергается сомнениям в научном сообществе [8]. Прежде всего, ключевым недостатком такого технологического альянса является отсутствие конкретных целей его деятельности. Чрезмерное размывание круга задач неминуемо приведет к тому, что ввиду нехватки ресурсов настоящего прорыва не произойдет. Кроме того, сомнительной является целесообразность создания закрытого клуба западных техно-демократий, поскольку в этом объединении не будут представлены регионы цифровой конкуренции: Юго-Восточная Азия, Африка, Латинская Америка, а также «колеблющиеся государства» — Бразилия и Кения, — которые могут как подорвать, так и усилить влияние Китая в своем регионе. Хотя Европейский союз заинтересован в объединении усилий с США с целью противостояния китайской экспансии, гарантии консенсуса отсутствуют. Разрозненность данного блока проявляется в разных подходах к ключевым проблемам: приватности, государственного регулирования и использования данных. Нет стабильности и внутри США: республиканцы и демократы спорят по поводу необходимости пересмотра промежуточной защиты ответственности интернет-платформ (исполнительный указ о запрете онлайн-цензуры) [4].

Таким образом, Соединённые Штаты не в состоянии убедительно возглавить диалог западных государств по технологической повестке, не разрешив сначала свои внутренние противоречия и не уточнив направление своей политики по целому ряду спорных вопросов. Таким образом, бурное развитие сферы ИКТ и постоянно возрастающие угрозы отразились в Киберстратегии в форме постановки долгосрочных и амбициозных, но отнюдь не четких целей.

Лучшим практическим достижением и результатом рабочей Стратегии было бы предотвращение и прекращение кибератак на американскую государственную и частную инфраструктуру. Между тем президентские выборы 2016 и 2020 гг. закончились одинаково: всеобщим недоверием к результатам и возросшей напряженностью в отношениях США и России. Подробное изучение киберстратегии, отдельно и в контексте других принятых Трампом документов в сфере кибербезопасности, а также сравнение ее с аналогичными документами экс-президентов выявило высокую выверенность данного законодательного акта. Стало быть, Киберстратегия не могла и не может быть причиной ослабления уровня кибербезопасности, а неудачи были связаны с ее исполнением.

Для устранения уязвимостей требуется не новая грандиозная киберстратегия, а дисциплина и ресурсы для реализации нынешней. Именно поэтому на Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры возлагаются большие надежды относительно разработки и реализации централизованной политики кибербезопасности и мобилизации федеральных ресурсов. Тем не менее политика обеспечения национальной кибербезопасности, действительно, формируется с учетом основных столпов стратегии национальной кибербезопасности, а также с помощью других норм в этой области.

Итак, актуальные документы стратегического планирования, в первую очередь национальная киберстратегия США и киберстратегия Министерства обороны, становятся всё более комплексными, уточняются новые угрозы.

В ближайшем будущем мы с большой долей вероятности увидим развитие разработанной при Трампе концепции постоянного противодействия и обороны за передовой линией, а также плоды расширения полномочий киберкомандования.

В области международного сотрудничества мы придерживаемся мнения, что Байден склонен обратиться к наработкам времен

Б. Обамы, предусматривавшим широкое международное участие при сохранении лидерской роли. Вслед за Международной стратегией по киберпространству Б. Обамы один из указов Байдена стремится укрепить коллективный подход к кибербезопасности. Вполне возможно, в скором времени выйдет Новая киберстратегия, напоминающая международную стратегию по киберпространству Б. Обамы, однако с высокой долей вероятности можно утверждать, что восприятие в ней России и Китая останется прежним.

Литература

1. Freedom on the Net Report // Freedom House <<https://freedomhouse.org/countries/freedom-net/scores>>
2. Reporters without borders 2020 <<https://rsf.org/en/united-states>>
3. OpenNet United States and Canada review, 2020 <<https://opennet.net/research/regions/united-states-and-canada>>
4. Executive Order on Preventing Online Censorship 2020 // The White House <<https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-preventing-online-censorship>>
5. Cyberspace Solarium Commission Report, 2020 <<https://www.solarium.gov/report>>
6. DOD Cyber Strategy, 2015 <https://archive.defense.gov/home/features/2015/0415_cyber-strategy/final_2015_dod_cyber_strategy_for_web.pdf>
7. National cyber strategy of the United States of America, 2018 <<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>>
8. *Feldstein S.* How Should Democracies Confront China's Digital Rise? Weighting the Merits of a T-10 Alliance <<https://www.cfr.org/blog/how-should-democracies-confront-chinas-digital-rise-weighting-merits-t-10-alliance>>

Goncharenko V.

Russian State University for the Humanities

Nikitina K.

St. Petersburg State University

Foreign Policy Goals of Biden's Administration Illustrated by the Interim National Security Strategy Guidance

On November 2020, Joseph Biden was elected the 46th president of the United States of America [1] and the era of Republican President Donald Trump has drawn closer to its logical conclusion. In the inaugural address Joe Biden proclaimed rather new political goals that significantly differ from Donald Trump's foreign policy guidelines. Later he underlined the importance of facing not yesterday's, but today's and tomorrow's goals and stressed that despite his team is still working on the text of the new National Security Strategy document, America cannot afford living by the National Security Strategy of Donald Trump's Administration [2] until the paper is released.

In this regard the White House published the Interim National Security Strategic Guidance (INSSG). This happened for the first time in American history. Previous administrations used to refrain from issuing formal guidance that give utterance to the strategic intent until producing the congressionally mandated paper [3]. Nevertheless, Biden-Harris Administration strove as quickly as possible to draw the line between the present and former America's government, therefore the INSSG has seen the world on March 2021 [4].

The introduction of the INSSG underlines the core intentions of Joe Biden's Administration. Thus, new government is going to renovate military capabilities and diplomacy, to reclaim the place of the United States in international institutions, to modernize economic foundations in order to make them more favorable than in terms of Donald Trump, to be guided by the principles of lifting up and defending American crucial values at home and around the world. It was stated, that "*American government will meet every challenge and outpace every challenger from a position of strength if it's necessary*" [4]. All these goals were proclaimed in the inaugural address [5] and later were announced in the INSSG.

This document states the President's conceptual approach to national security matters, identifies key priorities in the sphere of climate and environment, healthcare, cybersecurity, arms control and non-proliferation, considers national threats and regional challenges and notes the balance between soft and hard power resources. Considerable attention is paid to cooperation and deepening the relationships with the US closest allies and partners and to renewing enduring sources of America's national strength.

To start with, continuity in the form of articulation was highly expected despite the fact that the new administration seeks to abandon Trump's legacy. This implication is gleaned from the axiomatic statement that the administration is a variable while American interests are constant. Despite the fact that Biden's team wants to deprive the national security's establishment's mechanism of any developments introduced by Trump's administration, it denies the possibility of restoring any previous conditions before 2016. For both Trump and Biden, security cooperation that includes further strengthening of the alliances and assistance programs is the key to a successful defense strategy [6]. However, the Biden administration demonstrates a higher degree of awareness in addressing global challenges relying on collective solutions. The striking difference lies within the rhetoric as well. Biden speaks less bold language with the use of more insightful comments, so does the INSSG.

During the analysis of the INSSG its content was divided into several most important semantic parts concerning vital foreign policy goals of Biden's Administration: national threats and regional challenges, the containment of China, role of the White House in the international institutions, arms control and non-proliferation, climate and environment, diplomacy tools. This division is aimed to provide a better understanding of Joseph Biden's foreign policy attitudes; it upholds to shape more complete representation of the America's foreign policy for the next four years.

According to the INSSG "*Free societies have been challenged from within by corruption, inequality, polarization, populism, and illiberal threats to the rule of law. Nationalist and nativist trends — accelerated by the COVID-19 crisis — produce an every-country-for-itself mentality that leaves them all more isolated*" [4, P.7]. These trends became global and require immediate actions. Among other national and regional challenges, the document lists such threats as an increasing role of the antagonistic authoritarian powers, misinformation, disinformation and weaponized corruption used by anti-

democratic forces to threaten democracies across the globe. International and domestic terrorism, violent extremism, pandemics, biological risks, the escalating climate crisis, cyber and digital threats, international economic disruptions and the proliferation of weapons of mass destruction are also still posing the existential danger to free nations and societies around the world.

Significant attention in this document is paid precisely to the influence of anti-democratic forces on the formation of new challenges both to the world in general and to the United States in particular. This is primarily due to the fact that the Biden-Harris Administration proclaimed the protection and promotion of the democratic values as one of the key national security priorities and outlined China, Russia, Iran and North Korea the most threatening anti-democratic powers to America's allies and the US leadership in the world [4, P.8]. There are no more Obama-like hopes for possible broad-scale partnership with China and Russia. The identification of them as potential foes is cemented by the current INSSG [7]. Yet, the US is ready to engage in beneficial cooperation with them in the sphere of information and military technology development which goes in line with the general foreign policy. The reason for such selective collaboration is the US tries to keep a competitive market of emerging innovative technologies open and thus prevents China and Russia from creating its own isolated areas of technological influence [8].

Considering regional processes and challenges mentioned in the INSSG, the following consistent pattern cannot be ignored: one of the crucial issues for the current administration is the deterrence of China. The document underlines the importance of the prevailing of the US in the strategic competition with China or any other nation, setting the international agenda since the Chinese government keeps getting more and more assertive and represents a sustained challenge to a stable and open international system. Speaking of Russia, it is seen as a declining power since the threat number one is China while Russia goes as a secondary destabilizer of the international order that was impossible to establish without American contribution.

To sustain America's leadership and combat states that produce threats, the new administration suggests matching the powerful military to the security environment. This affirmation replicates Obama's and Trump's approaches to charting the overall political course [9]. The announcement that military force should be the means of last resort risks to end in a

protracted controversy within the national security establishment system. On the other hand, this statement might be signaling to the world that the US position will be proactive. The administration plans to draw strength from standard economic investment, information influence and American role model with its diversity as a rediscovered source of power. The diversity is to provide broader representation of different classes and ethnic groups on the labor market and guarantee an inflow of novel ideas and talents to security enterprises [8].

Other regions are mentioned in the INSSG briefly. The main point is that the US should consider every challenge from the position of power. Concerning the state of things in the Middle East, the document states that military force is not the answer to the region's challenges. It is vital to admit the necessity of ending slaughterous, dragged-out and expensive war in Afghanistan and reducing America's presence in the Middle East. This implies the idea that Joseph Biden intends to adhere to Barak Obama's policy at least to some degree and bring peace to the Middle East during his presidential term [10]. The new approach to the conflict resolution in the Middle East is outlined implicitly. It is clear that the US is interested in de-escalation in the region by means other than military. In this regard, military power is expected to be redistributed to other regions.

One more regional aspect that is important to admit is that the European Union (EU) was not mentioned as a core ally. It holds the second place in the ranking of priority partners after the Indo-Pacific. "*USA should form strong, common agenda with the European Union*" [4, P. 10] is stated in the document. From the American point of view, the countries of the EU represent independent centers of power; therefore, they are supposed to be economic rivals of the US. Given the global economy reshaped during the pandemic, one might interpret "forming common agenda" as "shaping common market with the EU" (unless the EU decides to merge its market with other actors and trade depending rather on its commercial benefits than value-based preference as the case of EU-Russia cooperation in the Nord Stream 2 project). Besides, the EU was mentioned in the document only four times, while Donald Trump considered the EU so important that he devoted almost two whole pages to it in his National Security Strategy [11]. This approach to dealing with the EU this way adds to the sense of American protectionism. No matter Biden or Trump, domestic affairs remain an economic and strategic priority followed by the reconstruction of the economy and supportive institutions hit by the pandemic. The new

rules to the play with America's allies and partners might emerge soon since the US aims to adapt its mercantilist attitude to an open global economy [12]. The latter is needed to contain China and Russia from seizing the information and military technology innovations.

Nor should the following notion be failed: Biden's team wishes to restore the leading positions in international institutions and to earn back influence on the environmental and health organizations which were lost when Donald Trump made a decision to quit them. Joseph Biden has already taken the following steps towards reaching these goals: after his inauguration he has canceled decrees of the previous president concerning the Paris Agreement and the World Health Organization (WHO). Moreover, he initiated reforms in the WHO. With regard to the restoration of the former role of the White House in environmental organizations, a curious trend in post-Trump's American foreign policy concerning the sphere of ecology should be underlined: the new government sets the struggle against global warming and climate change as a top national security priority and devotes to climate issues a huge part of the paper, *"USA will make the clean energy transformation a central pillar of our economic recovery efforts at home, generating both domestic prosperity and international credibility as a leader of the global climate change agenda"* [4, P. 12].

Regarding the role of the US in the international institutions, it is necessary to note the North Atlantic Treaty Organization (NATO). The former president of the United States Donald Trump in 2017 stated *"NATO is obsolete"* [13] and despite the fact that later he denied his words, mentioning that the NATO is *"no longer obsolete,"* [14] the problem of NATO's renovation came up on the agenda as the most important part of its existence. In this case the Biden-Harris administration has announced reforms and modernization of the North Atlantic Alliance. According to the INSSG, modernization of NATO is introduced as a logical proceeding of the measures aimed at deterring China. It comes along with modernizing military capabilities which is shifting resources for investment from outdated weapon systems to brand-new military technologies [4, P.14]. It proclaims more investment to the information space mentioned before. As rightly pointed out by Kevin Bilms, an expert who served at the National Security Council, the information operating system of the American establishment is faced with underinvestment and fragmentation [8]. A better coordination between the state departments, intelligence community and channels of public diplomacy is needed. A small prediction is NATO

reforms will touch first its communication activities or spending related to public diplomacy instead of altering the overall NATO's structure.

Gaining an upper hand in the military advancement outside NATO forces is intertwined with nuclear security. In the previous NSS of 2017 arms control modernization was considered to be part and parcel of deterrence. The reverse trend is reduction of the role of nuclear weapons in the upcoming security strategy, which is at odds with the goal of the new administration to "*re-establish credibility as a leader in arms control*" [4, P. 13.]. This controversial detail corresponds to the saying that the administration is to resort to military force as a final course of action when "*diplomacy, development and economic statecraft*" fail as leading instruments [4, P. 14]. It should be concluded that conventional military response will be replaced by elaborate actions in the information space. One factor the new administration is missing is its two greatest nuclear rivals, China and Russia, have been long invested in the process of nuclear modernization as the US keeps operating with aged weaponry [7].

Arms control and non-proliferation are of great importance in the development of the modern world and peaceful living of free societies. According to the INSSG, the US will pursue non-proliferation leadership. From the point of view of Biden's team, security is linked to economic development, healthcare, environment, democracy and rule of law. The strategy implies the referent object should be the American citizens. In favor of the American society the following actions are mentioned in the INSSG: support for American jobs and values (in connection with equal rights, opportunities and environmental sustainability), investment in American workers and small business, assistance to labor and environmental groups (as a lobbying instrument) [4, P. 15–16]. Focusing on domestic affairs is a clear sign for Trump's legacy to stay there, although in more reasonable articulation and stronger relation to the state of international affairs. In contrast, the statements implying arms race and support for rivalry are still present in the INSSG. The competition between great powers is reiterated. In this regard Biden's administration will do everything possible to influence so-called failed states and deter Iranian and North Korean aggression, to empower diplomats to work on the issue of threats posed by China and Russia and other potential adversaries.

In the conclusion of the INSSG, the main thought is concentrated in the phrase "*we have to defend our democracy, strengthen it and renew it*" [4, P. 23]. It contains the recognition that the US is experiencing its identity

or value crisis weighed down with economic recession, increasing public debt and the pandemic. Consequently, the new administration searches for sources of power within the nation and finds diversity. Cultural diversity might be a way to generate a model of renewed democracy apt for the time and prevent the society from polarization for a while. In these ends, it is clear the US is going to maintain arms race and sustain the vision of China being their main threat to consolidate the society and pacify partisan disputes on the grounds China poses a security challenge. The Interim National Security Strategic Guidance provides us with the vision of prospective directions of Biden's attention that seems to be quite dispersed. The full version of the strategy will either demonstrate that foreign policy risks to be pulled in different inconsistent directions because of the outspread goals or that charting a new course based on holistic and comprehensive approach that includes as many security and non-security narratives as possible is the new way to a successful strategy.

References

1. Presidential Election Results: Biden Wins // The New York Times. 03.11.2020 <https://www.nytimes.com/interactive/2020/11/03/us/elections/results-president.html>.
2. *The Interim National Security Strategic Guidance* // Congressional Research Service. 29.03.2021 <<https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11798>>.
3. *The Goldwater-Nichols DOD Reorganization Act of 1986*. P.L. 99-433 <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf>.
4. *Interim National Security Strategy Guidance*. White House Office. 2021 <<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf/>>
5. *Inaugural Address by President Joseph R. Biden* // The White House. 20.01.2021 <<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/>>.
6. *Gvosdev N., Reveron D.* Revisiting Orbis: Continuity in the National Interest? Assessing the Biden Administration's Interim National Security Guidance // Foreign Policy Research Institute <<https://www.fpri.org/article/2021/03/continuity-in-the-national-interest-assessing-the-biden-administrations-interim-national-security-guidance/>>.
7. *Spoehr Th.* Hits & Misses in Biden's Interim National Security Guidance // The Heritage Foundation <<https://www.heritage.org/defense/commentary/hits-misses-bidens-interim-national-security-guidance>>.
8. *Bilms K.* Gray is Here To Stay: Principles From the Interim National Security Strategic Guidance On Competing In the Gray Zone // Modern War Institute at West Point <<https://mwi.usma.edu/gray-is-here-to-stay-principles-from-the-interim-national-security-strategic-guidance-on-competing-in-the-gray-zone>>.

9. Bildt C. The Evolution of US Strategic Priorities // European Council on Foreign Relations <<https://ecfr.eu/publication/the-evolution-of-us-strategic-priorities>>.
10. *The Doorstep: Assessing Trump's Legacy on Biden's Foreign Policy, with George Mason's Colin Dueck* // Podcast Series for Carnegie Council for Ethics in International Affairs. 26.03.2021 <<https://www.carnegiecouncil.org/studio/multimedia/20210326-doorstep-trump-legacy-biden-foreign-policy-colin-dueck>>.
11. *National Security Strategy of the United States of America*. White House Office. 2017. P. 57–58.
12. Drezner D. Let's Grade the Biden Administration's Interim Strategic Guidance // The Washington Post. 09.03.2021. < <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/03/08/lets-grade-biden-administrations-interim-strategic-guidance>>.
13. *Trump Worries NATO With 'Obsolete' Comment* // BBC News 01.17.2021. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-38635181> (accessed on 01.05.2021).
14. *Trump says NATO 'no longer obsolete'* // BBC News 04.12.2021 <<https://www.bbc.com/news/world-us-canada-39585029>>.

Беспалов К.

Санкт-Петербургский государственный университет

Отношения США и ООН в период президентства Дональда Трампа

ООН всегда была важным инструментом во внешней политике США. Причина этого — особая роль США в создании международной организации. США являются одним из государств — основателей ООН, и именно президенту Франклину Рузвельту принадлежит идея создания ООН.

Безусловно, США использовали ООН для реализации своих внешнеполитических целей, однако взаимодействие с организацией происходило с разной степенью интенсивности. Так, после окончания «холодной войны» в условиях, когда США оставались единственной в мире сверхдержавой, они начинали дистанцироваться от ООН, отводя всё меньшую роль организации в своей внешней политике. Это особенно проявилось после терактов 11 сентября 2001 г., когда США начали проводить глобальную войну с террором, отдавая предпочтение нанесению превентивных ударов по государствам, обвиненным в поддержке терроризма, даже если члены ООН и НАТО выступали против [1]. Однако отношения США и ООН изменились с приходом в Белый дом администрации Барака Обамы, когда США перешли от тактики единоличных силовых действий к практике многостороннего сотрудничества в рамках ООН и решения проблем преимущественно мирными способами. У каждого президента свое особое отношение не только к внешней политике в целом, но и к Организации Объединенных Наций в частности, и сорок пятый президент США Дональд Трамп — не исключение.

Для того чтобы определить, какими были отношения между США и ООН с начала 2017 г. по начало 2021 г., необходимо выяснить, какой подход выбрала администрации Дональда Трампа по отношению к ООН. Дональд Трамп известен как один из самых ярких критиков ООН, который неоднократно заявлял о необходимости реформировать данную организацию. Причину такого подхода стоит искать в принципах, на которые опирается вся внешняя политика

его администрации. При проведении внешней политики Дональд Трамп отталкивается от принципов политического реализма, прежде всего — опора на национальные интересы государства и стремление увеличить мощь стран. Это четко прослеживается в его предвыборном лозунге «Make America Great Again». Отношение администрации Трампа к международным организациям в целом понятно из Стратегии национальной безопасности 2017 г., которая гласит, что «мы будем конкурировать и лидировать в многосторонних организациях, чтобы защитить американские интересы и принципы» [2]. Таким образом, Дональд Трамп совсем не отказывается от ООН, а лишь подчеркивает, что международные организации нужны США для продвижения американских интересов и что сотрудничество в многостороннем формате возможно при условии лидерства США.

Выступая в первый раз в качестве президента США в штаб-квартире ООН, Дональд Трамп сразу же подверг организацию критике. Основой критики ООН со стороны США является финансовая сторона вопроса. США являются основным донором ООН и вносят колоссальные суммы в бюджет организации. До прихода Трампа США покрывали свыше 22 % регулярного бюджета организации, который составляет примерно \$5,4 млрд, а также 28,5 % расходов на миротворческие операции, которые обходятся в \$7,9 млрд. В общей сложности Вашингтон тратит на ООН и ее программы около \$10 млрд в год. По мнению Трампа, такое распределение финансового бремени в ООН является «несправедливым». Он считает, что взносы США на миротворческую деятельность организации не должны превышать 25 % [3]. В истории отношений США и ООН были случаи, когда Вашингтон прекращал вносить свой членский взнос в бюджет организации, вследствие чего формировался долг и возникали противоречия между США и ООН. По словам Трампа, «хотя регулярный бюджет ООН возрос на 140 %, а число сотрудников увеличилось более чем вдвое с 2000 г., мы не видим результатов подобного инвестирования»; «мы хотели бы добиться того, чтобы ООН вернула доверие людей во всем мире» [3]. Президент США также предлагал, чтобы все страны — члены ООН вносили равный вклад как в военном, так и в финансовом плане; кроме того, призывал определять ясные цели и конкретные показатели для оценки успешности миротворческих миссий ООН. В качестве подтверждения своих намерений по реформированию ООН для повышения ее эффективности Трамп заявил:

«Сделаем ООН великой. Не ” снова”, а просто сделаем ООН великой. Такой огромный потенциал. Думаю, мы сможем это сделать». Дональд Трамп также выразил признательность генеральному секретарю ООН Антониу Гуттеришу за его усилия по улучшению деятельности ООН и подтвердил свою приверженность реформам ООН.

Однако на практике не всё было настолько гладко. Администрация Трампа провела ряд действий, направленных на снижение роли США в ООН. 31 декабря 2018 г. США официально вышли из ЮНЕСКО. Началось всё с того, что 12 октября 2017 г. Госдепартамент уведомил генерального секретаря ЮНЕСКО о решении США выйти из организации и о намерении создать постоянную миссию наблюдателей. Важно, что США не полностью разорвали связи с ЮНЕСКО, а продолжили взаимодействовать с организацией, но уже в качестве страны-наблюдателя. Это было оправдано, по мнению американской стороны, несколькими причинами. Во-первых, с 2011 г. США, Канада, Израиль и ряд других стран приостановили выплату членских взносов после принятия в ряды ЮНЕСКО Палестины, вследствие чего накопился долг перед организацией в более чем \$500 млн. Во-вторых, США требуют проведения фундаментальных реформ организации. В-третьих, продолжающаяся антиизраильская предвзятость ЮНЕСКО. Всё это в совокупности побудило США выйти из организации. Стоит отметить, что такой прецедент уже был в истории отношений между ООН и США. В 1984 г. Соединенные Штаты покидали ЮНЕСКО из-за «просоветской» предвзятости, вернувшись лишь в 2002-м.

20 июня 2018 г. США покинули Совет ООН по правам человека. Однако, как в случае с ЮНЕСКО, США продолжают работу по защите прав человека за рамками организации, так как страна является лидером по продвижению прав человека, и защита этого принципа является одним из приоритетов внешней политики США. Причина выхода США из СПЧ — лицемерие организации, так как, по мнению Дональда Трампа, в его составе находятся государства, являющиеся главными нарушителями прав человека, такие как Китай, Куба и Венесуэла. Кроме того, США обвиняют СПЧ в предвзятости по отношению к Израилю, подкрепив этот тезис тем, что с момента основания Совета он одобрил больше резолюций, осуждающих Израиль, чем против всех остальных стран вместе взятых. Судя по этим внешнеполитическим маневрам, можно выявить тенденцию,

направленную на намеренное отдаление США от ООН и ее институтов, на уменьшение роли ООН в политике США и роли США в делах организации.

Проводя политику дистанцирования от ООН, США не ограничились выходом из некоторых ее институтов, а также проводили силовые действия без санкции ООН и без одобрения международного сообщества. К примеру, на протяжении нескольких лет Вашингтон обвинял сирийские власти в применении запрещенного химического оружия, однако подтверждающих доказательств предоставить не мог. 7 апреля 2017 г. Пентагон нанес массированный ракетный удар по базе ВВС Сирии в Шайрате. Президент США Дональд Трамп назвал удар «пропорциональным ответом» на якобы совершённую 4 апреля властями Сирии атаку на мирных жителей в провинции Идлиб. 3 января 2020 г. по распоряжению президента США Дональда Трампа был нанесен ракетный удар по автомобильной колонне, в результате которого погиб командующий Корпуса стражей исламской революции Касем Сулеймани. Такой шаг был направлен на сдерживание возможной агрессии Ирана в будущем.

Эти примеры инициативных силовых действий США показывают, что американская сторона не ждет, пока Совет Безопасности ООН примет резолюцию, позволяющую вести боевые действия, а решительно наносит удары туда, куда считает необходимым, и тогда, когда это необходимо.

Литература

1. Минкова К. В., Цветков И. А. История Стран Северной Америки. СПб.: Скифия принт, 2018.
2. *National Security Strategy of the United States of America*, 2017 <<http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf>>
3. Сделаем ООН великой: как Трамп предлагает реформировать всемирную организацию // ТАСС, 2017 <<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4572848>>

Romanov R.

Russian State University for the Humanities

Foreign Policy Decision-Making in the United States and China

Whenever actions of any country on the world stage are analyzed, experts mainly look into doctrinal documents, economic and strategic capabilities. They assess domestic and international contexts which add to state's capacity to implement its foreign policy. However, it is worth noting that all of those factors' expedience and efficiency depend on a structure of a decision-making mechanism. The argument is that even with lack of tools a more loosened decision-making process can not only improve country's prospects to accomplish its ends but complement a toolkit at the first place.

To prove this point of view, we must use two objects of analysis with almost proportionate geopolitical spanning: Both China and the United States possess immense economic resources and try to spread their influence around the globe through generating supply chains, investments and collective bargaining. Beijing holds a solid edge in the first two while underperforming Washington in the last one. The latter can be explained by absence of a pro-Chinese political and military alliance (like NATO) — one of the instruments the People's Republic of China (PRC) toolkit lacks.

If we look through the whole spectrum China has not become the largest economy yet and its strategic capabilities are mainly concentrated in one part of the Indo-Pacific — in the South China Sea, whereas the United States maintains its economic preeminence and wields not only the most powerful military but networks of alliances around the globe. Nevertheless, those advantages do not guarantee any long-term gains for Washington. Beijing holds up its prospects to become the economic powerhouse of the world and hustle America's influence in different regions.

According to the US Constitution the President of the United States is given the power to negotiate with foreign governments and appoint ambassadors. An incumbent can represent the country on the world stage, make treaties, and serve as commander-in-chief of the armed forces. However, the powers of foreign policy-making are not solely vested

in executive branch. All of those prerogatives can be used “with advice and consent of the Senate” [1]. There are legal venues to evade scrutiny from both chambers of Congress. For example, the mechanism of an executive agreement, the one utilized by president Barack Obama in 2015 when Senate republicans rebuffed a request to ratify the Iran nuclear deal framework, formally known as the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA). The trick gave the former president a chance to broker a deal with Iran without senators’ approval.

Still there are two factors that minimize the loophole’s benefit. First, an incoming administration that represents an opposition party will try to subvert policies of a preceding one. The very thing happened to the Iran nuclear deal framework. Trump only had to sign another executive document to withdraw the U.S. from the framework deal. This kind of precedents affects country’s trustworthiness and further complicates the process of negotiation. Second, Congress is responsible for funding majority of America’s international initiatives and commands so-called “power of the purse.” So, if the Oval Office is occupied by the Democrat and the Capitol Hill is controlled by the Republicans, the chances of a productive and stable cooperation remain very doubtful.

There are numerous other details of domestic political context: interest groups, influence of the think tanks the White House relies on and congressional bodies that supervise various sectors of governmental activities like budget allocations — everything puts additional pressure on those responsible for decision-making. For example, back in 2006 Israel launched an unsuccessful military operation against Iranian proxies in Lebanon. Tel-Aviv did not attain its strategic goals and Hezbollah bolstered its standing [2]. The fact damaged the Fouad Siniora administration, which had been elected a year before (after the Cedar Revolution).

The installation of an openly anti-Syrian government was considered as a success for the Bush administration, given an apparent lack of its achievements in the Middle East. Nevertheless, the United States sided with Israel. The problem is that there was no request for assistance and support from the Israeli government; in fact some of its representatives say that America’s committal made things even worse [3]. In 2006 Helen Cooper wrote in her op-ed for the “New York Times” that one of the main pro-Israeli voices on the National Security Council (NSC), among others, was Elliott Abrams (Deputy National Security Advisor in the administration of President George W. Bush) [4].

He can exemplify power of the both interest groups and foreign policy expert community. A Jewish American himself he married a stepdaughter of Norman Podhoretz, neoconservative, the editor of the “Commentary”, a magazine on religion, Judaism and politics. Served as an adviser in the International Advisory Council at Israel Democracy Institute and as a board member at the Jewish People Policy institute and the Tikvah Fund. Lifelong foreign policy hawk he has always been plain about his opinion on adapting military options. Another example of systemically imposed restrictions of foreign policy decision-making is an already mentioned “power of the purse” and actions of congressional committees. In 2012 President Barack Obama promised financial assistance through the US Agency for International Development (USAID) to Egypt. Two years before promise was made Republicans had won a landslide majority in the House which enabled them to fill committees with fellow party-members. As a result, appropriations committee blocked the president’s request.

Chinese system of decision-making, on the other hand, while with much smaller strategic outreach, provides several advantages which outweigh the lack of political and military resources. Its government consists of six branches which, in accordance with the PRC’s constitution are coequal; president is the head of state. However, there are two levels of government: state and party. The former is represented by the National People’s Congress (main legislative body) and the State Council (executive, includes 26 ministries). The latter consists of the Central Committee (high-ranking regional party officials), the Politburo (the most senior members of the Communist Party), the Politburo Standing Committee (top advisors to General Secretary) [5]. The Communist Party of China exercises unchallenged authority and is the main power-broker in the country which makes some of its officials more powerful than those at the state level.

The absence of the system of checks and balances radically improves the mobility of decision-making process. Discussions do take place but General Secretary’s orders or requests can’t be overridden, in practice. It is worth mentioning that the amendment of China’s constitution that was approved in 2018 solves the “consistency problem” by allowing President serving more than two terms. Without free and fair elections at place, Chinese authorities have more political autonomy to implement the strategic approaches they deem necessary for Beijing’s international imperatives. It makes Xi Jinping the only real subject of China’s diplomacy.

To highlight the importance of a more “flexible” decision-making process we should examine the case of 5G network which is already changing national security priorities around the globe. This technology will enable governments to improve and implement service system and provide more secure cloud environment. Medicine, social welfare, infrastructural agencies and law enforcement — everything will gradually start operating on the basis of 5G network. Two the biggest Chinese companies dominate the industry by number of patents, leaving its western competitors far behind. Huawei only has managed to cut 91 deals in 30 countries which are far more than Ericsson’s 81 and Nokia’s 67 contracts.

One of the main drivers of the success is a comparatively low price of Chinese technology. It is 30% cheaper than that of the Western companies. Patronage from the government can be added to other factors of price-formation, direct assistance gives companies a chance to optimize its pricing strategy, Huawei received \$222 million in grants and export credits in 2018. Low quality standards also play a role; some countries have already reported technical defects of Chinese products. Besides, Beijing, unlike Washington, does not utilize a value-based approach and is more concerned with deal-making. Together with transformation of the supply chain and taking over huge swaths of 5G market, China receives access to sensitive data which may be critical for security of any country, which uses Chinese components in its 5G rollout.

Nevertheless, the advantages of the Chinese foreign policy decision-making mechanism can be minimized by systemic problems in the long-term. Centralized and personified actions deliver more “extensive” than “intensive” results. The landmark Belt and Road Initiative has attracted dozens of countries but some investments turn into liability. China’s aggressive practices alienate potential partners and revitalize moribund alliances as the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD), known as the regional security platform formed in 2007, includes the US, India, Japan and Australia. Beijing’s pressure on businesses which operate on its territories (foreign and domestic) is another factor that undermines China’s long-term gains. The whole row of legislative projects (from 1993 to 2020) advocates for a bigger role of the party in business management. For example, the law introduced in 1993 (and amended in 2018) demands creation of so-called “party units” inside companies and firms (foreign and domestic) to improve corporate enterprise. By 2018, 48.3% of privately

owned businesses had established such bodies, among China's top 500 private enterprises — 92% [6].

The United States has started reimagining its approach to the PRC. Containment of Beijing is so far the only agenda which has broad bipartisan support. Washington tries to improve its record on the world stage by initiating massive infrastructural program in Latin America, providing millions of vaccine doses to different countries through UN COVAX program. The Biden administration also prioritizes developing its technological capabilities by investing in semiconductor industry and deregulating the sector.

In conclusion, it must be said that the People's Republic of China is fully using the window of opportunity provided by the coronavirus pandemic; it enjoys official support of governments in many regions due to its assistance with vaccines and financial resources to overcome the repercussions of the epidemiological crisis. The ability of president Xi to implement policies betimes makes Chinese appeal more attractive to other countries because it disqualifies, in most cases, chances for abrupt American-like changes in attitude (example: Obama's and Trump's strategies towards Iran). However, those key elements are supported by a very centralized political system which increases its grip on non-governmental actors which are essential for every country's soft power. Another set of problems derives from China's aggressive strategy which aggravates concern of its neighbors, reducing Beijing's potential for improving its image in the long run.

References

1. The United States Constitution. Article II.
2. *Mearsheimer J.J.* The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. NY: Farrar, Straus and Girox, 2008. P. 315
3. *Ibid.* P. 316
4. *Cooper H.* Rice's Hurdles on Middle East Begin at Home // The New York Times, August 10, 2006.
5. Chinese government. Organization chart // The US-China Business Council <<https://www.uschina.org/resources/chinese-government>>.
6. *Doyone J.* Influence without Ownership: the Chinese Communist Party Targets the Private Sector // Institut Montaigne <<https://www.institutmontaigne.org/en/blog/influence-without-ownership-chinese-communist-party-targets-private-sector>>.

Liang F.

D&C Think Institute at Beijing

The Influence of Sino-US and Russian Relations on the International Pattern: Is Bipolarity a Trend?

The root cause of changes in the world pattern is the changes in the international balance of power. National power affects a country's foreign policy, and also affects the change of a country's international status, thus causing changes in international relations. In today's world, hegemonism and power politics are the main obstacles affecting world peace and development. Although both China and the United States are the most powerful economies in the world, the United States is seen as a hegemonic power that has declined in multilateral institutions, and China is seen as a rising power with rising international influence. The rise of China is likely to transform the unipolar pattern dominated by the United States after the Cold War into a bipolar pattern dominated by China and the United States in the future. Multipolarity is developing in twists and turns, some are rising, some are falling, not straight. China's strategic positioning in this new world political structure in the future refers to the continuous changes and development of the political structure in the multi-polar world in the future. The unique phenomenon of the current international structure is that in subjective understanding and objective reality, the two poles and the multi-polarity coexist, and the relationship can be described as a bipolar structure in a multi-polar framework, or a multi-polar structure in which the two poles occupy a prominent position. This is a reflection of the complexity and contradiction of the reality of the international structure. This state will continue to be maintained for a long time in the future, but the trend is that the characteristics of the bipolar structure are becoming stronger.

Chinese officials have never accepted the Sino-US bipolar concept, nor have they used it. Whether it is the so-called Sino-US co-governance or Sino-US confrontation, they are inconsistent with China's diplomatic philosophy and foreign policy. Russian officials also reject the view that the world is moving towards a new bipolarity, but insists that the world is moving from a unipolar world led by the United States in the

early 21st century to a multipolar world. Nevertheless, there are more and more opinions in the Chinese and Russian academic circles about the polarization between China and the United States, especially after the new crown epidemic, Sino-US relations have deteriorated, Sino-US conflicts have intensified, and the issue of polarization has become a hot topic in international politics. Observers of contemporary international relations are increasingly looking at these relations through the seemingly irreconcilable confrontation between the West and the East (Or between liberal democracies and non-free autocratic countries, between Atlanticism and Eurasianism, between maritime countries and continental countries, etc.).

Why did the new polarization occur? For most of the time after the end of the Cold War, the debate between unipolar and multipolar has been the main contradiction and focus of the international structure.

In the immediate aftermath of the Cold War, the Soviet Union collapsed and plunged into chaos, China, India, Brazil and other emerging economies had yet to emerge, and the United States was the world's sole superpower in its own right, unmatched by any other nation. At the same time, liberal ideas were gaining momentum not only in the West but also in many other parts of the world. At the time, multipolarity was more of an idea than a sufficiently powerful reality. The hegemony of the United States seemed to be unshakable, and the theory of hegemonic stability came into being, so the world was most close to a unipolar structure. However, with the rapid rise of China, the recovery of Russia's status as a great power and the growing strength of emerging powers, the hegemony of the United States has begun to shake, and the unipolar and multipolar confrontation and wrestling have become the basic form of the international pattern. The rapid development of China's economy has brought China and the United States closer and closer in strength. However, due to the great changes in the development trend of the world today, the relationship between China and the United States is quite different from that between the United States and the Soviet Union during the Cold War. Bipolar pattern refers to the strength comparison and strategic relations between major countries. It has been widely noticed that the world has entered a bipolar pattern.

After the end of the Cold War, the United States became the only superpower in the world, and through its own soft and hard power, it worked hard to build a unipolar hegemony system. U.S. hegemony is more of an institutional hegemony. It maintains and consolidates the hegemonic

system and hegemonic position by establishing and strengthening the international system led by the United States on a global scale. During the period when the United States established its own international status, emerging developing countries have risen, and the role of other various forces has increased significantly. Entering the 21st century, America's influence in the world has gradually declined, and it has been in decline. The United States' self-interest policy of "America First" has led to a decline in its soft power worldwide, and the United States' global institutional rights have been greatly reduced because the United States arbitrarily breaks contracts and withdraws from the group. With the end of American hegemony, the era of world hegemony has also come to an end. There have been so-called peace under Roman rule, British rule and equal hegemony in history, but the world at that time can no longer be the same as the world today, and unipolar hegemony will not be resurrected again. This is mainly due to three reasons. First, no single country will have the superpower to dominate world affairs, and the growth and decline of international power still stubbornly promotes the process of multi-polarization. Second, world affairs are becoming more and more diversified, and global issues are becoming more and more transnational, and no country can independently lead or effectively deal with it. Third, the world today will not support hegemonic systems and hegemonic systems, and members of the international community will not voluntarily submit to hegemonic leadership. Hegemony has lost its legitimacy. The end of the era of hegemony means that for a long period of time, unipolar hegemony will no longer recur, and there will be no more hegemonic countries in the world.

Observing the development of China, the rapid development of China's economy has brought the strength of China and the United States closer and closer, but due to the great changes in the development trend of the world today and during the Cold War, the relationship between China and the United States and the relationship between the United States and the Soviet Union during the Cold War with large differences. The bipolar pattern refers to the comparison of power and strategic relations between major powers. The current world's entry into a bipolar pattern has attracted widespread attention. 2019 is the year of the end of polarization, that is, the year when the world's bipolar pattern is formed.

After the end of the Cold War, people have long believed that the concept of polarization and the bipolar pattern is politically incorrect. The

United States and Western powers, as well as major developing countries such as India and Brazil, all hold the same position. Countries outside the United States have said that they want to promote multi-polarization. Multi-polarization is the ideal of most countries. Therefore, it is politically incorrect to say that polarization and the bipolar pattern are politically incorrect. However, this political correctness is being broken. On August 27, 2019, French President Emmanuel Macron told a meeting of French diplomats that “I must admit that the end of Western hegemony is perhaps near... Ultimately, the world will revolve around two poles: the US and China, and Europe will have to choose between these two rulers”. Although multi-polarization is the principle of political correctness of European politicians, these two European politicians still admitted frankly the arrival of the world’s bipolar structure. Whether the world is multipolar or bipolar is no longer an academic issue, but a question of whether an objective existence can be identified. In addition, the *National Security Strategy Report of the United States* and Vice President Pence’s speech both regarded China as a challenger with the same strength as the Soviet Union.

From the economic point of view and the five aspects of national power, a series of necessary elements for the formation of the bipolar pattern are analyzed:

1. China’s economic aggregate is close to that of the United States, and the skill gap between the two countries has substantially narrowed.
2. The total sperm volume of China and the United States far exceeds that of the third largest economy.
3. The total economic output of China and the United States occupies a significant proportion of the world economic output.
4. In the ongoing new technological revolution, China and the United States are also among the best and are at the forefront of the world.
5. China and the United States maintain the largest and most advanced military forces. In this regard, Russia is stronger than China in many indicators, so Russia’s military strength also checks and balances the United States.

Judging from the absolute number or from the perspective of other big countries other than the United States, China has indeed emerged and can join the United States in the world’s largest group. Therefore, it can be considered that a bipolar pattern will or has taken shape. Therefore,

it can be said that the emergence of bipolarism broke the previous basic pattern of the confrontation between unipolarity and multipolarity. Under the bipolar situation, not only will the development of the world be placed in a completely different international structural environment, but the relations between major powers will also be profoundly affected and may undergo reconstruction. Sino-Russian-US relations will bear the brunt.

Multipolarization and bipolarization exist at the same time.

The international structure of the existence of polarization and multipolarization. Logically speaking, bipolarity and multipolarity are incompatible, that is, if the world is bipolar, it cannot be multipolar, and if it is multipolar, it cannot be bipolar. But the reality is that, to a certain extent and in a certain sense, in subjective understanding and objective reality, both poles and multiple poles coexist. This is a unique phenomenon in the current international structure. The current situation is that the multi-polar structure does not deny the existence of the bipolar structure, nor does the bipolar structure deny the existence of the multi-polar structure, but at the basic level, multi-polarization is still the overall framework. Multipolarism appeared during the Cold War and became a trend after the end of the Cold War. The pursuit of multi-polarization has the meaning of opposing hegemony and pursuing political equality from the very beginning. It is a manifestation of the democratization of international relations and reflects the interests and demands of emerging countries. China and Russia have adhered to a multi-polar foreign policy for many years, regard multi-polarization as an important international political principle, and regard the building of multi-polarization as the correct direction of world development.

And according to the current situation, the simultaneous existence of multi-level and polarization will exist for a long time. There is no absolute standard for multipolarization. It is generally considered that multiple power centers are multipolar. But for international politics, the more important issue lies in the interrelationship of these power centers, which determines whether the multipolar structure is orderly or disorderly, and its order or disorder is related to the stability or turbulence of international strategies. closely related. The two-tier structure is precisely because of the competition and opposition between China and the United States, and it will make the two-tier structure more prominent. The meaning of the formation of polarities in Russian academic circles is different from the general understanding. It refers to the major changes in the form

of Sino-Russian-US relations, China has become the main target of the United States, the structure of Sino-US confrontation is prominent, and international politics is facing a new situation. Russia also needs to consider its role choice in this new situation.

In fact, the degree of influence on the world is also the key factor to judge the bipolar structure. The core issue is whether the bipolar structure is the basic framework of the international structure and the only center of international politics. People tend to use the Cold War as a reference point between America and the Soviet Union. In contrast, the status of China and the United States in the international structure is obviously lower, and the degree of influence on the world is also obviously smaller. Almost the whole world was divided into two halves or influences under the bipolar structure of the US and the Soviet Union. The bipolar structure between China and the United States does not yet reach that level. The relationship between China and the United States is the most important bilateral relationship in the world, and it has the greatest impact on both the constructive and destructive aspects of international affairs. But the two poles do not represent or lead the world. In a sense, what we are seeing now is the potential polarization of China-US relations, not of the world.

Now we see that China and Russia can engage in different forms of strategic cooperation, but they are both great powers with a strong sense of independent identity, and they can form some kind of loose system, or in some special situation, they can cooperate as Allies, but they are not traditional political-military alliances.

It is precisely because of the existence of such a phenomenon, but also reflects the current multi-polar world pattern, although the process of polarization is evolving.

Facing the possible new polarization, the development direction of Sino-Russian cooperation. From the perspective of the global geopolitical situation, although the big triangle relationship is still a popular and practical analysis model and one of the possible scenarios of the future US-China-Russia relationship, there is no such big triangle as the US-China-Russia triangle during the Cold War today. What we have seen in recent years is the “dual containment” policy of the United States, and Washington has put increasing pressure on Beijing and Moscow. This pressure has become an important factor in the consolidation of the Sino-Russian strategic partnership.

The world today is facing major changes unseen in a century, and American self-interested ideas continue to spread. Unilateralism and hegemonic thinking seriously endanger the development of multilateralism and the process of globalization, and the factors of uncertainty and instability in the world have obviously increased. People's expectations for peace and development are greatly threatened. For this reason, China and Russia, as important parts of major powers and the world's multipolar power, choose to work together to cooperate is a general trend. The decisive factor in international relations is national interest. Before making a decision, any country will comprehensively consider whether it is beneficial or detrimental to the national interest. The reason why China and Russia choose to expand their strategic partnership is that cooperation is beneficial and harmless for both parties and the world as a whole. As rising powers, both China and Russia need a relatively peaceful and stable international environment for continuous development in the "period of strategic opportunity". Moreover, both sides are targets of key strategic containment by the United States and other Western countries, and development will not be calm. Various factors have resulted in China and Russia's unanimous international stance. Based on their own security and development considerations, China and Russia have chosen to join hands in the wave of multipolarization to respond to the threats of unilateralism and hegemonic ideology. The development of Sino-Russian relations has an inherent development logic, which is not restricted by ideology, is not targeted at specific countries, and is not affected by factors such as changes in the international situation. The two countries should rely on each other's strategies, develop opportunities for each other, and become each other's global partners. This is not only a historical experience, but also a requirement of the times. To advance the China-Russia comprehensive strategic partnership of coordination in the new era on a larger scale, in a broader field, and at a deeper level will not only conform to the fundamental interests of the two peoples, but will also inject strong impetus into the peaceful and stable development of the region and the world.

In the past few years, multi-polarization has always been an important foundation for Sino-Russian international cooperation. But the current situation is that the two countries are undergoing major changes in the comparison of national strength. China is becoming one of the two polarities, and the status of China and Russia in the international structure will no longer be the same. It can be felt that Russia's concerns about its

possible unequal status in Sino-Russian relations are increasing. Sino-Russian cooperation is deepening, and development in various fields, from economics to politics, and security. The Sino-Russian alliance has created opportunities and possibilities for neighboring countries and beyond, and has also promoted the rapid institutional development of organizations such as the SCO and BRICS. Although Moscow still prefers to use the concept of a multipolar or multicentric world, in reality, people seem to be more and more able to accept the reality of the new polarities, that is, the United States and China are the center of gravity of global politics.

Multilateralism opposes unipolarization, but does not deny multipolarization. It still opens the door to Russia's position as a pole in a multipolar world. At present, China and Russia can be each other's strong backing on issues of core interests, and be each other's important partners on the road of development and revitalization. This allows China to reduce its suppression of China a lot because of Russia's power on the road of development.

Today's international structure is evolving, and the strengthening of the Sino-US bipolar structure is an important feature of it. Under the current circumstances, the new US government is most likely to continue to adopt "dual containment" against Beijing and Moscow. China is seen as a well-matched opponent, while Russia's status is relatively irrelevant. Regardless of the current state of affairs and the prospects of Sino-US relations, Beijing needs Moscow. For China, this trend towards new polarities is both troublesome and dangerous. The Chinese leadership will be happy to act as an arbiter or "balancer" between Russia and the United States, but will not actively support the United States in pushing Russia to a corner. Multilateralism embodies the spirit of political equality. It stipulates that China and Russia are equal partners in international affairs and bilateral relations. Multilateralism is also ideologically consistent with Russia's diplomatic thinking, because Russia itself is a supporter of multilateralism, and multilateralism is also the banner of Russian diplomacy. Therefore, the goals of China and Russia in international politics will not change. The emergence of the Sino-US bipolar structure has brought about important changes in the form of Sino-Russian-US relations. This is a new test and challenge for the relations between the three countries. As a result, the Sino-Russian-US relations require policy adjustments, but there are also different possibilities for how they will be adjusted. The new situation is also a challenge to China's diplomacy. How to continue to adhere to

multilateralism in theory and practice, how to maintain the foundation of international cooperation with Russia, and how to avoid or control China and the United States from moving towards systemic confrontation under the situation of changes in status. These are issues that the three major powers must face in their diplomacy.

Альмуков Т.

Санкт-Петербургский государственный университет

Американо-венесуэльские отношения при администрации Джозефа Байдена

Отношения Соединённых Штатов Америки и Боливарианской Республики Венесуэла в начале XXI в. носили крайне противоречивый для оценки характер. Несмотря на антиамериканскую риторику тогдашнего президента Венесуэлы Уго Чавеса, Соединённые Штаты оставались главным экономическим партнером для Венесуэлы. Николас Мадуро стал продолжателем политики Чавеса, и отношения с Соединёнными Штатами продолжали оставаться напряженными. Своего исторического минимума эти отношения достигли в начале 2019 г., когда США перестали признавать Николаса Мадуро в качестве президента Боливарианской Республики Венесуэла и признали спикера Национальной Ассамблеи и лидера оппозиции Хуана Гуайдо в качестве временно исполняющего обязанности президента. В ответ на это Николас Мадуро заявил о разрыве дипломатических отношений с Соединёнными Штатами. Администрация Дональда Трампа использовала практически все методы давления на режим Николаса Мадуро. Так, с января 2019 г. Государственный департамент отозвал более 1000 виз у нынешних и бывших венесуэльских официальных лиц и членов их семей [1]. Кроме того, были введены меры, заблокировавшие государственные венесуэльские активы в США и запрещающие любые экономические сделки с правительством Мадуро, только если таковые не разрешены в рамках оказания гуманитарной помощи венесуэльскому народу. Однако наиболее ощутимыми стали санкции, затрагивающие венесуэльскую нефтяную отрасль, составляющую более 90 % экспорта республики. В частности, правительству Мадуро и государственной нефтяной компании PDVSA был закрыт доступ на американские рынки [2].

В сложившейся ситуации, когда у обоих государств уже не осталось пространства для маневра, представляется интересным проанализировать, как на отношения США и Венесуэлы повлияет приход к власти нового американского президента. Николас Мадуро с энту-

зиязмом воспринял новость об избрании Байдена новым президентом США. На своей страничке в Twitter Мадуро поздравил Джозефа Байдена и Камалу Харрис с победой, а американский народ — с состоявшимися выборами. В другой публикации Мадуро отметил, что Венесуэла всегда будет готова к диалогу и взаимопониманию с народом и властями США. Однако в Вашингтоне слова Мадуро оставили без ответа. Действия Мадуро свидетельствуют о том, что в смене высшего руководства США он увидел возможность пересмотра политики США в отношении Венесуэлы. В первую очередь это касается снятия санкций с нефтяной отрасли, которые усугубили развернувшийся в республике гуманитарный кризис. Вероятность снятия санкций оценил отечественный латиноамериканист Дмитрий Михайлович Розенталь в своей статье [3]. Автор ставит под сомнение эффективность и целесообразность санкций в качестве инструмента смены режима Николаса Мадуро. В Венесуэле введенные ограничения лишь усилили зависимость обнищавшего населения от руководства страны. Неслучайно власть настаивает на праве управлять распространением гуманитарной помощи, препятствует ее неподконтрольным поставкам. Ограничения не смогли привести к видимому расколу элит, несмотря на то что затронули основных бенефициаров хозяйственной системы — высокопоставленных военных, а также политическое руководство. Вместе с тем угроза их личной безопасности и возможные уголовные преследования в случае смены режима пока перевешивают потери от санкций. В этих условиях ни командование вооруженными силами, ни крупные чиновники не готовы к решительным действиям и переходу на сторону оппозиции. Вместе с тем администрация Байдена признала тот факт, что Каракас адаптировался к введенным санкциям. На этом фоне команда Джо Байдена пусть и не стремится снимать ограничения, однако заявляет о готовности ослабить хватку в случае налаживания переговорного процесса между властью и оппозицией. Так, назначенный Байденем директор Совета национальной безопасности по делам Западного полушария Хуан Гонсалес заявил о том, что односторонние санкции не принесут никакого результата без существования международной коалиции.

В сложившейся ситуации возможно предположить послабление американских рестрикций в отношении Венесуэлы. Однако принципиальных изменений в американском внешнеполитическом курсе и значительного улучшения двусторонних отношений ожидать

не стоит. Этому препятствует целый ряд внутренних и внешних факторов. Во-первых, стоит отметить большое влияние общественного мнения и различных этнических диаспор на формирование внешней политики США. В частности, необходимо выделить штат Флорида, который играет ключевую роль на американских выборах. В этом штате проживает более 200 000 венесуэльцев, большое количество представителей кубинской диаспоры и испаноязычного населения. Тот факт, что Дональд Трамп на выборах 2020 г. одержал там победу, говорит о том, что значительная часть венесуэльцев и испаноязычного населения поддерживает его жесткую линию в отношении режима Николаса Мадуро. Для того чтобы окончательно не упустить электорат из Флориды, Байдену необходимо продолжать оказывать давление на Каракас.

Помимо этого, воспрепятствовать сближению США и Венесуэлы и ведению потенциальных переговоров с правительством Мадуро может позиция конгрессменов. Венесуэльский кризис является тем вопросом, где зачастую сходятся позиции двух противоборствующих партий. Так, председатель сенатского комитета по международным отношениям, сенатор от штата Нью-Джерси от Демократической партии Роберт Менендес заявил о необходимости бороться с режимом Мадуро, систематически нарушающим права человека в стране. Данная позиция вполне схожа с позицией консервативно настроенных республиканских конгрессменов, которые выступают против ведения переговоров с Мадуро. Такая коалиция может помешать проведению потенциальных переговоров и заблокировать многие инициативы президента. Это объясняет отсутствие значительных корректировок в венесуэльской политике Байдена. Одним из показателей преемственности курса Дональда Трампа и первых шагов Байдена на посту президента стало продолжение признания Хуана Гуайдо в качестве временного исполняющего обязанности президента Венесуэлы. Это произошло на фоне того, что Евросоюз, будучи традиционным стратегическим союзником США, перестал признавать Хуана Гуайдо после прошедших в декабре 2020 г. парламентских выборов в Национальную Ассамблею Венесуэлы, которые Хуан Гуайдо призывал бойкотировать. О признании Гуайдо заявил Государственный секретарь США Энтони Блинкен, отметив, что новая администрация применит «точечные» санкции к стране, целью которых является свержение Николаса Мадуро. Более детально политику

нового американского руководства разъяснил официальный представитель Государственного департамента Нед Прайс. На ежедневном брифинге он выделил решение гуманитарного кризиса и восстановление демократии в стране в качестве первоочередных задач [4]. Всё это позволяет говорить о том, что реальной смены намеченного политического курса в отношении Венесуэлы не предвидится.

Несмотря на серьезные расхождения с Дональдом Трампом, позиция Байдена во многом созвучна с установками его предшественника. В действительности, можно говорить только о различиях в методах и подходах к венесуэльской проблеме. В дискурсе представителей администрации Байдена звучат призывы к многостороннему решению венесуэльского кризиса.

Однако необходимо учитывать и изменившуюся международную обстановку. Пандемия COVID-19 значительно снизила протестную активность общества, а также увеличила зависимость венесуэльского населения от политического руководства страны, распределяющего большую часть благ. Кроме того, позиции Мадуро укрепились и на международном уровне с появлением лояльно настроенных режимов в Боливии, Аргентине и Мексике. В результате основной задачей администрации Байдена становится восстановление более единой позиции по венесуэльскому вопросу со странами Западного полушария и Евросоюза. Многие эксперты считают, что промедлений в данном вопросе быть не должно, так как существует риск упустить «окно возможностей», открывшееся в Каракасе. Оно заключается в том, что Николас Мадуро заявил о готовности переговоров с Хуаном Гуайдо при посредничестве Норвегии и ЕС. Также под домашний арест были переведены шесть руководителей нефтяной компании Citgo, пятеро из которых являются гражданами США. Венесуэла назвала это «жестом доброй воли», тем самым передавая инициативу американской стороне. Однако официальной реакции со стороны США не последовало. Администрации Байдена придется пойти на значительный риск, прежде чем согласиться пересмотреть жесткую линию своей политики и согласиться на переговоры. Предыдущие попытки диалога не привели к желаемому эффекту, и в результате позиции Мадуро только укрепились. В случае повторения такого сценария администрация Байдена рискует потерять поддержку избирателей Флориды, а также натолкнуться на противодействие Конгресса. Впрочем, инициативы Мадуро значительно повышают

вероятность проведения переговоров между правительством и оппозицией. Однако вопрос о наличии политической воли к достижению соглашения по-прежнему остается открытым.

Литература

1. U.S. Congress, Senate Committee on Foreign Relations, Venezuela, 116th Cong., 2nd sess., August 4, 2020 <<https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-116shrg42238/pdf/CHRG-116shrg42238.pdf>>
2. Imposing Additional Sanctions with Respect to the Situation in Venezuela. E.O. 13808, August 29, 2017 <<https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2017-08-29/pdf/2017-18468.pdf>>
3. *Розенталь Д. М.* Вода камень не точит: будут ли пересмотрены санкции против Венесуэлы? // Валдай — 02.04.2021 <<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/budut-li-peresmotreny-sanktsii/>>
4. U.S. Department Of State Daily Press Briefing. — 03.02.2021 <<https://www.state.gov/briefings/departement-press-briefing-february-3-2021/#post-216290-VENEZUELA>>

Павлов В.

МГУ

Перспектива развития отношений США и Ближнего Востока в новом мировом порядке Г. Киссинджера

В трудах современных политологов всё чаще возникает идея, что текущая ситуация, складывающаяся на международной арене, является подготовительным этапом установления «нового мирового порядка», а следовательно, трансформации системы международных отношений. Подобные изменения возникают, когда функционирование системы сталкивается с препятствиями, которые она не в состоянии преодолеть [1].

Эти препятствия политологами принято называть «вызовы». На современной международной арене выделяют несколько вызовов, о степени важности которых ведутся активные дискуссии. Вызовы текущему мировому порядку привлекли внимание американского государственного деятеля и дипломата Генри Киссинджера. Одним из самых важных вызовов он считает проблему Ближнего Востока. Ближний Восток привлекает внимание Киссинджера не случайно. Являясь регионом, где возникли три авраамические религии и существовали все формы международного порядка, он признается Киссинджером местом, способным создать наиболее сильный вызов международному порядку [2]. Первопричина лежит в раннем средневековье и связана с возникновением универсалистской цели исламских правителей создать собственный исламский мировой порядок. Стратегией в достижении данной цели становился джихад. «Джихад» подразумевал обязанность мусульман расширять территорию ислама, при этом способы, которые могли использоваться, сильно варьировались от мирных до «священной войны».

Хотя идея установления единого исламского мира потерпела крах, Киссинджер видит ее проявление и в наше время. Фиксация этой идеи в конституции Ирана, вооруженные меньшинства в Ливане, Сирии, Ираке, Йемене, террористические группировки, ставящие ее в основу своей идеологии. Наибольшую опасность для мира, согласно Киссинджеру, представляют именно террори-

стические организации [2, Р. 80]. Идеология террористических организаций представляется политологу близкой некоторым исламским партиям, призывающим к созданию панисламской теократии, которая должна была заменить существующие государства. В недопущении появления подобной надгосударственной исламской организации Киссинджер видит первую цель политики Соединённых Штатов в отношении стран Ближнего Востока. Однако он считает необходимым найти точки опоры для США на самом Ближнем Востоке. Таковыми могут выступать страны, получавшие в ходе «холодной войны» помощь от США. Они должны были бы быть светскими, где влияние непосредственно ислама не достигало высокого уровня. Под заданные критерии подходили Иордания, Марокко и Саудовская Аравия. При этом опора на традиции религиозной монархии не была существенно значимой, поскольку главным был приоритет национальных интересов в политике данных государств [2, Р. 81].

Саудовскую Аравию Киссинджер выделяет отдельно. Исламистские революции и укрепление позиций Ирана сильно встревожили страну, раздираемую противоречиями между приверженностью концепциям Западного мира, которые гарантировали ее признание как суверенного государства, и радикальными исламистами, не оставившими идеи своих предков. Таким образом, Саудовская Аравия старалась оставаться в стороне от назревающего конфликта Западного мира и Ближнего Востока, сосредоточившись на преодолении собственных внутренних противоречиях [2, Р. 82]. Выбрать сторону конфликта Саудовскую Аравию заставила деятельность террористических организаций. Объявленная западному миру война, провозглашенная Усамой бен Ладеном, подразумевала уничтожение правительств, которые сотрудничали с Соединёнными Штатами. В 2003 г. террористы попытались свергнуть династию Аль-Сауд, однако потерпели поражение. Попытка переворота заставила Саудовскую Аравию присоединиться к США в борьбе с терроризмом. Тем не менее внутренние противоречия решить так и не удалось. Дипломатически Саудовская Аравия остается полноправным партнером США, но поддержка той формы ислама, которая призывает к вражде с немусульманским миром, не позволяет рассматривать данную страну как полноценную точку опоры Соединённых Штатов на Ближнем Востоке [2, Р. 87].

В этом случае Киссинджер предлагает установить в регионе систему, содержащую в своем механизме принцип европейского баланса сил с двумя центрами — Саудовской Аравией и Ираном. Их противопоставление вполне реализуемо, поскольку шиитский Иран расценивается Аравией как угроза. Таким образом, сам баланс сил должен был выражаться в равновесии между суннитскими Египтом, Иорданией, Саудовской Аравией и другими странами Аравийского полуострова и шиитскими Ираном, Ираком, Афганистаном, Сирией и Ливаном [2, Р. 88]. Принцип равновесия, выстраивающийся на религиозных противоречиях, вынуждает, по мнению Киссинджера, действовать США отличными от привычных в европейском балансе сил методами. Действия, которые должны предприниматься Соединёнными Штатами и их союзниками, должны быть тщательно выверены. Любое давление на Саудовскую Аравию и страны Аравийского полуострова извне тут же приведет к нарушениям в сложной системе отношений, на которой держится могущество королевства. Расшатывание системы приведет к внутренним волнениям, а любое восстание в государстве — к серьезным последствиям для мировой экономики. Приведение к власти в Саудовской Аравии демократических сил представляется Киссинджеру маловероятным. Он даже сомневается в существовании этих сил в стране: «Соединённые Штаты не могут исходить из убеждения, что демократическая оппозиция ждет своего часа» [2, Р. 89].

Второй центр силы — Иран — вызывает сильные опасения политолога. Его обеспокоенность сосредоточена на фигуре верховного лидера страны Али Хаменеи. Хаменеи на исламских конференциях неоднократно провозглашал «исламское пробуждение», которое должно было положить конец доминированию Соединённых Штатов. Предусматривалось создание единой транснациональной исламской общины. Реализация подобного проекта сомнительна, поскольку государства не станут отказываться от своего суверенитета в пользу сугубо религиозного интеграционного проекта. Объединение суннитов и шиитов также представляется маловероятным ввиду сильных разногласий между данными исламскими течениями. Подобные революционные настроения своими корнями уходили в исламскую революцию в Иране 1979 г., когда со свержением династии Пехлеви была провозглашена исламская республика, лидером которой стал Рухолла Хомейни. С этого момента, по мнению Киссинджера, Ира-

ном был брошен вызов существующему мировому порядку: «Доктрина Хомейни трактовала государство не как легитимное образование в собственном праве, а как подходящее оружие в условиях широкого религиозного соперничества» [2, Р. 92]. Это значило, что Иран расценивал все политические институты на Ближнем Востоке и за его пределами нелегитимными, поскольку они не опираются на заповеди Корана, тем самым не признавая существующую систему международных отношений. Иранская революция, по мнению Киссинджера, породила угрозу существующему порядку, поскольку исламистское движение, настроенное враждебно к системе, получило все ее права и привилегии: место в ООН, участие в международном торговом обороте, дипломатический статус. Более того, вступив в систему, Исламская республика нарушила принцип дипломатического иммунитета, продержав в заложниках сотрудников посольства Соединённых Штатов [2, Р. 93]. Для осуществления своей идеи Иран попытался установить связи с такими радикальными исламскими группировками, как «Хезболла» в Ливане и «Армия Махди» в Ираке. Руководство Ирана поддерживало и суннитскую джихадистскую группировку ХАМАС, поставляя ей оружие для борьбы с Израилем, в котором Иран видел наиболее яркое присутствие запада на Востоке [2, Р. 93].

Откровенно радикальные, доходящие до экстремизма заявления Ирана трактуются западными государствами как метафорические, и Киссинджер считает, что политики закрывают глаза на действия Ирана: «В попытках выявить глубинные причины подобных настроений западные наблюдатели остаются убежденными, что отказ от прежней политики — вмешательства США и Великобритании во внутренние дела Ирана в 1950-х гг. — сможет открыть дорогу к примирению» [2, Р. 94]. Простой отказ от прежних политических мер расценивается Киссинджером как малоэффективный. Революционный исламизм не прибегает ни к каким мерам по международному сотрудничеству в западном понимании. Он настроен только на конкуренцию за мировой порядок. Киссинджер доказывает это, опираясь на заявление Верховного лидера Ирана Хаменеи в январе 2014 г. после заключения временного соглашения по иранской ядерной программе, которое расценивалось как момент наибольшего сближения Ирана с Западом. В данном заявлении Хаменеи прямо назвал своим главным врагом Соединённые Штаты Америки. В данной ситуации перспектива развития отношений США с Ираном не отли-

чается разнообразностью. Киссинджер считает, что Соединённые Штаты должны стремиться к восстановлению сотрудничества с Ираном: «США должны приветствовать примирение и прилагать реальные усилия в этом направлении» [2, Р. 95]. Тем не менее ключевым вопросом остается ядерная программа.

Стремление Ирана к статусу ядерной державы порождает существенный дисбаланс региона, а также в дальнейшем проблемы и для установившегося мирового порядка. Переговоры Совета Безопасности ООН и Ирана по ядерному вооружению, по мнению Киссинджера, должны затрагивать не только техническую сторону вопроса, но и политическую. Необходимо добиваться максимального сотрудничества от политического режима, чья идеология не подразумевает мирных контактов с неисламскими государствами [2, Р. 96]. В противном случае мировое сообщество рискует столкнуться с гонкой вооружений в крайне нестабильном регионе. Сам Иран располагает всеми возможностями для наращивания ядерного потенциала. Это позволяет обширный и открытый рынок, где поставщиками Киссинджер называет Францию и Китай. Он уверен, что Иран уже приобрел исходную технологию и готов развивать ее по собственному усмотрению. Налаживание производства боеголовок страна легко может скрыть от наблюдателей [2, Р. 97].

Наилучший выход для предотвращения возникновения новой ядерной державы Киссинджер видит во вмешательстве в процесс обогащения урана. Соединённым Штатам, Совету Безопасности и международному агентству по атомной энергии не стоит ограничиваться призывами к Ирану немедленно прекратить обогащение урана. Для достижения данной цели приемлемыми будут являться любые средства, поскольку никаких причин добровольно удовлетворить подобный призыв у Ирана нет. С 2006 г. Иран игнорирует требования, тем самым лишь смягчая позиции Запада, позволившие производство низкообогащенного урана с условием экспорта большей его части. Затем было разрешено сохранить и использовать достаточное количество низкообогащенного урана для поддержания работы исследовательского реактора в обмен на прекращение работы центрифуг [2, Р. 97].

К настоящему времени Иран располагает достаточным запасом урана для создания 7–10 бомб, подобных сброшенной на Хиросиму. Незначительные уступки Ирана в соглашении 2013 г. никак не влия-

ют на возможность в случае необходимости произвести подобное оружие. Таким образом, промежуточные соглашения недостаточны, необходима разработка постоянного соглашения при оказании давления при помощи ООН. Но даже если удастся принудить Иран остановить ядерную программу, Тегеран сократит количество центрифуг ровно до такого минимума, который бы позволил вернуться к ядерной программе при первом проявлении слабости Запада [2, Р. 98].

В 2009 г. Иран сумел расправиться с внутренней оппозицией. Его главные конкуренты — режимы талибов в Афганистане и Саддама Хуссейна в Ираке — были свергнуты. Нынешние конкуренты — Египет и Саудовская Аравия — заняты теми внутренними проблемами, которые Иран давно преодолел. В этом случае Киссинджер советует акцентировать внимание на рост суннитского экстремизма на границах Ирана. Его можно использовать как рычаг давления на Иран и заставить его задуматься о сотрудничестве: «Соединённым Штатам следует быть готовыми к достижению геополитического взаимопонимания с Ираном на основе принципа невмешательства и разработать совместную концепцию регионального порядка» [2, Р. 100].

Необходима попытка восстановить союзнические отношения, каковые были между США и Ираном до революции. Киссинджер предлагает восстановить их методом поиска общего врага. Найти подобного непосредственно на Ближнем Востоке не представляется возможным, и в связи с этим следует искать такового в стороннем государстве, имеющем свои интересы и стремящемся к расширению своего влияния на Ближнем Востоке. Падение влияния США на Ближнем Востоке, по мнению Киссинджера, недопустимо: «Соединённые Штаты необходимы в качестве арбитра и останутся таковыми» [2, Р. 100–101]. Поскольку сформировать коалицию против Ирана из стран Ближнего Востока не представляется возможным, Америке необходимо стать ключевым фактором, на основании которого Иран будет определять свой выбор. Третьим очагом интереса США на Ближнем Востоке остаются палестинский вопрос и непростые арабо-израильские отношения. В ходе двух интифадов Израиль потерял часть своих территорий и вынужден был приложить большее количество усилий для обеспечения своей безопасности. Роль Соединённых Штатов он видит в продолжении экономической поддержки Израиля и сохранении роли арбитра между ним и араб-

скими странами, отмечая успех США в данной области, в частности заключение Кэмп-Дэвидских соглашений между Израилем и Египтом. Задачей США должно оставаться сокращение числа радикально настроенных к Израилю стран и увеличение числа тех, кто если и не готов установить дипломатические отношения, то как минимум будет относиться к Израилю нейтрально [1, Р. 741–742]. Соединенные Штаты должны рассматривать Израиль как один из центров противодействия Ирану наравне с Саудовской Аравией и Египтом. Однако делать на него слишком высокие ставки Киссинджер не рекомендует. Внутренняя нестабильность и нерешенный палестинский вопрос делают Израиль ненадежной опорой.

Таким образом, перспективы отношений Соединённых Штатов и Ближнего Востока Киссинджер видит в выстраивании в регионе системы баланса сил, основывающейся на религиозном принципе. Однако выстраиваемая им система имеет несколько важных черт. Первая — неравнозначность полюсов силы. Если одна сторона имеет определенный центр силы в лице Ирана, то другая достаточно разрознена и имеет сразу несколько претендентов на лидирующее положение. Вторая черта — неопределенность места Израиля в системе. Противоречие Израиля с арабскими странами не дает примкнуть ему к какому-либо блоку. Однако существовать вне политических отношений Ближнего Востока он также не может. Но стать третьей силой ввиду отсутствия союзников в регионе Израиль не способен. Главной задачей Соединённых Штатов остаются противодействие ядерной программе Ирана и посредничество в сглаживании арабо-израильского конфликта.

Литература

1. *Kissinger H. Diplomacy.* New York, 1994. P. 804.
2. *Kissinger H. World Order.* New York, 2015. P. 78.

Шуленова Е.

Санкт-Петербургский государственный университет

Американо-саудовские отношения в контексте гражданской войны в Йемене

Актуальность темы исследования вызвана необходимостью урегулирования напряженного внутривосточного конфликта в государстве Аравийского полуострова — Йемене. Восточный кризис Йеменской Республики, переросший в гражданскую войну, несет бремя арены столкновения интересов не только внутривосточных участников конфликта, но и зарубежных акторов, каждый из которых носит собственные представления об участии в военной эскалации и ее урегулирования в Йемене.

Саудовская Аравия и США поддерживают стратегические отношения, соответствующие интересам двух государств. Гражданская война в Йемене стала одной из платформ, на которой в течение нескольких лет выработывались партнерские отношения США и КСА, за динамикой которой необходимо наблюдать, чтобы определить основные точки соприкосновения США и Саудовской Аравии и причины сотрудничества, в частности в Йемене.

Восточные акторы и вовлеченность Саудовской Аравии. Исследуя проблемы гражданской войны в Йемене, прежде всего необходимо обратиться к характеристике главных восточных акторов гражданской войны и их взаимоотношениям с Саудовской Аравией.

Гражданская война в Йемене берет свое начало в 2014 г. Наиболее важным восточным актором является правительство Республики Йемен, признанное мировым сообществом. С 2012 г. правительство, ранее управляемое Али-Абдаллой Салехом, возглавляет Абд-Раббу Мансур Хади. Что важно подчеркнуть, поддержание гибких отношений Саудовской Аравии и правительства Йемена, противоборствующих дестабилизации восточного положения, заметно еще до начала самого вооруженного конфликта в 2015 г. Об этом говорят события, происходившие в 2011–2012 гг., в период «арабской весны». Со стороны Саудовской Аравии было принято решение провести чрезвычайное совещание министров иностранных

дел Совета Сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГЗ) 10 апреля 2011 г. На данном заседании была принята «инициатива стран залива», в соответствии с которой президент Салех в течение 30 дней обязывался передать власть вице-президенту в обмен на получение иммунитета от судебного преследования. Спустя почти полгода Али-Абдалла Салех прибыл в Эр-Рияд для подписания президентского указа, в соответствии с которым власть будет передана Хади. Изменения, к которым привели президентские выборы 2012 и 2014 гг., были незначительны. Более того, смена власти никак не изменила роль Салеха в управлении государством.

Другими важными внутривластными акторами данного конфликта являются хуситы. Они являются представителями религиозно-военизированного и политического движения йеменских зейдитов, принадлежащих к умеренному течению шиизма. Сама концентрация последователей хуситского движения на севере Йемена в приграничных территориях к Саудовской Аравии и их приверженность к шиизму позволяет сразу проанализировать причины обеспокоенности Саудовской Аравии распространением движения «Ансар-Аллах» (они же хуситы), которое пользуется поддержкой Ирана. Об этом среди прочего может свидетельствовать объявленное Ираном весной 2015 г. строительство воздушного моста между Ираном и Саной, когда из столицы Йемена было изгнано правительство во главе с Хади.

Помимо правительственной армии и хуситских военных сил, в борьбе участвуют Южный Переходный Совет, который пользуется широкой поддержкой ОАЭ, а также террористическая организация «Аль-Каида» на Аравийском полуострове. Сам Южный Переходный Совет сформирован на территории бывшей Демократической Республики Йемен, которая в гражданской войне 1994 г. потерпела поражение и вынуждена была подчиниться северной республике. На современном этапе войны было принято решение о формировании коалиционного правительства, в составе которого в том числе будут присутствовать представители ЮПС.

Несмотря на то что в целом Саудовская Аравия ведет активную борьбу против Аль-Каиды, тем не менее летом 2015 г. было зафиксировано сотрудничество с АКАП, которое вызвало ряд обвинений в сторону королевства. В 2015 г., в целях окончательного захвата Адена и укрепления своих позиций, КСА заключила временное со-

глашение с АКАП. 21 августа АКАП вошла в Аден, где практически без боевых действий установила свои войска совместно с войсками саудовской коалиции.

Итак, рассмотрев четырех главных внутривнутриполитических участников Йеменского конфликта, необходимо понимать, что Саудовская Аравия в гражданской войне принимает участие в качестве партнера правительства и его войск, а также главного оппонента хуситским повстанческим войскам. Об этом свидетельствуют проведенные КСА в разный период времени военные операции «Буря решимости», «Возрождение надежды», «Золотая победа», которые, в свою очередь, были направлены на установление правительственного контроля над территорией Йемена и ликвидации хуситских подразделений с этой территории. Подобные операции приводили не только к смене позиций внутривнутриполитических участников в Йемене, но и к возникающим осложнениям и уменьшению вероятности скорейшего завершения конфликта. Ухудшение положения вызывает также усугубление гуманитарной ситуации, которая в период пандемии Covid-19 обрела максимальное обострение.

Причины оказания поддержки со стороны США. В Йеменском конфликте США активно поддерживали коалицию, возглавляемую Саудовской Аравией, и в сфере своей внешней политики на Ближнем Востоке уделяли внимание сотрудничеству с королевством в рамках данного конфликта. Причины подобной поддержки в первую очередь касались интересов США. Однако актуальность этих интересов изменялась на протяжении всего конфликта, и в соответствии с ними изменялся характер вовлеченности США.

Одной из наиболее важных причин вовлеченности США в Йеменский конфликт является активная борьба с терроризмом, которая, в принципе, охватывает большую часть Ближневосточного региона. США участвовали в контртеррористических операциях, направленных на борьбу с террористическими организациями Аль-Каида и ИГИЛ. Именно поэтому США консолидировались с коалицией, в частности с Саудовской Аравией, чтобы противостоять распространению влияния и установлению контроля террористических группировок. Несмотря на возникавшие трудности, вызванные началом гражданской войны и захватом хуситами столицы Йемена — Саны, — США удавалось проводить необходимые контртеррористические операции, среди которых важной стало убийство главы

йеменского штаба Аль-Каиды в ходе нанесения удара американским беспилотником в 2016 г.

Другой причиной является противостояние иранской гегемонии в Ближневосточном регионе. Напряженность отношений США и Ирана, вызванная прежде всего ядерным вопросом и устремленностью к лидерству на Ближнем Востоке, усугублялась обеспокоенностью США поддержкой оппозиционного движения «Ансар-Аллах» Ираном. Кроме того, необходимо помнить, что Саудовская Аравия оказывает главное сопротивление распространению влияния Ирана на Ближнем Востоке, и, таким образом, США очень важно сотрудничать с КСА, чтобы не допустить увеличения иранского присутствия в важных геостратегических территориях Ближнего Востока. О совместной деятельности США и КСА в целях противостояния Ирану могут свидетельствовать события, произошедшие весной 2015 г. В период проведения коалиционной операции «Буря решимости» США направили свой военный флот в Аденский залив. Государственный департамент объяснил причину подобных действий «обеспечением свободы судоходства» и «контроля грузов», которые иранский флот поставлял в Йемен. Параллельно бывший президент США Барак Обама объявил о предупреждении Ирану о «недопустимости поставок оружия шиитам во избежание угрозы для всей навигации в Йемене» [1]. Подобное объявление было поддержано и Саудовской Аравией, которая, в свою очередь, заблокировала пути оказания гуманитарной помощи Ираном, а именно 22 апреля 2015 г. саудовские ВВС не позволили иранскому грузовому самолету совершить посадку в аэропорту Саны.

Будучи обладателем самого мощного военного оборудования и национальных вооруженных сил, США также стремятся продвигать свои интересы на мировом рынке и сотрудничать со стабильным импортером вооружения. Сама торговля оружием позволяет США извлекать широкую прибыль и, кроме того, использовать инструмент торговли в качестве воздействия на политические процессы в различных регионах мира. Наращивание усилий в сфере экспорта оружия являлось важным аспектом внешнеполитических доктрин сменяющихся администраций Белого дома. И, чтобы укрепить свои позиции как экспортера вооружения, США укрепляют всестороннюю поддержку одного из своих главных импортеров — Саудовской Аравии.

В соответствии с данными Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI) Саудовская Аравия в период с 2013 по 2017 г. стала крупнейшим импортером американской военной техники. В течение этих лет в эти годы на Эр-Рияд приходилось 18 % всего американского оружейного экспорта. Кроме того, между США и Саудовской Аравией было подписано соглашение, согласно которому будет осуществляться поставка американского вооружения на сумму 110 млрд долларов США. Даже убийство журналиста The Washington Post, Джамалля Хашогги в Стамбуле не отразилось на продолжении процесса экспорта вооружений.

Администрация президента учитывает важность сотрудничества с ближневосточным лидером, в особенности для налаживания сотрудничества Израиля с другими арабскими государствами.

Характер оказания поддержки. Динамика развития двусторонних отношений в рамках гражданской войны в Йемене приобретала как взлеты, так и падения в сотрудничестве двух стран. Одна из наиболее важных причин, которая вызывала обеспокоенность у конгрессменов в парламенте США, — это огромное количество убитых и раненых среди гражданского населения. Особенно анти-саудовские настроения стали развиваться после публикации доклада ООН, в котором приводятся факты гибели до 4000 мирных жителей и получения ранений 7000 гражданских лиц с 2015 по 2016 г. Кроме того, широкий резонанс вызвала военная атака, нанесенная Саудовской Аравией на госпиталь, находившийся под патронажем международной организации «Врачи без границ». Действия коалиции, приносившие колоссальные жертвы, вызывали острое осуждение мирового сообщества. В данном случае для США это имело большое значение, поскольку они являются главным экспортером оружия, используемого в войне. Поэтому вопрос о целесообразности участия США в поддержке коалиции стал наиболее важным в американском истеблишменте.

С начала подготовки к боевым действиям в Йемене представители Саудовской Аравии посетили ряд консультаций в США, по результатам которых посол Саудовской Аравии в Вашингтоне Адель аль-Джубейр объявил о намерении проводить военную вооруженную политику в отношении повстанческих отрядов хуситов. Кроме того, 25 марта 2015 г. пресс-секретарь Совета национальной безопасности Бернадетт Миан официально заявила о санкционировании

президентом Б. Обамой предоставлении материально-технической и разведывательной поддержки военным операциям под руководством Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива [2]. Кроме того, для дальнейшего осуществления военно-морской блокады США направили 7 военно-морских кораблей, которые в течение длительного времени располагались у берегов Йемена, в то время как подразделения американского спецназа участвовали в отдельных миссиях на территории Йемена.

11 августа 2016 г. Государственный департамент США одобрил потенциальную продажу более 130 боевых танков «Абрамс», 20 ремонтно-эвакуационных бронированных машин и другого военного оборудования стоимостью около 1,15 млрд долларов США в Саудовскую Аравию.

Событие в сентябре 2016 г., когда коалиция, возглавляемая КСА, нанесла удар по похоронному бюро в Сане, также получило широкую огласку в США. К тому периоду администрация Обамы приступила к пересмотру вопроса об оказании США содействия Саудовской Аравии в обеспечении безопасности. На основании этого пересмотра она приостановила запланированную продажу Саудовской Аравии боеприпасов с высокоточным оружием и ограничила обмен разведывательными данными, но сохранила сотрудничество в области борьбы с терроризмом и дозаправку самолетов коалиции.

Однако со сменой администрации Белого дома новоизбранный президент Дональд Трамп сигнализировал о решительной поддержке операций коалиции в Йемене в качестве оплота против иранского регионального вмешательства. Он инициировал пересмотр американской политики в отношении Йемена, в том числе введенные президентом Обамой в октябре 2016 г. ограничения на продажу оружия и обмен разведывательными данными с коалицией.

В мае 2017 г. администрация президента официально сообщила Конгрессу о своем намерении приступить к продажам технологий производства боеприпасов высокоточного оружия, которые администрация Обамы отложила, объявив при этом о планах расширения подготовки военно-воздушных сил Саудовской Аравии как по вопросам нанесения прицельных ударов, так и по вопросам Закона Войны. После завершения пересмотра политики в июле 2017 г. администрация Д. Трампа заявила о необходимости «сосредоточить внимание на прекращении войны и недопущении региональ-

ного конфликта, смягчении гуманитарного кризиса и защите территориальной целостности и торговли Саудовской Аравии в Красном море» [3].

В ноябре 2017 г. одна из хуситских ракет приземлилась на территории Саудовской Аравии, коалиция установила полную блокаду всех портов Йемена, включая главный порт Ходейда, что усугубило гуманитарный кризис в стране. Белый дом опубликовал заявление Дональда Трампа от 6 декабря, в котором президент призвал Саудовскую Аравию «полностью разрешить доступ к продовольствию, топливу, воде и медикаментам для йеменского народа, который в них отчаянно нуждается» [4]. Президент потребовал выполнить эти действия в соответствии с гуманитарными соображениями и в незамедлительном порядке. 20 декабря 2017 г. коалиция, возглавляемая Саудовской Аравией, объявила, что она прекратит блокаду порта Ходейда на 30-дневный период и откроет доступ четырем финансируемым США судам в Йемен, чтобы увеличить поставки торговых и гуманитарных грузов. На следующий день Белый дом выступил с заявлением, в котором приветствовал подобное заявление монархии.

2018 год ознаменовался требованиями в Конгрессе сократить финансирование и поддержку, оказываемые Саудовской Аравии в Йемене, в результате массовых нарушений прав человека. В Конгрессе был издан новый закон S.J.Res.58 (2017–2018), в соответствии с которым Соединенные Штаты продолжали оказывать помощь в борьбе с террористическими организациями на территории Йемена, однако, если усилия по проведению дипломатических переговоров с целью прекращения гражданской войны в Йемене, меры по расширению доступа йеменцев к продовольствию, топливу и медикаментам, меры по сокращению потерь среди гражданского населения в результате ее военных операций в Йемене и меры по сокращению задержек с доставкой гуманитарной помощи остаются неисполненными со стороны Саудовской Аравии, то федеральный бюджет не будет использован в таком случае на дозаправку неамериканских воздушных судов, выполняющих миссии в Йемене.

Уже через год, 13 февраля 2019 г., Палата Представителей Конгресса США приняла новую совместную резолюцию H.J.Res. 37, предписывающую президенту «вывести вооруженные силы США с территорий, где ведутся военные действия в Йемене, в течение 30 дней, если Конгресс не даст разрешение на более поздний вывод

войск, не объявит войну или не предоставит специальное разрешение на использование вооруженных сил. Настоящая совместная резолюция не затрагивала никаких военных операций, направленных против «Аль-Каиды». Однако президент наложил вето на данную резолюцию, объяснив обеспокоенностью тем, что эта резолюция ослабит его конституционные полномочия как главнокомандующего, нанесет ущерб двусторонним отношениям и негативно скажется на усилиях по предотвращению жертв среди гражданского населения и предотвращению распространения террористических организаций на Аравийском полуострове. И уже 24 мая администрация президента официально уведомила Конгресс о немедленных зарубежных военных продажах и прямых торговых продажах учебного снаряжения, техники и вооружений с возможной стоимостью более 8 млрд долларов США. К числу других заявленных продаж относились, в частности, двигатели F-15, оборудование АН-64, противотанковые ракеты «Javelin» и главным образом — поддержка Саудовской Аравии. В обосновании чрезвычайных продаж Белый дом описал «быстро меняющуюся ситуацию в области безопасности в регионе» и отметил, в частности, угрозу, создаваемую и поддерживаемыми Ираном хуситами, которая «угрожала увеличить операции, нацеленные на жизненно важные военные объекты в Объединенных Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии и на позиции коалиции под руководством Саудовской Аравии в Йемене». Однако сформированная двухпартийная группа из семи сенаторов предложила 22 резолюции, обосновывающие отказ на продажу оружия, о котором уведомил Белый дом; тем не менее на три из этих резолюций, которые были приняты Палатой Представителей и Сенатом, президент наложил вето.

Несмотря на усилия, которые США оказывали для решения гуманитарного кризиса и урегулирования конфликта в целом, сама гражданская война значительно повлияла на изменение направления американо-саудовских отношений в период с 2015 по 2020 г. И большое влияние оказал внутривнутриполитический фактор США, проявлявшийся с периода прихода к власти Дональда Трампа, чей президентский срок в принципе ассоциировался с борьбой против законодательного истеблишмента. Взгляды и цели Конгресса и администрации президента в сфере ведения войны и поддержки Саудовской Аравии серьезно расходились. Однако поддержка, главным образом в сферах военно-технического обеспечения, разведывательных опе-

рациях и обучении военного персонала, а также борьбы с террористическими организациями сохранялась при двух администрациях Белого дома, безусловно вносила изменения в ход действий войны, а также в налаживание отношений с одной стороны и ухудшение — с другой, с Саудовской Аравией. Но наиболее важным аспектом является то, что среди целей, преследуемых как Б. Обамой, так и Д. Трампом, было не только урегулирование самого конфликта, но и оказание сопротивления нарастающему лидерству Ирана, что и проявлялось в поддержке Саудовской Аравии.

Современное положение и прогнозы. На перспективы развития американо-саудовских отношений в сфере вопросов гражданской войны в Йемене оказывает большое влияние современное развитие событий внутривосточного вооруженного конфликта, где на современном этапе коалиция, возглавляемая КСА, теряет попытки достигнуть первоначально поставленные цели. По сообщениям Aljazeera, на современном этапе хуситские войска зарекомендовали себя как силы, способные оказать не только мощное сопротивление, но и которые сейчас могут превосходить войска коалиции. Помимо достижений в сфере территориальных завоеваний, хуситы также неоднократно демонстрировали собственные успехи на примере совершённых нападений на важные объекты Саудовской Аравии с использованием беспилотных летательных аппаратов. На фоне подобных успехов Саудовская Аравия вынужденно предложила план прекращения огня под наблюдением ООН между правительством Йемена, поддерживаемым Саудовской Аравией, и хуситами, которые поддерживаются Ираном. Однако руководители движения «Ансар-Аллах» отреагировали на данное предложение крайне скептически, упомянув, что наиболее важными условиями налаживания ситуации должны стать снятие блокады с аэропорта Саны и с портового города Ходейда.

Курс отношений США и КСА в йеменском конфликте подвергся изменениям не только в связи с потерей контроля коалицией на территориях в Йемене, но и со сменой администрации президента в США. Джозеф Байден, ныне избранный президент, уже в начале года объявил о намерении призвать к ответственности Саудовскую Аравию за нарушение прав человека на фоне массовых жертв от военных ударов в Йемене. Как объявил президент, «Эр-Рияд должен обращать внимание на соблюдение прав человека, если хочет иметь дело с США».

Более того, в Управлении директора национальной разведки США полагают, что журналист Джамаль Хашогги, известный своими критическими высказываниями в сторону политики Саудовской Аравии, был убит в Стамбуле в соответствии с одобрением наследного принца КСА Мухаммеда ибн Салмана. Как сообщалось в Белом доме, доклад о расследовании был подготовлен еще при администрации Д. Трампа, однако он не был опубликован. На данном этапе Государственный секретарь Энтони Блинкен объявил о введении визовых ограничений в отношении 76 подданных Саудовской Аравии.

Еще одним инструментом давления на Саудовскую Аравию стала резолюция, одобренная Палатой Представителей США резолюция «О защите саудовских диссидентов 2021 года», которая была принята двухпартийным большинством голосов. Тем не менее санкции, которые были введены против 76 должностных лиц Саудовской Аравии, не коснулись наследного принца, о чем высказывали свое недовольство представители обеих партий в Конгрессе.

Не менее важным шагом со стороны президента США стало прекращение военной поддержки, оказываемой Саудовской Аравии. Дж. Байден планирует отозвать военную помощь из наступательных военных операций и заморозить продажи оружия. Новые жесткие методы внешней политики, которые США используют в отношении Саудовской Аравии, безусловно могут отразиться на отношениях двух стран не самым благоприятным образом. В особенности отсутствие поддержки со стороны США значительно ослабевает позиции Саудовской Аравии, которая на последних этапах войны начинает сдавать позиции. Подобные действия смогут оказать давление на Саудовскую Аравию, которая в результате сможет пойти на более широкие уступки в отношении хуситских повстанцев, а именно появляется возможность снятия блокады гражданского аэропорта в Санае и окрестности города Ходейда.

Однако осторожное ведение политики вокруг принятия решений в отношении наследного принца Саудовской Аравии со стороны президента объясняется не потенциальной торговлей оружия, приносящей большую выгоду для США. КСА и Соединённые Штаты связывают важные стратегические интересы. В первую очередь это заинтересованность в стабильности мировых энергетических и финансовых рынков; стабилизация Ближнего Востока и борьбы с террористическими группировками; завершение войны в Йемене. Важные

для двух государств моменты двусторонних отношений позволяют использовать их как сдерживающий фактор в отношении друг друга. Более того, о полном ухудшении отношений Саудовской Аравии и США говорить нельзя: администрация президента учитывает важность сотрудничества с ближневосточным лидером, в особенности в сферах оказания совместного сопротивления возрастающего лидерства Ирана, а также в важности налаживания сотрудничества Израиля с другими арабскими государствами.

Используя вышеперечисленные методы оказания давления на Саудовскую Аравию, США способны повлиять на проведение мирных переговоров в Йемене, в которых инициатором будет выступать Саудовская Аравия. В то же время, осознавая важность поддержания двусторонних отношений, оба государства не планируют использовать жесткие инструменты в направлении внешней политики, ограничивающие друг друга как в экономической, так и в политической сферах.

Литература

1. Кузьмин В. А., Соколов Н. В. Действия Саудовской Аравии и Ирана в йеменском конфликте в 2015–2016 гг. // Саудовская Аравия и Иран в йеменском конфликте. М., 2017. С. 165–175.
2. *Statement by NSC Spokesperson Bernadette Meehan on the Situation in Yemen* // The White House Office of the Press Secretary, 2015 <<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/03/25/statement-nsc-spokesperson-bernadette-meehan-situation-yemen>>
3. Letter from Department of Defense Acting General Counsel William Castle to Senators Mitch McConnell and Chuck Schumer, 2018. <https://www.everycrsreport.com/files/20180607_R45046_1c724fa226e5d014a387be42e24545fe26d7000e.html>
4. *Statement by President Donald J. Trump on Yemen* // The U.S Embassy in Yemen, Office of the Press Secretary, 2017 <<https://ye.usembassy.gov/statement-president-donald-j-trump-yemen>>

Сведения об авторах

Amarakoon Poojika — Assistant Professor, Open University of Sri Lanka

Andryushin Sergey — Vice Rector for International Affairs, St. Petersburg State University

Foglesong David — Professor, Rutgers University

Goncharenko Valeria — Ph.D. student, Russian State University for the Humanities

Liang Fushu — Researcher, D&C Think Institute at Beijing

Nikitina Ksenia — MA student, St. Petersburg State University

Pan Yanliang — MA student, Georgetown University

Pushkina Darya — Associate Professor, St. Petersburg State University

Romanov Roman — Ph.D. student, Russian State University for the Humanities

Shchegolev Evgeniy — студент факультета международных отношений СПбГУ

Shirayev Eric — Professor, George Mason University

Yadav Ranjitabh Singh — Researcher, Jawaharlal Nehru University

Алимов Андрей Алексеевич — доцент кафедры мировой политики СПбГУ

Альмуков Тимур — студент факультета международных отношений СПбГУ

Беспалов Константин — студент факультета международных отношений СПбГУ

Блохина Илона — студент факультета международных отношений СПбГУ

Богуславская Юлия Константиновна — доцент кафедры американских исследований СПбГУ

Бородкин Евгений — студент факультета международных отношений СПбГУ

Гарбузов Валерий Николаевич — профессор, директор Института США и Канады РАН

Гришанина Татьяна Александровна — аспирант кафедры американских исследований СПбГУ, преподаватель БГТУ «ВОЕНМЕХ»

Журавлёва Виктория Ивановна — профессор, заведующая кафедрой американских исследований РГГУ

Журавлёва Виктория Юрьевна — руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН

Зацепя Елизавета — аспирант кафедры американских исследований СПбГУ

Костина Виктория — студент факультета международных отношений СПбГУ

Коцур Глеб Владиславович — ассистент кафедры европейских исследований СПбГУ

Кубышкин Александр Иванович — профессор СПбГУ

Кузнецов Никита — аспирант кафедры американских исследований СПбГУ

Курлаева Александра — аспирант кафедры американских исследований СПбГУ

Курилла Иван Иванович — профессор, директор программы по развитию партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге

Лекаренко Ольга Геннадьевна — профессор Томского государственного университета

Минкова Кристина Владимировна — старший преподаватель кафедры американских исследований СПбГУ

Новикова Ирина Николаевна — профессор, декан факультета международных отношений СПбГУ

Павлов Владимир — студент МГУ

Печатнов Владимир Олегович — профессор, заслуженный деятель науки РФ, кафедра истории и политики стран Европы и Америки, МГИМО

Розулев Юрий Николаевич — директор Фонда изучения США имени Франклина Рузвельта, МГУ

Согрин Владимир Викторович — председатель Совета Российской ассоциации историков-американистов, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований ИВИ РАН

Сорокина Александра — студент факультета международных отношений СПбГУ

Строганов Михаил — студент факультета международных отношений СПбГУ

Сучков Максим Александрович — директор и старший научный сотрудник Центра перспективных американских исследований, доцент кафедры прикладного анализа международных процессов (ПАМП) МГИМО МИД России

Сытник Анна Николаевна — ассистент кафедры американских исследований СПбГУ

Трубицина Александра — студент факультета международных отношений СПбГУ

Хрулёва Ирина Юрьевна — доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки МГУ

Худолей Константин Константинович — профессор, декан-основатель факультета международных отношений, заведующий кафедрой европейских исследований СПбГУ

Цветков Иван Александрович — доцент кафедры американских исследований СПбГУ

Цветкова Наталья Александровна — профессор, заведующая кафедрой американских исследований СПбГУ

Шаклеина Татьяна Алексеевна — профессор, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем, факультет международных отношений, МГИМО МИД РФ

Ширяев Борис Анатольевич — почетный профессор и основатель кафедры американских исследований СПбГУ

Шулепова Елизавета — студент факультета международных отношений СПбГУ

Ярыгин Григорий Олегович — доцент кафедры американских исследований СПбГУ

Научное издание

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ:
СБОРНИК ДОКЛАДОВ XXX РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО
СЕМИНАРА В СПбГУ,
17–19 мая 2021 г.

Под редакцией

Н. А. Цветковой, Ю. К. Богуславской, Т. А. Гришаниной

Издательство «Скифия-принт»

197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. З. пом. 32-Н
тел. (812) 982-83-94

Подписано в печать 31.08.2022.

Формат 60×90 1/16. Усл. печ.л. 22,38. Заказ №14112.